ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №6 | 2022

Мария Холмогорова (Владивосток) | Тишина | 2020

Мария Холмогорова (Владивосток) | Ожидание состояния | 2018

На обложке: *Константин Кузьминых (Магадан)* | У моря (фрагмент) | 2020
На обороте обложки: Лестница в небо | 2020

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №6 | 2022

В номере

Д*и*Н время

Павел Большаков

3 В России должна быть своя Нобелевка

Александр Ломтев

5 Контрабандисты

Марат Валеев

13 Одноклассники, одноклассницы…

Анатолий Янжула

18 Река моего детства

Д*и*Н симметрия

Демьян Бедный

12 Советский часовой

Константин Бальмонт

17 Поединок

Александр Пушкин

25 Братья разбойники

Владимир Маяковский

32 Из поэмы «Пятый интернационал»

Эдуард Багрицкий

72 Октябрь

Кондратий Рылеев

104 Повсюду вопли, стоны, крики…

Александр Воронский

110 Алексей Толстой

Андрей Белый

114 Ты—тень теней

Павел Антокольский

172 Ты помнишь, Европа?

Саша Чёрный

182 Безглазые глаза надменных дураков

Елизавета Полонская

191 Баллада о беглеце

Д*и*Н диалог

Валерий Сухов, Александр Орлов

20 Поэзия Лермонтова—путь в русскую героику

Синяя тетрадь

Саша Казакова

22 Пора уходить мелодичному детству

192 Увидеть Землю целиком

Д*и*Н публицистика

Елена Заславская

23 Война поколений или поколения войны?

Д*и*Н стихи

Владимир Алейников

26 На выдохе, на вдохе, на рыданье…

Сергей Филиппов

29 Летят журавли

Андрей Ивонин

33 Ищу человека

Виктория Соловьёва

35 Дорогу тонкий завесил саван

Евгений Минин
111 Осень двадцать второго

Владимир Пономарёв
112 Нечаянные радости
и сбывшиеся сны

Радик Ахунзянов
115 Всё о том же

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

Николай Толстиков
38 Старая истина

Сергей Кузичкин
50 Из цикла рассказов
«Восхищение одержимых»

Рашит Закиров
59 Васи́лька

Николай Тимченко
73 Вторжение
в частную собственность

Марат Кулатаев
81 Зимние традиции

Олег Погасий
85 Трек

Елена Жарикова
118 Венькины камешки

Олег Лузин
123 Ссора

Артём Попов
126 Ботинок на мокром
асфальте

Вадим Деревянский
129 Шутка

Михаил Смирнов
133 Ангел мой

МОСТЫ НАД ОБЛАКАМИ

Камиль Дадаев
84 Раскалённые строки

Вячеслав Лютый
92 В том будущем, где не хранят вину

Игорь Муханов
96 Песни Уймонской долины

Максим Вельвич
102 Фантазия без границ

Д*и*Н РЕВЮ

Анатолий Вершинский
101 Разговор с Каллиопой и Клио

Д*и*Н АРТЕФАКТ

Альбина Мамаева
105 Не ждано, не гадано

Д*и*Н ПАМЯТЬ

Иван Захаров
122 На марше

Д*и*Н ДЕТЯМ

Марина Саввиных
141 Завещание «Минотавра»

Ната Игнатова
186 Эта удивительная планета

Д*и*Н ВЗГЛЯД

Владимир Замышляев
173 От Тигра и Евфрата
до Енисея

Нина Ищенко
183 Ветхий Адам
без нового Адама:
мир без Христа
в мультфильме
«Девятый»

194 Д*и*Н АВТОРЫ

199 Д*и*Н ГАЛЕРЕЯ

Павел Большаков

В России должна быть своя Нобелевка

В России должна быть своя международная премия «за содействие к преуспеванию наук, словесности и промышленности в своём отечестве»

Отечественные научные премии появились на семьдесят лет раньше нобелевских — в апреле 1831 года. Сегодня Нобелевская премия стала откровенно русофобской, и вручают её тем, кто чаще всего открыто поливает грязью наше Отечество и не скрывает своей ненависти к России. Достаточно назвать трёх лауреатов этой скомпрометированной премии: Михаил Горбачёв (1990), Светлана Алексиевич (2015) и достойный ученик Горбачёва — Дмитрий Муратов (2021). Не хочу уделять им ни строчки: не люблю предателей.

А учредил первую отечественную премию для учёных России граф Павел Николаевич Демидов (1789–1840) — потомок двух известнейших уральских династий: сын Николая Демидова и Елизаветы Строгановой. В 1831 году Павел Николаевич, камергер Его Императорского величества, учредил премию своего имени для учёных, «желая содействовать преуспеянию наук словесности и промышленности в своём отечестве». Идея в те времена была весьма патриотичной.

Право отбора кандидатов и присуждения премии было предоставлено Императорской академии наук в Санкт-Петербурге «как первому учёному сословию в государстве». Но при этом сами академики к премии не допускались.

Демидовская премия вручалась за уже опубликованные оригинальные сочинения на русском языке. Книги на других языках могли участвовать в конкурсе лишь тогда, когда «рассуждали о предмете, имеющем прямое отношение к России».

Современные историки и журналисты России называют данную премию беспрецедентной. А по знаковости и масштабу сравнивают с Нобелевской. Премия поощряла развитие только отечественной науки и литературы.

Среди награждённых премией — известные имена в истории России: исследователь Иван Крузенштерн (за картографический труд по Южному морю), физик Борис Якоби (за работу «Гальванопластика»), выдающийся доктор Николай Пирогов (за труд «Хирургическая анатомия»), Дмитрий

Павел Николаевич Демидов

Менделеев (за книгу «Органическая химия») и физиолог Иван Сеченов (за курс лекций «О животном магнетизме»).

Добавлю и почти забытые имена: выдающийся мореплаватель Фёдор Литке (за книгу «Путешествие вокруг света»); митрополит Иннокентий (Вениаминов) — миссионер и просветитель, бóльшую часть своей жизни прослуживший на Аляске и Алеутских островах (за издание «Записок об островах Уналашкинского отдела»); химик Карл Клаус, открывший на отвалах уральской платиновой руды новый химический элемент и назвавший его в честь России (за открытие рутения); известная детская писательница Александра Ишимова, современница и корреспондентка Пушкина.

Судьбы лауреатов Демидовской премии складывались весьма неожиданно. Занимательна биография лауреата 1858 года Иосифа Гошкевича. Он совершил плаванье в Японию на фрегате «Паллада» в качестве переводчика русской дипломатической миссии вместе с писателем Иваном Гончаровым (написал сборник очерков «Фрегат „Паллада“»). Результатом его путешествия стало создание русско-японского словаря. Он не только получил Демидовскую премию, но и стал первым российским консулом в Японии.

Не менее интересна судьба и лауреата 1851 года Михаил Рейнеке, получившего премию за «Гидрогеографическое описание Северного берега России». Но главной его заслугой было установление Кронштадтского футштока (футшток—это, грубо говоря, линейка с делениями, отмечающая высоту воды). Он был установлен в 1840 году под Синим мостом через Обводный канал, и его нулевая отметка соответствовала среднему уровню воды Финского залива за 1825–1839 годы. Эта отметка стала основой всех нивелировок в России. Отсчёт от неё ведётся и в наше время.

Демидовская премия существовала до 1865 года, пока не была учреждена Ломоносовская премия (1867–1918)—государственная академическая премия, учреждённая правительством Российской империи 8 марта 1865 года в память о заслугах, оказанных М. В. Ломоносовым отечественному просвещению.

В 1993 году Демидовская премия была возрождена по инициативе академика РАН Геннадия Месяца, возглавлявшего на тот момент Уральское отделение Российской академии наук. Инициативу поддержали правительство Свердловской области (в том числе губернатор Эдуард Россель) и уральские предприниматели. Был создан негосударственный Демидовский фонд (в 2018 году исполнилось двадцать пять лет), определена сумма премии в десять тысяч долларов США (кроме денег, лауреату полагаются диплом и золотая медаль в уникальном малахитовом футляре-шкатулке) и сформулированы новые правила присуждения премии. Возрождённые Демидовские премии присуждаются не за конкретную опубликованную книгу и не по личной заявке учёного, как в девятнадцатом веке, а за совокупный вклад в науку в одной из областей: науки о Земле, физика и математика, экономика и предпринимательство, гуманитарные науки. Будущие лауреаты определяются путём опроса специалистов каждой области. Эти подробности о возрождённой премии можно прочесть на сайте Демидовского фонда: http://demidov.uran.ru

За первые двадцать пять лет существования Научного Демидовского фонда премией были награждены выдающиеся русские учёные с мировыми именами: Толстой Никита Ильич (филология, 1994), Алфёров Жорес Иванович (физика, 1999), Прохоров Александр Михайлович (физика, 2001), Примаков Евгений Максимович (международные исследования, 2012).

Демидовская премия присуждается в Екатеринбурге Научным Демидовским фондом ежегодно в конце ноября. Премия вручается четырём учёным из России за выдающийся вклад в следующих областях: науки о Земле, физика, математика, экономика, гуманитарные науки, предпринимательство.

В 2021 году лауреатами Демидовской премии стали учёные, имена которых год назад назвал председатель Попечительского совета Научного Демидовского фонда академик Геннадий Месяц: Радий Илькаев (Саров, Нижегородская область)—советский и российский физик, специалист в области теоретической и экспериментальной ядерной физики, физики плазмы, лазерного термоядерного синтеза; российский физик и химик, доктор химических наук Юрий Молин (Новосибирск) и советский и российский физикохимик, доктор химических наук Анатолий Бучаченко (Черноголовка, Московская область) за выдающийся вклад в создание и развитие спиновой химии; Михаил Пиотровский—советский и российский историк-востоковед, арабист, исламовед, организатор музейного дела, с 1992 года—директор Государственного Эрмитажа. Все лауреаты—академики РАН.

И здесь я подхожу к главной своей мысли: почему бы сегодня, на пике патриотизма и поддержки нашего президента Владимира Путина, не учредить международную премию для учёных, общественных деятелей и писателей под названием «Международная русская Демидовская премия» (вариант—Ломоносовская)? И если сегодня мы соединим «времён связующую нить», мы в полной мере возродим преемственность поколений, науки и культуры, без чего наша Россия не скоро встанет в полный рост и не сразу обозначит себя локомотивом всего прогрессивного в науке и промышленности и всего традиционного в контексте христианских ценностей. И если буду услышан, в 2031 году будем праздновать двухсотлетие русской международной премии, отличной от русофобской Нобелевки.

Александр Ломтев

Контрабандисты

Документальное повествование с отступлениями «кстати»
(Некоторые имена и названия места действия изменены)

Памяти саровского журналиста, писателя, историка Игоря Макарова

Однажды тихим зимним вечером 2010 года я взялся, наконец, за давно запланированный разбор фотографий, блокнотов, кассет и документов, привезённых из командировок в Чечню, Абхазию, Приднестровье, Косово, Южную Осетию… Сортируя и убирая их в архивные коробки и папки, я с некоторой даже грустью думал, что теперь-то уж вряд ли мне доведётся когда-нибудь отправиться в «горячую точку» и хлебнуть адреналина. Конечно, конечно, война—дрянь. Но на войне с людьми что-то происходит, она словно рентгеном просвечивает сущность каждого, и ты почти сразу видишь, хороший перед тобой человек или так себе, с гнильцой. На войне—с автоматом ли в руках или с фотоаппаратом на шее и блокнотом в кармане—ясней понимаешь ценность товарищества и хрупкость жизни. Хемингуэй написал в своё время: «Те, кто сражается на войне,—самые замечательные люди, и чем ближе к передовой, тем более замечательных людей там встретишь…» Я проверил—старик Хэм прав…

Я рассматривал и складывал фотографии: вот башня грузинского танка, сорванная ударом снаряда и вбитая дулом в асфальт прямо у крыльца какого-то здания в Цхинвале; вот сапёры инженерной разведки под прикрытием автоматчиков прощупывают дорогу к Аргуну, куда я добирался с гуманитарным грузом; вот колючая проволока в сербской Грачанице, окружающая базу «белых касок»; вот фото учебника русского языка с застрявшей в корешке автоматной пулей из Приднестровья. Целились в человека, попали в русский язык… Теперь, кажется, настали мирные времена. Но… Война не отпускала.

1. Я с тобой!

—Мы тут собрали гуманитарку для Новороссии,—голос в телефонной трубке принадлежал лидеру саровских «лимоновцев» Никите Бахареву.—А вы, говорят, собираетесь туда. Может, захватите наш груз?

Собираться-то мы собирались. Но как? На дворе лето 2014-го, до признания республик Новороссии—годы. Местное начальство выжидающе посматривало на Москву, а Москва молчала… Аккредитаций никаких туда не было, как примут на границе, разрешат ли проехать—неясно, какой дорогой лучше добираться—непонятно…

—У меня есть телефон одного тамошнего человека, он проведёт через границу. Только…—замялся Никита.—Он как бы контрабандист.

Здрассте! Ну, контрабандист так контрабандист, и я записал номер.

Контрабандист был краток: гуманитарка? Проведём. Будете подъезжать—звоните, встретим…

За несколько дней до отъезда был обстрелян Донецк. Не украинский, а наш, что находится недалеко от Ростова-на-Дону, практически на границе. Само собой, журналистское естество требовало отправиться именно туда, а значит, и гуманитарку решено было везти в Луганск, до которого от Донецка меньше ста километров.

Дня за два до отправления, когда вместительный внедорожник KIA Mohave был под самую крышу забит пакетами с медикаментами, тюками с одеждой и обмундированием, коробками с продуктами, в редакцию влетел саровский писатель, историк-балканист Игорь Макаров и сказал:

—Я с тобой!

С Игорем мне доводилось поездить и по России, и по «зарубежам» немало. В последней нашей поездке в Сербию пришлось даже испытать некоторое приключение, о котором я потом рассказывал посмеиваясь, но в тот момент было не до смеха. Случилось это в косовской Грачанице.

Однажды в Грачанице

Одно дело ехать куда-то по туристической путёвке, так сказать, *all inclusive*, и совсем другое—в командировку в «горячую точку». Тут всякое может случиться. Дороги послевоенной Сербии не могли не привести нас в Грачаницу, что километрах в восьми южнее Приштины. Маленький сербский городишко с монастырём в центре, окружённый албанскими поселениями, жил словно в прифронтовой полосе. Тут и там колючая проволока, белые

каски миротворцев, брошенные дома и разлитое в воздухе неясное напряжение, тревога…

Эйфория, вызванная «приштинским броском», сходила на нет, и Игорь, мой спутник по сербским скитаниям, мрачно повторял:

— Ельцин Косово сдаст, вот увидишь.

Да, было похоже, что Косовский край будет отторгнут от Сербии, но кто бы знал, что это случится так внезапно?..

Уже перед самым отъездом решили мы с Игорем побродить по окрестностям. Нас предупредили: на территорию проживания албанцев лучше не заходить. Узнать можно по флагам: где сербские — там спокойно, где албанские — могут быть инциденты. Каменистыми узкими тропками забрались на какую-то горушку, с вершины которой якобы видно Албанию. Посмотрели: ну, Албания и Албания — те же холмы, поросшие рыжеватыми травами и редкими корявыми деревцами. Пока спускались, заговорились и свернули не на ту тропку. Вдруг заметили, что над домами, что рассыпались по склону, — сплошь красные албанские флаги. Смотрим, от одного дома наперерез нам идёт бородатый, брутального вида мужик с автоматом. Игорь, крикнув: «Бежим!» — припустил вниз, к шоссе. Я бежать что-то постеснялся, да и куда мне с хромой ногой? Мужик с автоматом поравнялся со мной и начал на ходу что-то говорить. Я решил, что не стоит отвечать ему по-русски или по-сербски, но и молчать было бы странно. Тут у меня как-то само собой вырвалось:

— Нихт ферштейн.

Так мы и шли почти до шоссе: он мне что-то «бла-бла-бла», я ему в ответ «нихт ферштейн». В конце концов он отстал.

Серб, сопровождавший нас в поездке, долго качал головой и цокал языком: мол, всё могло бы кончиться очень и очень нехорошо…

Утром, когда мы собирались уезжать на легковушке нашего сопровождающего в Косовску Митровицу, выяснилось, что Косово отделилось от Сербии и все КПП на границе заняли албанцы. Ехать на машине опасно. Решили, что отправимся из Приштины на рейсовом автобусе, который отвозит через границу на работу в Сербию и косовских сербов, и косовских албанцев. Всё-таки будем на виду у людей.

На КПП в автобус вошли двое албанцев — копии того брутального мужика с горы, тоже в бородах и с автоматами. Проверяли документы. Увидев наши с Игорем российские паспортины, принялись что-то кричать, чего-то требовать. Ясное дело, предъявив российский документ, глупо было прикрываться «нихтферштейном». Я улыбался и вежливо повторял, что не знаю албанского, просил позвать переводчика. Ситуация неприятно накалялась; спасло нас то, что вместе с албанцами на КПП стояли ооновские «белые каски». Один из ооновцев, увидев происходящее в окно, постучал по стеклу и погрозил пальцем. Албанец бросил нам наши паспорта и пошёл из автобуса. Мы тогда не знали ещё, как поступали иногда косовские албанцы с пассажирами одиноко проезжавших машин. Так что, может быть, нам с Игорем повезло, что наши органы не достались какому-нибудь европейскому миллионеру.

По дороге в Белград мы снова и снова переживали случившееся.

— Я же говорил, — качал головой Игорь, — сдадут Косово. Вот и сдали. Это всё равно как если бы у нас Куликово поле отобрали, понимаешь?

В Белград мы приехали поздним вечером, а утром улетели в Москву. День был ясный, безоблачный, я смотрел вниз, на пёстрое европейское лоскутное одеяло, а из головы всё не шёл тот бородатый мужик с «калашниковым»…

2. Хулиган, баптист и «достопримечательности»

От Сарова до Донецка чуть больше тысячи километров. Пустяк. Ехали через Тамбов по не сильно загруженным второстепенным дорогам, а на ростовскую трассу выбрались уже значительно южнее Воронежа. Тут-то величавым жестом полосатого скипетра и остановил нас инспектор ГИБДД. Глянул на документы, проверил страховку и долго рассматривал забитый грузом салон.

— Гуманитарку везём, — не выдержал паузы Игорь. — В Луганск.

— А документы на груз у вас есть? — задумчиво спросил инспектор.

Знал я, что такой вопрос может прозвучать, и, естественно, подготовился. Сунул ему в руки командировочные удостоверения и накладные с подробным перечислением везомого, украшенные синими печатями и жирными убедительными подписями.

Гаишник почесал бритый затылок полосатым жезлом, задумался. Потом вздохнул и махнул рукой в сторону Ростова-на-Дону: езжайте!

Солнце скатывалось к волнистой линии горизонта, когда показалась стела с надписью «Донецк», со скульптурами казака, ведущего на поводу коня, с одной стороны и шахтёра с отбойным молотком с другой. Въехав в город и сделав по нему несколько кругов, мы не увидели ни малейших примет какой-либо тревоги: работали магазины, кафе, по улицам гуляли мамаши с колясками — обычный рабочий день обычного российского городка. Правда, вскоре нас остановили сотрудники ГИБДД, да и то лишь потому, что примелькался загруженный джип с неместными номерами. Они и объяснили нам, как добраться до квартала, куда упали украинские снаряды. Как сообщала пресса тех дней, на окраине Донецка в частном секторе взорвалось семь снарядов, один из которых попал во двор

частного дома. Двое получили ранения, один человек погиб. Причём российские официальные лица заявили тогда, что «пограничные города вблизи Украины, которые, по утверждению Украины, использовались повстанцами, и до этого подвергались обстрелам со стороны украинских войск».

Мы нашли ту улицу и тот дом. Во дворе нас встретила только собака. Ну как встретила — смотрела на нас из-под табуретки недоумевающими слезящимися глазами. Хозяин её уже несколько дней лежал в могиле. Эта брошенная, бездомная теперь животинка смотрела на нас так по-сиротски беззащитно, что стала в тот момент для меня, может быть, самым пронзительным символом бесчеловечности войны.

Стоя над одной из воронок, Игорь Макаров сказал:

— Ты понимаешь, на каком историческом месте мы сейчас находимся? Это первое в новейшей истории место военного вторжения чужого государства на территорию России.

— Место обстрела, — поправил было я, но Макаров не согласился:

— Обстрел — это и есть военное вторжение. Последний раз территория России была обстреляна в 1969 году на острове Даманском во время советско-китайского конфликта. Сорок пять лет назад…

В этом захолустном пригороде Донецка не было абсолютно никаких достопримечательностей; зато теперь достопримечательностей целых пять — пять воронок от взрывов украинских снарядов. «Главные» — на улице Балтийской. Какое отношение эта корявая — колдобина на колдобине — улочка имеет к Балтике, совершенно непонятно. Да и не имеет это значения. Но именно здесь произошли главные события того трагического воскресного утра тринадцатого июля.

Есть такое расхожее словосочетание: «в голове не укладывается». Штамп, конечно, банальность, но ведь действительно — не укладывается. Утром простой русский человек Андрей Шулятьев вышел из дома на крылечко, чтобы покурить, посмотреть сквозь развесистые ветви старых деревьев на безоблачное небо, подышать не ушедшей ещё утренней свежестью, погладить приластившегося рыжего котёнка. Очередной день обычной жизни.

Но через секунду свист снаряда и взрыв в десяти шагах от крыльца. И ни в чём не повинный человек лежит, истекая кровью, на крыльце дома, иссечённый осколками, а рядом валяется его отрубленная куском рубчатого металла рука.

Человека похоронили, а воронка — вот она, зияет посреди двора.

Другой двор — и другая воронка. Всё вокруг посечено осколками, ещё одна перепуганная собачонка печальными глазами смотрит, как мы фотографируем воронку, осматриваем иссечённые осколками стены, трогаем пробитую в нескольких местах газовую магистраль.

Места, где в стенах зияют дыры от осколков, следователи обвели мелом. Все осколки извлечены. Нет, не все. Замечаю один, цветом слившийся со старой древесиной. Нахожу какую-то железку и выковыриваю осколок из доски. И вдруг понимаю, что точно такой же лежит у меня в редакции, привезённый когда-то из Чечни…

Подходят местные жители. Рассказывают, как это было.

Двое — два Николая — берутся проводить нас к дальним воронкам. Оба — шахтёры на пенсии, примерно одного возраста, одной комплекции и роста. Только один всё время беззлобно матерится, а второй то и дело его одёргивает.

— Ты в баптисты, что ли, записался? — сердится хулиганистый.

Так я их для себя и окрестил — Баптист и Хулиган.

Хулиган

— Во, смотри! Вишь, рельс перерубило; я тебе говорю, это шестикрылка, это же чугун. Я по Чечне помню. Взрывается не от удара о землю, а над землёй, чтобы живой силы побольше уничтожить. На триста осколков разлетается. Поэтому и воронки такие неглубокие. *(Всю ненормативную лексику из речей Хулигана я убрал, в ином случае объём этого текста увеличился бы втрое.)* Он же, Андрей, — мой кум, понимаешь?! Был человек — и нету. Ну, губернатор семье миллион выплатил, а что толку?..

Хулиган повёл нас задворками через бурьян к ещё одной воронке.

— Вот, смотри. Вон там, за забором, стоял Витёк. Вот он наклонился зачем-то, сорвать, что ли, что-то или поднять, и тут ка-ак рванёт! Его взрывной волной так и смело. Но ни одной царапины. Понимаешь, как повезло!

Тут хулиган вынул из кармана чекушку.

— Будешь? Нет? Тогда пойдём с другого края посмотрим, там тоже рвануло.

На «другой край» шли таким же бурьяном. На небольшом огородике, засаженном кукурузой, — голая плешь. Воронка.

— Бабки не было на огороде, а то бы и её…

Хулиган притащил нас к своему дому, дал напиться — очень кстати — холодной воды. Сунул Игорю Макарову пластиковый стакан с осколками:

— Мы их там после экспертов целый пакет насобирали…

Мы присели в тенёк абрикосового дерева, и Хулиган снова вынул чекушку.

— Будете? Ну, как хотите. Может, пообедаете? Ну, как хотите.

Под нескончаемый дуэт Хулигана и Баптиста к нам подходили местные.

— Комиссия? Нет? Ничего не говорят, будет какая компенсация или нет — неизвестно…

Присел рядом с Хулиганом паренёк лет девятнадцати, попросил закурить.
— Во! — обрадовался Хулиган. — Санёк — собирается в ополчение записываться с дружками.
— Правда? — спросили мы.

Паренёк скромно кивнул головой. Высказался в том плане, что, во-первых, «укропов» нужно наказать, во-вторых, тут всё равно делать нечего.

Баптист

Пока мы бродили по посёлку, Баптист успел рассказать нам и про то, как каждый день с вершины террикона наблюдал в бинокль жестокие бои ополченцев с «нациками» — бойцами украинской нацгвардии, и про то, как попал в шахте в аварию и серьёзно пострадал, как получил инвалидность и повышенную пенсию. И про события минувшего воскресного утра, естественно.
— Ко мне как раз гости из Москвы приехали, понимаете, — дочь с внуком. И тут как шарахнет! Сначала такой дальний хлопок, потом свист и взрыв! И по крыше будто кто-то шарики от подшипника бросил. Внук потом дня два с берушами в ушах ходил.

Внук баптиста — пацан лет десяти-двенадцати — стоял тут же:
— Нас дед сразу в соседний дом отдыха увёз на всякий случай.
— Ну да, — подтверждает баптист, — мало ли что, они же в гости, из Москвы приехали, а тут такое…

Словоохотливый Баптист рассказал нам и о «контриках». У меня термин вызывал только одну ассоциацию — контрреволюционеры. Но нет, местные «контрики» — это контрабандисты.
— Настоящей границы между Украиной и Россией тут никогда и не было. Через кпп Изварино ездили официально, а чуть в сторону — полно полевых дорог, по которым местные туда-сюда ездили как хотели. Ну и в голодные годы местные ребята возили «огородами» на украинскую территорию то, что у них в дефиците, а на нашу — то, что у нас. Я сам на них работал, в «уазики» и «Нивы» мешки грузил. Помню: мешок сахара — рубль. А потом даже два. Подрабатывал.

Человек, который взялся «затащить» нашу гуманитарку на украинскую территорию, и был одним их этих «контриков».

Разговор о «контриках» напомнил нам о том, зачем мы, собственно, приехали. Выбрав тенистую улочку, припарковались и принялись названивать нашему контрабандисту. Встречу он назначил на полдень завтрашнего дня, объяснив это тем, что ждёт ещё одну партию груза. Ну, раз такое дело, решили мы, с утра отправимся в лагерь беженцев, который заметили, ещё подъезжая к Донецку…

3. Лагерь беженцев

Голая степь. Ни деревца. На солнце — под сорок градусов. Если задувает ветер, по жёсткой сухой траве метётся пылевая позёмка.

Но ощущения унынья нет. А правильные аккуратные ряды больших военных зелёных и голубых эмчеэсовских палаток создавали ощущение порядка и надёжности. Люди шли в надувные модули администрации, в палатки медпунктов, в палаточные же столовые. Останавливались послушать очередное сообщение по громкоговорителю: «Кому необходимы российские сим-карты, подходите к оранжевой палатке с паспортом. Внимание: кому нужны российские сим-карты…»

Полевые кухни работали без остановки: питание здесь, как и положено, трёхразовое, а нужно накормить массу голодных людей. Условия, конечно, не курортные, но беженцы рады и этому.
— Уж лучше палатка, трёхразовое питание и возможность спасти детей, чем ночи в бомбоубежище без света, без еды, под взрывы, — говорят журналистам все как одна луганские женщины с детишками, стоя в очереди на обед в палатку-столовую.

Чтобы хоть как-то скрасить детишкам жизнь в лагере под палящем солнцем, эмчеэсники поставили для них бассейн.

На краю лагеря — «барахолка», сваленные на брезент вещи из гуманитарной помощи. Беженцы, в основном женщины, неторопливо роются в развалах одежды. С краю стоит девчушка лет десяти, задумчиво рассматривает на вытянутых руках джинсики. Проходящий мимо пацан её лет бросает презрительно:
— Опять ты здесь!

Девчонка в ответ ещё более презрительно фыркает…

Бродя по лагерю, я невольно вспоминал непробиваемую госпожу Псаки, утверждавшую, что Россия значительно преувеличивает число беженцев. Здесь их, как сообщил нам начальник лагеря, ежедневно бывает по пятьсот-шестьсот человек. В тот день, когда мы посетили лагерь, в нём было пятьсот тридцать два беженца. Живут они тут по три-четыре дня, потом разъезжаются либо по родным, либо туда, куда предложат миграционные службы. А на их место прибывают новые партии. Вот и считайте…

Уезжая из лагеря, мы оставили начальнику телефон саровской писательницы Любови Ковшовой, которая готова принять семью беженцев в своём доме в Гжатске…

4. За границу!

С самого приезда в Донецк все — и оба Николая с улицы Балтийской, и полковник мчс из лагеря беженцев, и гибэдэдэшники, — едва мы заговаривали о желании ехать в Луганск, махали руками и в один голос твердили: с ума сошли, ни в коем

случае! На краснодонском направлении снайперов как мух. Почти наверняка застрелят. Сколько там уже машин стоит, не прорвавшихся.
— Вот эта дорога через посадки идёт прямо на Краснодон,— показал на раздолбанный просёлок Хулиган.— В Краснодоне ополченцы, там не опасно. Но в том-то и дело, что до Краснодона вы не доедете. Ехать надо посадками, а там сейчас полно «нациков». Остановят, выведут в лес и расстреляют. Или снайпер…

Мы всё же решили рискнуть. Контрабандист ждал нас в условленный час в условленном месте.

Не нужно было какой-то особой наблюдательности, чтобы понять, что Контрабандист — человек бывалый и не чуждый «теневой» стороны жизни.
— Но как же,— искренне изумился Макаров, когда понял, с кем нам предстоит иметь дело,— контрабандист и ополченцы?!
— А по-твоему, контрабандист не может быть патриотом?

Не знаю, из чистого ли патриотизма действовал Контрабандист или имел какой-то «навар», мне он понравился. Деловой человек, чёткий.
— Так, едете за нашей машиной, на «точке» заберём ещё груз и «мафию».

«Мафия» на жаргоне «контриков» — добровольцы.

С переправкой в Луганск и украинский Донецк всё отработано. Все проверяются, всё обговаривается заранее, есть где заночевать, дожидаясь отправки очередной партии. Если нет документов, а многие специально оставляют документы дома,— не беда, переправка «на ту сторону» всё равно состоится. Совсем как во время гражданской войны в Испании, подумалось мне.

На «точке» — заросшем пустыре за окраиной Донецка — нас ждали; из разнокалиберных легковушек вышли и совсем молодые, и постарше крепкие мужчины с большими сумками. Добровольцы. Впрочем, оказалась среди них и одна совсем маленькая хрупкая девушка, Тоня, землячка — из Нижнего Новгорода.
— Много женщин у ополченцев? — спросил я Контрабандиста.
— Имеются. Одна — медсестра — в бою у «Металлиста» тридцать человек спасла, на себе вытащила из-под огня… А эта,— шепнул мне на ухо,— едет как медсестра, на самом деле — снайпер.

Брать нас с собой непосредственно в Луганск Контрабандист категорически не хотел.
— Нельзя вам ехать! Вчера ещё рискнул бы, а сегодня — нет. Очень опасно: ситуация обострилась, ополченцы разбили на этом участке «укропов», и их остатки бродят сейчас по зелёнке между Изварино и Краснодоном. Нарваться на них можно в любой момент. Но даже если проскочим, неизвестно, когда можно будет вернуться из Луганска, не факт, что сегодня или завтра кто-то пойдёт сюда, а сами вы не выберетесь, тут и местные, бывает, плутают. К тому же на своей машине с российскими номерами вы — стопроцентная мишень.

В конце концов отвёл меня в сторонку:
— Ладно, попробуем. Но два условия: если скажу поворачивать обратно — без споров-уговоров поворачиваете и возвращаетесь. Второе: вас здесь не было, и вы ничего не видели…
— Договорились.
— Ну вот, теперь вы тоже контрабандисты,— ухмыльнулся наш провожатый.

(Слово мы с Игорем не нарушили. Ни коллегам, ни близким ничего об этой авантюрной вылазке не рассказали. Но теперь, я думаю, это уже не имеет значения.)

Когда всё было готово к отъезду из «точки», Тоня, взяв меня за локоток, отвела в сторонку и, глядя в глаза, спросила:
— Я надеюсь, вы не из либеральной газеты? А то такую ерунду иногда пишут. Необъективно!

Я-то думаю, что объективной журналистики не бывает, да и быть не может. У каждого своя система координат, свои реперные точки. Другое дело, что есть честная журналистика. И заказная.
— Нет, не из либеральной,— успокоил я амазонку,— но на враньё просто не нужно обращать внимания. Делай что до́лжно, и пусть будет что будет. К тому же иногда журналист искренне верит в то, что пишет, не осознавая, что его незаметно и тонко не скажу — зомбировали, а — настроили.
— Как это — настроили? — фыркнула Тоня.— Человек не прибор, у него мозги имеются. Пример можно привести?
— Можно. Как-то в Чечне я познакомился с журналисткой из Чехии. Ивой её звали…

Ива

Поезд давно никуда не двигался. Он годами стоял на ржавых рельсах, которые прямой линией пересекали Пластилиновую долину. Пластилиновой долину в районе Ханкалы называли за глинистую тяжёлую почву, после каждого дождя превращавшуюся в вязкое липкое месиво. А когда стояла сухая жара, над долиной плавали клубы мелкой пыли. В плацкартных вагонах поезда устроили импровизированную гостиницу для журналистов. Утром по одному и группами они разъезжались по чеченским городкам и воинским частям, а к вечеру возвращались в свои вагоны на ночлег. Едва солнце уходило за неровную цепь дальних холмов, по вагонам проходил комендант и проверял, плотно ли занавешены окна со стороны степи. Оттуда по ночам постреливали. В некоторых стёклах ветер насвистывал в аккуратные дырки пулевых отверстий и колыхал байковые одеяла, выполнявшие роль светомаскировки.

— За насыпь не ходите,— с неустанностью попугая то и дело повторял комендант,— там мины. Позавчера там коза подорвалась…

Каждый вечер в купе, где мы бытовали вдвоём с норвежским телевизионщиком Мортоном, приходила молоденькая чешская журналистка Ива и затевала разговор на политические темы. А главной темой для неё была «Пражская весна».

— Русские — плёхо,— убеждала нас Ива.— Русским Европа никогда не простит подавления Праги, никогда! Русские и Чечню подавляют! Федералы — плёхо! Чечня борется за свободу, а русский солдат их погнетает!

— Угнетает,— флегматично поправлял её Мортон.

Иногда к нам присоединялись пожилой полковник из военной многотиражки и военный обозреватель из еврейской иерусалимской газеты.

— Ну и как вы тут с чеченцами?— спрашивал еврей полковника.

— Да вот уж лет триста воюем, а вы как там со своими террористами?

— А мы пока лет пятьдесят…

— Вы не должны сочувствовать русским,— обижалась на еврея Ива.— Вы должны быть за свободу Чечни! Федералы плёхо себя ведут! Пригнетают чеченцев, убивают мирных жители!

— А чеченцы федералов шашлыком кормят?— подавал иногда голос и я.— Знаешь, сколько русских людей гниёт сейчас в чеченских зинданах?

— Нисколько!— вскидывалась Ива.— Это пропаганда «Московского комсомольца», русские газеты врут! Пропаганда!

— Не наигралась ещё,— ворчал потихоньку норвежец,— делит ещё мир на хороших и плохих… Ничего, с возрастом это проходит…

— Не проходит!— упрямилась Ива.— Россия дикая страна, всем плёхо делает. И украинских патриотов Россия пригнетает!

— Угнетает… Я, кстати, не так давно работал на Западной Украине,— оживился норвежец,— послушал я речи местных националистов, послушал и сразу стал русский шовинист…

Мы пили коньяк, закусывали тушёнкой и говорили, говорили, говорили свои «политические разговоры». Иногда в ночи раздавался взрыв, или выстрел, или длинная очередь. Мы на секунду смолкали, прислушиваясь, и снова выпивали, закусывали и разговаривали… Незадолго до отъезда Иву взяли на «зачистку». Это, конечно, было против правил. Даже хуже, риск был слишком велик, но полковник отчего-то решил рискнуть. «Зачищали» аул по наводке «федерального чеченца». Предполагалось освободить трёх-четырёх рабов. В ауле в пятьдесят дворов из каменных сараев и земляных ям — зинданов — вызволили двадцать пять отощавших, завшивленных, заросших щетиной пленных. И старых, украденных ещё до начала войны, и молодых, взятых в плен солдатиков. Среди освобождённых оказалось и три женщины. Битые, регулярно насилованные, в обносках, они затравленно жались к военным до тех пор, пока их не привезли в Ханкалу. Всю дорогу они плакали и рассказывали, рассказывали о том, что с ними произошло, как их обманом вывезли в Чечню, как продавали и перепродавали… В тот вечер Ива к нам не пришла. Она лежала на второй полке своего купе и тихо плакала.

— Не надо её трогать,— останавливал норвежец сердобольных коллег,— пусть поплачет, это полезно, у ней сердце открылось…

5. Не доехали

Ехали действительно какими-то «задами» — оврагами, буераками, вдоль лесополос. Буксовали в канавах, продирались сквозь какой-то чапыжник, едва заметными колеями крались по косогорам. Контрабандист пересел к нам в джип и показывал загорелой рукой:

— Вон там, слева за холмами,— Изварино, дальше — Краснодон. Трассу отсюда не видно, но там по обочинам полно разбитых машин. Да и дорога вся в хлам. Мы попробуем через Суходольск проскочить.

Контрабандист вдруг схватил рацию, прокричал водителю передовой машины:

— Не гони! Пыль поднимаешь…

Вот эти слова как-то сразу настроили нас с Игорем на серьёзный лад, словно что-то переключилось в сознании. Вскоре мы потеряли счёт времени и ориентацию, мотающаяся в трёх метрах перед нами «Газелька» словно гипнотизировала. Ничего не происходило, но напряжение отчего-то росло. Нервничал и невозмутимый вроде бы Контрабандист.

— Не забыл, Лысое объезжаем слева, по овражкам,— бубнил в рацию Контрабандист. И уже нам:— Скоро въедем на высотку, оттуда уже увидим Луганск.

Луганск мы действительно увидели, когда по едва заметной на склоне холма колее въехали на какую-то горушку. Едва различимая в жарком мареве светлая полоска домов у горизонта в огромной, как нам показалось, чаше долины. Но тут зазвонил телефон Контрабандиста, и наша маленькая колонна остановилась. Контрабандист вышел и, отойдя от машины, о чём-то долго говорил с неведомым нам абонентом. Потом мы довольно стояли, пока к нам из «зелёнки», словно материализовавшись из ничего, не подкатила ещё одна «Газелька», и мы принялись перегружать наш груз в неё. Я всё понял: возвращаемся…

Подошёл Контрабандист:

— Нужно двоих на «точку» доставить. Возьмёте? Провожатого я вам дам. Это добровольцы…

6. Добровольцы

В дороге напряжённо помалкивали. Звонок Контрабандисту ничего хорошего не сулил. Однако

до «точки» добрались без происшествий, и все повеселели. Оказалось, что пятидесятитрёхлетнего танкиста из Хабаровска и пятидесятипятилетнего отставника из Казани нужно было «подбросить» до Ростова-на-Дону. Дорогой разговорились.

— В армии Новороссии ныне воюет два вида бойцов — ополченцы и добровольцы, — растолковывали нам пассажиры. — Ополченцы — местные жители, они дали присягу ДНР и ЛНР и официально считаются проходящими службу. Со всеми вытекающими. Добровольцы — люди, приехавшие извне. Они присягу не дают и могут уехать с войны в любое время, заранее предупредив командира.

— Откуда они?

— Из России, в том числе с Кавказа, из Белоруссии; говорят, то ли уже прибыла, то ли вот-вот прибудет целая группа из Германии. В нашем отряде воюет один югослав...

— О, серб? — оживился балканист Макаров. — Как его зовут, откуда он?

— Ну кто же знает? — пожал плечами доброволец. — Там никто никого не спрашивает об этом. Просто зовём его Югославом, и всё...

И я в который раз вспомнил о гражданской войне в Испании, об интербригадах, вспомнил старый советский фильм «Парень из нашего города» с Николаем Крючковым в главной роли, где его герой, попав в плен, выдавал себя за испанца, а хитрый немец говорил: мол, какой ты испанец с такой рязанской рожей?..

— Я вот не понимаю, — выдал вдруг некстати Игорь, — в чём разница между добровольцем и наёмником?

Казанец сначала нахмурился, но потом взял во внимание сугубо штатский вид Игоря и стал втолковывать:

— Наёмник приходит воевать в чужую страну, как правило, по одной из двух причин: или из-за денег, или из-за адреналина...

— Или по обеим причинам сразу, — вставил немногословный танкист. — И ему нас...ть и на тех, за кого он воюет, и на тех, против кого. Это для них или заработок, или развлечение такое — охота как бы...

— А мы тут на своей земле, на русской, мы не за деньги, мы за Родину воюем, — подхватил казанец.

Хоть и очень неохотно он рассказывал о себе, но всё же стало ясно: профессиональный военный, причём явно из спецслужб. Да, был в Афгане, да, доводилось в Чечне, ещё кое-где...

— Где?

— ...

Он беспрерывно кашлял, не помогала ни вода, ни конфеты-«сосучки».

— Подозреваю я, что «укропы» что-то распыляли, у нас все поголовно кашляют. Точно какую-нибудь дрянь распылили...

— Сколько там наших, из России?

— По моей оценке, в луганской группировке процентов пятнадцать, остальные местные. Неприятно видеть, как здоровые мужики бегут из Луганска в Россию, а наши ребята едут сюда за них воевать. К Путину ополченцы хорошо относятся, на него вся надежда. Да и помощь кое-какая есть... Сейчас с медикаментами нормально стало, много прислали из России, а вот с питанием похуже, и снаряжения не хватает. Если новую партию собирать будете, имейте в виду, что обмундирование очень нужно, разгрузки, бинокли, приборы ночного видения...

Танкист между тем задремал, и Казанец тихонько рассказал нам о нём:

— Танкист от Бога, горел три раза — и ничего. Бурят — его позывной был.

Потом, вернувшись домой, я «по горячим следам» написал рассказ.

Бурят

Что это было, Бурят так и не понял. То ли пуля из крупнокалиберного, то ли осколок. Факт тот, что голова разлетелась, как арбуз. Однажды на пикнике он выстрелил в арбуз картечью из «Сайги», и тот разлетелся вдребезги. Вот так же разлетелась голова Командира. Бурят несколько секунд бессмысленно смотрел, как по его комбинезону стекает медленная кровь вперемешку с мозгами Командира, но тут по броне снова ударило, и он очнулся.

Водитель застывшими глазами смотрел на тело Командира и не двигался. Буряту пришлось отвесить пару оплеух, чтобы тот пришёл в себя и отвернулся к рычагам.

Дальше всё было обычно. Их танк шнырял по переулкам, выцеливая бэтээры или скопления противника, они в кого-то попадали, попадали и в них, но танк не загорался, и пробоин не было...

Хоронить Командира увезли в Россию, он был не из ополченцев, а из добровольцев.

Командира не стало — и ничего не изменилось: они теснили нацгвардию, нацгвардия теснила их. Иногда удавалось посмотреть телевизор; там то же самое: ополченцы Луганской Народной Республики разбили колонну украинской техники, уничтожено три бэтээра. Кто-нибудь поправлял: пять!

И только дня через три или четыре Бурят догадался, что совсем не спит. Это было даже удобно — спать было некогда, техники не хватало, а из рации то и дело неслось: «„Укропы“ со стороны Краснодона! Поддержите огнём!» И нужно было лететь на другой конец Луганска, чтобы заткнуть очередную брешь. Но потом он вдруг стал засыпать на ходу. Это было уже хуже. Однажды он заснул прямо среди боя, и водитель едва растолкал его.

После этого его отправили домой. Его посадили на пробитую пулями и осколками «Газель», и та

покатилась «задами» и «огородами» к российской границе.

Бурят трясся на жёсткой скамейке, по привычке высматривал в зелёнке «укропов» и думал, думал, думал, как он будет жить дальше.

На окраине Ростова ополченцев ждали на местной легковушке.

— Я туда обязательно вернусь,—сказал казанец, прощаясь с нами.—Всё ещё долго будет продолжаться…

На обратном пути Игорь уговорил меня проехать через Урюпинск. Это был хоть и небольшой, но крюк. Километров в двести лишних.

— Ну что такое двести километров, когда мы больше тысячи отмахали?—настойчиво убеждал меня приятель.—Интересно же, чем эта столица российской провинции так нашим юмористам приглянулась.

Мне вдруг вспомнилось, что именно в Урюпинске герой повести Шолохова «Судьба человека» Соколов нашёл и усыновил беспризорного Ванятку. И я сдался: действительно, двести километров—туда, двести—сюда…

По дрянной петлястой сколиозной дороге протряслись часа два, пролетели мост через Хопёр—и вот он, Урюпинск. Не знаю, чего от этой встречи ожидал Игорь, но хоть и делал он вид, что доволен, разочарование явно читалось на его лице.

— Увидеть Урюпинск и умереть,—произнёс вдруг Игорь, разглядывая деревянные домишки пригорода и хрущёвских времён жилые и административные строения…

…Уже когда мы вернулись в Саров, стало известно, что украинская нацгвардия вышла на трассу Донецк—Луганск. Так что слова Контрабандиста про «застрять на неделю» оказались пророческими.

«Вчера противник перерезал последнюю основную трассу, связывавшую Донецк с Луганском и, соответственно, с Россией,—сообщил командующий донецким ополчением Игорь Стрелков.—Опорные пункты противника расположены теперь в посёлках Белое и Весёлая Тарасовка. Сейчас укры поспешно закапывают в землю несколько десятков танков и БМП, чтобы исключить возможность прорыва обороны…»

Сегодня я поневоле вспоминаю слова Игоря, сказанные в шутку: «Увидеть Урюпинск и умереть». Несколько лет назад он вышел на стадион размяться, упал и умер—тромб, кажется… Я думаю, будь он жив, двадцать четвёртого февраля обязательно влетел бы, возбуждённый, в редакцию и сказал бы: «Видишь, рано или поздно справедливость торжествует. Я ведь говорил…»

ДиН СИММЕТРИЯ

Демьян Бедный

Советский часовой

Заткало пряжею туманной
Весь левый склон береговой.
По склону поступью чеканной
Советский ходит часовой.

Во мгле туманной берег правый.
За тёмной лентою Днестра
Припал к винтовке враг лукавый,
В чьём сердце ненависть остра.

Кто он? Захватчик ли румынский?
Иль русский белый офицер?
Иль самостийник украинский?
Или махновский изувер?

Пред ним, дразня его напевом
Рабочей песни боевой,
На берегу на том, на левом,
Советский ходит часовой.

Лукавый враг—стрелок искусный,
Послал он пулю, знал куда.
Но не ушёл убийца гнусный
От справедливого суда:

В кругу ль убийц, ему подобных,
Наедине ли, всё равно,
Под вихрь и чувств и мыслей злобных
Ему мерещится одно:

Там, над Днестром, во мгле туманной,
Всё с той же песнью боевой,
Всё той же поступью чеканной
Советский ходит часовой!

1922

Марат Валеев

Одноклассники, одноклассницы…

Всё никак не доходили руки написать о своих одноклассниках, с которыми я окончил в 1967 году нашу скромную Пятерыжскую восьмилетнюю школу на северо-востоке Казахстана, недалеко от границы с Омской областью.

Я умудрился остаться на второй год прямо в первом классе, потому что в начале учебного года родители сорвались и зачем-то уехали на Урал. Со мной, конечно, и с моим младшим братом. Но не прошло года, как семья наша вернулась обратно (жизнь на новом месте не заладилась), и я снова пошёл в первый класс, так как на Урале меня в школу почему-то не устроили. К своему удивлению, я вновь обнаружил несколько пацанов, с которыми начинал учиться в том первом классе,—тоже остались на второй год!

Впрочем, в этом ничего необычного не было. Ротация учащихся в нашем классе, как и в других, шла постоянно. Кто-то оставался от класса повыше и переходил к нам, а кто-то, наоборот, отставал от нас. Иногда поступали новички: самый яркий пример тому был Володя Гончаров, поскольку он остался с нами до выпуска. А как-то в наш класс распределили несколько детишек из цыганских семей, которые в шестидесятые поселились у нас в селе в рамках государственной программы перевода этого вечно путешествующего народа на оседлый образ жизни. Но не получилось, и семьи эти однажды снялись и уехали, а с ними, понятно, и незадавшиеся цыганские ученики, и я даже не помню, сколько их у нас было. Учились с нами и юные казахи, но к выпуску по разным причинам в нашем классе их не осталось.

Так вот, в первый класс я пошёл в 1959 году, через четыре дня после того, как мне исполнилось восемь лет. Школа наша тогда ещё не имела капитального постоянного здания и была размещена в двух помещениях. Первый класс занимал бревенчатое здание, когда-то бывшее чьим-то жилым домом на две комнаты—кухню и горницу. Мне до неё было идти совсем недалеко, по-моему, всего лишь через дорогу перейти. Помню и первую свою учительницу, Елизавету Ивановну Катаеву. Остальные классы занимались в помещении побольше и в другом месте. А примерно через годдва у нас появилось уже постоянное новое здание школы, со своей мастерской, с пришкольной

территорией, на которой мы, ученики, высаживали молодые деревца, кустарники, что-то еще и проходили здесь летнюю практику (а в том помещении, куда я впервые пошёл в школу, затем разместили ФАП).

Вот в этой школе я и проучился со своими одноклассниками до выпуска в 1967 году. С той поры прошло уже пятьдесят пять лет! Мне самому пошёл уже восьмой десяток (а если быть точнее, двадцать шестого августа исполнился семьдесят один год). Что ни говори, а это возраст. И, к сожалению, до сегодняшнего дня не дожили девять моих одноклассников, все парни. За них небо пока коптим мы вдвоём с Володей Гончаровым. И потому, я думаю, пришла уже пора посвятить каждому из наших прежних мальчишек и девчонок хотя бы по несколько строк. Ведь мы провели вместе целых восемь лет, а в то время это была половина нашей небольшой ещё жизни! Мы росли на глазах друг у друга, менялись, взрослели. Конечно, очень хотелось бы увидеть, какими стали все сейчас. Но иных, как говорится, уже нет, а те далече. К сожалению, нас всех рано разбросало после окончания восьмилетки кого куда, и я о дальнейшей жизни и судьбе многих своих одноклассников мало что знаю.

Итак, начну свои заметки-представления одноклассников в алфавитном порядке.

И тут сразу предо мной виртуально встают в ряд три сестры *Анисимовых — Валентина, Любовь и Людмила*. И хотя сёстры они вроде двоюродные, тем не менее были, конечно же, очень дружны. И все хорошо учились.

Валю я почему-то помню слабо. Она была милой скромницей с длинными косичками, особенно ничем среди сверстниц не выделялась, разве что была повыше немного своих сестёр. Но зато у неё был «влиятельный» родственник — её старший брат Пётр Александрович Анисимов, наш преподаватель географии и истории. Замечательный человек и педагог. Как он увлекался, когда рассказывал нам свой предмет! Мог подолгу говорить о вещах, относящихся к теме урока, но не входящих в учебную программу. И мы до того его заслушивались, что порой не обращали внимания на звонок, извещающий о перемене. Как же была велика моя скорбь, когда, вернувшись из армии, я как-то пошёл на наше сельское кладбище навестить тех, кто ушёл в моё отсутствие (а в селе меня не было три года), и внезапно наткнулся на могилу… Петра Александровича. Поражённый, я не выдержал и тут же расплакался. Стал позже выяснять подробности — сердце, инфаркт. Ему, по-моему, было всего сорок с небольшим.

Ещё одна Анисимова — Люба, общепризнанная школьная красавица, умница, отличница. По-моему, не было среди мальчишек того, кто не был бы в неё влюблён. Но как-то так, по-тихому. Люба на моей памяти ни с кем из сверстников не дружила. Да и внимания ни на кого не обращала — некогда ей было, оставаться всё время в отличницах — нелёгкий труд. Став взрослой, Люба вышла замуж за односельчанина немного старше её, работала в детском саду в Железинке. Как-то я даже навестил их, когда находился по заданию редакции в посёлке автобазы, где они и жили. Конечно же, у Любы с Вениамином и дети есть, и внуки, и дай Бог им всем только хорошего!

Люда Анисимова запомнилась мне как очень бойкая и живая такая девочка. Она стала медиком и много лет проработала заведующей фельдшерско-акушерским пунктом села Урлютюб, всего в нескольких десятках километров от родного села. Во время работы в районной газете мне не раз случалось заезжать в Урлютюб и иногда удавалось свидеться с Людой, пообщаться. Она и сейчас живёт в Урлютюбе, и, говорят, её здесь очень уважают — многим она помогла как медик и просто как человек.

Володя Гончаров. Он появился у нас в Пятерыжске с родителями, переехавшими из Белоруссии. Парень очень спокойный, бесконфликтный, легко влился в небольшой коллектив нашего третьего класса. Со временем выяснилось, что Володя обладает замечательным музыкальным слухом и хорошо играет на аккордеоне, увлекается фотоделом. После выпуска мы все разъехались кто куда: кто — учиться дальше, в средней школе, кто — уже получать какие-то специальности в различных училищах или техникумах. И через какое-то время вновь стали объявляться в родном селе. Володя тоже. И — сенсационно для всех нас — стал работать в пароходстве и ходил по Иртышу на речных судах в качестве рулевого, механика. И не раз случалось, когда его судно проходило мимо родного села, он через громкоговоритель приветствовал земляков, а при случае даже находил повод уговорить капитана бросить якорь и смотаться в село за картошкой для экипажа, ещё для чего-нибудь.

Через какое-то время Володя перебрался жить в Алма-Ату, устроился в таксопарк и бессменно крутил там баранку десять лет, причём — без единого замечания со стороны руководства. Я, когда учился в КазГУ, неоднократно навещал одноклассника. А как-то он даже во время моей экзаменационной сессии приютил меня на несколько дней, пока я не перебрался жить в дом отдыха «Каргалинка» (купил путёвку на время учёбы). Мы и сейчас с ним общаемся, и хотя между нами тысячи километров, для современных средств связи это не помеха.

Фёдор Завальский. Запомнился очень спокойным, добрым и отзывчивым пареньком. Правда, не помню, чтобы в школе мы с ним особенно тесно общались, и потому много о нём сказать не могу. Уже зимой 1971-го совпало так, что я только пришёл из армии, а Фёдор приехал в отпуск. Он служил на подлодке и был просто великолепен в своём флотском обмундировании. Мы тогда с ним крепко подгуляли. Фёдор пил не меньше меня, но оказался на удивление крепче и выносливее и сопроводил меня домой. Знаю, что после армии Фёдор работал в Тюмени на судоремонтном заводе, всё у него вроде складывалось хорошо. Но тесное общение с ядовитым топливом, которым заправлялись торпеды на подлодке (а Фёдор как раз этим и занимался во время службы) не могло не сказаться на его здоровье. Он ушёл из жизни в пятьдесят с небольшим лет…

Людмила Кадирова. Её родители дружили с моими, нередко гостили друг у друга. Если бы Люда была парнем, мы бы, возможно, на фоне приятельских отношений наших мам и пап тоже сдружились, а так — нет. Были просто ровные отношения — там, здравствуй, до свидания. И я больше знаю о её старшей сестре Наташе, чем о ней. Тут всё просто: Наташа со своим мужем Вячеславом переехали из совхоза «Советский Казахстан» в Экибастуз, где в это время уже жил я. И, естественно, как земляки, мы не могли не общаться. О Люде же мне известно, что она жила в Алма-Ате и работала в детском саду. Как-то мы с Володей Гончаровым в восьмидесятые годы приехали её даже навестить.

Володя говорит, что мы тогда свиделись, а у меня почему-то этот момент вылетел из памяти. Сейчас Люда со своей семьёй живёт в Волгограде, и дай Бог моей однокласснице, чтобы у неё всё было хорошо.

Александр Карпенко. Помню его очень шустрым, подвижным, компанейским, всегда улыбающимся. Парень простой, без особенных претензий. После окончания восьмилетки учился в одном из профтехучилищ в Павлодаре, работал на ряде предприятий. Изредка наезжал в Пятерыжск, и мы тогда с ним виделись, общались. Ну, разговоры такие, что ни о чём и обо всём. Вспоминали школьные годы, касались темы будущего. К сожалению, жизнь Сашки оборвалась, причём трагически, очень рано.

Примерно в таком же возрасте, и тоже трагически, ушёл из жизни и другой наш *Александр—Ковалевский.* Самое интересное, в школе мы с ним общались мало. Сашка тоже был очень шустрым, даже где-то хулиганистым пацаном. От его проказ на грани нервного срыва бывал не один наш учитель. Его нередко удаляли с уроков, да Сашке это было только на руку—улица была его родной стихией. Я же был, так сказать, немного другого склада, больше предпочитал уединение, так как очень любил читать, и только другое любимое занятие—рыбалка—могло оторвать меня на какое-то время от книги. Так что общей компании у нас с Сашкой практически не было.

Но после прихода из армии мы не то чтобы сдружились, а как-то сблизились, что ли. Александр жил в Павлодаре, работал водителем служебного автобуса, был и таксистом. А я трудился в райцентре. Тем не менее мы виделись. Он как-то подвозил меня на своём такси в Павлодаре, когда я там был по делам газеты (конечно, бесплатно, выключив счётчик). Потом я как-то даже заночевал у него дома, тогда Сашка жил с матерью и копил деньги на кооперативную квартиру. И он бывал у меня в Железинке, когда находился в командировке, и жил у меня, кажется, пару дней, носил на руках мою маленькую тогда ещё дочку и говорил, что тоже скоро может жениться. Но всё оборвалось внезапно: Сашку кто-то смертельно ранил ножом, когда он возвращался вечером с работы в Павлодаре…

Леонид Косарев. Вот с ним я точно какое-то время дружил в школе. Мы тогда жили по соседству, часто бывали друг у друга дома, вместе участвовали в уличных играх. Случалось, что и ссорились, и даже дрались, я уже даже и не помню из-за чего. Но почти тут же мирились. Пытались поддерживать отношения и после службы в армии. Лёнька тогда уже жил в Иртышске. Но я узнал его адрес и нашёл там, и мы с ним «зависли» у него на несколько дней. Родители мои забеспокоились, приехали за мной через скованный льдом Иртыш на санях и увезли, шибко «уставшего», домой в Пятерыжск.

А уже когда я жил и работал Экибастузе, Лёнька нашёл нашу редакцию и неожиданно возник одним из летних дней на пороге моего кабинета! К сожалению, у меня была срочная работа (надо было сдавать оперативный материал в номер), а Лёнька не мог меня ждать здесь, в редакции,—он, как пояснил, приехал на бензовозе, и ему надо было то ли загрузиться, то ли разгрузиться. Я дал ему свой адрес, и он пообещал к вечеру заскочить. Но так и не заехал. И больше мы с ним, увы, не виделись. Лёнька тоже ушёл рано, не дожив до пенсии. Ехал на работу в служебном автобусе, когда его прихватил сердечный приступ…

Николай Кутышев. Рослый для своего возраста, крепкий и шумный парень. У многих из нас были клички. Так вот, у Кольки их было аж две—Кутя и Барсик. Ну, почему Кутя—понятно: производное от его фамилии. А за что его назвали ещё и Барсиком—хоть убей меня, не помню. Он был одним из немногих наших парней, кто после армии остался жить и работать в родном селе. Николай был водителем, я сварным. У нас в школе в это время появились две новые молоденькие учительницы, обе немочки. Вот за ними мы и приударили. Гуляли вечерами по деревне при луне, ходили на танцы и так далее. Правда, у нас с Валентиной ничего путного не получилось, мы расстались—я к тому времени уже жил и работал в райцентре и в родное село наведывался всё реже и реже. Николай же на своей девушке Марине женился, и они впоследствии уехали в Германию. И жили там довольно долго и счастливо, о чём можно было судить по фоткам в «Одноклассниках». Но, к сожалению, сегодня и Николая уже нет среди живых.

Евгений Лежень. Симпатичный такой, совершенно бесконфликтный парнишка. С ним мы какое-то время дружили, он бывал у нас, я у них, даже уроки, случалось, делали вместе. Однажды произошла очень неприятная история—Женьку укусила наша собака. Она была на цепи, но каким-то образом дотянулась до его ноги и тяпнула. И довольно сильно—Женьку потом даже возили на перевязки в наш ФАП на санках. Но это ЧП не испортило наши отношения—не я же укусил Женьку! И наша дружба ещё какое-то время продолжалась.

После выпуска из восьмилетки мы все разъехались кто куда. Женька осел в Павлодаре, получил там специальность, связанную с сантехникой. И спустя несколько лет, когда я уже жил и работал в Железинке, мы с ним встретились в Павлодаре. Причём совершенно случайно: я сошёл с трамвая на остановке, и в это же время рядом остановилась аварийная спецмашина-летучка. Из неё вышли несколько рабочих. И среди них я увидел

Женьку! К сожалению, мы успели переброситься всего лишь парой фраз — он с бригадой спешил на устранение аварии. И, как оказалось, виделись мы с ним в последний раз. Через несколько лет, совсем ещё молодым, мой одноклассник ушёл из жизни из-за неизлечимой болезни…

Валерий Писегов. Отец его был танкистом во время войны, а вернувшись домой, сел за рычаги уже мирной стальной машины — гусеничного трактора — и много лет отдал земледелию. Я, кстати, став журналистом районки, даже написал о нём очерк. И Валера уже с детства увлекался механизмами. У него дома в тенистом, усаженном клёнами палисаднике, как я помню, было полным-полно самодельных сельхозмашин, изображающих трактора, комбайны, какие-то прицепные орудия. И он с увлечением ими играл, перекапывая и перепахивая палисадник. И как само собой разумеющееся, окончив школу, Валера получил профессию механизатора.

Полученные навыки он осваивал и приобретал необходимый опыт на полях Талды-Курганской области. Трудился на совесть, от души и выбился в передовые механизаторы области, о нём писали местные газеты. Володя Гончаров, который дважды его навещал (Алма-Ата ведь недалеко от посёлка Текели, где в последнее время жил Валера), рассказывает, что за достигнутые успехи его даже якобы представляли к званию Героя Соцтруда. Но что-то там не срослось — тогда ведь всё делалось по разнарядкам, и Звезду Героя отдали другому человеку, отвечающему требованиям разнарядки. Тем не менее у Валеры есть другие награды за его самоотверженный труд. Он был даже избран депутатом областного совета, а такой чести удостоиться очень непросто. Вот таким Валера Писегов и остался в памяти тех, кто его знал: целеустремлённым, трудолюбивым. Ушёл он из жизни в пятьдесят пять лет, после болезни от травмы, полученной на производстве.

Николай Таскаев. В нашем небольшом селе Таскаевых Николаев было несколько, и чтобы не путать их, им были присвоены клички, или, если хотите, псевдонимы. Были Николай Первый и Николай Второй. А моего одноклассника одно время называли ласкательно Колей Раечкиным — по имени его мамы (кстати, меня тоже называли какое-то время Хасаном — говорят, был очень похож на отца. А сейчас удивляются: до чего ж ты похож на свою маму!). Позже его переименовали в Аркашу. И совершенно не могу объяснить и не помню, почему именно Аркаша. Так мы его и называли и в школе, и после школы.

Николай был невысокий, но такой крепенький и неспешный и в разговоре, и в движениях. Тем не менее он очень азартно играл в футбол, участвовал в других подвижных играх. Учился, как это принято говорить, средне, как и все мы, пацаны, — кто немного лучше, кто похуже. Но за усердными девчонками нам было не угнаться. После армии Аркаша тоже остался на довольно продолжительное время жить и работать в деревне. Он стал неплохим механизатором. Женился Николай на местной девчонке, красавице Абдухаковой Галине. И я был гостем у них, когда они праздновали появление на свет дочери Алёнки, и даже посвятил этому событию что-то такое стихотворное на бумаге, которую и вручил счастливым молодым родителям.

Общались мы с Николаем довольно часто, когда я приезжал на выходные из райцентра в деревню, и я сохранил о нём самые тёплые воспоминания. Он переехал с семьёй на Тюменщину, по-моему, в Нефтеюганск. Там и остался навсегда.

Геннадий Шаламов. Мы теперь с ним в некотором роде родственники: мой младший брат Рашит ещё в семидесятые женился на дочери его дяди, Светлане Шаламовой. Но в этом качестве мы так и не пообщались: Генка к тому времени уже жил и работал на Кубани, и если и наезжал иногда в наш Пятерыжск, я его не видел, так как сам в то время жил в райцентре, а ещё несколько лет спустя — в Экибастузе. Но однажды приехал навестить родителей в родное село и был огорошен печальной вестью: Геннадия только что похоронили. Как раз шли поминки, я выразил соболезнования Генкиной жене Амалии, его пятерыжской родне, ну и выпил стопку-другую за помин души своего одноклассника. Он работал водопроводчиком или что-то типа этого, и когда устранял течь в трубе, его неожиданно завалило грунтом, обвалившимся в траншею.

В сознании никак не укладывалось, что Генки больше нет. Озорного, заводного, не боявшегося самому устраивать или участвовать в различного рода проказах и шкодах. Его растила только мама, тётя Вера, и ей непросто было с ним. Хотя она порой и не стеснялась в средствах воспитания. Помню, как-то Генка приладил к столбу проволочную петлю, просунул в неё ногу и захотел взобраться с её помощью до самого верха (кстати, многие из нас это делали — так, забавы ради). Но Генке в тот раз не повезло. Взобравшись на высоту где-то метра полтора-два, он сорвался и повис на этой самой петле вниз головой. Находившиеся рядом пацаны не знали, как его снять. Кто-то пошёл звать взрослых. И первой прибежала тётя Вера, с хворостиной в руках. И пока мужики разыскивали и подтаскивали лестницу, она хорошенько отходила своего непутёвого сынка этой самой хворостиной. Конечно же, Генка на какое-то время успокоился. Но ненадолго — его сущность, наполненная кипучей энергией, не терпела скуки. Кстати, Геннадий стал прототипом героя одного из моих рассказов — «Нож».

Ну и, наконец, *Таисия Чабан*. Извини, Тасенька, что я замыкаю тобой эти нехитрые заметки о своих одноклассниках и одноклассницах. Но тут всё по-честному, по алфавиту, как и я предупреждал выше. Хотя ты для меня была и остаёшься одним из лучших одноклассников. Всегда весёлая, отзывчивая, добрая, да к тому же привлекательная — не совру, если скажу, что Тасе симпатизировал весь наш класс.

У неё были замечательные родители. Про её отца, дядю Андрея, отважного и решительного бойца-фронтовика, я как-то даже написал — сначала в нашей районной газете, потом в областной, ну и сейчас ещё где-то в сети можно найти небольшой очерк под названием «Фронтовики», в котором фигурируют он и ещё один участник войны. А с её братом Василием мои родители жили через стенку в двухквартирном доме и хорошо ладили между собой как соседи.

После школы Тася сама стала преподавателем, уже называлась Таисия Андреевна, жила и работала учительницей в одном из крупнейших сёл Железинского района — Михайловке, кстати, также в своё время бывшей райцентром. С Тасей мы общались иногда, когда встречались в Пятерыжске: она — правда, редко, всё же больше сотни километров надо было проехать, — приезжала навестить своих родных. Никогда не забуду, как она однажды приютила меня у себя в Михайловке на денёк, когда я приезжал туда в командировку. У меня было место в гостинице, но Тася сказала: к нам, и никаких. Посмотришь, как я живу, поговорим. Меня тогда в её семье замечательно приветили.

А сейчас мы с ней, да ещё Вова Гончаров — единственные из соучеников, кто продолжает довольно активное виртуальное общение в «Одноклассниках». Тася периодически навещает Пятерыжск (ей это сравнительно недалеко, живёт сейчас в Павлодаре), и как я радуюсь, когда она выставляет фотографии с видами родных мест!

Ну вот, я хоть немного, но рассказал обо всех своих одноклассниках. Да, мы не стали большими людьми, какими-то большими руководителями или светилами наук. Но почти все из нас успели выполнить своё предназначение на этой земле — сами жили нормально, с пользой для страны и безвредно для окружающих, и дали жизнь своим детям, дождались внуков. А это уже немало.

На снимке: мы уже в четвёртом классе, все — пионеры! В центре — наша учительница Елизавета Михайловна Маковенко (она же впоследствии директор нашей школы). Автор этих строк — в верхнему ряду второй слева.

Д*и*Н симметрия

Константин Бальмонт

Поединок

Долго я лежу на льду зеркальном,
Меряю терпением своим,
Что сильнее в сне многострадальном,
Мой ли жар иль холод-нелюдим.

Льдяный холод ночи предполярной,
Острый ветер, бьющий снежной мглой.
Но, как душный дух избы угарной,
Я упрям и весь в мечте былой.

Думаю на льду о том горенье,
Что зажгло меня в веках костром,
Выявилось в страсти, в звонком пенье,
Сделало напев мой серебром.

Велика пустыня ледяная,
Никого со мною в зорком сне.
Только там, средь звёзд, одна, родная,
Говорит со мною в вышине.

Та звезда, что двигаться не хочет,
Предоставя всем свершать круги,
В поединке мне победу прочит
И велит мне: «Сердце сбереги».

И, внимая тайным алым пляскам,
Что во мне свершаются внутри,
К синим льдам, как в царстве топей вязком,
Пригвождён, хоть стыну, жду зари.

Ходит ветер. Холит вьюгу, лютый.
Льды хрустят. Но вышний воздух тих.
Я считаю годы и минуты
И звезде слагаю мерный стих.

1922

Анатолий Янжула

Река моего детства

Так уж издавна повелось, что люди в основном селятся по берегам рек и речушек. Без воды, как говорится, никуда. А потому почти у каждого из нас есть река его детства. Вот и я не исключение. Река моего детства — Кача.

Речка Кача, которую мы видим сегодня, — жалкое подобие того, что было совсем недавно. И прошло-то всего лет шестьдесят, короткий миг по меркам природы и истории, а вот на́ тебе — нет реки. Цивилизация, бездумные головы да злые человеческие руки почти высушили когда-то полноводную и чистую реку, в которой можно было купаться, ловить рыбу, полоскать бельё. Трудно в это поверить, но так было.

Мой дед Григорий Пуртов и бабушка Шура, после того как им пришлось сбежать из родной деревни от беспощадного раскулачивания, после долгих мытарств осели в Красноярске, в двухэтажном бараке, в районе города, который так и звался — Кача. Два таких барака стояли на короткой улице Бородина, упирающейся прямо в берег реки (сейчас это место, где стоят дома 20д и 22а по улице Железнодорожников).

Район бандитский, публика проживала разудалая и очень разношёрстная. Крупное и мелкое ворьё, переселенцы из Прибалтики и всякий народ, просто перемешанный войной. Но жили дружно, не ругались по мелочам, делились малым, что было. А нищета порой была просто выпирающая.

Я же был человек на всё лето свободный. У деда возле печки стоял сундук, обитый железными полосками, на это место никто не претендовал, и я мог жить там от школы до школы. Развлечение одно — Кача. С утра, перехватив что было на столе, я с удочками уходил на речку. Никто меня не искал. Бабушка, скорее всего, была уверена, что я никуда не денусь и что если проголодаюсь, то сам приду. Да так оно и было. Весь день я с пацанами купался, ловил пескарей, и вообще — я познавал жизнь. Пацаны там в жизненных вопросах были гораздо опытней. Они учили меня воровать, курить, материться, там я узнал, откуда берутся дети, как надо бить, чтобы человек долго не мог встать с земли. Школа была суровая, но… как говорится, не в коня был корм. Ничего ко мне не прилипло, хотя кое-что в жизни потом и пригодилось.

Интересный момент, как Кача научила меня плавать. Научила самым простым способом. Итак, первое купание после весны, смело захожу в воду в том месте, где в прошлом году мне было по пояс, течение подхватывает меня, и я с ужасом осознаю, что дно гораздо глубже, чем было. Орать бесполезно, на реке и близко никого нет, но инстинкт самосохранения вовремя подсказывает, что надо молотить руками и ногами изо всех сил. Что я и стал делать. И понял, что, оказывается, я плыву. Подгрёб к берегу, посидел, подумал, испуг прошёл, и я снова, уже осознанно, полез в воду в том же месте. И снова поплыл. Вот так и плаваю до сих пор.

Иногда к нам приезжал на тележке безногий инвалид. Как его звали, уже не помню. Ног у него вообще не было, и к тележке он пристёгивался от пояса. Весёлый такой парнишка, неунывающий жизнелюб. Мы его отвязывали, раздевали догола, чтобы потом ему в сухом ехать, тащили волоком в воду, брали за руки и полоскали, как полощут бельё. Иногда, в шутку, макали с головой. Он не обижался, орал на всю реку и хохотал.

Вечером с работы приходили мужики и шли мыться на речку. Взрослые рассказы были куда интересней. Мы разжигали костёр, жарили на палочках пойманных за день пескарей. Сидели обычно до темноты, я приходил домой и уже без сил валился на свой сундук. Вот это была жизнь!

Напротив, на том берегу, где сейчас куча всяких автосервисов, стоял небольшой заводик, и назывался он «Химик». Делали там чернила, сапожную ваксу и ещё какую-то дребедень. Скоро его перепрофилировали, и он стал заводом резинотехнических изделий. Делали эти изделия, скорее всего, очень плохо, потому как целыми кучами выбрасывали на берег Качи, захламляя реку. По тому берегу, по-над горой, шла улица с непонятным названием Лассаля. Была она тупиковая и заканчивалась у боковых ворот этого заводика. Для сибирских чалдонов французский философ Лассаль был абсолютно неизвестен, да, скорее всего, и неинтересен, а потому её часто называли по-русски сокращённо и грубовато. То же самое было и с улицей, по которой мы ходили на городской базар. Называлась она улица Каландарашвили, в честь командира партизанского отряда Красной Армии Щетинкина. Ну где тут

выговоришь такое сложное название? Конечно, она была «Карандашвили».

От воспоминаний реки с детства врезалась незабываемая картина. Рядом с мостом новой транспортной развязки, чуть выше по течению, стояла небольшая будка насосной станции кирпичного завода. В этом месте был как раз изгиб русла реки с сильным течением и приличной глубиной. Туда часто приводил купать свою лошадь мужик, вероятно, живущий неподалёку. Лошади нравилась эта процедура, она с удовольствием бухалась в воду и несколько раз переплывала через реку в бурном течении. Проезжая сейчас по тому мосту, смотрю вниз и вспоминаю, что здесь лошадь плыла через реку. Плыла через реку!

Где же та река и та лошадь?..

Не все знают, что русло Качи от бывшего кирпичного завода до моста на Брянской изменено и река на этом участке течёт по новому, искусственному руслу. Когда стали формировать улицу Брянскую, то возникла необходимость сдвинуть часть реки, чтобы улица была без изгибов. Так что часть русла была выкопана заново, а старую засыпали.

Интересное место было под названием «Тридцатые бараки». Часть домов вдоль Брянской идёт под одним номером «30» с разными буквенными индексами. Это в пору правления «Жилфондом» небезызвестным господином Цирюльниковым их привели в божеский вид, подмазав кое-где и разукрасив в разные цвета. Раньше они имели более скромный облик и стояли немного поодаль от рядов частного сектора. Кача в том месте, по старому руслу, делала пологий изгиб, в результате чего образовывалась красивая зелёная поляна с мягкой травой. Этакая зона отдыха, где в жаркие дни загорало и купалось много народа. Позже тот же самый ушлый народ понял, что поляна—это бесплатное пастбище, и развёл гусей. Быстро расплодившиеся гуси так её «заминировали», что и пройти по поляне стало невозможно, не то что загорать.

Как вы думаете, а почему в том районе есть улица Озёрная? А потому, что недалеко от наших бараков в начале пятидесятых годов было два озера. Да, настоящие озёра, куда иногда и утки залетали. Они образовались от боковой протоки реки. Когда этот район стали застраивать небольшими домишками, русло в некоторых местах засыпали, протока остановилась в своём течении, и образовалось два озера. То, что поменьше, было в районе, где сегодня стоит школа номер двенадцать, а другое, побольше,—примерно в районе расположения двадцать второго дома по улице Железнодорожников. На улице Бородина был деревянный мост через заболоченную бывшую протоку. По большому озеру даже на лодках плавали. Был на нашей улице пацан по кличке Одноглазый Пэн. Глаз он выбил о торчащую проволоку, катаясь по льду. Так вот отец учил его плавать, выбрасывая из лодки на самой середине этого озера. Так и научил. А мост был негласной границей двух районов Качи. Там и на кулачках бились, выясняя кто сильней, и свидания назначали. Позже с озёрами поступили просто. То, что было поменьше, зимой выморозили и вывезли льдом. А большое озеро просто засыпали.

Где сейчас протянулась широкая улица Железнодорожников, раньше была узенькая грунтовая улица Кузьмина, названная в честь какого-то пролётного большевика. На ней стоял единственный на всю округу магазин под народным названием «Кузьминка». Она не была такой прямой, а изгибалась по межквартальным проездам. По перпендикулярной улице Красной Гвардии протекал ручей, впадающий в Качу. Зимой он не замерзал, и все звали его «Гольфстрим». Со временем ручей спрятали в бетонные трубы и присыпали землёй. На одном из крутых поворотов летним днём опрокинулся большой полуприцеп-цистерна с бензином. Пока разбирались, что делать, бензин протёк на землю, просочился сквозь щели в ручей и потёк радужными узорами в реку. А там вездесущие пацаны взяли да подожгли его. Как горит бензин, рассказывать не надо. Рвануло так, что бетонные трубы стало выбрасывать из земли. А в это время на скамеечке возле дома сидели дети. Взрывом одну из них, Олю Битых, сбросило в образовавшуюся канаву, где горел огонь. Девочка постарше, Лида Прушинская, прыгнула за ней в огонь, чтобы спасти её. Обе, с сильными ожогами, погибли. Сейчас одна из улиц названа именем этой смелой девочки. А знаю я эту историю, потому что знал погибшую Олю. Она была дочерью Юры Битых—паренька, жившего в нашем бараке.

Судьба любой реки—в руках людей, живущих на её берегах. К сожалению, люди не всегда ценят то, что подарила им природа. Очень хочется верить, что со временем мы поймём настоящую цену подарку под названием «река Кача».

Валерий Сухов, Александр Орлов

Поэзия Лермонтова — путь в русскую героику

Интервью у лауреата премии имени М. Ю. Лермонтова за 2022 год Александра Орлова взял Валерий Сухов

— Александр Владимирович, есть ли в ваших стихах невольные, а возможно, сознательные отсылки к поэзии Лермонтова?

— Безусловно, но я бы уточнил, что не конкретно в каких-либо стихотворениях, а, например, в сборнике «Кимера», за который я был удостоен Лермонтовской премии. Когда вышла эта книга, я втайне надеялся, что хоть кто-то в отзывах, которых было немало, заметит перекличку с Михаилом Юрьевичем. Радует, что это смогли увидеть его земляки, причастные к Всероссийской премии имени Лермонтова. Вы знаете, каждый из нас проходит первичный этап социализации, то есть семейного дошкольного образования, и этот этап у меня, как, я полагаю, и у многих ребят в СССР, начинался с русских народных сказок, сказок Пушкина. Но дверь в русскую героику открывал Лермонтов своим великим стихотворением «Бородино»! В этом сражении принимал участие тёзка великого поэта — будущий адмирал русского флота, мичман Михаил Лермонтов, под командованием которого три десятка добровольцев из гвардейского экипажа отсекли передовые части дивизии Дельзона и закрыли дорогу корпусу пасынка Наполеона, неаполитанского вице-короля Богарне.

Мой дед был участником Великой Отечественной войны, а бабушки — детьми этого трагического времени. Никто из них не получил высшего образования, но все читали наизусть и вслух стихотворение, сочинённое под впечатлением от генерального сражения Отечественной войны тысяча восемьсот двенадцатого года. Это с самого раннего возраста произвело на меня глубочайшее впечатление, и мои две книги стихов, «Епифань» и «Кимера», содержат стихотворения, посвящённые самой страшной трагедии народоубывания в истории человечества. Это памятное обращение и к моим прадедам, погибшим в первый год войны под Ленинградом и Москвой, и ко всем, кого мы вспоминаем вечными строками:

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля…

— Чувствуете ли вы сами лермонтовское влияние на свою поэзию и какими предпосылками можете это объяснить?

— Так случилось, что предпосылок было немало. Мой покойный отец был историком и журналистом, и у него были увлечения, которые отчасти передались и мне. Его пристрастием была Отечественная война тысяча восемьсот двенадцатого года, и одновременно он занимался военным мундиром русской армии. В доме у нас были каталоги восемнадцатого и девятнадцатого веков, и к ним прилагалась цветная открытка, на которой красовался Михаил Юрьевич в форме корнета лейб-гвардии гусарского полка. В детстве я не мог оторвать от неё глаз, мне казалось, что именно так выглядит настоящий герой, а ведь, кроме стихотворения «Бородино», я ещё ничего не знал, но мне казалось, что в этом образе существует тайна. Ещё папа был специалистом по Шотландии, откуда происходил род Лермонтовых. Он любил стихи Роберта Бёрнса, которого в раннем возрасте переводил Лермонтов, а также изучал язык шотландских горцев, так называемых хайлендеров.

Я живу на Ленинском проспекте, и, когда был школьником, мы гуляли с собаками по Нескучному парку с Владимиром Ивашовым, исполнителем роли Григория Печорина в двухсерийном фильме Станислава Ростоцкого «Герой нашего времени», и его супругой Светланой Светличной, которая играла в этой картине девушку контрабандиста.

Но одно из самых важных событий произошло в Пятигорске в две тысячи девятнадцатом году, когда я был награждён статуэткой МСЛФ «Золотой Витязь» за сборник стихов «Епифань», а спустя некоторое время после этого Николай

Петрович Бурляев предложил мне возглавить форум. Именно в Пятигорске в день рождения Лермонтова я для себя понял главное, после того как вечером с друзьями побывал на небольшой поляне возле северо-западного склона горы Машук. По моим ощущениям, предполагаемое место дуэли — мистическое и зловещее, и у меня более нет никаких сомнений в спланированном убийстве Лермонтова. Я не оперирую фактами, но моё эмпирическое восприятие категорично. Вызвать храбреца на дуэль мог только человек, ощущающий разностороннюю и неимоверную поддержку. Не было дуэли, скорее всего, был выстрел на изготовке. Это был самый удачный момент для поверенных сил зла. Поэтому далее от испуга содеянного, боязни справедливой кары было покинуто место, где убили поэта-фронтовика девятнадцатого века. Загадка убийства Лермонтова равно сопоставима с загадкой убийства Пушкина. По моему мнению, Лермонтов — единственный, кто открыто решился принять терновый венец русской поэзии, он осознавал, на что идёт. Он не боялся смерти, а стыдился предстоящих попыток обесчестить его. Неуёмная смелость поручика Тенгинского семьдесят седьмого пехотного полка в боях с воинственными мюридами Кавказского имамата — это жажда чистой смерти, попытка уйти от убийства и последующих многолетних интриг, окольцевавших и распинавших его имя. Смерть от сабли или пули горца подобна спасению чести. Это смерть христианина, смерть поэта, смерть воина, смерть дворянина.

— Ощущаете ли вы нравственную ответственность за то, что происходит и в столице, где преподаёте, и во всей нашей великой стране?

— Подобная ответственность должна быть у каждого человека, проживающего в России. Наша Родина является общим домом. Я же не могу придерживаться одних мировоззренческих установок на уроках, которые веду в школе, и по-иному воспринимать историю и современные события во время поездок по стране. Мы не просто одна держава, в которой объединились представители разных народов и конфессий, мы единое целое, которое именуется русским миром, а он неимоверно многообразен. Потому ответственность — нормальное состояние русского человека. Лермонтов был ответственным человеком и безупречно смелым во всём.

— Каковы перспективы современной российской поэзии? Кого из поэтов вы можете порекомендовать молодёжи для чтения?

— Поэзия бессмертна, как бессмертна молитва, а русская поэзия настолько мощна, что, помимо русских поэтов, дала мировому сообществу огромное количество пишущих на русском языке авторов. Если говорить о современниках, то ими являются мои друзья Владимир Костров, Виктор Николаев, Олеся Николаева и многие другие…

— Может ли подлинная поэзия составить конкуренцию массовой культуре?

Что касается конкуренции, то составить её сегодня не может никто, и это исключительно из-за разнообразия форм. Массовая культура, как правило, характеризуется производством ради потребления и в большинстве своём не может содержать в себе духовную или нравственную часть. А подлинное искусство всегда элитарно, то есть консервативно и традиционно. Так было, есть и будет. Оно создаётся привилегированной частью общества и может получить широкое, массовое признание спустя длительное время. И это признание будет зависеть от общего уровня народного образования, который сам по себе является государственной задачей.

— Кого бы вы выделили из представителей вашего поколения в современной русской литературе?

— Возрастная периодизация поколения, как правило, условна, но если мы будем ориентироваться на рождённых в семидесятые годы двадцатого века, то я бы выделил Анастасию Астафьеву, Арсения Замостьянова, Максима Замшева, Максима Лаврентьева, Алексея Шорохова, Сергея Шулакова…

— Как вам удаётся совмещать работу учителя истории, обществознания, литературы в столичной школе с подвижнической деятельностью директора Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь»?

— Гармонично! Мне не нужно раздваиваться, так как я ощущаю единение в любом деле, которое приносит пользу моему Отечеству. К тому же у меня прекрасные соратники: Василий Киляков, Владимир Крупин, Юрий Малягин, Дмитрий Мизгулин… Но я ещё и классный руководитель кадетского класса. Как правило, ребята, мои ученики, участвуют в мероприятиях, которые проводят Издательский совет Русской православной церкви и Международный славянский форум искусств «Золотой Витязь». Что духовно и нравственно обогащает, воспитывает и указывает на подлинные ориентиры. Представляете, что ощущали ребята на сцене рядом с Василием Лановым, Альбертом Лихановым, Виктором Потаниным, Юрием Соломиным…

— Длительное время вы сотрудничаете с Издательским советом Русской православной церкви. Расскажите, пожалуйста, об этой деятельности.

— Мои коллеги и я трудимся под началом митрополита Калужского и Боровского Климента (Капалина), который является главой ИС РПЦ. Вы знаете, у нас много работы: ежегодно проводятся

Международный детско-юношеский конкурс имени И. С. Шмелёва «Лето Господне», Международный открытый конкурс «Просвещение через книгу», Международные литературные конкурсы имени Ф. М. Достоевского и С. Т. Аксакова, Патриаршая литературная премия имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Но в работе единомышленников всегда присутствует чувство лёгкости, и я рад трудиться вместе с протоиереем Владимиром Вигилянским, иеромонахом Макарием (Комогоровым), Константином Ковалёвым-Случевским, Вячеславом Лютым, Мариной Саввиных…

— Что на вас произвело самое большое впечатление в Пензенской области?

— Отвечу вам как директор Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» и буду честен. На сегодняшний день я могу назвать немного мест в России, где бы проводилась такая масштабная работа, и это вдохновляет и вызывает уважение. Здесь, в центре европейской части России, работают Государственный Лермонтовский музей-заповедник «Тарханы», музей-усадьба В. Г. Белинского, Дома-музеи В. О. Ключевского и А. И. Куприна, музей А. Н. Радищева, Пензенский литературный музей. Ежегодно вручаются три всероссийских литературных премии — имени М. Ю. Лермонтова, имени В. Г. Белинского и имени А. И. Куприна. В Пензе издаётся журнал современной литературы, культуры и общественной мысли «Сура», автором и лауреатом которого я являюсь. Таких культурных центров, работающих во имя сохранения национального достояния и традиционных ценностей, не так много, как хотелось бы, и это имеет фундаментальное значение именно сейчас, когда происходит беспрецедентная агрессия «наперсников разврата» на всё русское.

СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

Саша Казакова

Пора уходить мелодичному детству

● ● ●

а помнится в детстве
всегда накрытый стол,
пришёл, поел
и снова
маме вслух читаешь толстого
пока отец не пришёл
придёт, поцелует, расскажет
повысили в должности,
                        герой
будет слушать про персонажа
нашедшего ключ золотой
и что же впоследствии
холод
и вечный дождь за окном
не ешь совсем,
не чувствуешь голод
алексей сменяется львом
отец приходит
                к ночи
без разговоров
                к себе
сон крепкий оборван
небо
    аустерлица
                в огне

● ● ●

вдали наконец виднеется солнце
мы с морем ждали его целый час
из школы еле доносится Моцарт
значит, начался утренний класс
хоть я и в муках с нотами вальса
который мне надо сдать на зачёт,
сегодня начну учить сонет Брама
найденный мною среди мятых нот
я очень хочу играть возле моря
чтобы каждая нота тонула в воде
я к морю хочу привести дирижёра
чтобы оно смогло петь для людей
ветер солёный помогает проснуться
реквием теряется в тишине
я в природе вижу только искусство
нота в море как цвет на холсте
больше не слышно печальную мессу
солнце повисло над тёмной водой
пора уходить мелодичному детству
и распрощаться с музыкальной волной

Елена Заславская

Война поколений или поколения войны?

Крестный ход и Бессмертный полк в альбоме «Родина» рок-группы «Зверобой»

В феврале 2022 года, после признания Россией республик Донбасса и начала спецоперации на Украине, многие россияне почувствовали, что мир изменился, что возврата к прошлому не будет и теперь каждый должен определиться, решить для себя, что для него значит Родина, будет ли он её защищать или уедет туда, где есть «Икея» и кока-кола.

Многие поэты и музыканты задавались вопросом, что для них значит слово «Родина», и до судьбоносного дня Z. К их числу относятся и музыканты рок-группы «Зверобой».

«Зверобой» — рок-группа из Москвы, основанная в 2008 году, работающая в стиле рок с элементами блюз-рока, гранджа, фолка и других направлений. Поэзия группы — русскоязычная социально-романтическая лирика, отражённая в альбомах «Жив» (2008), «Акустика» (2009), «Ток» (2013), «Война за мир» (2016), «Родина» (2018), «Русская весна» (2021).

Участники коллектива занимают активную гражданскую и патриотическую позицию.

Начиная с августа 2015 года, группа «Зверобой» регулярно совершает поездки в Донбасс, выступая в Донецке, Луганске, Горловке, Ясиноватой, Стаханове и других городах Донбасса. Выступления группы происходят в самых разных форматах — от многотысячной аудитории центральных площадей городов до поселковых школ, Домов культуры и окопов передовой линии, где «Зверобой» также неоднократно выступал непосредственно перед бойцами. Кроме того, коллектив по мере сил оказывает волонтёрскую поддержку защитникам Донбасса и мирным жителям.

В марте 2017 года видеоклип на песню «Едутедут бэтээры» набрал за несколько дней полмиллиона просмотров. Его поставил в ротацию федеральный российский телеканал «Звезда», а также все основные телеканалы Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики: «Первый Республиканский», «ДНР24», «Новороссия-ТВ», «Оплот-ТВ», «ГТРК ЛНР».

Музыкальный критик Андрей Смирнов в своей рецензии отмечает, что альбом «Война за мир» стал результатом активной поддержки Новороссии и нескольких поездок в Донбасс. Хотя музыканты хорошо знают материал, погрузились в атмосферу военного Донбасса, им не удалось высказать всё в одном альбоме из-за необъятности темы и богатства событий. Новые песни сложились в альбом «Родина», появившийся в 2018 году.

Рассмотрим альбом «Родина» и покажем, какой образ России создаётся в его композициях.

Журналист Алексей Иринеев охарактеризовал альбом Родина как рок на баррикадах и отметил, что каждый из шестнадцати треков является оригинальным, не похожим на остальные.

Иринеев пишет: «Уже поставленная первым номером вещь „Безымянный солдат“ по-настоящему впечатляет. Незатейливая на первый взгляд история звучит настолько жизненно и правдиво, что волей-неволей проникаешься интересом и уважением к авторам, посчитавшим нужным спеть о погибшем на страшной и беспощадной войне человеке — простом солдате».

В песне «Безымянный солдат» мы видим, как идея христианской жертвенности проявляется в строках, в которых певец обращается к погибшему безымянному солдату:

> Ты, неназванный мой брат,
> Лишь одну из всех наград
> Признавал — Победу — свято,
> Как в далёком сорок пятом…
> Рядовой, не командир —
> Ты стоял за Русский мир,
> За Единое Крещенье,
> За Святое Воскресенье…

Не случайно в этом тексте появляются христианские образы, упоминаются христианские таинства. Сакральный христианский план бытия сложно передать секулярным языком. Попыткой описать сакральное пространство России без обращения к православию является образ Победы в Великой Отечественной войне, где жертва солдат за мир составляет главный элемент образа.

Сходные идеи есть и в песне «Солнце наше красное»:

Расскажи мне, как видишь свой завтрашний день, мой друг.
Пол-литровая правда рвётся в стакан из рук.
Не серчай, даже если наш голос совсем умолк,
Ведь у нас за спиной крестный ход и Бессмертный полк!

Идея бескрайнего простора и исторической преемственности поколений воплощена в песне «Ополченец»:

В густой траве и мягких ковылях,
Средь баб окаменевших скифских,
В краю степных грудастых сфинксов
Заснула крепко Родина моя.

В этой же песне присутствует и идея временного безмолвия, которое прерывается, когда вечный ополченец своим поцелуем будит спящую Родину:

Вот он идёт! Неистов! Юн и груб.
От крови свежей сладким поцелуем,
Войною, революциею, бунтом
Касается её горячих губ.
И он её разбудит, как всегда.
— Проснись! Вставай! Твой сон не будет вечным!
И как когда-то поправлял он меч свой,
«Калаш» поправит на своём плече.

Андрей Смирнов подчёркивает взаимосвязь сказочных героев с героями реальными: «Колыбельная „Спит солдатик молодой“ стала гимном „Безымянному солдату“, а „Ополченец“, несомненно, один из центральных номеров альбома, обрёл удивительную полноту — он и „парень из соседнего двора“, и почти сказочный герой, и тот самый „партизан“ из политической философии двадцатого века, с его мобильностью, политической вовлечённостью и „теллурическим“ характером — привязанностью к земле, на которой сражается».

Что это за земля мы можем понять, прослушав песню «Родина»:

Родина, как жизнь, подарена Создателем.
Родина, твой сын всегда один у матери.
И Родина одна, на паперти, на куполе.
Родина в Твери, Одессе, Мариуполе,
В Воронеже, Саратове, в Рязани да в Архангельске,
В Иркутске, Барнауле, Тюмени да Хабаровске,
В Кургане, во Владимире, в Ростове, Белореченске,
В Смоленске, в Ленинграде, на Вятке, в Благовещенске…

Подводя итоги, Андрей Смирнов описывает основную тему альбома как Победу, в которой соединяются прошлое и будущее на просторах Родины — большой страны «вне всех пограничных столбов образца 1991 года». Родина предстаёт как земля, объединяющая сакральный и внецерковный план исторических событий, то есть крестный ход и Бессмертный полк.

Родина в альбоме сохраняет историческую память и советского, и имперского периода. Христианская идея самопожертвования возникает в альбоме в форме идеи защиты родной земли — России, ради которой отдавали свою жизнь и советские солдаты, и современные ополченцы Донбасса.

Московская рок-группа «Зверобой» создаёт в своём творчестве образ Родины, понятный и близкий людям всего Русского мира, поскольку он включает в себя опыт русского народа, воплощённый в таких символических событиях, как крестный ход и Бессмертный полк.

«Солнцеворот-2014»: война поколений или поколения войны?

По стихотворению Александра Сигиды-сына «Солнцеворот-2014»

В 2015 году в Луганской Народной Республике увидел свет сборник «Время Донбасса». В книгу вошли поэтические, прозаические и драматургические произведения авторов Луганской и Донецкой Республик, а также Российской Федерации.

Кандидат педагогических наук, литературный редактор сайта военной прозы «Окопка» Владимир Олейник в своём предисловии к сборнику написал: «В нём подводится художественный итог ещё одного года свободной жизни Донбасса после судьбоносного выбора. Ещё один год, начавшийся с боёв, с зимнего Дебальцевского „котла“ и военной победы, а затем шедший долгой, трудной дорогой к миру». В книге «Время Донбасса» опубликовано стихотворение поэта Александра Сигиды-сына «Солнцеворот-2014».

Александр Александрович Сигида-сын (1986 года рождения) — поэт, переводчик с французского и испанского, член Союза писателей Луганской и Донецкой Народных Республик. Родился в семье поэта и учительницы русского языка. Окончил в 2003 году Луганский лицей иностранных языков, в 2010 году стал магистром французской филологии.

Александр Сигида-сын — лауреат литературной премии «В поисках правды и справедливости» в номинации «Молодая поэзия России» (Москва, 2015); обладатель серебряной медали Всероссийского литературного фестиваля фестивалей «ЛиФФт» (Алушта, 2016); участник III совещания молодых писателей в городе Каменск-Уральский и семинара военных авторов в Москве (Переделкино); участник фестивалей «Большой Донбасс», «Муза Новороссии». Печатался в журналах «Роман-газета», «Александръ», альманахе «Территория слова».

В 2014 году Сигида-сын принял активное участие в народно-освободительном движении Донбасса: участвовал в военных действиях в рядах ополчения в батальоне «Оплот», проходил службу

в ДНР как миномётчик (2015–2016), служил в спецназе (2017–2018), затем служил в танковом батальоне отдельной мотострелковой бригады имени Ворошилова, в настоящее время (2022) является военнослужащим в ДНР.

Свой жизненный выбор Александр Сигида-сын выразил в художественной форме в стихотворении «Солнцеворот-2014».

Стихотворение «Солнцеворот-2014» посвящено событиям войны Украины с Донбассом, начавшейся в 2014 году. Тема отцов и детей ставится в первой строфе произведения: «Отцы не взяли автоматы в тот девяносто первый год». В стихотворении идёт речь о двух поколениях: о тех, кто не взял автоматы в 1991 году, и об их детях, чья молодость пришлась на лихие девяностые — период национального унижения и краха России, то есть о поколении молодёжи, которая пошла в ополчение Донбасса в 2014-м: «Те, кто не спился в девяностых, кто не сторчался в нулевых, не сгинул в наркохолокосте от огнестрельных, ножевых — сегодня здесь!»

Название стихотворения — «Солнцеворот» — означает солнцестояние, во время которого высота полуденного Солнца над горизонтом несколько дней почти не изменяется. Солнцеворот — это переломный момент, после которого происходит смена астрономических сезонов.

Дата — 2014 год — в названии стихотворения показывает, что в этом году произошла смена эпох. Эпоха отцов, развалившихся Родину, закончилась. Начинается новый период — время детей, которые реализуют идеалы, преданные отцами: вооружённое восстание против продажных политиков и воссоединение исторической России после развала СССР. Связь поколений также изображена в образной форме в этом стихотворении, так как идеал великой России, хоть и преданный поколением отцов, остаётся действенной силой для поколения детей. Завершается стихотворение следующей строкой: «Задумавшись о геноциде, не забывай о Сигиде». Война в Донбассе символически уравнивается с геноцидом девяностых, а Сигида — это фамилия автора стихотворения и его отца, также поэта. Этой своеобразной подписью автор показывает, что в переломные для Родины моменты всегда найдётся носитель поэтического дара, который будет писать стихи, чтобы вербализовать смыслы, проявить неявленное, а если нужно, то с оружием в руках защищать свои идеалы. Таким образом, противостояние поколений, начавшееся в девяностые, когда отцы не сохранили общую Родину для своих детей, закончилось в 2014-м — в момент солнцеворота эпох, когда и те, и другие стали на защиту своей земли.

Д*и*Н СИММЕТРИЯ

Александр Пушкин

Братья разбойники

(фрагмент)

Три дня больной не говорил
И не смыкал очей дремотой;
В четвёртый грустною заботой,
Казалось, он исполнен был;
Позвал меня, пожал мне руку,
Потухший взор изобразил
Одолевающую муку;
Рука задрогла, он вздохнул
И на груди моей уснул.
Над хладным телом я остался,
Три ночи с ним не расставался,
Всё ждал, очнётся ли мертвец?
И горько плакал. Наконец
Взял заступ; грешную молитву
Над братней ямой совершил
И тело в землю схоронил…
Потом на прежнюю ловитву
Пошёл один… Но прежних лет
Уж не дождусь: их нет, как нет!
Пиры, весёлые ночлеги
И наши буйные набеги —
Могила брата всё взяла.
Влачусь угрюмый, одинокий,
Окаменел мой дух жестокий,
И в сердце жалость умерла.
Но иногда щажу морщины:
Мне страшно резать старика;
На беззащитные седины
Не подымается рука.
Я помню, как в тюрьме жестокой
Больной, в цепях, лишённый сил,
Без памяти, в тоске глубокой
За старца брат меня молил.

1822

Владимир Алейников

На выдохе, на вдохе, на рыданье…

● ● ●

Жёлтым салютом листья взлетают,
Ну и закат — йод!
Музыка стихнет — и возрастает,
Прошлое влёт бьёт,
Вместе с тоскою где-то витает,
В небе гнездо вьёт,
За сердце, хмурясь, разом хватает,
Яд или мёд пьёт.

Что же, скажи мне, душу питает
Всем, что к судьбе льнёт,
Мысли читает, слёзы глотает,
В бедах своё гнёт?
Что за сиянье в дымке не тает,
Бездну сулит льгот?
Музыка вспыхнет — и прорастает
Ввысь — и любви ждёт.

● ● ●

В золотом звенящем луче
Мотылёк порхает ночной —
И рука на смуглом плече
До сих пор, выходит, со мной.

И взлетает птица, шурша
Впопыхах осенней листвой, —
И молчит живая душа
О таком, что шло по кривой.

Только так — и лучше, что — так,
Вот и встанет вдруг на пути
Чья-то тень — откуда и как? —
И кивнёт, чтоб взять да уйти.

Как мне быть с тоской колдовской,
Что глядит и сводит с ума?
С холодком в крови нелюдской
Подойдёт — и сгинет сама.

Вот и знай, поди, под луной:
Для чего сплетутся в ночи
Стебелёк полыни степной
С фитильком зажжённой свечи?

Не сомкнуть мне глаз, не уснуть, —
Не вернуть былые года —
Подойдут, чтоб молча взглянуть,
И уйдут — уже навсегда.

● ● ●

На выдохе, на вдохе, на рыданье,
Над пропастью вися на волоске,
Над отзвуком неловким оправданья,
Впотьмах кусавшем локоть на песке,

Над косностью, над всякою напастью,
Над повестью о верности такой,
Что выжила на свете этом — к счастью,
Что есть, — а с ним и воля, и покой.

● ● ●

На что же мог ты уповать?
На то, что небо станет ясным,
А мир, как прежде, безопасным, —
И всё же нечего кивать
Кому-то в шуме дождевом,
В ненастном выщербленном гуле,
В ущербной мгле, — не потому ли
И вам в беспамятстве, кривом,
Как уходящая луна,
И вам в пути своём — неймётся,
И сердце сразу же сожмётся,
Распад познавшее сполна, —
И не отнекиваться вам
От смуты нынешней придётся,
А в том, что где-нибудь найдётся
Вниманье к этим вот словам,
Признаться, может быть, сейчас,
Пока опомниться не поздно, —
Уже и время смотрит грозно
В пещерном сумраке на вас.

● ● ●

Как бы вселенскому прощанью
С каким-то звуком там, вдали,
Чтоб новый, чуждый обнищанью,
Сродни чутью иль обещанью,
Звучал, куда бы ни вели,
Когда бы грозы ни сулили,
С отжившим, давешним, в родстве,
Кому бы яства ни солили,
Соломой ложе ни стелили,
Есть час и место в естестве.

● ● ●

К перекличкам, к заплачкам пичужьим
Я всерьёз относиться привык—
Над округой сквозит полукружьем,
Словно полог, волшебный язык.

От капризов погоды ледащей
Он всегда независим, пойми,
Чтобы времени сутью летящей
Вдруг раскрыться вот здесь, меж людьми.

В нём услышу я то, что проститься
Никогда не посмеет со мной,—
И к душе он готов подольститься
Так, чтоб в ней оставаться с весной,

Чтоб цвести этим дням без опаски
За судьбу своих певчих шальных,
Чтоб спасти эти хрупкие связки
От невзгод на распутьях земных.

● ● ●

Что-то предчувствуя, что—не пойму,
Там, за холмом, с краю,—
Цвелью и опалью—словно в дыму,
Убылью,—нет рая!—

Одурью пламенной, удалью—той,
Что отдаёт прелью,
Где-то поодаль, вон там, за чертой,
Ставшей сплошной целью,

Солью скитальческой, гарью смурной,
Болью сквозной,—что же
Плещет опасливо кровью дурной?—
Будь же со мной, Боже!

● ● ●

Ржавому ветру в ответ:
Вот и просчёты
В кознях!—а вот и просвет,
Верные ноты
В общем звучанье дневном,
В том, что запало
В душу—и там, за окном,
Лишним не стало.

С истин, знакомых давно,
Старые слепки,
Вас ли разбить мудрено?
Чем же вы крепки?
Вас не скопить про запас—
Нового смысла
Тяжесть, густея сквозь вас,
В небе нависла.

● ● ●

С угольком в золе, с костерком,
С ветерком, знобящим в степи,
С шепотком ночным, с огоньком
За окном,—вставай-ка, не спи!—

С посошком в руке, с узелком
На незримой нити сквозной—
То с попутными, то пешком—
Стороною своей родной,

Перекатом бредя речным,
По курганам и рвам пройдя,
Чтоб нагаром застыть свечным
Отголоскам глухим дождя,

Чтобы швом различить проём
Чуть заметный меж двух эпох,
Чтобы знать на пути своём,
Что родник ещё не иссох,

Чтоб рубцом заросло сплошным
Всё, что жала вонзало в грудь,
Что вело по годам земным,—
И не страшно тебе ничуть.

● ● ●

Выбраться порою
В глушь да благодать,
К небу за горою,
Чтобы не гадать—
Кто там и откуда
Вклинится в тепло,
Что там за остуду
С ветром принесло?

Выбрать оробело
Где-нибудь в тиши
То, что без пробела,
Только для души,—
Что-нибудь такое
С этих вот высот,
Где не до покоя,—
Всё перенесёт.

Всё-таки планида
Всюду на виду—
Что там за обида,
С бредом не в ладу,
Билась да стучалась
Птицею в стекло?—
Всё, что ни случалось,
К свету привело.

● ● ●

С утра—сплошная пелена
В набрякшем небе над горами,
И весь простор в оконной раме
Развязки ждёт, как в старой драме,
Которой непогодь сильна.

И, значит, снова жди дождей,
А может, гроз, а может, града,—
И переспрашивать не надо,
Откуда в сумраке распада
Надежда в сердце у людей.

И, значит, высмотри в окно
Просвет негаданный над садом,
Едва заметный, нужный взглядам,
Пока эпоха сущим адом
Кому-то кажется давно.

И, значит, сызнова внимай
Над миром стройному звучанью—
Оно препятствует молчанью,
Души противясь одичанью,
Как брови вдруг ни поднимай.

● ● ●

Глыба клубится мглы:
Что за утроба
В небе, густей смолы,
Дыбится, чтобы
Выплеснуть что-то вдруг—
Может, и влагу—
В логово блажи, в круг
Вроде бы блага?

В ногу ли с веком шли?
Складно ли пели?
Что же спасти могли?
Что—не успели?
Вместе рыдать бы, друг,
Слёз не жалея!—
Там, за окном на юг—
Чуть посветлее.

● ● ●

Середина лета. Зима
Не за горами. Вспомни,
Каковы декабрьские полдни,
Январские закрома,
Каковы февральские дни,
Вечерами—змеи позёмки
Да в подземке давка. Потомки
Удивятся. Молча взгляни—
В никуда. А может быть—в даль,
В боль свою. Для каждого шага—
Что же делать?—нужна отвага.
Ну а с нею рядом—печаль.
Ничего мне, впрочем, не жаль.
Всё прошло. Глядишь, и вернётся.
И тогда-то спящий—проснётся.
Разобьётся утра хрусталь
О железо ржавое тьмы,
Чтоб осколки склеить однажды,
Потому что приступом жажды
До сих пор измучены мы.

● ● ●

С песчаным таяньем,
С небесным гласом,
Почти отчаяньем
Пред каждым часом,
Почти парением
Пред мигом всяким,
С таким горением—
Навстречу знакам.

С такою верою—
Навстречу звукам
С их звёздной мерою
Всем снам и мукам,
С такою силою—
Ко всем приметам,
С височной жилою,
Звенящей светом.

Сергей Филиппов

Летят журавли

Ахматова в Коломне

Коломна. Лето. По Арбату
(Чуть в стороне Москва-река)
Идёт по улице Ахматова
И ищет домик Пильняка.

Идёт ни медленно, ни быстро,
Идёт, не ведая, что тут
Проложен будет для туристов
Её, ахматовский, маршрут.

Идёт не в самый, на поверку
Как оказалось, страшный год.
Крестовоздвиженская церковь
Вдали у Пятницких ворот.

Вокруг июльская Коломна
Вся излучает благодать
И безмятежность духа, словно
Не созывать ей вскоре рать,

Не собирать сограждан снова
На битву грозную, когда,
Как в годы Дмитрия Донского,
Нахлынет страшная орда.

И, вынув острый меч из ножен,
Сомкнутся все в один кулак.
…Все, кто ещё не уничтожен
И не расстрелян, как Пильняк.

Летят журавли

Опять звучит команда: «Тише.
Мотор!» И камера трещит.
Герой по лестнице всё выше
Летит и на излёте слышит:
«Ты ранен, Боря?»—«Я убит».

И точно так же, как и в первый,
И в сотый, и в двухсотый раз,
Вонзаясь в облачные перья,
Над ним закружатся деревья,
И тело вновь осядет в грязь.

Есть масса фильмов, но иные
Волнуют с каждым днём сильней.
И вечно юные живые
Герои шлют нам позывные
Из стаи белых журавлей.

* * *

Москва всё больше. Скопища людей
При наших-то невиданных пространствах
Безумию сродни. Но всё сильней
С каким-то непонятным постоянством
Мы рвёмся в мегаполисы. Всё здесь
Почти до удивленья бестолково:
Богатство, бедность, нищета и спесь,
Одно неотделимо от другого.
Ты—как осиный улей, не понять,
Москва, твои ходы и лабиринты.
Людей ты заставляешь проявлять
Все низменные чувства и инстинкты.
На сотни вёрст в длину и ширину
Раскинулась страна, но люди, точно
В затмении, стремятся лишь в одну,
Одну и ту же маленькую точку—
В Москву. И этот пагубный процесс
Затронул очень многих, и не диво,
Что каждый, кто стремится, ждёт чудес
И в предвкушенье призрачной наживы.

* * *

Века, не считаясь с затратами,
Не ведая, будет ли прок,
Ума набираясь у Запада,
Стремилась меж тем на Восток.

Расправилась с Марфой-посадницей,
Противилась воле Петра
И с плохо прикрытою задницей
Преграды брала на ура!

Не слыша ни стонов, ни доводов,
Свою ненасытную длань
Простёрла на Псков и на Новгород,
На Тверь, на Владимир, Рязань.

И вот все они в запустении,
Потуже стянули живот.
И вновь на твоём иждивении
Чужой ненасытный народ.

Шесть с лишним столетий, Рассея,
Тверяне, Рязань,туляки
Живут под Москвою, не смея
И слова сказать вопреки.

Доброта под гитару

Обучаю играть на гитаре
И учусь у людей доброте.
Из песни Ю. Визбора

Кто забыл, господа, тем напомню,
Как нас с вами в былые года
Сослуживцы, друзья и знакомые
Добрым словом встречали всегда.
В Воркуте, в Душанбе, в Нарьян-Маре,
На какой ни возьми широте,
Обучали играть на гитаре
И учили людей доброте.

Но приходит период распада,
И меняют окрас времена,
И уже недоверчивым взглядом
Вас встречает другая страна.
Все посулы, соблазны, все чары
На поверку—одна суета,
И поёт, хоть и не под гитару,
О себе доброта, да не та.

Мы не впишемся в эти стандарты,
Хоть разрежьте всех нас на куски.
Слишком резво рванули со старта,
Слишком поздно включили мозги.
Улыбаются «звёздные» пары,
А внутри у них всех—пустота.
Замолчала надолго гитара,
И кричит о себе «доброта».

● ● ●

И, статная, скажет: «Здравствуй, князь…»
А. Блок

Снова под вечер с больной головой
Сидишь, к окну прислонясь.
Глядишь на двор, что зарос травой,
И знаешь: не выйдет князь.

А выйдут такие, что хоть жалей,
Невзрачные из себя,
Не царской породы, не княжьих кровей
И, видимо, не «графья».

Нахлынут внезапно, как хан Мамай,
Поставят на стол вина.
Сиди меж ними и выбирай:
Кому сегодня жена?

А утром соседи начнут рядить,
Когда мимо них, как сквозь строй,
С больной головой от тебя выходить
Станет очередной.

И кто-нибудь камень в твоё метнёт
Окошко наверняка.
И это, конечно же, будет тот,
Кто сам из них без греха.

● ● ●

Зачем почила так безвременно,
Дав погубить себя, страна?
К Тебе взываю, Русь Есенина!
К Тебе, Россия Шукшина!

Ни мастерства, ни дарования,
Ни благодатной той среды.
От деревень—одни названия.
От городов—одни гербы.

Кто доведён до исступления,
Кто прозябает век в глуши,
А пять процентов населения
Свои считают барыши.

Забыты сказки и предания.
Пожитки бросив в рюкзаки,
Чтоб раздобыть на пропитание,
В столицу прутся мужики,

Потомки славного Сусанина.
Хоть выбор явно не богат:
Кто охраняет дачу барина,
Кто бизнес-центр или склад.

Всё позабыто, всё утеряно,
И растворилась, не видна
Уже нигде Ты, Русь Есенина,
И Ты, Россия Шукшина.

Но пять процентов населения
Не замечают, как живёт,
Почти на грани вырождения,
Столь безразличный им народ.

● ● ●

Народных тьма. Но если честно
И откровенно, то сейчас
Художнику неинтересны
Движения народных масс.

В ином недюжинный свой гений
Проявит мэтр. Дела нет
Ему до разных устремлений
Народных, чаяний и бед.

И времена, когда он бегал
В народ, прошли давно. Поверь,
Лишь только собственное эго
Волнует мастера теперь.

Художников народных много,
Но всё искусство—для элит,
И тема «Бурлаков на Волге»
Уж никого не вдохновит.

● ● ●

Я не противник авангарда,
Клевещут злые языки.
Я против, чтоб поэтам, бардам
Наклеивали ярлыки.

У каждого своё призванье,
Но, полагаю, не солгу,
Сказав, что самолюбованье
Не приведёт нас всех к добру.

Такой подход и путь заказан
Художнику. Он весь в борьбе
С самим собою и обязан
Всю жизнь не нравиться себе.

И только лучший среди лучших,
И то один и на один
С собой, воскликнет: «Ай да Пушкин,—
Однажды,—ай да сукин сын!»

● ● ●

Не возмущайтесь, россияне,
Из вас любой быть должен рад,
Что он в своей тьмутаракани,
А не в Кабуле, где бомбят.

И рад в квадрате, счастлив в кубе,
Что по иронии судьбы
Живёт сегодня не на Кубе,
Где по талонам лишь бобы,

Что вновь за летом будет осень,
Что не смутил, а вслед за тем
На произвол судьбы не бросил
Его коварный дядя Сэм.

Вернись на землю поскорее
И будь рад до смерти, что ты
Не где-то в Северной Корее
Чуть выше роковой черты.

А есть, друзья, Венесуэла,
Есть Сирия и Пакистан,
И в список этот можно смело
Внести ещё немало стран.

Но что ходить в другие страны,
Когда под боком возле нас
Нескоро все залижет раны
Кровоточащие Донбасс?

И, взвесив факты, отчего-то
Уже не хочется совсем
Каких-то резких поворотов
И маломальских перемен.

● ● ●

Есть лирика суровая, военная,
Где свой глубокий, внутренний трагизм
И даже в нашу бытность повседневную
Отсутствует ура-патриотизм.

А есть другая лирика—пейзажная:
Толстой, Тургенев, Шишкин, Левитан.
И плачет вся природа вернисажная
От стольких нанесённых нами ран.

А есть, ребята, городская лирика.
Покуда не разрушен по частям
Наш город, мы слагаем панегирики,
Грустя по полюбившимся местам.

И, наконец, есть лирика гражданская,
Почти что не читаемая вслух
Нигде в аудитории мещанской,
Пока не клюнул жареный петух.

И пусть в литературе всё условно,
Пусть в ней, как в жизни, всё диктует спрос,
Связь этих лирик с лирикой духовной—
Больной, животрепещущий вопрос.

● ● ●

Памяти Ю. Н. Пузырёва

Не надейся, артист, на погоду,
На удачу, волну и прибой,
А надейся на память народа
И «на парус надейся тугой».

Не теряйся в сегодняшнем мраке,
А пытайся и в нём напевать,
Как Ильюшин и как Коккинаки
Самолёты учили летать.

И пускай ты как странник в пустыне,
Где попса торжествует и рэп,
Где не виден серебряный иней
В проводах новостроек и лэп.

Вновь тревожную молодость вспомнив,
Вдруг почувствуешь запах костра,
И Тайшет твою душу наполнит,
И вернётся к тебе Ангара.

По-некрасовски

«Ну, пошёл же, ради бога!
Небо, ельник и песок»—
Это всех теперь дорога,
Все в Москву спешат, дружок!

«Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь…»
Не стесняйся—что за дело!
Это многих нынче путь.

Не лежат в котомке книжки,
Не учиться ты идёшь.
Будешь матери, братишке
Отсылать последний грош.

Бросив край родной и поле,
Не во сне, а наяву,
По своей (не Божьей) воле
Снарядился ты в Москву.

«Не без добрых душ на свете»,
Кто-то сможет подсобить
Подхалтурить на объекте,
Просто пиццу разносить,

Раздавать в толпе открытки,
Ну а если повезёт,
То менять в столице плитку
И бордюры круглый год.

«Там уж поприще широко:
Знай работай да не трусь…»
И вздыхает одиноко
Остальная наша Русь.

«Не бездарна та природа»,
Но погиб, как видно, край,
«Что выводит из народа
Столько славных». Так и знай,

Нет уж больше «благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой».

Владимир Маяковский

Из поэмы «Пятый интернационал»

Пролеткультцы не говорят
ни про «я»,
ни про личность.
«Я»
для пролеткультца
всё равно что неприличность.
И чтоб психология
была
«коллективней», чем у футуриста,
вместо «я-с-то»
говорят
«мы-с-то».
А по-моему,
если говорить мелкие вещи,
сколько ни заменяй «Я»—«Мы»,
не вылезешь из лирической ямы.

А я говорю
«Я»,
и это «Я»
вот,
балагуря,
прыгая по словам легко,
с прошлых
многовековых высот,
озирает высоты грядущих веков.
Если мир
подо мной
муравейника менее,
то куда ж тут, товарищи,
различать местоимения?!

1922

Андрей Ивонин

Ищу человека

Черновик

Утро, похожее на черновик:
слово, ещё одно слово, помарка.
Комната, лестница, улица, арка,
выход во двор, переулок, тупик.
Годы… зачёркнуто.
Счастье… зачёркнуто.
Будто с ног на голову перевёрнута
жизнь. Холодок от реки.
Кухонных диспутов крестики-нолики,
чайник на шатком обшарпанном столике
пишутся с новой строки.
Где я? Забор в рыжеватой окалине.
Богом затерянный дом на окраине.
То ли Братеево, то ли Чертаново.
Всё переписано. Начато заново.

Ищу человека

Ищу человека. По следу
по белому свету иду.
За ним зябкой полночью еду.
На станции с поезда жду.

Повсюду, везде, повсеместно.
Неделю, и месяц, и год.
Мне имя его неизвестно,
ни улица, где он живёт.

Ищу. Продираюсь сквозь темень
настойчивей день ото дня.
А он в то же самое время,
наверное, ищет меня.

Он словно потерянный ходит,
судьбу свою горько кляня.
И тоже меня не находит.
И так же страдает, как я.

Иду наудачу, плутаю.
Ищу, как иголку в стогу.
Но твёрдо одно только знаю,
что я без него не могу.

И так до скончания века
ищу одного, моего,
единственного человека.
А вы не встречали его?

Война

Скажешь с досадой: пошёл ты на…
Разве не видишь—идёт война?
Идёт война, разрази меня гром,
света со светом, добра с добром.
Война всех со всеми и против всех
всех поровну делит на этих и тех.
Чуешь под кожей воинственный зуд?
Око за око, зуб за зуб.

Эти считают, что правы, а те
уверены так же в своей правоте.
Ни этих, ни тех не упрятать в рукав.
Каждый из них по-своему прав.
В каждом есть свет, и на каждом вина.
Вот потому и идёт война,
в которой не так уж и важен успех.
Война всех со всеми и против всех.

Поэт

День короткий тает.
Лысоват и сед,
нам стихи читает
пожилой поэт.
Хрипловатый голос,
отрешённый взгляд.
Он, как цепом колос,
временем помят.

С юношеским жаром,
с книгою в руке,
в полинялом старом
сером пиджаке.
Не застёгнут ворот.
И года не в счёт.
Он давно немолод
и, наверно, пьёт.

Подорвали силы
суетны дела.
Жизнь его долбила
и не берегла.
Но не доломала.
И летят легки
над притихшим залом
бабочки-стихи.

● ● ●

Такая погода: ни зги не видать
и ветер промозглый.
Ещё уходящее время догнать,
быть может, не поздно.
Быть может, не поздно вскочить на ходу
в автобусик тесный.
Пусть где-нибудь с краю, не в первом ряду
занять своё место.

Но хмурое небо, пожалуй, не даст
последнего шанса.
Хрустит под ногами слежавшийся наст.
Три дня до аванса.
Хоть как-то дожить, доползти, дотянуть
до счастья, до лета.
И в этом желанье сегодня вся суть
моя как поэта.

● ● ●

Никто и ни в чём не виноват.
Как Джотто и Пикассо—
мы в разных системах координат,
шкалах глубин и высот,
где условные Кеплер и Птолемей
неравный ведут отсчёт.
Где линия жизни моя твоей
ни разу не пересечёт.

Горе

Сидя в плетёном кресле,
за временем не следить.
Можно представить, если
крепко глаза закрыть,
здесь, среди вечного лета,
словно бы наяву,
где-то, за краем света,
предпраздничную Москву.

Можно увидеть украдкой,
будто бы вон, вдали:
пряничные палатки,
Старый Арбат, Фили.
Улочки в снежной истоме
торжественны и тихи.
Меня в нашем старом доме,
пишущего стихи.

Вот оказаться где бы…
Очнёшься, глаза открыв:
над головою небо,
а под ногой прилив.
До горизонта море.
Такое житьё-бытьё.
Горе моё ты, горе.
Луковое моё.

Лётчик

Стрелой пернатой, камнем из пращи
взмываю ввысь—ищи меня, свищи!
В порыве вдохновения, в азарте
я поднимаюсь выше облаков.
Ещё, казалось, здесь—как был таков!
Уже лишь точка на планшетной карте.

Я невесом и лёгок, словно пух.
От скорости захватывает дух.
Здесь дальше горизонт и ярче звёзды.
Крылом поймав воздушную струю,
я ей дышу и пьяный ветер пью,
винтом железным вспарывая воздух.

Смотри за мной внимательней, дружок.
Я совершаю затяжной прыжок
с земли до неба. В голубом атласе
небесных сфер летит мой самолёт:
как птица, кувыркается и вот—
ныряет вниз и выпускает шасси.

Импрессионисты

Май. Цветение сирени.
Пахнет свежестью земля.
Небо, солнце, свет и тени,
маки, крыши, тополя.
Ранним утром на пленэре,
взяв этюдник и мольберт,
в Буживале и в Аньере
или в Эксе, например,
за фиксацией мгновений,
чтобы только бы успеть
ворох новых впечатлений
на холсте запечатлеть.
Ощутить их в полной мере
поспешим скорей сюда.
Здесь, друзья, в Ла Гренуйере
плещет золотом вода.
Здесь, как музы на Парнасе,
женщины—лови момент!
У мамаши Клэр в запасе
есть кальвадос и абсент.
Ярче день, и небо ближе.
Аржантёй и Пти-Женвиль.
Ведь отсюда до Парижа
лишь каких-то восемь миль.
Полчаса—всего лишь—тряски.
Рельсы, шпалы, поезда.
Только кисти, только краски.
Только солнце и вода.

Облака глядятся в окна.
Мутной Сены берега.
Ещё влажные полотна
Ренуара и Дега.

Виктория Соловьёва

Дорогу тонкий завесил саван

Электричка

Электричка полна народу,
что икрою набит живот.
Ломит лавки, как на погоду.
Занят тамбур и весь проход.

Меж рядами идёт торговля—
запах рыбы и табака.
Индивид, распустив оглобли,
шарит в сумках исподтишка.

Мальчик тянет глухим прононсом,
что у кошки артрит ноги.
Да, засело в мозгах занозой:
«Но трогать её не моги».

Запах тел и входных билетов,
стук колёс и прошедших дат.
В запылённых окошках свет, но
рельсы плавно летят в закат.

Ливень тихо бормочет

Ливень тихо бормочет,
словно в телике «Вести».
Громыхнёт—перекрестит
окна—вяло, разочек…
Батя снова приложит
губы к сальной бутылке
и читает, напившись,
чистоглазого Рильке.

Даже в профиль—похоже.

Это осень взыграла—
слёзы сохнут повсюду…
Вилка молнией к блюду—
ловит лодочку сала.
А в глазах-недомогах
не тоска, а тоскища.
Этой осенью нищей
что-то выпало много
и дождей, и проклятий—
вот и тянет на строчки.
Боль расставит все точки…

Жизнь из точек, да, батя?

В нашем яблочном детстве

В нашем яблочном детстве—
пионерская зорька и зарядка под гимны,
строевые речёвки и подвижные игры…
Лисопед—по наследству,
без единой педали.
По наследству сандалии и потёртые шорты,
мы тогда и не гнались за капризами моды.
Но прорехи латали…
Брали форму на вырост,
но, окуклившись, вышли, может, просто дорвались,
как мальчишки до ямба… Google, «Яндекс» и Rambler—
мозг и память навынос.
В этой новой реальности
небо, спавшее в лужах, потихонечку слили.
И, увы, не распробовать, на вздох не осилить
эту детскую радость—удивлению сини…

Вечер

Котейка, коврик собирая в складки,
гонял по кругу солнечного зайца.
А осень целовала всех в макушку
и распускала кружева на прядки,
на паутинки, не жалея пальцев.
Оса крутилась возле сладкой лужи.

Казалось, разливает время мёды…
И крылья грациозно рассекали
густую, настоявшуюся лень.
Под солнцем наливался куст паслёна,
подвяливались кислые ткемали
и изменялись, будто чьё-то мненье.

Над чашкою, где запах амаретто
соединился с горьким вкусом кофе,
витали струйкой мысли о потерях.
Стояло бабье золотое лето!
И вечер припозднился в светлой кофте,
ещё не веря в холод, всё не веря.

А ты поверил…

Доротея

Доротея, держись за свет
и лети над пропастью голубой.
Ничего в этом мире нет,
кроме войн, кроме горьких бед
и крестов над чёрной землёй.

Ты единственная из них
умеешь свободно летать.
Помнишь, как спросила у меня:
«Зачем?
Зачем эта боль,
зачем руки так распрямлять?..»
Улыбнулся—такая свобода, такая судьба у тебя.
Ты—дарована Богом, но
они попытаются тебя распять.

А теперь спасайся!
Они не простят иных.
Им убить тебя проще, чем поверить,
что способности заложены в чистой человеческой природе.
У них у каждого живёт червь сомнения.
Червь убивает, поэтому они живут на земле—
и никогда в небе.

Доротея, держись за свет,
не складывай свои синие крылья.
Они не поймут ни тебя, ни твоей жертвы,
даже если вырежут сердце
и измерят длину твоих рук.
Доротея, они считают до двух,
и ответов у них два: «да» и «нет»,
но «нет»—самый частый.

Помнишь, как пришивал пёрышки,
подбирая одно к одному?..
Я дал тебе жизнь,
пожалуйста, не разбейся,
держись!

На даче

На даче шорохи спелых трав,
поющей сливы, листов кизила.
Спят у поленницы два ведра.
Стул—у калитки. У вишни—вилы.

Не прибираю—всё по местам.
Оставлю лавочку и чурбанчик—
здесь ловят сети… И ты всегда
всех привечала, кто брёл на дачи.

Вчера дождём—будто мир крещён—
дорогу тонкий завесил саван…
Смотрю, а стул-то… как освещён,
ну, здравствуй, мама.

Надела кофту, да, Боже мой,—
нашла платочек на дне кармана.
А кофта пахнет ещё тобой…
И сад волнуется: мама, мама…

Подсолнухи

Подсолнухи лежали на столе—
большие, почерневшие за лето.
Летал комар над охрой сухоцвета…
Рассказывал Петровне о луне
кобель соседский, пустобрёха Порох.
Под стол листва набилась и шутя
шушукалась по-доброму, любя.
Петровна семена считала споро…

У Пороха в желудке—пара рифм.
Протяжный лай несётся к Далай-ламе…
Соседка занялась теперь делами.
Та косточка, что пахла мясом,—миф,
и оттого так плачет сентябрями
соседский пёс на глупый лунный круг.
И семечки летят чернее мух—
подсолнух перезрел, повис зубцами.

И пёс весь день не переводит дух.
И листья жгут, никто их не считает…

Где-то в деревне, на северо-западе России

Скоро перейду на самовыпас—
лук взошёл, и нежится земля.
Я, сынок, с землёю как-то свыклась,
не тревожься сильно за меня…

Печь зимой не каждый день топила—
тёплая, капризная зима.
Можно обходиться, всё терпимо…
только не закрыли бы сельмаг.

Руки не вымешивают тесто,
раньше силы были—это да!
А теперь, старухи, из окрест-то—
все за хлебом тянемся туда.

У слепой Агафьи нынче праздник—
соберёмся, песни попоём.
Никодим залатыват подрясник.
Вот где голос! Вспомнит о своём…

Полетит печаль до полустанка,
глянет на скудельницу и сад…
Ты-то как? Внучка́ бы мне понянькать—
и тогда бы можно помирать.

Ручейки облизывают кочки,
слишком жаркий выдался апрель.
Он читал письмо. В последней строчке:
жаль, что почты нет у нас теперь…

На столе—помытая посуда.
Выстлали дорогу небеса.
Разошлись, но всё ещё под утро
дом скрипел, как будто замерзал.

Трамвай

Звенел-гудел—всё бесполезно. Заскрежетало колесо.
Собака, сослепу наверно, легла на рельсы. Как в кино.
А я, почуяв, что неладно, что мне её не обойти—
давил звонок что было силы, а сил-то не было почти…

Зачем она пришла? Откуда? На сердце тяжелеет груз…
И видно, что собаке худо. Среда. Октябрь заскорузл.
Боюсь, скриплю: «Беги, собака! Беги, меняй слепой маршрут.
Мне не взлететь. Давно пытался, напрасно, видишь, снова тут…

Моя среда—земля, не небо, в программе путь закрыт наверх.
И даже тот, кто крутит нервы, он тоже… только человек».
Но я почувствовал, как больно, как в каждом клапане першит,
и полетел. Держало небо, спасало три живых души.

Жили-были…

Птичка

Держишь птичку в ладонях
и думаешь: полюбуюсь и отпущу.
Но не отпускаешь,
потому что Димка тоже хочет подержать живую птичку.
Самое счастливое—ощущение тепла в руках.
Радуешься, даже не осознаёшь, насколько ей плохо…
Слишком неумелые детские души.

Кошка

Могла купить золотую цепочку
или клёвые кроссы…
И была бы счастлива ещё два дня, примеряя вещицу.
Но купила два дня жизни для кошки.
Она смотрела в мои глаза,
и я чувствовала, как больно её душа перетекала в мою.
За эти два дня я научилась видеть в темноте
и разучилась говорить.
Кошка, я тебя вижу…

Собака

Тебя нет.
Ты не нашла меня.

Николай Толстиков

Старая истина

Из цикла «Приходинки»

Искушение

Где пост — там и искушение, не дремлет лукавый. Чуть дай слабинку.

Отец Василий каждый раз к окончанию долгой великопостной службы уставал: года немаленькие, да и больные ноги вдобавок. И не заметил сам, как стал на начинающего диакона немилосердно ворчать. Тот тоже был далеко не юн, почти ровесник. Духовное училище он с Божией помощью осилил, но вот служба на ставленнической практике давалась ему туго.

Протоиерею Василию что, у него больше чем за четверть века службы каждый шажок в алтаре вымерен, слова молитв, вознесённые многократно, не забудутся. А тут поправляй не поправляй — делает диакон ошибку за ошибкой, на замечания вовсе растеряется, опустит виновато глаза долу.

А может, насмехается в свою лохматую седую бороду над наставником…

«Да он, похоже, и не старается!» — возгревается гневом отец Василий и обличает диакона:

— Верующий ли ты человек? Зачем тогда Богу служить пошёл? И в иереи ещё метишь? Как в армии, мечтаешь следующую лычку на погоны получить?

В приоткрытую форточку окна вдруг, звонко трепеща крыльями, влетел голубь и закружился в вышине под сводом храма.

«Господи! — охватился отец Василий. — Ведь Великий пост, а я что творю?! Какое я имею право осуждать ближнего? Кто я такой? „Не судите, да не судимы будете…“»

— Прости, собрат! — он шагнул и обнял поникшего понуро диакона. — Прости за гнев неправедный!

И стало легко на душе у старого протоиерея, да и диакон скоро стал служить как надо.

Слабина

Навестить то дальнее село меня попросила давняя прихожанка. Чаяли Великим постом пособороваться и причаститься Святых Христовых Тайн её престарелые родители.

Всю неблизкую дорогу вспоминалась мне моя газетная юность: корреспондентом отдела сельской жизни районки часто приходилось бывать в здешних краях, писать очерки и зарисовки о тружениках — совхоз был передовой, один из лучших в районе.

Всё село завалено снегом: весна ещё только-только пробуждается первой несмелой капелью.

Старички обрадовались, исповедовались по-крестьянски незамысловато и просто. После принятия Святых Христовых Тайн зашёл разговор о нынешней жизни: что, да как, да где, кто знаком.

Оказалось, что того совхоза давно нет и в помине, разорили его в девяностые. Разделили работнички угодья на паи, а потом продали за бесценок заезжим коммерсантам — владельцам пищевого комбината. Те уже молочные фермы ликвидировали: невыгодно, мол. Наобещали селянам «златые горы», а потом прогорели и смылись. Остались доверчивые селяне ни с чем: работы нет, молодёжь в города подалась, одни пенсионеры кое-как существуют.

— Помню, у вас в соседней деревне закрытый храм стоял. Ещё зерносклад в нём размещался. Говорят, следили за ним хорошо, берегли, даже роспись вся сохранилась. Всё по-прежнему? — спросил я.

— Да, да! Так и было! Но как зерно из него вывезли, так всё и забросили. Крыша прохудилась, протекла — какой-то жадюга часть железных листов с крыши спёр. Невесёлая приключилась история! — вздохнула сокрушённо старушка. — Мы тогда, в девяностые годы, хотели храм восстанавливать, даже община начала собираться. Скликали селян на общее собрание: давайте, мол, сложимся деньгами для ремонта крыши, иначе ведь зальёт дождями всё и снегом засыплет. И совхоз, может, подсобит?! И надо же — против упёрлась его директорша! Она — баба шустрая, продувная, «партейная», до директоров парторгом работала, язык подвешен — позавидуешь! Мол, сейчас у нас задачи поважнее «церквы», хозяйство на паи между вами надо разделить, а потом видно будет. И — слово за слово — всех отговорила, краснобайка! Да и мало нашлось людей, Богу верующих, не защитили храм.

— А что теперь там?

— Что? Свод обвалился, роспись со стен ссыпалась. Заглянуть, а не то что войти внутрь, страшно! Разруха!.. Сберегли бы в те годы храм — и у нас

бы всё было хорошо,—закручинился и старичок.—Слабину мы тогда дали—и аукнулось!

Сила молитвы

— Батюшка, а может, я тогда Христа на порог моего дома не пустила?

Немолодая женщина на исповеди устало и виновато поднимает на священника глаза.

— Заглядывал иногда в наш с мужем дом один забулдыга. Одет неряшливо, бедно. Потопчется возле порога боязливо, потом попросит трёшник или пятёрку в долг. Ну, думаю, на одно вино! Скрепя сердце выдам. Всё-таки друг детства моего мужа, в соседних домах в одной деревне росли. Потом жизнь-то их развела. Муж мой работяга и трудяга, каких поискать, а этот, видно, неудачник. Хотя муж утверждает, что он художник и талантливый. Только вот неоценённый, потому так и бедствует. Должки он не сразу, но отдавал, а однажды затянул с отдачей, да ещё и опять занимать пришёл. Вот я и рассердилась, прогнала его с бранью. Муж гневаться не стал, спросил только: может, ты б и Христа прогнала? Да и мне уже не по себе сделалось—заповедь нарушила: просящему дай! Художник-бедолага больше не бывал, как отрезало. Я уж молиться за него начала: спаси и сохрани его Господь!..

Спустя какое-то время, опять пришла в наш храм эта женщина. Только была не расстроенной, как в прошлый раз, а радостной, на лице светилась счастливая улыбка.

— Мы с мужем обвенчаться решили! И знаете, кого в свидетели пригласили? Да-да, того самого художника, друга детства мужа... У него дела хорошо пошли, нашлись ценители и картины раскупили. А сам он теперь в восстанавливаемых храмах росписи подновляет, Богу служит. Вот что значит молитва!

Прибавление ума

Бабулька, маленького ростика, с изрядно обветренным многими прожитыми годами лицом, сущий невесомый одуванчик, еле слышно лепечет:

— Причаститься Святых Христовых Тайн, батюшка, собираюсь. Да вот дочь родная пристала: иди к ведунье! И условие поставила: не повезу, мол, тебя на лето в родную деревню, совсем ты выжила от старости из ума. В трёх соснах заблудишься и как тебя звать—позабудешь!

— И что ты, бабушка, ответила?

— Так причаститься-то я собралась, какая уж тут ведунья?!—вздохнула старушка.—Но дочка моя—человек ворчливый и своенравный, на своём настаивает. Ну-ну, говорит, посмотрим, как ты на родимщину хочешь...

Поздней осенью эта же бабулька-одуванчик пришла в храм:

— Ой, батюшка, согрешила я! Иду каяться! Ведь тогда-то, весной, после причастия, всё-таки вынудила меня дочка к ведунье сходить!

— И что? Ума прибавилось?

— Так как уж не было, так и нет его!—сокрушённо повинилась бабулька и со смирением приняла возложенную на неё епитимию.

Старая истина

Упрашивала со слезами старушка-прихожанка молоденького священника отца Сергия:

— Батюшка, надо б сынка моего missing пособоровать и причастить! Неизлечимую страшную болезнь у него обнаружили, знакомый врач мне по секрету сказал. Сын-то о том пока не знает, может, и не догадывается. Только он у меня не очень верующий...

Что делать? Идёт отец Сергий по указанному адресу.

Дверь в квартиру не заперта, ни звонить, ни стучаться не надо. Осторожно он заглядывает из прихожей в комнату. Вместо ожидаемого болезного доходяги на диване развалился нехилый детина. В потолок кольца табачного дыма пускает и, похоже, под изрядным хмельком.

С усмешкой глядит на священника:

— А, поп? Здоро́во! Подговорила всё-таки мамаша. Вон, на кухне у неё там иконы висят, иди молись, коли тебе надо! А я тут на диване полежу, не пыльно...

Потоптался на пороге отец Сергий и, смущённый, ушёл восвояси.

Расстроенный, рассказал эту историю старому батюшке.

— Не переживай, собрат!—ответил тот.—Пока гром не грянет, мужик не перекрестится! Истина стара! Но, погоди, сам к нам в храм прибежит, да только не поздно бы было!

Смиренный человек

Смотритель при храме—должность, в общем-то, женская. Дел и делишек всяких—уйма! Надо подсвечники после службы протереть, воду для крещенской купели нагреть и принести, за порядком в храме следить. Хоть за чистотой, хоть за лихими людишками, норовящими что-нибудь спереть.

Времена менялись...

Храм наш стоял возле городского рынка и, бывало, подвергался набегам разных чудаков. Один прямо на середине вытряхнул полный ящик румяных яблок, видать, для пущей своей торговли. Другой чудачина бутылки с пивом по деревянному полу с грохотом кататься запустил, не иначе от алкоголизма надеясь отшатнуться. Третий—произносящего на солее ектению диакона по плечу хлопнул и пьяно поинтересовался:

— А в ухо хошь?!

Но диакон был не робкого десятка и с достоинством ответствовал:

— Отдачей не замучаешься?

Бузотёра незамедлительно и ловко «упаковал» наш новый смотритель Ваня, вытащил проветриться на улицу…

Ваня, крепкий мужичок за пятьдесят, прибился к храму на радость прочим бабушкам-смотрительницам, поселился бобылём в сторожке. Обходительный и вежливый с коллегами, он не чурался всякой работёнки — только седая его голова то тут, то там в храме мелькала. Лихоимцам с улицы надёжный заслон был поставлен. Одного Ваня даже поймал с поличным — вывернул из-под полы сворованную икону. Огрел «экспроприатора» несильно по загривку и вытолкнул восвояси.

Допытывались у Вани: чей он да откуда? Только молчал упорно в ответ смотритель, лишь хмыкал в лохматые свои усы.

— Вот смиренный какой человек… — шамкали старушонки.

Тайна разрешилась в День Победы.

Ваня пришёл на службу в парадной офицерской форме с орденами и медалями на груди. Прихожане взирали на сие «явление» с раскрытыми ртами, кто-то из старушонок робко поинтересовался:

— Где ты, Ваня, успел повоевать? Вроде ещё и не старый…

Ваня, как всегда, немногословен:

— В Афгане. Дворец Амина брал.

После праздника Ваня вдруг пропал, никто из наших прихожан не повстречал его больше. Уехал, видно, куда-то. Туда, где его не знают.

Жертва

Отец Василий — из протоиереев прежних, жизнью вдоволь тёртый, в советскую пору уполномоченными по делам религий вдосталь «обласканный», насмешек от атеистов разных мастей в своё время натерпевшийся…

В ельцинскую эпоху народ валом повалил в восстанавливаемые храмы. Стоят такие люди на службе, переминаются с ноги на ногу, пялятся по сторонам недоумевающе, не ведая, что надо делать.

Отец Василий и вразумляет таких с амвона:

— Не умеете молиться — кладите деньги! Всё посильная жертва ваша Господу будет…

Во славу Божию!

В алтаре храма в определённые моменты службы священнослужителям разрешается уставом сидеть. Наш игумен, видимо, для пущего смирения этим послаблением пренебрегает: стоит и стоит себе, молится…

Но однажды присел-таки, то ли неважно себя почувствовал, то ли просто устал.

— В кои-то веки! Не иначе, жалованье всем прибавят! — воскликнул кто-то из малоимущих пономарей.

И точно, как по заказу, на другой день — желанная добавка!

Теперь игумена на каждой службе с участливым видом просили пономари присесть, даже мягким стуликом обзавелись и его игумену старательно подставляли…

Тщетны попытки! Не так прост игумен, опять стоит перед престолом Божиим несокрушимо. И ещё наставляет жаждущих дополнительного «сребра»:

— Потрудитесь-ка просто, во славу Божию!

На всякий случай

На дальний приход приехал строгий архиерей, заметил какие-то непорядки.

За трапезой — напряжённое молчание.

Местный батюшка, прежде чем вкусить скромных яств, осторожно перекрестил свой рот.

— Зачем вы это делаете? — раздражённо спросил владыка.

— На всякий случай. Чтобы бес не заскочил.

— А может, чтоб не выскочил?

Деловое предложение

Одолели бомжи. С холодами порядочной компанией обосновались в притворе храма, хватают за рукава прихожан, «трясут» милостыню. Настоятель, бедный, не знает, как отбиться от них: иной здоровенный дядя, одетый в шмотки с чужого плеча куда как «круче» многодетного молодого батюшки, гнусавит протяжно, заступая дорогу:

— Я кушать хочу! Дай!..

Выручает казначея — тётка бывалая, тёртая жизнью. Храм хоть и в центре города, но верующим возвращён недавно, обустраиваться в нём только-только начали. Чтоб не застынуть в мороз, поставили печки-времянки, привезли и свалили на улице возле стены храма воз дров.

Казначея и обращается к бомжам с деловым предложением:

— Берите рукавицы, топоры и — дрова колоть! Всех потом накормим!.. Ну, кто первый, самый смелый? Ты?

Бомж в ответ мнётся, бормочет себе под нос:

— Да я работать-то и отвык… — и — бочком, бочком — на улицу.

Следом — остальные. Как ветром всех сдуло!

Советское воспитание

Из трапезной храма подкармливают бомжей. Повариха выносит им на улицу кастрюлю с супом.

Минута — суп проглочен. С пустой посудиной в руках стучится в двери пьяненькая пожилая бомжиха, говорит деловито:

— Второе, пожалуйста!.. И десерт!

Не зазнавайся!

Настоятель храма из районного городка давненько в областной столице не бывал, даже архиерей успел поменяться.

Надо ехать, брать благословение у нового.

Приехал, зашёл во двор епархиального управления. Видит: автомобиль чинят, из-под него ноги чьи-то торчат. Батюшка был то ли из отставных вояк, то ли из «ментов», церемониться с простым, да тем более с обслуживающим, людом особо не привык.

— Эй ты, водила!— окликнул он ремонтника и даже по подошвам ботинок того легонько попинал.— Не знаешь, новый владыка на месте?

Ремонтник молча и неторопливо выбрался из-под автомобиля и, обтирая тряпкой испачканные маслом свои руки, с нескрываемым любопытством поглядел на вопрошавшего:

— Вообще-то я не водила, а ваш новый владыка!

Батюшка тут и сел…

Святой

В разгар грозы молния ударила прямо в купол колокольни стоявшей на бугре, на отшибе от городка, церкви. Вспыхнуло гигантской свечой, даром что и дождь ещё не затих.

Пусть и времечко было советское, атеистическое, храм действующий, но народ тушить пожар бросился дружно.

Потом батюшка одарил особо отличившихся мужичков полновесными червонцами с ленинским профилем.

Мужики бригадой двинулись в «казёнку», событие такое отпраздновали на полную катушку. Потом постепенно, по прошествии лет, всё бы и забылось, кабы не опоек Коля— в чём только душа держится. Всякий раз, торча в пивнушке на своих, колесом, ногах за столиком, он вспоминал геройский подвиг. И втолковывая молодяжке, что если б не он, то б хана делу, «сгорела б точно церква!», блаженно закатив глаза, крестился заскорузлой щепотью:

— Теперь я святой!..

Так и прозвали его— Коля Святой.

Вторая натура

Длинноносый, в очочках, слегка прощелыговатого вида, местного пошиба чинуша Голубок был ещё и уполномоченным по делам религии при райисполкоме.

Времена наступили уже «горбачёвские»; в отличие от своих предшественников, Голубок настоятеля храма в городке не притеснял, постаивал себе по воскресным службам скромненько в уголке возле свечного ящика.

Скоро необходимость в уполномоченных вместе с самой властью и вовсе отпала, Голубка вроде б как выперли на пенсию, но в храме он появлялся неизменно и стоял всё на том же месте.

«Не иначе, уверовал в Бога!»— решил про него батюшка и даже поздравить его хотел с сим радостным событием.

Но Голубок потупился:

— Я, знаете ли, захожу к вам по привычке.

«Да!— вздохнул обескураженно настоятель.— Что поделаешь, коли вторая натура!»

Бессребреники

Триня и Костюня— пожилые тюремные сидельцы, и не по одному сроку за их плечами: то кого побили, то чего украли. И тут долго на волюшке ходить, видать, опять не собрались: подзудил их лукавый в ближней деревне церковь «подломить».

Двинулись на дело глухой ночью, здоровенным колом припёрли дверь избушки, где дрых старик-сторож, оконце махонькое— не выскочит, и, прилагая все нажитые воровские навыки, выворотили четыре старинных замка на воротах храма.

Побродили в гулкой темноте, пошарились с фонариком. В ценностях икон ни тот, ни другой не пендрили и потому их и трогать не стали. Наткнулись на деревянную кассу для пожертвований, раскокали, но и горсти мелочи там не набралось.

— Тю!— присвистнул радостно Триня.— Бросай эту мелочёвку, тут в углу целый ящик кагора!..

На задах чьего-то подворья, в сараюшке, устроили налётчики пир. Тут их тёпленькими и взяли. Когда их вязали, возмущались они, едва шевеля онемевшими языками:

— Мы чё?! Ничё не спёрли, верим, так как кагор и тот выпить не успели.

Присоседились

На заре советской власти в моём родном городке тоже предавались всеобщему безумию— переименовывать улицы. Прямо пойди— Политическая, вбок поверни— Карла Маркса.

Проходя по центральной улице, спросил я у девчонок из местного сельхозколледжа: знают ли, в честь кого улица названа— Розы Люксембург?

Те хихикнули, блеснув белыми зубками:

— Да в честь какой-то международной «простигосподи»!

А уж кто такой по соседству Лассаль, не каждый здешний учитель истории, наверное, ответит.

Эх, погуливали когда-то наши предки по Соборной, назначали свидания на тихой, утопающей в кустах сирени Старомещанской, в воскресный день шли на службу в храм по Никольской!

Отреставрировали у нас недавно часовенку, освятили для верующих, в угловом здании бывшего горсовета открыли воскресную школу. Красивыми такими большими буквами на стене её название написали.

А чуть выше старая вывеска-указатель: улица Коммунистов.

Присоседились.

Тридцать сребреников

Писатель служил диаконом в храме. Дожил и дослужил он до седой бороды; писателем его никто не считал и называл если так—то по-за глаза, ухмыляясь и покручивая пальчиком возле виска.

Мало кто знал, что на дне старинного сундука в отцовском доме лежала толстая стопка исписанных бумажных листов, «семейная сага»—история рода, над которой он в молодости за столом корпел ночами. Все встряхивающие в прошлом веке «родову» события, образы дедов и бабок, дядек и тёток, удачливых в жизни или бесшабашных до одури, укладывались помаленьку в главы книги.

Тогда же он, с радостным трепетом поставив последнюю точку, послал рукопись в один из журналов, и оттуда, огорошив, ему ответили, что, дескать, ваши герои серы и никчёмны и что от жизни такой проще взять им лопату и самозакопаться. А где образ передового молодого рабочего? Нету?! Ату!!!

Обескураженный автор спрятал рукопись в тот злополучный сундук, втайне всё же надеясь, что ещё придёт её время…

О своей «саге» диакон, видимо, обмолвился кому-то из иереев, тот—ещё кому-то, узнала о ней и одна интеллигентная бабушка-прихожанка, решила помочь. Схватила диакона-писателя за рукав подрясника и потащила к спонсору. Куда ж ныне без них, сердешных, денешься? Тем более среди прихожан таковые имелись. А этот, по слухам, ещё и из поповичей выходец.

В назначенный час диакон и тётка топтались у подъезда особняка-новодела в центре города. Хозяин его, глава фирмы по продаже чистой воды за рубеж, лихо подрулил на иномарке. Ладный такой старичок, спортивного вида, в отутюженном костюмчике; глаза из-под стеколышек очочков—буравчики. Рукопожатие крепкое.

—Преображенский!—представился он и сказал диакону:—Вы давайте сюда свою рукопись, я ознакомлюсь и решу. Вас, когда понадобитесь мне, найдут…

Переживал, конечно, писатель несколько томительных дней и ночей, мало ел, плохо спал. Наконец позвонили прямо в храм, за свечной «ящик»:

—Преображенский приглашает.

Он ждал диакона на том же крылечке, вежливо открыл перед ним дверь в офис; охранник-детина, завидев за писателем шефа, вскочил и вытянулся в струнку.

Преображенский провёл гостя в свой большущий просторный кабинет с развешенными на стенах полотнами-подлинниками местных художников.

—Вас, наверное, предупредили…—начал он разговор.—А может, и нет. Я был начальником отдела контрразведки одного известного учреждения. Впрочем, ладно, не в этом суть.

«Вот влип!»—подумал про себя диакон и слегка вспотел.

—Откуда вы для своей книги сведения черпали? Героев своих расписывали? Из рассказов родственников, соседей? Да? Но всегда ли эти байки объективны были, не обиду или злобу затаив, сочинял иной гражданин разные страшилки про коллективизацию или работу органов? Вас-то в это время ещё не было на свете!.. У меня самого прадед-священник в двадцатом году во дворе тюрьмы от сердечного приступа преставился, когда на допрос чекисты выкликнули. Но мне это родство потом в жизни помехой не стало…

Преображенский говорил и говорил, не давая бедному писателю и слова втиснуть. Оставалось только тому согласно мычать да глаза пучить.

—Зачем ещё одна такая книга, где о советском прошлом так плохо и ужасно?.. Денег на издание её я вам не дам… Но не спешите откланиваться!—остановил диакона несостоявшийся спонсор.—У меня есть к вам деловое предложение. А что, если вы напишете такую книгу, где коллективизация, чистки и всё другое было только во благо, во имя высшей цели?! Вот это вас сразу выделит из прочего мутного потока! А я готов платить вам жалование каждый месяц, такое же, как у вас в храме. Подумайте!

Диакон вышел на крыльцо, нашёл взглядом маковки церковных куполов невдалеке и, прошептав молитву, перекрестился.

Ничего не стал он писать. А рукопись свою опять спрятал на дно сундука.

Противостояние

Ильич стоит к храму боком, вроде как бы с пренебрежением засунув руки в карманы штанов и сбив на затылок кепку. На пьедестале—маленький, в свой натуральный рост, измазан чёрной краской.

Храм в нескольких десятках метров от статуи, в окружении рощицы из старых деревьев, уцелел чудом на краю площади в центре города. Всегда был заперт на замок, окна закрыты глухими ставнями.

Однажды в его стенах опять затеплилась таинственная, уединённая от прочего мира церковная жизнь…

Но и на пустынной площади возле Ленина разместился аквапарк с качелями-каруселями, надувными батутами, развесёлой, грохочущей день-деньской музыкой. О вожде мирового пролетариата тоже не забыли: как любителю детей, под самый нос ему заворотили ярко раскрашенную громадную качалку. Только дети то ли не полюбили, то ли просто побоялись качаться тут или благоразумные родители им запретили это. Визжали, дурачились на качалке молодые подвыпившие тётки, а с лавочек возле постамента, опутанного гирляндой из разноцветных помигивающих лампочек, их задирали тоже хватившие лишку

молодцы с коротко стриженными, в извилинах шрамов, головами и в грязных потных майках, обтягивающих изляпанные синевой наколок тела.

Не думал я, проходя мимо них на службу, что нежданно-негаданно эта накачанная компания, спасаясь от жары или вовсе теряя всякую ориентировку во времени и пространстве, ввалится в храм…

Служили на Троицу литию. Выбрались из зимнего тесного придела в притвор напротив раскрытых врат просторного летнего храма, выстывшего за долгую зиму и теперь наполненного тяжёлым влажным воздухом. Из окон под куполом пробиваются солнечные лучи, высвечивают, делая отчётливыми, старинные фрески на стенах. Как на корабле средь бушующего, исходящего страстями, людского моря!

Молодцов, пьяно-шумно загомонивших, тут же, зашипев и зашикав, выпроводили обратно за порог бабульки-смотрительницы. Один всё-таки, в ярко-красной майке, загорелый до черноты, сумел обогнуть заслон и, качаясь из стороны в сторону, пройти в гулкую пустоту летнего храма. Возле самой солеи, у Царских врат, он бухнулся на коленки и прижался лбом к холодному каменному полу. Старушонки, подскочив, начали тормошить и его, чтобы вывести, но батюшка махнул им рукой: пускай остаётся!..

Торжественно, отдаваясь эхом под сводами храма, звучали слова прошений ектении, хор временами подхватывал стройным печальным многоголосьем: «Господи, помилуй… Господи, помилуй!». В эту симфонию вдруг стали примешиваться какие-то неясные звуки. Мы прислушались. Да это же рыдал тот стриженый в майке! Бился испещрённой шрамами головой о край солеи, просил, умолял, жалился о своей, скорее всего, несуразно и непутёво сложившейся жизни. Что творилось в душе его, какое скопище грехов рвало и кромсало её на мелкие кровоточащие части?!

Вот он утих и лежал так ничком на полу до конца службы. Потом бабульки помогли ему подняться и повлекли его к выходу из храма, умиротворённого, притихшего, с мокрым от слёз лицом.

А молодой батюшка, вздохнув, сказал:
— Проспится в кустах под Лениным и всё своё покаяние забудет. А жаль…

Власть без пола

В самом древнем соборе в городе власти разрешили отслужить Пасхальную вечерню.

Собор — музей, в гулком его нутре холодно, сыро. За толстыми стенами вовсю бушует весна, а здесь впору в зимнюю одёжку упаковываться.

В алтаре священнослужители терпеливо ждут архиерея, разглядывают старинные фрески на стенах.

Вдруг в алтарь бесцеремонно влетает немолодая дама, затянутая в джинсовый костюм с блестящими заклёпками, на голове — взлохмаченная кудель рыжих крашеных волос.
— Вы куда? Женщинам же сюда нельзя! — с тихим ужасом восклицает кто-то из молодых батюшек.
— Я не женщина! — нисколько не смущаясь, ответствует джинсовая дама. — Я главный инженер!

И неторопливо бродит по алтарю, смотрит на датчики на стенах, фиксирующие процент влажности, записывает что-то в блокнотик.

Сделала своё дело и — как ни здрасьте, так и ни до свидания!

Все оторопели. Немая сцена…

По времени

Местный юродивый Толя Рыков сидит на паперти храма, как обычно, лопочет что-то взахлёб. Нет-нет да и проскочит в его речах крепкое словцо.

Солидная дама, выходя из храма и всё-таки, видать, собираясь пожертвовать Толе копеечку, сожалеющее-брезгливо поджимает подкрашенные губы:
— Какой он у вас блаженный? Вон как матом ругается!

Опрятная старушка рядом отвечает:
— Так это он по топеришному времени…

Всё-таки польза!

Бабулька тащит батюшке связку сухих позеленевших баранок:
— Хотела вот поросёнку отдать… Да ты возьми! Хоть помолишься обо мне, грешной!

Без греха

Благообразного вида старушонка — священнику:
— Ой, батюшко, хотела бы причаститься, да всё никак не получается!
— Иди на исповедь! — отвечает ей молодой батюшка. — Знаешь, что в Чаше-то находится?

Старушонка хитро поглядывает, почти шепчет заговорщически:
— Знаю… Да только не скажу.
— Евангелие читаешь? — продолжает допытываться священник.
— На столе всегда лежит, — ответствует бабулька.
— Так читаешь?
— Так на столе-то оно ведь лежит!
— Много грехов накопила?
— Ох, батюшко, много, много! — сокрушённо всплёскивает ручками старушка.
— Перечисляй тогда!

Бабулька задумывается, вздыхает вроде б как с огорчением:
— Да какие у меня грехи? Нету…

Пост

Полуслепой, вдовец, давным-давно «за штатом», хромой отец Василий ковыляет помаленьку с базара. В авоське-сетке в крупную ячейку,

болтающейся в его руке, просматривается мороженая куриная тушка.

Кто-то из новоявленных фарисеев радостно, с показным сокрушением на роже, бросается к старику:
— Батюшка, ведь — пост!

Отец Василий останавливается, скорее не зрением, а по звуку голоса находит укорившего его и обстоятельно изрекает:
— У кого — нет, у того и пост!

Портфельчик

Семейство причащается Святых Христовых Тайн. Две девочки постарше уступают первенство младшей сестре. А та извивается ужом на руках у худощавого папы, мотает головой туда-сюда, плотно сжимая губы, — ложечкой с причастием не попадёшь.
— Да поставьте дочку на ноги, в конце концов! — говорит батюшка папаше. — Не младенец она у вас!

Девчонка уже не угрюмо и испуганно, а с некоторым настороженным интересом смотрит на батюшку снизу вверх. К спине непослушной рабы Божией, словно блин, прилепился крохотный игрушечный портфельчик.
— О, сегодня знаменательный день! — нашёлся священник. — Причащаются все, кто с портфельчиками!

И надо же — девчонка сразу свой рот нараспашку, как галчонок!

Подумалось: а что, если бы не только дети, но и взрослые дяди и тёти с портфелями причащались почаще? Может, тогда и жили бы все в России лучше…

Дань моде

Молодой священник отец Сергий пришёл сам не свой:
— Пригласили меня освящать «новорусский» особняк… Час уж перед обедом. В вестибюле юная дамочка встречает. В одной прозрачной ночнушке, коротенькой, по самое «не могу». Этак спросонок щебечет: «Вы работайте, работайте! Если я вам мешаю, то на балкончике пока покурю».

Освятил особняк отец Сергий, водичкой везде в комнатах покропил, от прелестей дамочки-хозяюшки стыдливо глаза отводит.
— Понимаете хоть — зачем вам это освящение жилища? — спрашивает.
— Так модно же! — удивлённо округляются глазки с размазанной косметикой. — Чем я хуже других?! А вы получили за свою работу, так молчите!

Дай денег!

К отцу Сергию в церковном дворе подгребает бомж. Мужик ещё не старый, здоровяк, подбитая рожа только пламенеет, и перегарищем за версту от него разит и едва с ног не сшибает.
— Дай денег! — просит у батюшки.

А у того детей — мал мала меньше, полная горница!
— Не дам, — говорит отец Сергий. — Мне чад кормить.
— А я вот семью свою потерял, потому и пью. Не могу без них и до такой жизни дошёл, — пытается разжалобить священника бомж и приготавливается, видимо, выдавить слезу.
— А ты не пей! — со строгостью ответствует отец Сергий. — И всё вернётся.

Бомж чувствует, что терпит фиаско, и кричит раздражённо:
— Я… я… Афган прошёл!.. Напишу вот корешам, они мне столько денег пришлют, что и тебе дам!..

Другой бомж — потише, на фантазии его не тянет, в состояние крайнего возбуждения он приходит только в одном случае — когда в церковный двор въезжает шикарная иномарка и навстречу ей торопится батюшка с кропилом.

Освящение машины — дело серьёзное, тут хозяин подстраховаться от всякой беды хочет, стоит — весь во внимании. Щедро кропит батюшка иномарку святой водичкой, а тут невзрачный оборванный мужичонка к хозяину подскакивает и — дёрг его за рукав!
— Дай денег! — кричит и щерит в беззубой улыбке рот.

Бритоголовый хозяин в другом бы месте без разговоров в ухо просителю въехал, но тут, возле храма, — нельзя. А бомж не отстаёт, то за один рукав, то за другой опять дёргает.
— Да на! Отсохни! — суёт, наконец, бомжу купюру.

А тому только то и надо, будет ждать-дожидаться до следующей поживы. Иноземного авто в России хоть пруд пруди, миллионером можно так сделаться.

Капелька

Жоржа на спор прокрутили на лопасти винта вертолёта когда-то во время срочной его службы в армии, и с той поры жизнь вращала и вертела бедолагу, бросала в разные стороны.

Кончилось тем, что оказался Жорж перед самым выходом на пенсию у нас на приходе, бобыль бобылём, единственная родня — брат в деревне, да и тот бродягу Жоржа принять отказался. Всё хозяйство и богатство Жоржа — допотопный обшарпанный чемодан, набитый всякой бесполезной всячиной, обмотанный цепью, замкнутой на висячий, приличных размеров, замок.

Притулившись к приходу, Жорж взирал на молодого настоятеля как на благодетеля. Пономарничая — прислуживая в алтаре, он, разинув рот, ловил каждое того слово. Да вот беда — седая башка у пожилого Жоржа была с порядочной дырой: что влетало туда, тут же, без толку пошабарошившись, вылетало обратно. Настоятель молодой, горячий: Жорж от его раздражённых окриков и упрёков

тычется растерянно во все углы, словно слепая курица. И смех и грех!
— Уйду! Уйду! Уйду!—отходя от службы, скулит забитой псиной в укромном местечке умаявшийся Жорж, однако же на следующее утро опять ожидает смиренно настоятеля.

Смотрят все на беднягу жалеючи: точь-в-точь готовый услужить господину послушливый раб— от усердия и беготни аж подмётки сапог, того гляди, задымятся!

Но не так прост наш Жорж!

В запертую дверь алтаря снаружи пытается постучаться диакон: обе руки поклажей заняты.
— Отопри, Жорж!
— Не инвалид! В другую дверь обойдёшь!—ворчит недовольно Жорж и не трогается с места.

Что ж, каждый по «капельке выдавливает из себя раба»…

Проруха

Рафаиловна—старица благочестивая, но и чересчур шустрая. При храме она смотрительницей состоит и в каждую щель свой востренький носик норовит воткнуть. Зайдёт с улицы в храм какая-нибудь накрашенная дамочка свечку поставить, не успеет ещё с робостью лоб перекрестить и оглядеться, как Рафаиловна коршуном на неё наскочит:
— А чё ты в брюках забежала, как басурманка? А чё без платка? А чё намазюканная, как буратино?

Пришибленная таким натиском захожанка забывает, зачем сюда и пришла, дай Бог ноги унести! Зайдёт ли когда ещё?..

Рафаиловна и с постоянными прихожанами строга: следит неотступно, чтобы кто-нибудь из них со «своего» места не передвинулся на чужое, чуть что—зашипит недовольно.

Сколько раз священнослужители делали Рафаиловне за это усердие не по разуму внушение: так и прихожан всех можно от храма отвадить,—но… опустит смиренно глазки долу Рафаиловна—и опять за своё.

Хотя в экстренных случаях без неё не обойтись…

Заболели разом оба пономаря, Алексей и Жорж, пришлось настоятелю доверить пономарку с кадилом Рафаиловне: всё-таки старица благочестивая. И не ошибся настоятель: начищенное кадило яро блестит, в алтаре пылинке сесть некуда.

Рано ли, поздно—вернулись, одолев свои болячки, Алексей с Жоржем, Рафаиловну можно бы и отставить от пономарства, да не тут-то было! Старички-алтарники не особо аккуратисты, наведённая чистота стала при них помаленьку блёкнуть. Этого Рафаиловна не могла спокойно пережить. Заглянув в алтарь в щель приоткрытой диаконской двери, возмутилась, сжала негодующе кулачишки и возопила на лодырей «гласом велиим»… Старики как угорелые заметались по алтарю, и прежний порядок был благополучно восстановлен.

Но и на старуху бывает проруха…

Как-то раз с улицы забежал в пустынный днём храм бомж. Маленького росточка, особо неприметный, в меру вонючий и грязный—в оставленные прихожанами на паперти шмотки бродяги иногда обряжаются не хуже обычных людей. Незамеченным он прошмыгнул в алтарь и через пару секунд выбежал обратно, сжимая в одной руке подсвечник, а в другой посеребрённый крестильный ящичек.

Рафаиловна отважно бросилась на вора, но приёмами самбо или джиу-джитсу старица не владела, грабитель просто оттолкнул её в сторону и бывал таков. Как в омут канул, вызванный по тревоге наряд милиции не сумел его изловить.
— Ой, это я, ворона старая, во всём виновата!— сокрушалась Рафаиловна.

И решила, искупая грех, просить у настоятеля благословения уйти в монастырь…

Кто-то видел её потом в соседней епархии, принёс весточку, что трудилась Рафаиловна на скотном дворе в монастырском хозяйстве.

Кто-то из наших прихожан вздохнул:
— У неё, небось, там и коровы в бахилах ходят…

Про лампочку и архиерея

В кафедральном соборе города поздравляют с юбилеем архиерея. Роскошная куча из букетов цветов, всяких подарков; льются напыщенные льстивые речи.
— Вы, владыка, как лампада многоценная, сияете нам, сирым и убогим!..—восклицает велеречиво, с придыханиями, соборный протоиерей…

На другой день старичок-архиерей, просматривая свежую городскую газету, вызывает своего секретаря:
— Смотри-ка, отец секретарь, что пишет журналист…—и читает вслух строки из репортажа:— «И вы, владыка, как… лампочка многоценная, сияете нам…».

Архиерей грустно улыбается:
— Это как понять? Лампочка-то может и перегореть, а то и вывернуть её запросто могут.

Чехова вспомнили

Правили в храме службу.

Пожилой пономарь Алексей, телом сух и духом крепок, поспешил по какой-то надобности через «горнее место» в алтаре, и вот тебе—попала ему в ноздрю пылинка. Чихнул он громко и от души.
— О несчастный!—воскликнул стоящий перед престолом батюшка—службы без году неделя, но сразу метивший в «младостарцы».—Молиться тебе, убогому, надо, поклоны бить и каяться, каяться!

Старый игумен рядом, видавший виды, вздохнул удручённо:
— Давайте не будем уподобляться чеховским персонажам!

Что лучше?

Отец Сергий, старенький священник, на полиелее произнеся в алтаре ектению, выходит в проём Царских врат на солею и с торжественно-подчёркнутой неторопливостью кланяется настоятелю, помазующему елеем чела прихожанам на середине храма.
— Отец Сергий, зачем же вы так делаете? Ведь настоятель — не архиерей!
— Лучше перекланяться, чем недокланяться! — ответствует мудрый священник.

И всего-то делов!

В верхнее окно алтаря нашего храма виден флаг, развевающийся над зданием городского суда.
— Посмотрите! Вон как полотнище повылиняло, истрепалось ветром! Заменили бы хоть! — посетовал однажды настоятель.

И как-то смотрим — полотнище флага новёхонькое, реет гордо.
— Вот дело другое! — доволен настоятель.

В это время к престолу, держа кадило, осторожно приближается наш пономарь Алексей — божий человек, колеблемый после поста даже сквозняком и смиренный душою и сердцем.
— Каюсь, батюшка, это я… — лепечет он еле слышно. — Благословения у вас забыл испросить. Стекло в верхнем окне перед службой протёр. И вот…
— Да, накадили мы, братие!

Свой срок

Отец Аввакумий страдал от одной своей особенности — ляпнет что-нибудь второпях ни к селу ни к городу, не подумавши толком, а потом испуганно охватывается.

Однажды вылетели напрочь у него из головы слова заготовленной накануне проповеди о пользе труда. Бывает же такое — рот открыл сказать, а мысль куда-то внезапно ускочила.

Но батюшка не растерялся:
— Некоторые несознательные прихожанки спрашивают меня: можно ли в воскресенье стирать бельё? Не грех ли это? Отвечаю: Бог труд любит! Стирайте на здоровье, но после обеда! Аминь!.. Что стоите и ждёте?

За праздничным застольем опять казус, снова батюшке хотелось сказать как лучше, а получилось как всегда.

С торжественностью разгладил он бороду, вознёс бокал с вином и, поблёскивая капельками пота на лысине, с чувством пожелал присутствующим:
— Скорейшего вам Царствия Небесного!

И не мог понять, почему это у всех дружно, как по команде, вытянулись лица.

Что ни говори, а всякому — свой срок, и подготовиться к этому — время нужно, и каждому желалось бы подольше.

Супостаточки

Пенсионерка, преподаватель педагогического вуза, то ли из солидарности с кем-то, то ли из простого любопытства зашла однажды в храм.

Поозиралась по сторонам и вдруг видит: напротив иконы стоит давняя однокурсница и крестится.

В студенческой молодости дамы, без сомнения, соперничали меж собой, а может, и чёрная кошка когда-нибудь между ними прошмыгнула.

Первая, не успев ещё толком поздороваться, тут же поспешила уколоть другую:
— Крестишься, молишься вот… А помнишь, что у тебя в институте была твёрдая пятёрка по научному атеизму?
— Так я покаялась… — был ответ.

Как я стал дедом

Всему свой срок. И мне пришло времечко дедушкой становиться…

Дочь в роддоме мучится; брожу потерянно по улице. Зашёл на огонёк в старинный особнячок в центре города, где контора местного отделения Союза писателей России квартируется. Братья-писатели посочувствовали, кручину мою по-своему истолковали: достали из ухоронки добрый остатчик — на, успокой нервишки! И ушли в соседнюю комнату какое-то совещание проводить.

Сижу-посиживаю: мобильник в ожидании на столе, возле посудины закинутые салфеткой пустые рюмашки.

Из коридора в дверь прошмыгнул невеликого ростика, плотный, прилично одетый старикан со старомодным дипломатом в руке, стрельнул испытующе в мою сторону колючими глазками и уселся за соседним, донельзя заваленным рукописями, секретарским столом, приняв выжидательно-скучающую позу.

Немало тут старикашек всяких-разных шастает с толстенными тетрадками мемуаров лишь для того, чтобы кто-то хотя бы вид сделал, что их творения прочитать собирается.

Старичок не мешает мне, сижу дальше.

Трель мобильника: зять звонит! Всё — ты дед!

Шумно общаемся с зятем по телефону и нескоро умолкаем.

Глядь: старичок уже сидит напротив меня и с нарочито-деланной улыбочкой мне руку через стол тянет:
— Уважаемый товарищ, поздравляю вас со знаменательным в вашей жизни событием!

От предложенной рюмки он воротит нос, морщится, но потом, с явно притворным тягостным вздохом, опрокидывает залпом её содержимое в себя: ну только если ради вас…
— А вы — тоже писатель?! — занюхав хлебной коркой, деловито вопрошает он меня.

Получив утвердительный кивок, спрашивает у меня фамилию.

Вижу: особого впечатления мой ответ на него не производит. Интересуется старичок только: не родственником ли мне приходится такой-то председатель колхоза?

— Нет. А что?

Старикан приосанивается, в голосе его даже металл бряцает:

— Я работал в том районе первым секретарём райкома КПСС!

Я с места не подпрыгнул, под козырёк не взял, подобострастную мину себе на лицо не нацепил. Сижу себе, хлеб жую.

«Партайгеноссе», видя к себе такое почтение, немного скуксился и вдруг воткнул мне в грудь палец:

— А вы где работаете, товарищ?

— В церкви служу.

Старичка мой ответ явно огорошил, бедный даже поперхнулся, но со стула прытко вскочил.

— Бывайте…—процедил он сквозь фальшивые зубы и сам бывал таков!

Впрямь чёрт от ладана рванул—видал, может, кто?

Вот так, в компании за рюмкой с «партайгеноссе», и стал я дедом. Никогда бы не подумал…

День ангела

Староста Вонифатьич имел обыкновение приглашать в храмовый праздник за трапезу нужных людей. Не обязательно спонсоров, то бишь благодетелей, но и тех, через кого можно что-то для прихода пробить или достать. Староста был ещё тот проныра.

И в этот раз на Николу заявились три именитых именинника. Стоящими на службе их никогда не видывали. За праздничным столом, когда они обсели настоятеля и старосту, прочая братия храма смогла их хорошо разглядеть.

Тем более Вонифатьич представил всех:

— Этот раб Божий Николай—председатель фракции коммунистов в городской Думе.

Плотный пожилой здоровячок с поросячьими глазками учтиво кивнул.

— А этот Николай,—продолжал староста,—бывший сотрудник КГБ, в своё время уполномоченный по делам религий. А ныне—депутат Законодательного собрания.

Вонифатьич в почтительном поклоне согнулся над столом, почти касаясь бородой тарелки, на что краснощёкий толстяк протестующе замахал пухлыми руками:

— Что вы, что вы! Не надо, я человек скромный!

Третий Николай—глаза спрятаны за непроницаемой завесой дымчатых стёкол очков, тонкие губы поджаты в строгую ниточку—оказался замом председателя торгово-промышленной палаты.

Староста возглашал в честь гостей цветистые тосты, но потом как-то поиссякли у него хвалебные слова, тоже есть им конец и край. Над столом вдруг зависла долгая выжидательная пауза.

Но нашёлся и тут Вонифатьич. Закатил глаза и с чувством выдохнул:

— А хорошая школа был комсомол! Всех в люди вывел!

И один глаз хитро приоткрыл.

— Да, да!—зашумели радостно гости и зазвякали бокалами.

Молчал только и не потянулся за стаканом старый диакон. В комсомоле он никогда не состоял, с мальчишек ходил на праздники в храм, уворачиваясь от комсомольцев-дружинников с красными повязками на рукавах. За столом сейчас вроде б как те знакомые лица ему померещились.

О том, что у диакона тоже сегодня—день ангела, и не вспомнили. Не в тему…

Тост

Отец Федот—из прапорщиков, низкий, коренастый, даже какой-то квадратный, всегда то ли под хмельком, то ли просто так в узкие щёлочки плутоватые глазки свои щурит.

Из армии его вытурили, не дали дослужить всего пару лет положенного срока. По особой, он бахвалится, причине: тогда ещё, в конце восьмидесятых, замполит-дурак на построении сорвал нательный крестик с шеи солдата, а Федот заступился за беднягу. Может, это и было последней каплей в его служебных прегрешениях: проговаривался Федот по пьяной лавочке, что, мол, и тушёнку в жестяных банках у него на складе мыши успешно и много кушали, и спирт из опечатанных канистр чудесным образом улетучивался.

Короче, оказался Федот в доме у старых родителей в деревеньке возле стен монастыря. Тихую обитель, бывшую полузаброшенным музеем под открытым небом, стали восстанавливать, потребовались трудники. Федот тут и оказался кстати. Плотничать его ещё в детстве тятька научил.

Потом забрали Федота в алтарь храма прислуживать, кадило подавать.

— Веруешь?—спросил игумен у перепачканного сажей Федота.

— Верую!—ответствовал тот.

— И слава Богу!

Самоучкой—где подскажут, а где и подопнут—продвигался Федот в попы.

В самом начале девяностых востребованной стала эта «профессия», позарез кадры понадобились. А где их сразу накуёшь средь напичканных советским мусором головушек? У кого-то хоть чуть-чуть просветление в мозгах образовалось, как у Федота, тому и рады…

В церкви, как в армии, единоначалие, и Федоту к тому не привыкать. Тут он—в своей тарелке.

Нет-нет да и выскакивало из него прежнее, прапорщицкое, командирское. Бывало, служит

панихиду. А какая старушонка глухая, не расслышит, как прочитали с поданной бумажки родные ей имена — с соседкой ли заболтается или ещё что, затеребит настойчиво отца Федота за край фелони: уж не поленился ли, батюшко, моих помянуть?

— Так! — сгребёт за «ошерок» старую глухню Федот. И отработанным командным голосом огласит ей на ухо весь список. — Слышала?!

— Ой, батюшко, чай, не глухая я! — еле отпыхается со страху старушонка.

Отец Федот развернётся к остальным и с угрозливыми нотками в голосе вопросит:

— Кто ещё не слышал?!

Все попятятся…

В определённые моменты на литургии все молящиеся в храме должны становиться на колени. Но бывает так, что, кроме богомольцев, просто находящихся и случайно сюда забежавших людей куда как больше. Стоят, глазеют, а то и болтают.

Отец Федот строг, тут вам не музей: выглянет, топорщась бородищей, из алтаря и рявкнет, как на солдат на плацу, для пущей убедительности сжимая кулак:

— А ну-ка все на колени!

И бухались дружно. Даже доски деревянного пола вздрагивали.

На солдафонские повадки отца Федота никто особо не обижался: что взять, испортила хорошего человека армия…

Как раз в праздник Победы пригласили отца Федота освятить офис одной преуспевающей фирмы. Хозяева и сотрудники охотно подставляли раскормленные холёные хари под кропило батюшке, а потом, сунув ему на лапу, и за банкетный стол бы, чего доброго, позабыли пригласить. Но отец Федот — человек не гордый, сам пристроился.

Только наскучило ему всё скоро: был он, пока кропилом размахивал, главным героем момента, а теперь и в упор никто его не видел — пустое место. Вели фирмачи какие-то свои, непонятные ему, разговоры, лениво потягивали из бокалов заморские вина, нюхали чёрную икорку.

Ощутил себя отец Федот тут инородным телом. И зацепило его ещё: о празднике никто из присутствующих и не вспомнил даже. Решил он тогда встряхнуть всех старым армейским тостом. В большущий фужер из-под мороженого налил мартини, плеснул виски, сухого, пива, водочки…

Кое-кто с недоумением косился на отца Федота. А он встал из-за стола, под умолкающий шум вознёс свою братину, в почти полной уже тишине опрокинул её в себя и, зычно крякнув, выдохнул:

— Смерть Гитлеру! И всем буржуям!

Подросток

Старый заслуженный протоиерей, бородища с проседью — вразлёт, был нрава сурового, жёсткого: слово молвит — в храме все трепещут. А у его сына Алика пухлые щёки надуты, будто у ангелочка, румяненькие, глаза добрые, бесхитростные. Увалень увальнем.

Батька не церемонился долго: повзрослевшему сынку предопределил семейную стезю продолжать. Замолвил где надо веское своё словечко — и готово: Алик — поп. Не стал парень отцу перечить — молодец, но только рановато ему было крест иерейский надевать.

Служил отец Алик в храме исправно — с младых ногтей всё впитано. Да вот только приключилась беда или недоразумение вышло: обнаружились у молодого батюшки две вроде бы взаимоисключающие друг друга страсти — велосипеды и компьютеры. В свободные часы Алик до изнеможения по дорогам за городом гоняет, вечерами за компьютером зависает.

Утречком мчится он на службу на своём велике, влетает в ворота церковной ограды, весело кричит:

— Смотри, отец диакон, как я без рук могу ездить!

И выписывает кривули по двору, только крест между раскрылившихся пол курточки на его груди поблёскивает. Бабки-богомолки озираются, испуганно сторонятся и торопливо крестятся.

Юная матушка у Алика — не тихоня, не прочь молодого мужа на увеселения какие-нибудь затащить, хоть на дискотеку.

Рвал, рвал себя Алик пополам да и однажды не выдержал: пошёл в епархиальное управление и прошение «за штат» на стол положил.

— Не дорос я… Подрасту — вернусь!

Проявился-таки полученный по наследству отцовский непримиримый характерок!

Старого протоиерея спрашивали, бывало, потом про сына.

— Компьютерную фирму открыл, соревнования в Москве выиграл, — чуть заметно смущаясь и будто бы оправдываясь, говорил протоиерей. — Но… вернётся ведь ещё, даст Бог!

Фанатка

У казначеи осторожно интересуются насчёт премиальных накануне праздника Пасхи.

— Вот посмотрите сами, сколько у нас при храме работников! — с укоризною трясёт дородная старушенция листом ведомости на зарплату со списком фамилий перед удручённо повесившими носы просителями. — И всем подай! А прихожане много ли приносят?..

Через полчаса за обедом в трапезной казначея заводит разговор о юбилейном концерте Аллы Пугачёвой:

— Это же моя любимая певица! Жаль, что концерт по телику полностью посмотреть не удалось, в двенадцать ночи надо было молитвы вычитывать. А как там Филя выступал…

Суровая старушенция умильно закатывает глазки…

Вот когда надо бы было о премии выспрашивать!

Ни пуха ни пера

Молодой батюшка собирается на сессию в семинарию.

Литургия отслужена, проповедь кратка.

— Простите, дорогие прихожане, спешу на поезд, буду на сессии экзамены сдавать.

— Ни пуха ни пера вам! — звонко, на весь храм, восклицает какой-то малолетний шкет.

Батюшка смущён: ну в самом деле, не посылать же пожелавшего ему успехов пацана туда, куда православному ни в коем случае не надо?..

Но — отдадим должное: два десятка экзаменов и зачётов сдал священник почти на одни пятёрки.

Про старца Фёдора

Духовное училище открылось в нашем городе в начале лихих девяностых. Своего помещения у него не было, занятия проходили в классе обычной школы, и за парту для первоклашки не мог взгромоздиться иной верзила-студент.

Студенты — народ разношёрстный: кто Богу готов служить, а кто просто любопытствует. Преподаватели — только-только вырвавшиеся из советских цепких лап уполномоченных отделов по делам религий немногочисленные местные батюшки.

Историю Ветхого Завета вёл у нас отец Аввакумий, добродушный лысоватый толстячок средних лет. База — учебников нет и в помине, а семинарские конспекты у батюшки, видать, не сохранились или в своё время он не особо усердствовал, их составляя.

Нацепит на нос очочки отец Аввакумий и монотонно читает текст из Ветхого Завета. Или кого из учеников это делать благословит.

Потом прервёт резко:

— А давайте я вам расскажу про старца Фёдора!

И вдохновенно повествует о молитвенных подвигах местночтимого святого.

В конце года батюшка экзамен принимал просто:

— Кому какую оценку надо поставить?

Школяры во все времена скромностью не отличались: ясно — «отлично»!

Вот только отец ректор училища усомнился в таких успехах и устроил переэкзаменовку.

Вызывал по одному.

Сидит перед ним студент, ёрзает беспокойно, что-то невнятное мямлит, а потом вдруг заявит решительно, точно отрубит:

— Давайте я вам расскажу про старца Фёдора?!

И так — второй и третий...

Что ж, первый блин комом, а второгодники — они и в Африке второгодники.

Накануне референдума

Наш алтарник Вася, про таких говорят — взрослый паренёк, прибрёл на воскресную службу заспанный, вялый, тетеря тетерей. То ли за ночь не выспался, то ли кто-то ему в том помешал. Только за что ни возьмётся Вася, всё из рук у него валится. На службе кадило не вовремя батюшке подаст; все в алтаре в требуемый уставом момент делают земной поклон перед Святыми Дарами, а Вася, задумавшись о чём-то своём, стоит столбом, ушами только не хлопая. К концу службы вдобавок и горящие угли из кадила по полу рассыпал.

— Всё, Василий, хватит! — укоряет его настоятель. — Иди-ка и отбей сто земных поклонов посреди храма перед аналоем! Может, проснёшься... Через руки-ноги и спину быстрей получится!

Вася честно и истово бьёт перед аналоем поклоны. Тут как тут сердобольные бабульки-прихожанки, его окружают, жалеючи вопрошают:

— Что ж ты так, Васенька?!

Вася, отбив последний поклон, кряхтя и обливаясь пóтом, находчиво-бодро ответствует:

— Я за Крым молюсь! Чтоб там всё хорошо было!

Патриот.

Сергей Кузичкин

Из цикла рассказов «Восхищение одержимых»

Истории из семидесятых годов XX века

— Какое чудесное утро, — воскликнул я. — И какой райский аромат!
— Да, — кивнул головой Чудак. — Жаль только, что я ботинки промочил росой.

Аркадий Аверченко. Чудак. 1912

Фея в предновогодний день

— Мужики, подъём! — прозвучала команда, поданная хорошо тренированным голосом дяди Пети, и Эдька сразу вспомнил о том, что дядька почти тридцать лет служил армейским старшиной.

Эдька открыл глаза. Впрочем, он не спал уже добрых полчаса, слушая шипение сковороды и вдыхая аромат жареного лука, доносящийся из кухни. Рядом, спрятавшись с головой под одеяло, неподвижно лежал Алька.

— А! Один есть! — радостно воскликнул дядя Петя, увидев, что Эдька продрал глаза. — Вставай, вставай, Эдуард, пора. На поезд опоздать можем. И давай толкни этого охламона.

Дядя Петя стоял посреди комнаты в унтах, в выходном костюме, надетом поверх свитера с глухим воротником, и в собольей шапке.

— Алик, соскакивай давай, хорош дрыхнуть, — толкнул брата Эдька.

Алька что-то промычал вначале, а потом спросил:

— А опохмелиться есть?

— Ишо чего! Может, вам, сударь, и холанскую королеву в постель подать, а? — дядя Петя развёл руками и, поджав губы, слегка присел. — Я ж вам ещё вчера говорил: оставьте, ребята, хоть по двадцать капель на похмелку. Нет же, вам всю водку в глотку залить нужно было, до победной. Напиться, и шоб рогами в землю — плюх! Я у Эдьки вчера насилу гитару вырвал, думал, так струны и порвёт… Ну вставайте, вставайте! Чайку хлебнёте горяченького — полегчает, а в город приедем, там и опохмелимся.

Эдька, переборов себя, поднялся. Натянул брюки и следом за дядей Петей прошёл на кухню. Когда перешагивал через порог, его здорово качнуло, в голове затрещало и будто что-то раскололось. Налив холодной воды в умывальник, Эдька помочил лицо, утёрся полотенцем, пальцами навёл причёску у зеркала, накинул пиджак и, вернувшись в комнату, сел на диван.

Алька продолжал лежать, укрывшись с головой одеялом. Из кухни выглянул дядя Петя.

— Чё, лежит ещё этот? Щас я его…

Он снова исчез, и Эдька услышал, как хлопнула входная дверь.

— Ну хватит, Алик, вставай. На самом деле опоздаем, — сказал брату Эдька и, поднявшись, включил телевизор.

Алька не отозвался и не подавал признаков жизни.

«Доброе утро, дорогие товарищи, — послышалось с засветившегося голубого экрана, и на Эдьку посмотрела миловидная теледикторша, которую он видел впервые. — Сегодня тридцать первое декабря, суббота, последний день уходящего года».

Из кухни вновь послышалось хлопанье двери, и в комнату вприпрыжку и на цыпочках вбежал дядя Петя. В одной руке он держал пустую обледеневшую, чуть в снегу, бутылку. Резко скинув с Альки одеяло, он дном бутылки коснулся обнажённого Алькиного плеча. Алька подпрыгнул чуть ли не до потолка.

— Ты… ты… Ты что, отец? Совсем, что ли, рехнулся под старость?

Эдька улыбнулся, а дядя Петя громко и весело рассмеялся, обхватив голову двумя руками.

За стол сели без особого энтузиазма. Эдька пару раз ткнул вилкой яичницу, но ни жевать, ни глотать не мог. Еда казалась невкусной и пересоленной. Алька сразу было взялся за чай, но, сделав глоток, отставил кружку в сторону.

— Да-а… Вижу, без допинга здесь дело действительно не пойдёт, — покачал головой дядя Петя.

Алька с надеждой и умоляюще посмотрел ему в глаза:

— Похмели, батя…

— А ну отодвинь стул, — дядя Петя оттеснил Альку и, приоткрыв дверцу кухонного стола, достал вначале три гранёных рюмочки, а затем початую бутылку водки.

— Это я от вас, басурманов, вчера ещё припрятал и рюмашечкой немного полечился с утра,— он молодецки подмигнул Эдьке.

— Изверг ты наш, батя,— проговорил повеселевший Алька.— И мучитель, и спаситель. И чё бы мы без тиби делали-то, а?!

— Передохли бы, как мухи зимой, и всё дело…

Трясущейся рукой, слегка морщась от водочного запаха, Алька разлил «живительную» влагу по рюмкам.

— Итак, ребята, с наступающим вас,— взяв в одну руку наполненную до краёв рюмашку, а другой подцепив на вилку солёный огурчик, произнёс короткий тост дядя Петя.

Он, по старой привычке, делал всё это на ходу, стоя между сидевших парней.

— А что, батя, Новый год наступает разве?— прикинулся простачком Алька.

— Нет, синьор, хрестины у папы римского. Так вот, дорогие мои мужики, сегодня тридцать первое декабря, суббота, и так совпало, что именно в субботу перед Новым годом женился ваш покорный слуга.

— Поздравляю тебя, отец,— тяжело выдохнул Алька,— только прошу тебя: давай короче, а?..

— Можно, сынок, и покороче,— с грустью произнёс дядя Петя.— Просто я хочу сказать, что страшно подумать, сколько ж это лет назад-то было… Тебе уж за тридцать… А, ладно! Поехали, что ли?

Минут за пять после последнего причастия участники утреннего застолья уничтожили все лежащие перед ними на тарелочке огурцы и выскребли со сковороды остатки яичницы.

Эдька с Алькой уже стояли наготове. Один держал под мышкой гитару, другой крутил в руках навесной замок.

— Пойдём, он догонит,— сказал Эдьке вспотевший Алька.— Догонишь, пап?

— Идите, идите, догоню,— отозвался старик.— Я ещё Волчка покормлю.

Когда сын с племянником вышли, дядя Петя надел шубу и шапку и ещё раз осмотрелся: всё ли в порядке? Убедившись, что всё, вылил остатки вчерашнего супа в банку из-под сельди «Иваси», служившую Волчку тарелкой, замкнул избу, наклонившись, поставил еду собаке, поцеловал её в лоб. Та лизнула хозяина по щеке.

— Ну, до завтра, Волчок, до завтра,— он погладил пса и, поднявшись, направился к калитке.

Выйдя за ограду, ещё раз посмотрел на утоляющую голод собаку.

— А может, и до послезавтра. Не скучай, Волчок.

Он догнал парней уже у железнодорожного полотна.

— Чё это вы разогнались так? С утра чуть шевелились, а теперь как на крыльях летите…

— Глаза что-то слепит от снега. Так блестит, язви его,— выразил недовольство Алька.

— А ты бы очки тёмные надел и шёл как геолог,— посоветовал дядя Петя.

— Как альпинист,— поправил Алька.

— Ну как альпинист! Какая разница? Всё одно— по горам лазают. Ишь, грамотей!..— обиделся дядя Петя.

Ещё издали Алька заметил, что ставни железнодорожного магазина открыты, и, ткнув Эдьку в бок, обратился к отцу:

— Слушай, батя, ты давай за билетами, а мы щас…

— Куда?— насторожился дядя Петя.

— В «железку». Что-нибудь прихватим.

— Не к спеху, в городе возьмём. Поезд скоро.

— Мы мигом. А то в городе, может, магазины закрыты будут— на бобах останемся,— сделал предположение Алька.

— Это с чего-то они вдруг будут закрыты?— не сдавался дядя Петя.

— Ну, мало ли…— Алька потянул Эдьку за рукав.— Пошли…

В магазине было жарко натоплено. Круглая, оббитая железом, высокая, до потолка, печь весело потрескивала горящими дровами. Кроме круглощёкой продавщицы, сидевшей за прилавком, в магазине грелись у печи незнакомая женщина и девочка лет пяти.

— С наступающим, Тимофеевна!— прямо с порога пробасил Алька, приветствуя продавца.— Дай чего-нибудь горячительного, душу согревающего.

— И вас, соколики, с праздничком!— откликнулась продавщица.— Но водка у нас с одиннадцати.

— А кроме её, горькой, что есть?— задал вопрос Алька, переваливаясь через прилавок.

— А кроме водки— коньяк,— улыбнулась продавщица,— по шестнадцать рэ.

— Ну, это чересчур крепко для нас.

— Тогда «Яблочное», за рубль шестьдесят.

— А это слабовато,— Алька подмигнул продавщице.— Что-нибудь среднее между ними имеется?

Тимофеевна, покосившись на женщину, проговорила вполголоса:

— Портвейн— пять руб— две штучки.

— Годится,— согласился Алька.

Он сунул продавцу пятёрку, принял от неё бутылки и утопил их в карманах шубы.

К станции подошли в то время, когда диктор делал объявление о том, что пассажирский поезд прибывает на третий путь и стоит всего две минуты. Едва на восточном горизонте показался электровоз, как из здания вокзала высыпало человек пятнадцать во главе с дядей Петей и соседом— стариком Михеичем.

— Здорово, Михеич, с наступающим,— поздоровался Алька.

— Привет, привет, ребята! С наступающим!— Михеич был уже под хмельком.

— Вот, к племяннику в город собрались,— объяснил дядя Петя, кивнув на Эдьку,— Новый год встречать.
— А ты, Михеич, к Лёхе, небось?— спросил Алька.
— К нему. К сыну. Куда же ещё?— закивал головой старик.
— Ну, скучно будет— прибегай к нам,— предложил Алька.— У нас с Эдькой две невесты намечаются, да деду Пете соседку-бабку пригласим. Будет с ней вальс «Белый танец» танцевать… Ха-ха… Ну и тебе подругу отыщем. Так что забегай…
— «Белый танец»— вроде бы танго дамское,— сказал Эдька, но Алька возразил:
— Вальс. Точно говорю.
— Ну и баламут ты, Альберт Батькович,— улыбнулся, чуть крякнув, Михеич.— Женился бы, что ли, поскорей!
— Ай, дед, некогда всё. Времени не хватает.

От прибывающего поезда потянуло холодком, слегка обдало снегом. Они немного просчитались в выборе места: напротив них остановился вагон под номером три.
— Давайте вперёд, у нас второй,— потянул было их дядя Петя.
— Да брось ты, батя,— остановил его Алька.— Какая разница? Небось, тоже общий вагон. Тут ехать-то три остановки.

А из открывшейся вагонной двери уже один за другим вываливались члены развесёлой компании. Среди них были невеста в фате и пальто, из-под которого торчал подол белого свадебного платья, и жених, без шапки и в накинутой наспех на плечи шубе. Последним спрыгнул на платформу бригадир монтёров железнодорожного пути Еремей Платонович с бутылкой шампанского.
— А-а-а! Петруха! Друг старый! Михеич! Алька! Все собрались,— обрадовался бригадир.— Сейчас все идём ко мне. Ко мне! У меня свадьба сегодня. Последний сын, Витька, женится. Сейчас в сельсовет, расписываемся— и ко мне!

Он обнимал всех поочерёдно и прицеливался, норовя поцеловать.
— Ты извини, Еремей, но нам в город надо,— отбиваясь от настойчивого поцелуя, сказал дядя Петя.
— Какой может быть город, когда свадьба? Никакого города,— продолжал наступать Еремей Платонович.— Все ко мне, на свадьбу!
— Нет, нет, Еремей, не могу я. Обещался к племяннику приехать. Я к тебе завтра лучше зайду…— дядя Петя продолжал вырываться из объятий бригадира.
— Нет, дорогой друг Петруха, завтра утром мы укатим на электричке к свату, свадьбу продолжать.
— Ну, тада в понедельник…
— Обижусь, серьёзно обижусь, Петруха.
— Как знаешь, Еремей. Но я в город сегодня с молодёжью поеду,— наконец освободившись из тисков бригадира, заключил дядя Петя.

В вагон забрались уже на ходу. Алька пропустил вперёд стариков и Эдьку, последним запрыгнул на подножку.
— Петруха, чтоб в понедельник без обману!— басил вслед Еремей Платонович.

Вагон оказался полупустым. Всей компанией они подсели к двоим, лет под сорок, мужчинам, игравшим в миниатюрное домино. На верхней полке лежал ещё один человек в унтах.
— Парни, это общий вагон?— спросил играющих дядя Петя.
— Общий, общий, садись, батя,— приглашая, заверили те.
— Ну и ладно,— дядя Петя присел рядом и сразу предложил:— А что, может, партейку в «козла» забьём?
— Давай!— согласились мужики.
— Садись, Михеич, на пару будем с тобой,— пригласил друга дядя Петя.
— Ну уж уволь, Петро,— замотал головой Михеич,— больно маленькие косточки-то. Я ничего не увижу в них…
— Давай, батя, я,— предложил свою кандидатуру Алька.
— А! С тебя-то игрок. Позору только на фамилию. Как сядем на пару, так из «козлов» не вылезаем…
— Да ладно, батя…
— Чё ладно-то? Садись давай…

Едва расселись как положено и приготовились играть, подошла проводница.
— Так, товарищи пассажиры, приготовили билетики…

Эдька подал проездной документ первым. Проводница долго крутила билет в руках, посмотрела его на свет, наконец, возвратив, сказала:
— А ну давай во второй вагон.
— Тётенька!— соскочил было со своего места Алька, но, ударившись головой о верхнюю полку, поморщился от боли и снова присел.— Там же народу полно. А нам-то две остановки проехать… Двадцать километров всего.

Проводница улыбнулась:
— У вас у всех билеты во второй вагон?
— Ага,— кивнул Михеич, сидевший напротив Эдьки.
— Ну ладно. Только не шумите здесь и посмотрите, жив ли этот, на верхней полке. Ещё вчера как забрался туда чуть тёплый, так больше и не вставал…
— Эй, мужик,— позвал Алька,— унты украли!

С верхней полки послышался сначала шорох, затем кряхтенье, и, наконец, слегка хрипловатый голос произнёс:
— Не шути так, паря. Их можно украсть только вместе со мной.
— Живой,— сделал заключение Алька.

Едва проводница ушла, дядя Петя кивнул Альке:
— Ну, доставай.
— Чего?— не понял тот.

— Ну чё взяли.
— Стакана нет,— сказал Алька, вынув бутылку портвейна.

Сидевший рядом мужчина молча нагнулся, раскрыл стоявшую под столиком сумку и достал стакан. Затем, немного поразмыслив, вытащил банку скумбрии, ложку и нож. Видя такое дело, Михеич покопался в своём портфеле и выложил на столик полпалки домашней колбасы.

Пока Алька наполнял стакан, сосед дяди Пети, ловко орудуя ножом, раскрыл консервы и разрезал колбасу на пластики.
— Начинай,— предложил Алька соседу.

Тот не заставил себя ждать. Выпив, занюхал колбасой. Дело быстро двинулось по кругу. Когда очередь дошла до Михеича, Алька вынул вторую бутылку, и у Михеича засветились глаза. Последним пил Эдька. Когда он опростал стакан, Алька снова наполнил тару до краёв и, поднявшись, толкнул обладателя собачьих унтов:
— Слышь, как тебя? Опохмелись малость — легче будет.

Лежавший повернулся.
— Ты думаешь? — спросил он.
— Конечно. Даже уверен. Ты бы это… Слез, что ли… А то как космонавт…
— Да какой, к дьяволу, космонавт?.. Башка как чугунная…

Он, чуть оторвав голову от полки, уничтожил содержимое стакана, от колбасы отказался и, снова повернувшись лицом к стене, попросил:
— К городу подъезжать будем — толкните, ладно?
— Да скоро уж и город. Собираться пора,— подал голос Михеич.
— Успею. Мне особо собираться нечего — весь гардероб на мне.
— Слышь, Никола, пить так пить. Доставай «противотанковую»,— сказал своему напарнику сосед дяди Пети.

Напарник, снова нагнувшись под стол, запустил руку в сумку, извлёк оттуда большую бутылку вермута и предложил Альке банковать.

Но едва Алька взял в руки бутылку, как совершенно неожиданно кто-то вдруг спросил:
— Извините, у вас ножичка не найдётся?

Все члены новоиспечённой компании как один повернулись на голос. Даже человек со второй полки поднял голову.

В проходе стояла *девушка*.

И какая!

Ничего подобного Эдька в своей жизни не видел. В горле перехватило дыхание. Он, не веривший в сказочных красавиц и деливший всех женщин на симпатичных и не очень, сидел не дыша, очарованный, боясь пошевелиться.

Да, это была она! Красавица! Фея! Сказочная добрая фея из книжки «Волшебник Изумрудного города», которую Эдька так любил в детстве.

Из-под вязаной белой шапочки девушки через плечо на грудь спадала длинная коса. И эта коса, и вязаная шапочка, и разрумяненные щёки на белом лице, и белый шарф, и белый крупной вязки свитер с красными цветами — всё, всё приятно в ней сочеталось и дополняло друг друга. Расторопнее всех оказался Алька. Он первым вышел из массового оцепенения и вмиг оказался возле девушки.
— Пожалуйста,— протянул он ей на ладони складной ножик.
— Спасибо,— девушка осторожно взяла складничок, улыбнулась и, повернувшись, пошла.

«Тук, тук, тук» — застучали острые каблучки её модных сапог.

Алька проводил её взглядом и ткнул Эдьку в плечо:
— Во… За стенкой сидит… Одна. Не теряйся…
— Учительница, наверное,— высказал своё предположение дядя Петя.— Видишь, какая культурная…— и тут же недовольно прикрикнул на Альку: — Ну а ты чё стоишь? Забыл обязанности?

Алька снова взялся за бутылку, но и на этот раз открыть её ему не удалось. Вагон тряхнуло. Да так сильно тряхнуло, что Алька не устоял на ногах, налетел на Эдьку, а тот, в свою очередь, ударился о стенку головой. Дядю Петю на пару с соседом по инерции качнуло в сторону стола. Но больше всех досталось пассажиру в унтах. Он упал с полки. Со всего маху ударив рукой по столу, загремел на пол, увлекая за собой рассыпанное по столу домино, пустую бутылку, несколько пластиков колбасы и раскрытую банку скумбрии, к которой так никто и не притронулся. С минуту все молчали, глядя, как упавший поднимается, корчится от боли и потирает ушибленную руку. Но неожиданно лицо пострадавшего вытянулось в улыбке, и он засмеялся. Вслед за ним пришёл в себя Михеич.
— Ну прямо «Хроника пикирующего бомбардировщика»,— вспомнив название фильма, проговорил он и тоже засмеялся.
— А говоришь — не космонавт,— подключился к ним Алька.

Потом зашёлся в хохоте дядя Петя, а через минуту после падения пассажира в унтах вся компания случайных и неслучайных пассажиров буквально умирала со смеху. А ещё через пару минут, когда всё упавшее было дружно собрано со стола, Алька наконец-то раскрыл бутылку и, прикинув на шестерых, начал разливать. Стакан снова бойко пошёл по кругу.
— Однако, стоим,— заметил сосед дяди Пети, когда с распитием было покончено.
— Тише едем — дальше будем,— ответил ему дядя Петя,— Ну а партейку-то хоть сыграем?

Игроки не заставили себя долго ждать, разобрали домино, и Алька зашёл с «один-один».
— И-эх, хорошо-то как! — проговорил он блаженно.— А ты, батя, возражал.

— Да не возражал я,— начал было оправдываться дядя Петя, но, очевидно вспомнив, что он всё же отец, перешёл на строгий тон:— Ставь давай домино быстрее, а то, небось, уснул.

Эдька сел на самый край, подальше от играющих, и начал перебирать струны гитары. Вагон качнуло, и он медленно поплыл, но этого, казалось, никто не заметил.

— Вот-вот, спой-ка лучше, Эдуард, что-нибудь этакое,— попросил дядя Петя.— А то молчишь всё сегодня.

Эдька пересел на свободное боковое место, настроился и уже было с силой собрался ударить по струнам, как вдруг…

Он снова увидел *её*.

Она сидела у окна за столиком в соседней плацкарте и намазывала на хлеб баклажанную икру. Поймав на себе его взгляд, она смущённо улыбнулась и отвернулась к окну.

Эдька ударил по струнам и, подражая Высоцкому, запел:

Идёт охота на волков,
Идёт охота-а—
На серых хищников,
Матёрых и щенков.
Кричат загонщики,
И лают псы до рвоты,
Кровь на снегу—
И пятна красные флажков!

— Идёт охота на волков, идёт охота-а!— не переставая следить за игрой, подхватили дядя Петя с Алькой.

— Тада-тада, тада-тада, тада-тада, тада-тада-да-та!— размахивая руками, бросился им на подмогу человек в унтах, «приземлившийся» напротив Альки, оживший после похмелья и теперь уже совсем не похожий на пострадавшего.

— Обложили меня, обложили!..— через некоторое время орала в шесть глоток быстро спевшаяся компания, включая задремавшего было Михеича.

Эдька снял шапку, вытер со лба пробивший его пот и мельком бросил взгляд на девушку. Она, улыбаясь, смотрела на него. Эдька улыбнулся в ответ, затем поднялся и, слегка покачиваясь, подошёл к ней, подсел рядом.

— Спасибо за ножичек,— поблагодарила девушка,— очень выручили.

— А, ерунда. Не за что,— сказал Эдька, пряча складничок в карман.— А вы далеко путь держите?

— Далековато. Ещё почти целые сутки езды.

— И в общем вагоне?!

— В другие билетов не было. Предновогодье.

— А если самолётом?

— Самолётами я не летаю. Плохо переношу. Ещё есть вопросы?

— Нет,— Эдька улыбнулся.

— Весёлая у вас компания,— сказала девушка.— Песни поёте…

— Поём, а чё нам?— согласился Эдька.— Только бы проводница не заругалась. А вообще-то я больше народного плана песни люблю,— объяснил он,— такие вот, например…

Эдька снова взял гитару поудобнее, напел:

Живёт моя отрада
В высоком терему,
А в терем тот высокий
Нет хода никому…

— Или вот, знаете, наверное, романс:

Умру ли я— ты над могилою
Гори, сияй, моя звезда!

— Ну зачем уж так мрачно?— сказала она.— Гитара, я вижу, у вас хорошая. Можно посмотреть?

— Пожалуйста.

Девушка взяла гитару, устроила её поудобнее и осторожно перебрала струны.

— Вы знаете, мне одна песня Новеллы Матвеевой нравится… Слова, правда, не все помню, но попробую напеть по памяти. Если навру— строго не судите, ладно?

— Строго не буду,— согласился Эдька.

Она ясно-ясно улыбнулась. В глазах засверкали живые искринки.

Я леплю из пластилина,
Я леплю из пластилина,
Я леплю из пластилина
Кукол, клоунов, собак…—

запела она приятным нежным голосом, и Эдьке показалось, что слова, словно живые, как птицы, вырвавшиеся наружу из клетки, повисают в воздухе и, радуясь своему освобождению, наполняют звуками мир.

Если кукла выйдет плохо,
Назову её «бедняжка»,
Если клоун выйдет плохо,
Назову его «бедняк».

Облокотившись на перегородку, Эдька слушал, как поёт девушка, и чувствовал, как какое-то тёплое чувство будоражит его душу и ему становится так хорошо-хорошо…

Он не сразу обратил внимание на то, что игроки в домино притихли— тоже, очевидно, очарованные пением. Вскоре, однако, в проходе показался Алька, вернее, его лицо из-за перегородки, которое сразу же вытянулось в удивлении, а затем исчезло.

Я леплю из пластилина,
Я леплю из пластилина,
Я леплю из пластилина
Кукол, клоунов, собак…—

продолжала девушка.

Если кукла выйдет плохо,
Назову её «дурёха»,
Если клоун выйдет плохо,
Назову его «дурак».

Девушка, закончив петь, снова улыбнулась и подала гитару Эдьке.
— Ещё раз извините за импровизацию.
— Я такой песни ещё не слыхал,— чистосердечно признался Эдька.— А вы хорошо поёте.
— Ну уж так уж,— смущённо улыбнулась она.— У вас лучше получается. Про отраду особенно. Наверное, раньше в ансамбле каком-нибудь пели?
— Пел. Этак лет шесть-семь назад. В Доме культуры, на танцах,— вздохнул он.— Теперь не пою…

За окном вагона показались корпуса нового строящегося завода, железнодорожная горка по сортировке вагонов. Поезд въезжал в черту города.
— Как я рад, как я рад! Вот он, мой родимый град!— продекламировал на весь вагон Алька.
— Весёлый у вас друг,— сказала девушка.
— Брат, двоюродный,— внёс поправку Эдька и неожиданно для самого себя спросил:— А вас как зовут?
— Давайте не будем об этом,— тихо попросила она,— лучше простимся, как говорится, друзьями.
— Хорошо,— легко согласился он, опять же совсем неожиданно для самого себя.— Только… Вопрос… Ещё один вопрос можно? Вернее, просьбу…

Она выжидающе посмотрела ему в глаза.
— Я сейчас выйду, а вы встаньте у окна, ладно?..— сказал, смущаясь, Эдька.
— А это необходимо?
— Для меня да…
— Ну хорошо.
— Правда к окну подойдёте?
— А почему бы нет? Вам же нужно?
— Да.

Поезд сбавлял ход, за окном показалось двухэтажное здание вокзала.
— Эй, алле, тамэ на барже! На выход пора!— в проходе снова появился Алька.
— Да иду я!— бросил ему Эдька и снова повернулся к ней:— Счастливого пути, и с наступающим вас Новым годом.
— Спасибо,— поблагодарила девушка.— И вас с наступающим. Пусть сбудутся все ваши мечты.
— И ваши,— сказал Эдька и, резко повернувшись, пошёл к выходу.

Он рассеянно простился на перроне с попутчиками — игроками в домино, совсем не прореагировал на слова отделившегося от них дяди Пети, ушедшего ловить такси и наказавшего им с Алькой купить пива в привокзальном павильончике. И, не задумавшись, автоматически помог брату дотащить до газетного киоска совсем уже расклеившегося Михеича.

Не пришёл в себя он, и когда оказался перед ней, вернее, перед окном вагона, из которого смотрела она и, как всегда, улыбалась. Он жадно, словно стараясь запомнить каждую чёрточку её лица, впился в неё взглядом и смотрел, смотрел, смотрел. Он не видел и не хотел видеть, как вконец распсиховавшийся Алька несколько раз выскакивал из очереди, матерясь на всех, и, ругая всё, подбегал к киоску и в очередной раз поднимал упавшего Михеича, а потом возвращался обратно. Не слышал и не хотел слышать, как окликал его дядя Петя, а потом, махнув рукой, пошёл к чуть тёплому Михеичу и, взяв того под руки, повёл через здание вокзала на стоянку такси.

Он не заметил, как тронулся поезд и как он сам, вначале медленно, а потом, по мере того как состав набирал скорость, всё быстрее и быстрее, пошёл, а затем побежал за ним. Он бежал на уровне окна и смотрел на неё. Она махала ему рукой, что-то кричала, но через стекло и стук вагонных колёс ничего нельзя было разобрать.

Его остановил Алька, снова выскочивший из очереди, на этот раз уже с пивом.
— Ты чё, совсем уже с ума рехнулся?

Алька держал его за рукав пальто. Следом, пыхтя, подбежал дядя Петя.
— Ну, мужики… Вы чего? Михеич того… Совсем уже это… Готовый…— задыхаясь, проговорил он.— Я его в тачку оформил… Пускай с нами едет… Проспится…
— Ну, пошли, что ли?— потянул Алька, казалось, уже успокоившегося Эдьку.— Батя тачку нанял…
— Ага, пойдём, Эдуард,— поддержал сына дядя Петя.

Эдька достал из кармана пальто ключи, протянул дядьке.
— На, возьми, дед… И располагайтесь там…— сказал он.
— А ты?— спросил Алька.
— В аэропорт.
— К ней?!— догадался Алька.— Брось…

Алька схватил его за грудки и с силой тряхнул так, что в сетке зазвенели бутылки с пивом.
— Да одумайся ты, протрезвей, протри глаза. Кому ты нужен? Она-то вишь какая — королева… Одета с иголочки. Поклонников, небось, человек сорок, не меньше, папа наверняка директор. На книжке тысяч десять. А ты? Кто есть ты? А?

Алька говорил резко, даже зло.
— Кто? Я тебя спрашиваю! Сантехник, слесарюга несчастный. Алиментщик. У тебя с получки через неделю хоть рубль остаётся? И что, что у тебя есть, кроме вот этого пальто с потёртым каракулевым воротником? Что, а?
— Душа есть…— тихо сказал Эдька.
— Пластилиновая у тебя душа, понял?— опять зло сплюнув, сказал Алька.— Я, думаешь, не слышал, как она над тобой издевалась? «Если клоун выйдет

плохо, назову его „дурак“». Про тебя, про пьяного клоуна, пела!

— Пойдём, Эдик, пойдём...—ласково позвал дядя Петя, взяв у Эдьки гитару.—Не бери в голову. Сегодня Новый год наступает. А мало ли что под Новый год случается? Я вот под него женился.

Эдька остыл и, увлекаемый дядей, пошёл к стоянке такси.

...Алька устроился рядом с водителем, Эдька с дядей Петей подсели с разных сторон к похрапывающему Михеичу. Едва отъехав от привокзальной площади, таксист включил радиоприёмник.

«А теперь послушайте в исполнении Татьяны и Сергея Никитиных песню на стихи Новеллы Матвеевой...»

«Щёлк»—словно счётчик такси, что-то переключилось в Эдькиной голове. Перед глазами возникло отчётливое румяное лицо, вязаная шапочка, коса через плечо, мягкий, даже нежный голос.

Я леплю из пластилина,
Я леплю из пластилина,
Я леплю из пластилина
Кукол, клоунов, собак...

— Выключи!—крикнул Эдька и отмахнул видение рукой.

— Зачем?—удивился таксист.—Вполне подходящая симпатичная песенка.

— Выключи, тебе говорят!—раздражённо повторил Эдька.—Дядя Петя, дай ему червонец, пусть заткнётся!

— Каких только психов возить не приходится,—сказал сквозь зубы таксист, но радиоприёмник выключил.

Эдька уткнулся головой в переднее сиденье и попросил:

— Дядя Петя, скажи ему, что у меня есть душа.

— Есть, Эдик, есть, конечно. Как же без неё-то? Без души никак нельзя.

Алька молчал. Эдька поднял голову. За окном шёл снежок. Навстречу мчались автомобили, шли улыбающиеся пешеходы, уже живущие предстоящим торжеством. Улица, казалось, так и сияла улыбкой. Улыбкой светился и весь торопливый город, словно хотел своей торопливостью приблизить Новый год. У Эдьки отлегло от сердца, и уже предчувствие чего-то долгожданного и хорошего, готового вот-вот сбыться, наполняло душу.

— Включи радио, шеф,—попросил он таксиста.

Тот молча щёлкнул тумблером, и салон наполнился музыкой и пением.

Я леплю из пластилина,
Я леплю из пластилина,
Я леплю из пластилина
Кукол, клоунов, собак...—

приятным голосом пела певица.

Если кукла выйдет плохо,
Назову её «дурёха»...

— Если клоун выйдет плохо, назову его «дурак»!—прокричал и Эдька и засмеялся.

Таксист и Алька повернулись к нему, Алька улыбнулся, а водитель многозначительно покачал головой.

А «Волга» мчалась по заснеженным улицам города, и Эдька мысленно рисовал портрет случайной попутчицы. На душе у него снова было легко и приятно. И ему вдруг так захотелось, чтобы эта дорога, и эта песня, и мысленно воссозданный портрет девушки никогда-никогда не кончались, не исчезали и не уходили из его жизни

Ни-ко-гда...

Доярка и Поэт

Поэт разбудил Люсю в шестом часу утра.

— Слушай, я вот тут новое стихотворение написал. «Ода передовику» называется.

Он поправил одной рукой взлохмаченную, уже седеющую шевелюру и, взяв в руки тетрадный листок, начал читать:

Свой личный план он выполнил давно,
Теперь уже в грядущей пятилетке.
Но всё равно, со всеми заодно,
Он чувствует дыханье каждой клетки.

— Чьё дыхание-то?—чисто символически спросила Люся, позёвывая и потягиваясь в постели.

— Как чьё? Пятилетки, конечно! Нет, вернее, клетки! Непонятно разве? Отправлю, пожалуй, в нашу газетку. Сейчас запечатаю в конверт, а Виталька в школу пойдёт—сбросит на почте. Это должны напечатать.

Люся внимательно посмотрела на стоящего перед ней самодеятельного поэта, который день не бритого, в трусах и майке навыпуск, на его скрещённые голые и худые ноги и, отвернувшись, сказала:

— Ты бы курятник отремонтировал... Скоро совсем рассыплется...

— Ну при чём тут курятник?!—вскричал возмущённый поэт, хватаясь обеими руками за голову.—Вечно пристанет с ерундой какой-нибудь. Тут ночами не спишь, душу ей изливаешь, а в ответ никакого понимания!

— Тише! Детей разбудишь!—вполголоса прикрикнула на него Люся, пряча голову под одеяло.

Поэт в сердцах махнул рукой, с шумом выдвинул из-за стола стул, тяжело уселся на него и, сделав не менее тяжёлый выдох, глубоко задумался.

Впервые поэт, работающий в деревне киномехаником, решился переступить порог редакции районной газеты три года назад.

В этот день с утра несколько раз, словно прицеливаясь, прошёлся он мимо небольшого

деревянного здания, где располагалась творческая обитель местного значения и где творили мастера художественного слова, изредка бросавшие луч света на события районного масштаба. Наконец, несмело открыв дверь редакции, поэт оказался в небольшом узком коридоре, по обеим сторонам которого располагалось несколько дверей и на табличках, имеющихся на каждой двери, были указаны названия отделов. Поэт прошёл в самый конец коридора и, остановившись у двери с надписью «Редактор», попробовал её толкнуть. Дверь оказалась закрытой.

— Вам кого?—услышал он за спиной и повернулся.

Из двери напротив, где ещё минуту назад слышалось стрекотание пишущей машинки, вышла молодая симпатичная женщина.

— Мне бы этого... редактора...—проглотив слюну, выдавил из себя поэт.—Я стихи принёс.

— А его сейчас нет и, пожалуй, ещё целый час не будет,—сказала женщина—как догадался поэт, секретарша редактора.

— Ну тогда его зама могу увидеть?—более уверенно спросил поэт, вспомнив встречу с одним бывалым поэтом, изрядно поднаторевшим в редакциях районных и городских газет и знавшим не понаслышке всю структуру деятельности подобных издательств.

«В районах, брат, главное—редактор, Ну, на худой конец, зам. Остальные значения не имеют,— наставлял тогда бывалый поэта.—Найдёшь общий язык с шефом—тогда и пойдут в свет все твои баллады. А если не понравишься ему, то меняй, как говорится, дислокацию... Не теряй попусту времени, иди в другую редакцию...»

Поэт случайно познакомился с бывалым, возвращаясь однажды из отпуска. Они ехали в одном вагоне, и поэт бывалый, с видом знатока перелистывая общую тетрадь со стихами поэта начинающего, безжалостно вычёркивал из неё строки и целые четверостишия, изредка кивая на стоящую между ними бутылку «Столичной», а потом всю ночь напролёт, под стук вагонных колёс и недовольное ворчание пассажиров, читал поэту свои опусы, в которых фигурировали ведьмы и политические деятели разных времён, обнажённые ангелы и популярные киноактёры.

— А вы что, только на таком уровне ведёте беседы,—спросила секретарша,—не ниже? Другие сотрудники редакции, заведующие отделами, вам не подойдут?

— Да, только на таком,—уже уверенно ответил поэт, ещё раз вспомнив бывалого, и гордо поднял голову.—Либо с редактором, либо с его заместителем!

— Ну, раз так, ждите редактора. Заместитель сейчас в отпуске.

Редактор пришёл минут через сорок.

— Что там у вас?—спросил он, вежливо пригласив поэта в кабинет, и предложил ему стул напротив.

По возрасту они были примерно одногодками.

— Да вот, стихотворение...—протянув тетрадный лист и усаживаясь на стул, сказал поэт.

— Одно?—снова спросил редактор.

— Пока одно.

Редактор развернул вчетверо сложенный слегка помятый листок, начал читать.

Жене Люсе посвящается

Звёздочки-глазинки,
Словно две снежинки,
На лету искрятся,
Мне ночами снятся.
Снится мне жемчужина
Невиданной красы,
Тоненькие лучики
В капельках росы,
Поле золотое,
Песенны края...
Милая, родная,
Ты любовь моя!

— Ну как?—спросил поэт, когда редактор закончил чтение.

— Видите ли, поэзия...—начал было редактор, встав и выдвигаясь из-за стола.

— Нет, вы сразу скажите: годится или нет?—перебил его поэт.—Если нет, то я другое привезу или по почте вышлю. У меня их полно: две общих тетрадки по девяносто шесть листов...

Редактор на мгновение замер с открытым ртом, глаза его с удивлением разглядывали посетителя.

— Ну так что, привозить?—вывел его из оцепенения поэт.

— Лучше пришлите почтой три-четыре стихотворения, а мы посмотрим. Может, какое и выберем.

С той поры поэт прислал, привёз или передал в редакцию попутно с кем-либо из односельчан более двухсот стихотворений. Однако ни одно из них пока не дошло до районного читателя. Но поэт не сдавался и не отчаивался. Почти каждую ночь он продолжал творить. Уверенности ему придал и такой факт: примерно года полтора назад один из его поэтических опусов был принят редколлегией стеной газеты колхоза и провисел в правлении на самом видном месте месяцев восемь.

Иногда, когда ему казалось, что удавалось, наконец, найти нужную форму самовыражения, о которой однажды сказал ему редактор, поэт заявлялся в райцентр самолично и спешил к братьям по перу, ежедневно и настойчиво корпевшим над прозой.

Теперь, уже зная всех и каждого в отдельности, поэт бесцеремонно входил в любой из отделов редакции и заводил разговор с сотрудниками с дальним прицелом, который обычно начинался с политики. По ходу разговора, вроде бы случайно, но в то же время настойчиво, он предлагал сотрудникам познакомиться с его очередным

поэтическим произведением. Сотрудники районного издания, в свою очередь, также не прерывая разговора, настойчиво старались не замечать нового произведения и пытались каждый раз склонить поэта к работе над произведениями прозаическими, в основном на узкую сельскохозяйственную тему. Поэт, однако, не собирался капитулировать и пускался на хитрость: обещая подумать над их предложением, через недельку-другую появлялся с новым стихотворением.

Часы показывали за полночь, когда Люся, придя домой с вечерней дойки, управилась по хозяйству и зашла в дом.

Из спальни слышались мирное посапывание набегавшихся за день ребятишек и равномерное тиканье будильника. Переодевшись и умывшись в прихожей, Люся прошла на кухню, где горел свет и где, мучаясь над очередным четверостишием, сидел, как всегда, взлохмаченный поэт.

— Слушай, подскажи рифму на слово «слёзы»,— попросил он её, не оборачиваясь.

— «Морозы»,— почти сразу ответила Люся, разливая молоко в два бокала — себе и ему.

— «Морозы» не пойдёт. Нужно что-то более возвышенное,— проговорил поэт после минутной паузы, связанной с раздумьями, и машинально опустошил стакан.— Я уже и сам тут думал: «розы», «козы»… Всё не то.

— «Грёзы»,— сказала Люся, потягиваясь.— Ты когда калитку наладишь? Зимой ещё поломали, так и стоит. И гуси, и куры, все, кому не лень, на двор бегут.

— «Грёзы», говоришь?.. Ага, «грёзы»… Что-то в них есть, в «грёзах» этих…— забубнил поэт, склоняясь к столу ещё ниже.

Она уже засыпала, когда он легонько толкнул её в плечо.

— Ну что тебе?— недовольно отозвалась Люся.

— Слушай, по-моему, получилось как надо. И главное — короткое, как редактор говорил: «Краткость — сестра таланта».

— Чехов,— сказала Люся сонным голосом.

— Что Чехов?— не понял поэт.

— Не редактор твой вовсе, а Чехов сказал: «Краткость — сестра таланта».

— Мне редактор сказал…

— Ну ладно, читай быстрее, я спать хочу. Утром на дойку вставать рано надо…

> Жизнь нас учит смеяться сквозь слёзы:
> В январе хлынет дождь, в лето лягут снега.
> Тают детства туманные грёзы,
> И всё дальше надежд берега…—

с пафосом, на одном дыхании, продекламировал поэт.

— Это стихотворение всем стихотворениям моим — первейший стих!— сказал он затем не без гордости.— Это уж точно напечатают. Пусть попробует только не напечатать. Я мигом напишу в краевую журналистскую организацию, и в республиканскую тоже, да и в журнал «Журналист», пожалуй, копию пошлю… Пусть приедут, выяснят, чем они тут занимаются. Про передовиков им пиши. На корню таланты губят, потом говорят: мол, оскудела русская поэзия…

Люся не ответила. Поэт подошёл поближе. Поняв, что жена уснула, махнул рукой.

— Нет, это должны напечатать,— уверенно сказал он, возвращаясь на кухню.— Такой стих, по-моему, в районе никто ещё и не придумывал. Напечатают… Завтра же поеду сам в райцентр, покажу редактору.

Поэт выпил ещё один бокал молока, пробежался взглядом по ровно выведенным на белой бумаге строчкам, аккуратно свернул лист вдвое и с чувством исполненного долга лёг спать.

Рашит Закиров

Васи́лька

Время шло к обеду; на кухне хозяйничали две хозяйки, обе в одинаковых вышитых передниках, на головы были повязаны одинаковые косынки, чтобы исключить попадание волос в приготовляемый продукт.

Младшая из хозяек, девочка младшего школьного возраста, толкла в кастрюле только что сваренную картошку; старшая хозяйка, дородная женщина бальзаковского возраста, месила тесто. Возле них вертелся белобрысый мальчуган лет четырёх с мухобойкой в руке.

Он оглядывался по сторонам в поисках мух и, увидав добычу, пускался на её уничтожение; каждый его промах сопровождался оскорбительными эпитетами в адрес насекомых:

— Ну, козёл!

— Василька, не мешайся тут,—одёргивала его мать,—иди в зал, а то разобьёшь что-нибудь.

— А там нет мухов, я их там всех убил.

Послышался удар мухобойкой, звон падающей посуды, убитая наповал муха отлетела и плюхнулась в миску с молоком, стоявшую на столе.

— Ну мам!..—возмутилась девочка.

— Чертёнок ты белобрысый!

Мать обезоружила истребителя мух и шлёпнула его по заднице его же оружием. Удар был не сильный, но меру дисциплинарного воздействия проказник воспринял с пониманием.

Весёлый и озорной мальчуган тут же превратился в обиженного нытика, усиленно пытавшегося выжать из себя слезу. Он весь насупился, нахмурился, скривил губки, как это умеют делать дети и капризные дамы; шлепок не тянул на рёв или плач, но надо было как-то выразить свой решительный протест против наказания, явно несоразмерного, по его мнению, тяжести содеянного, поэтому он просто негромко заныл через силу, пытаясь вызвать к себе хоть немного жалости.

— Доча, это молоко вылей котёнку, а налей другое и поставь греться.

— А?—мальчонка навострил уши, перестав ныть.—Сё говолись?

— Мама, а почему в картошку надо горячее молоко лить, а не холодное?

— Если лить холодное, то пюре получится жидким и серым, невкусным, а если тёплое, то получится пышным, воздушным.

— А?—мальчуган вновь напрягся, перестав ныть.—Сё сказала?

— Да не тебе, пострелёнок,—обратилась к нему мать.—Любопытный такой, всё тебе слышать надо.

Мальчуган снова заныл, а мать взяла огромную чугунную сковороду и поставила на плиту.

— Папка, наверное, опять поздно придёт,—высказала предположение девочка.

— Если вообще придёт,—пробурчала хозяйка.—Сейчас я буду катать лепёшки, а ты жарь их на сковороде,—сказала она дочери.

— А?—мальчик опять перестал ныть и прислушался.—Сё говолись?

Видя, что на него не обращают внимания, он вновь заныл, при этом старался не пропустить ни одного сказанного слова.

Видя, что нытьём женщин не одолеть, мальчуган перешёл к шантажу.

— Не хотите со мной зыть—и не надо,—забубнил он.—Вот уеду в Маклаково, будете знать.

— Езжай, езжай, хоть сегодня,—ответила мать, раскатывая тесто.—В какую сторону ехать, хоть знаешь?

— Туда,—мальчонка живо и уверенно ткнул пальцем в окно.

— Кто тебя там кормить-то будет?

— А сё?—насупился пострелёнок.—Я сам буду кусать.

Хозяйки были увлечены стряпнёй, поэтому не обратили внимания на слабый звук автомобильного двигателя и не услышали звука отворяемой калитки. Лишь когда в сенях послышались шаги, старшая хозяйка промолвила:

— Вот и папа приехал.

Шалун тут же преобразился, он забыл свою роль наказанного озорника, вернулся в своё привычное состояние, побежал в зал, выскочил оттуда с игрушечным пистолетом в руке и, увидев вошедших, закричал:

— Тф, тф, тф!

Потом осёкся, выкатив глазёнки, и заверещал:

— Мама! Это не папа, а какой-то сюзой дядя.

И он так же стремительно убежал на кухню под мамину защиту.

Из кухни выглянула хозяйка. Она увидела вошедших, и лицо её расплылось в улыбке, а в глазах

сверкнули озорные искорки; глаза у неё смеялись всегда, даже когда она сердилась или ругалась.

— Ой! Кто к нам приехал! — запричитала она и принялась обниматься с гостем, боясь запачкать того в муке. — Давно носу не казал, зазнался, поди, городской. А Валерка-то как вырос! — она потрепала племянника по голове.

Она повернулась к сыну и сказала ему:

— Никакой это не чужой дядя, а твой дядя Коля, он всех заколет, переколет, выколет, — подразнила она брата детской дразнилкой. — Иди, Василёк, поздоровайся с дядей.

— А тётя Катя всем накатит, перекатит, выкатит, — не остался в долгу гость. — Ну, привет, бультинчик[1], — обратился он к подбежавшему мальчонке и протянул руку. — Давай знакомиться. Я — дядя Коля. А ты кто?

— Ты бультинчик, и я бультинчик, — ответил мальчуган и хлопнул по протянутой руке.

— А годиков тебе сколько?

Мальчуган не удосужился ответить, он резко повернулся и с криком: «Сикать, сикать!» — побежал к двери, где стоял детский горшок.

— Да недосуг всё было, время-то какое — сама знаешь, — стал оправдываться гость, — всё по командировкам, только успевай крутиться. Я ведь по случаю Ленку отвозил к своим, тёща сильно захворала, вот и взяла отпуск, заодно и вас решил навестить. А хозяин где?

— Да пьёт, небось, где-нибудь опять. Где ещё ему быть? — всплеснула она руками. — Да вы проходите, располагайтесь, я как раз стряпала. Подождите чуток, потом пообедаем. И Генка авось к обеду подойдёт, если ещё не надрался где-нибудь.

Николай выложил из сумки гостинцы, передал сестре и прошёл в зал, осматриваясь. Проходя мимо кухни, он увидел племянницу возле плиты.

— Привет, — поприветствовал он юную хозяйку. — Ты — Люба? Младшая, да?

— Да, — подтвердила она. — Здравствуйте.

— Как ты выросла! Ты меня не помнишь, видимо, маленькая была ещё, когда я последний раз приезжал.

— А я вас по фотографии знаю, — заулыбалась она, — из альбома, где вы с мамой вместе стоите.

— А старшие где?

— Вера у бабушки гостит, — ответила за неё мать, — а Надюшка где-то с девчонками бегает, на речке, наверное.

— Катька! — раздалось из зала. — А что, Генка часто бухает?

— Да почитай каждый день балдой, — донеслось из кухни, — а то и совсем вдрабадан напивается. Зимой ещё не так, а летом прямо алкаш алкашом. И куда ему она лезет? — бурчала она.

1. Здесь — проказник, озорник.

— Пойду я покурю, — сказал Николай сестре, — не буду вас отвлекать, а то не получится ничего.

Он вышел во двор, сел на крыльцо в тени, закурил. Во дворе всё было по-прежнему, как и десять, двадцать лет назад.

Возле забора сидели гуси, изредка пощипывая растущую рядом траву, в сарае топтался телёнок. Около сарая была насыпана куча фуражного зерна, стоя на которой, курица не спеша клевала зерно. Она не клевала всё подряд, а клюнет пару раз, потом поскребёт лапками в поисках самых жирных зёрен, опять лениво клюнет и вновь гребанёт лапками в поисках жемчужного зёрнышка.

Он усмехнулся: ну клюй подряд, зерна ведь море, — но она выбирала самые крупные, лучшие зёрна; ведь мы тоже не щёлкаем семечки все подряд, а автоматически берём самую крупную, а в конце остаётся мелочь.

Из дома выскочили мальчишки. Василька побежал по двору, на ходу махая рукой, как пропеллером, изображая самолёт, распугал всех гусей, которые, возмущённо гогоча, кинулись врассыпную, курицу, клевавшую зёрна, которая, кудахча и маша крыльями, убежала в сарай.

— Ты куда собрался? — одёрнул сына отец.

— Сбегаю к Дюше, узнаю, как там они.

— Погоди, поедим, потом пойдёшь.

— Да я быстро.

— Ага, знаю я твои «быстро», ищи потом тебя в соседних деревнях. Пообедаем, и ты свободен, как волны в море. Да и дома его, поди, нет, дружбана твоего: в такую жару кто же дома сидит?

— А я, когда маленький был, боялся телёнка, — подбежав к дяде, сообщил Василька, — думал — укусит.

— Ну, — с важным видом поинтересовался дядя, глядя на этого крошечного мужичка, — а теперь, конечно же, ты большой?

— Да, — не оставил в этом сомнений мальчонка.

— Папка-то где?

— На свалке.

— На свалке? — удивился дядя, пытаясь вспомнить, где в окрестностях села образовалась свалка. — Что ему там надо?

— Нисево не надо, Малину повезли, он всегда там с Алкаской, иногда и спит там.

— У алкашки? — не поверил Саня своим ушам и задумался.

— А это у вас «Калина», да, как у Алкаски? — Василька показал на машину.

— Никакая не «Калина», — обиделся Валерик за отцовскую иномарку, — у нас «Тойота Кроун».

— Клоун, да? Клоун?

— Сам ты — маленький клоун, — захохотал Николай, сообразив наконец-то, что зять на сварке работает с Аркашкой и туда повезли Марину.

Он сгрёб в охапку племянника и стал его тискать.

— Кем, интересно, станешь, когда вырастешь?

— Когда я выласту, я больсым клоуном стану и куплю такую зе масыну.
— А где деньги возьмёшь на машину?
— На лаботе,— удивился мальчуган такому глупому вопросу и не понял, почему дядя опять засмеялся.
— А работа где?— продолжал пытать дядя.
— На свалке, где зе есё?

Тем временем на кухне трудились хозяйки: мать скатала большую толстую колбаску из теста и, порезав её на множество кусочков, раскатывала их в лепёшки размером с тарелку, а дочь клала их на раскалённую сковородку и пекла, время от времени прижимая вилкой появляющиеся пузыри. Потом переворачивала и пекла другую сторону, внимательно следя, чтобы лепёшка не подгорела.

По мере готовности она убирала готовую лепёшку и клала её на полотенце, расстеленное на столе.
— Доча, достань из холодильника масло.

Взяв масло, она отрезала кусок и, положив его в металлическую миску, поставила её на горячую плиту. Когда все лепёшки были готовы, они стали их начинять картофельным пюре. Дочь под бдительным присмотром матери намазывала толстым слоем картошки половину лепёшки и передавала её матери, которая складывала полученное изделие пополам и полученный полукруг смазывала со всех сторон пучком из птичьих перьев, окуная их в растопленное масло, готовые изделия складывая на тарелку одно на другое.

Остатки картофельного пюре были переложены в небольшую миску.
— Давайте к столу, пока не остыло,— наконец-то донеслось до гостей из окна, задёрнутого марлей, и отец с сыном направились в дом.

Николай проследовал к рукомойнику со словами:
— Нах дер арбайт фор дем ессен хендевашен нихт фергессен[2].

Валерка тоже двинулся к рукомойнику.

На столе стояла тарелка со стряпнёй, рядом— миска с растопленным маслом. Такое блюдо не могло обойтись без малосольных огурчиков, помидоров, маринованных опят, квашеной капусты, солёной черемши со сметаной, стоявших на столе.

Перед каждым едоком стояла неглубокая тарелка.
— Ого!— удивился гость.— Что это за чебуреки такие картофельные? Никогда таких не видел, тем более не ел.
— А это блюдо из татарской кухни, кыстыбый называется. Золовка из Набережных Челнов гостила позапрошлым летом, научила. Стряпается легко и быстро, компонентов-то всего: тесто и картошка. Если картошка почищена, то через полчаса блюдо уже готово. Хотите— макайте в масло и ешьте, хотите— с огурчиками, хотите— с грибочками.
— Какое название своеобразное,— заключил Коля,— слово с тремя буквами «ы». В русском языке таких слов нет.
— Как нет?..— удивилась хозяйка.— А-а-а-а,— пыталась она припомнить хоть одно подобное слово.
— Вымыты,— помогла дочь, вспомнив слово, состоявшее из местоимений.
— Вырыты,— добавила мать с удовлетворением.
— Выпытывать,— подумав, внёс свою лепту Николай, поняв, что поторопился с выводом.
— Ну ладно,— переменила хозяйка тему разговора,— ешьте, не стесняйтесь. Может, и наш папа к обеду подойдёт. Ой!— вскочила она.— Совсем забыла! Может, пропустишь стопочку за встречу?
— Не,— замотал головой Коля, жуя полным ртом,— я же за рулём.
— Сегодня, что ли, поедешь?— обиженно спросила сестра.
— Да нет, завтра поутру, мало ли— чтобы выхлопа не было.
— Ну, до завтра всё выйдет, чего уж там.
— Да нет, не надо. Потом, ведь с Генкой всякоразно придётся пропустить по стопарю.
— Да он ещё неизвестно придёт или нет.

В сенях послышался топот, дверь распахнулась, и в кухню с важным видом вошёл Василька, держа на ладони дохлого утёнка.
— Во,— заявил он гордо,— его надо позалить.
— О Господи!— всплеснула руками мать, увидев такое, не зная, как реагировать на происходящее.— Этого ещё не хватало. Где ты его раздобыл?

Колька среагировал адекватно:
— Ну конечно же, пожарим, какой разговор.

Он вскочил со стула, взял Василькину «добычу» и бросил её в мусорное ведро.
— Вечером обязательно пожарим с картошкой, а пока давай помоем руки, и садись с нами кушать кыстыбый.

Он подвёл маленького «добытчика» к рукомойнику и помог ему тщательно вымыть руки, избавляя ребёнка от возможной инфекции. Пододвинув к столу табурет, он скомандовал:
— Садись, кормилец.

Василька проворно вскарабкался на табурет, взял со стола ложку, зажал её вертикально в кулаке и протянул в сторону Валерки:
— Помелимся?

Тот, подыгрывая сорванцу, протянул свою вилку.
— Чем тебя, чем меня,— заявил Василька. Потом протянул в сторону дяди:— А с тобой помелимся?

Дядя протянул в его сторону свою вилку, желая принять участие в игре.
— Чем меня, чем тебя,— вынес резолюцию малец.

2. «Nach der Arbeit vor dem Essen Handewacshen nicht vergessen» *(нем.)*— «После работы перед едой не забудь вымыть руки».

Валерка быстро съел свою пару кыстыбыев, отказался от чая и, пробурчав полным ртом благодарность, вышел вон.

Люба поела, попила молока и встала из-за стола. Она взялась было за мытьё посуды, но мать остановила её:

— Оставь, доча, пусть стоит. Вечером затопим баню, там и помоем в горячей воде.

Потом она спохватилась, взяла с другого стола вазу с вымытой черешней и поставила на стол.

— Совсем забыла про твой гостинец,—и обратилась к дочери:—Кушай, доча, дядя Коля привёз.

Девочка взяла горсть ягод и оставила маму с гостем наедине, которые не спеша пили чай, делились воспоминаниями, новостями, а малыш, не обращая внимания на взрослых, по одной уплетал черешню, стоявшую на столе.

Николай, как любой взрослый, получал огромное удовольствие не от съеденного лакомства, а от созерцания его поглощения маленькими. Когда совсем крошечные котята или щенки лакают сметану, забыв обо всём на свете, пища от восторга, фыркая, забираясь передними лапами в блюдце, мотая мордочкой и яростно сопротивляясь всеми своими силёнками, если некто подумает лишить их этого счастья.

Вся Вселенная сфокусировалась в вазе с черешней, стоявшей в середине стола. Василька со словами: «Есё одну, да и всё»,—тянул свою ручонку к лакомству, брал не первую попавшуюся, а, как курица на дворе, выбирал самую большую, брал её за плодоножку, засовывал огромную ягодку в свой крошечный ротик, оторвав плодоножку, клал её на стол перед собой и начинал жевать ягодку, перекатывая её во рту, сосредоточено жуя, уставившись куда-то в пустоту; он даже не замечал, как внимательно следит за его мимикой дядя, лишь изредка щурил свои глазёнки то ли от удовольствия, то ли от имеющейся кислинки.

Потом он глотал содержимое, вынимал изо рта косточку, клал её рядом с плодоножками, замирал на мгновение, но, получив из «командного пункта» требование новой порции эндорфина, возвращал свой взгляд на вазу и со словами: «Есё одну, да и всё»,—тянул свою ручонку за очередной ягодкой. Взяв её, он с детской наивностью верил, что уж она-то действительно последняя, но, отправив её в желудок, был бессилен против искушения съесть «ещё одну, да и всё», а рука сама тянулась к вазе.

Подобным образом ведут себя пьяницы, которые, выпив последнюю, как им кажется, стопку, не могут уйти из-за стола, не выпив ещё одну, ну точно уж последнюю.

Сестра с подробностями высказывала брату о наболевшем, пытаясь излить своё бабье горе, а Николай слушал, вставляя редкие реплики.

Что зять бухал, ему было известно давно. Но раньше он пил «как все» и особых хлопот жене и семье не доставлял, однако в последние годы пьянки шли перманентно, одна за другой. К тому же по пьяному делу устраивал всевозможные дебоши, чего раньше за ним никогда не наблюдалось. Правда, семью не терроризировал, а всю свою пьяную энергию выплёскивал на своих собутыльников. Бывало, доставалось и окружающим.

— Вас-то не гоняет?

— Да упаси Господь,—махнула она рукой.—Дома вроде ничего, и детей не обижает, а уж Василия любит—аж умереть готов на месте. Ведь всё попрекал, что одних девчонок рожаю, а он о наследнике мечтал. Бывало, отец его отругает, Василька хнычет, а сам бубнит: «Папа холёсий, папа холёсий». Ну, тут Генка прямо не может сдержаться от чувств, слыша такое.

У сестры одна за другой родились три дочери: Вера, Надя, Люба,—а зять, как и всякий правильный мужик, хотел иметь сына, продолжателя рода. Немного огорчался после очередных родов, хотя хорошо знал, что баба родит того, кого ей мужик сделает, однако ворчал на супругу, полагая, что она об этом не осведомлена.

— Сначала думала, что дети пойдут—одумается,—продолжала сестра изливать свою душу.—Куда уж там! Говорит: «Вот родишь сына—завяжу»,—даже клялся: мол, «гадом буду». Так на радостях в запой ушёл—свёкор из роддома забирал. Так вот.

Брат слушал и сочувствовал про себя. Ему ли не знать проблему сельских мужиков? Увлечений никаких, кроме рыбалки, да и то не у всех. Вот и спаивают один другого: сначала один как бы помогает второму, хозяйка ставит пузырь, пьют оба, потом второй идёт, с понтом, помогать к первому, починить что-нибудь и пособить, крутят хозяйку на выпивку и опять пьют оба. А без пузыря в деревне никакая работа не идёт; даже если договорились о деньгах, то пузырь всё равно надо ставить.

— Я ему и лечиться предлагала,—продолжала она о наболевшем,—ни в какую: я, говорит, не алкоголик. И плакала, и ругала его—бесполезно.

— Не-е-е-е, такое не сработает,—поддерживал беседу брат, в то же время размышляя о возникшей проблеме.—У него, видать, уже другая стадия наступила, для него дороже бутылки уже нет ничего. Уж сколько у меня корешей спились.

— А что делать?—в её голосе послышались слёзы.—Вот хоть бы ты с ним поговорил, что ли, тебя-то он послушает, он ведь тебя уважает, даже гордится тобой.

— Да безнадёжное это дело,—отмахнулся Коля,—горбатого могила исправит, а алкаша две,—он продолжал в задумчивости.—Тут что-то другое нужно, экстраординарное. Если не поможет, то в наркологию, да и то если согласится. Терциум нон датур.

— Чего?—не поняла она.

— Третьего не дано,— перевёл он с латыни на русский и добавил многозначительно, подняв указательный палец вверх:— Третий закон логики.

Он вдруг вспомнил один случай, то ли кем-то рассказанный, то ли где-то вычитанный, и решил его рассказать сестре.

— Знаешь, тут может какой-нибудь мощный стресс помочь,— сделал он вступление.— У одной бабы тоже мужик сильно алкашил, спасу нет. Что только она ни делала с ним — бесполезно, за бутылку он был готов продать и Родину, и партию. А тут однажды поздно ночью притащился еле-как и тут же, не дойдя до кровати, вырубился. Баба его ночью проснулась от страшного рёва: кто-то под койкой орёт благим матом, аж в соседней деревне всех переполошил, и колотит по днищу, а кровать деревянная была. Ну, она тут же вскочила, свет врубила, а под кроватью мужик её орёт, бьётся в истерике — видимо, закатился туда во сне. Выполз, глаза как у бешеного таракана,— он скорчил рожу, какая должна быть у бешеных тараканов, и, жестикулируя, продолжил фантазировать,— волосья все поседели, торчат, как проволоки, в штанах мокро. Насилу его успокоила. Оказалось, будто приснилось ему, что он помер и его похоронили. Он проснулся — темно, холодно, руками повёл — сбоку дерево, сверху-снизу дерево. Он и решил, что в гробу лежит, что его похоронили живьём. Вот это, скажу я тебе, стресс. Как только кони не двинул там от страха?..

— Ой, как интересно! Ну и что дальше-то?— уставилась она на брата с нескрываемым любопытством.

— Ну чё,— сочинял он дальше, потому как не помнил, чем закончилась история,— мужик тот кое-как оклемался, боялись, что умом рехнулся, но больше в рот даже пива не брал, отбило желание напрочь.

— Это ж надо ведь так,— качала головой сестра.

— А уж баба рада-радёхонька, говорит: мол, лучше пусть умом тронется, чем так пить.

— Правда что,— согласилась она.— Да я-то что, в гроб его должна, что ли, положить, чтоб его стресс побрал?..

— Да нет,— прихлёбывал Коля чай,— я для примера сказал. Просто сильное эмоциональное потрясение способно включить некие скрытые механизмы. А как?.. Тут уж ничего посоветовать не могу. Вот у нас в армии Олег Тряскин с вертолёта упал при десантировании, жив остался, не покалечился даже, но с тех пор начал хорошие стихи писать, хотя раньше такого за ним не наблюдалось, во!

Съев последнюю ягодку, Василька оглядел стол — нет ли поблизости ещё такой же с подобным содержимым, а Колька пожалел, что не выложил все три килограмма, он хотел продлить удовольствие и посмотреть, сколько ягод ещё может поместить его крошечное брюшко.

— Ну ладно, спасибо за угощение,— встал он из-за стола.— Всё было, как всегда, очень вкусно и сытно. Никогда не ел такого блюда, проще только пареная репа.

Тут Катерина обратила внимание на пустую вазу и всплеснула руками:

— Всё схомячил один, проглот маленький! А другим что останется?

Малыш глядел на мать такими невинными глазами, в которых можно было прочесть: «Ну я же всего одну брал, а они сами незаметно кончились».

— Да не волнуйся,— смеясь, заступился дядя за маленького проглота,— я же много привёз, всем хватит. Очень уж соблазнительно уплетал, не хотелось даже останавливать,— и передразнил племянника, погладив по голове:— «Есё одну, да и всё».

Колька вышел во двор и остановился в раздумье: помочь сестре по хозяйству или сначала сходить на речку искупаться? Рассудив, что работа не волк, а солнце пока ещё в зените и ждать его не будет, решил сначала искупаться.

Когда он проходил мимо гусиного выводка, расположившегося возле ворот, гуси заволновались, гусята забеспокоились, а гусак зашипел, вытянул шею горизонтально и смело двинулся в атаку.

Колька замедлил шаг, следя за действиями «атакующего агрессора»; он знал, что гусак не посмеет вступить в неравный бой, а, видя, что его не боятся и угрозы выводку нет, сделает вид, что он просто хотел пощипать травки возле ног прохожего.

Действительно, приблизившись к «неприятелю», тот остановился, лениво ущипнул травку, потом, повернувшись, двинулся в сторону своего выводка, гордо выпрямив шею, и загоготал, трубя победу: мол, смотрите, ребятишки, как я вас защитил от этого громадного двуногого монстра, лишённого перьев. А гусята дружно похвалили отца-защитника: мол, папа, ты у нас герой.

В детстве, когда его привозили в деревню к деду, Колька панически боялся всякой живности: «кусучих и бодучих» коров, новорождённых телят, казавшихся огромными чудищами, гусей, которые норовили ущипнуть за пятки. Со временем он осмелел, видя, что телята и овечки сами его боятся, а коров можно напугать хворостиной.

Однажды он увидел, как большие деревенские мальчишки просто хватали гусака за шею, раскручивали его вокруг и швыряли прочь от себя. Но когда он сам однажды так поступил с гусаком, то получил от деда строгое внушение, что гусь — птица ценная, полезная, охраняет своё семейство, укрепляя свой авторитет, а когда-то давным-давно они даже Рим спасли. Что такое Рим, Колька в то время не знал, но с тех пор гусей зауважал и никогда не обижал.

Валерка забежал во двор, ведя за собой ватагу деревенских ребятишек. Сказав им:

— Я быстро,— забежал в дом и через минуту уже выскочил в кимоно.
— Вот, глядите,— и он стал им показывать то, чему успел научиться в секции карате.— Фу, фу,— резко выдыхал он, делая очередной блок.— Кия!— выкрикивал он, нанося удары воображаемым противникам, порой произнося непонятные фразы «гедан барай», «сан ран зуки», «маваси кери», «зенкутсу дачи» и прочее.

Мальчишки с восхищением смотрели на городского каратиста.
— Пойдём сегодня Зосю колотить?— предложил один из пацанов.
— А кто это?— поинтересовался Валерик.
— Он— украдинец,— шмыгнул носом самый младший,— он всё у всех украдывает.

Тут пацаны, перебивая друг друга, стали объяснять Валерику, какой Зося мерзкий и гадкий мальчишка и почему его непременно надо поколотить.
— В общем, козёл один,— пояснил старший из пацанов и сплюнул с нескрываемой неприязнью.

Валерик не рвался в бой, исход которого был для него неочевиден, потому что не знал, насколько силён соперник, поэтому уклончиво ответил:
— Я сегодня не в форме.

Потом, вспомнив слова тренера, что предотвращённый поединок— выигранный поединок, добавил в оправдание:
— Ещё не восстановился после городских соревнований.
— А кирпичи рукой разбивать можешь?— спросил высокий чернявый хлопчик в бейсболке.
— «Учи ваза» называется,— авторитетно заявил Валерик, тем самым давая понять друзьям, что это для него знакомо,— но пока нам сенсей не разрешает это.
— Кто-кто?
— Сенсей— тренер, значит,— пояснил Валерик.— Это только с чёрного пояса можно делать,— начал «заливать» молодой каратист.
— А у тебя какой?— поинтересовался чернявый.
— Пока коричневый,— соврал Валерик, стыдливо пряча глаза; потом, бросив:— Погодите, я щас,— опять юркнул в избу.

На этот раз он выскочил во двор с нунчаками.
— Во, видали? Как у Брюса Ли.
— У Захарки тоже есть Брюс Ли,— вставил слово самый младший из мальчишек, услышав знакомое словосочетание.
— Какой Брюс Ли?— не понял каратист, о чём идёт речь.
— Ну ты же говоришь: Брюс Ли.
— А ты хоть знаешь, кто такой Брюс Ли?— пренебрежительно поинтересовался у него Валерик, глядя на него сверху вниз, пытаясь выяснить, откуда у какого-то Захарки мог появиться легендарный каратист.
— Нет,— с достоинством ответил малец, но, чтобы городской не очень-то задавался, повторил:— Но у Захарки он тоже есть.
— Да это у его брата на футболке есть Брюс Ли,— объяснил чернявый хлопчик в бейсболке,— вот он и говорит.

Валерик попросил всех отойти подальше от «театра военных действий» и стал крутить «восьмёрки» своим спортивным оружием, поясняя:
— Во, и чё ты мне сделаешь? И спереди защищён, и сзади ко мне не подойдёшь. Вот так-то,— закончил он махать нунчаками, ловя восторженные взгляды зрителей.

Потом что-то вспомнил:
— А, вот ещё.

Он пошёл под навес, осмотрелся по сторонам в поисках чего-то, подобрал кусок верёвки длиной около трёх метров и, проворно взобравшись на поленницу, привязал его конец к подстропильной балке, потом спустился и из нижнего конца смотал небольшой узел на уровне своего роста.
— Во, глядите,— и он начал резко лупить своим оружием по висевшему узлу.

Его нунчаки по очереди резко вылетали из подмышек и точно попадали в узел, вынуждая тот отлетать в сторону.
— Ну как?— ждал аплодисментов исполнитель.
— Классно!— выдавил один.
— Вот это да!— вторил другой.
— Мне бы так,— с завистью молвил чернявый в бейсболке.

Вернувшись, Колька взялся помочь по хозяйству сестре, которая с дочерью возилась в огороде. Он накачал воды во все имеющие ёмкости, в баню, в дом, накормил скотину, потом пошёл в дровяник, чтобы наколоть дров. Висевшая на балке верёвка мешала замахнуться колуном, порой била его по затылку, поэтому он влез на колоду и укоротил её, подтянув петлю повыше.

Он не без удовольствия колол поленья и думал о сестре, что бабье счастье на трёх китах держится: чтоб не пил, чтоб любил, чтобы деньги приносил; если с двумя «китами» проблемы не было, то с первым, видимо, дело обстоит весьма серьёзно, а вскоре могут и с третьим возникнуть проблемы, когда не в дом тащат, а из дома.

Наколотые дрова он занёс в баню, в дом, а остальные сложил в поленницу.

Николай, безусловно, знал, где можно найти зятя, но идти на поиски не хотел, его никак не привлекала перспектива встречи с местными алконавтами, которые были бы рады отметить его приезд за его же счёт. Ему было нетрудно на машине съездить в гараж, где Генка мог быть «на свалке с Алкашкой», как изволил высказаться Василька.

Колька любил поспорить с Генкой на какие-нибудь злободневные вопросы; в принципе разделяя

его жизненное кредо, он всегда вставал ему в оппозицию и провоцировал его на спор, пытаясь выяснить, насколько Генка мог аргументированно отстоять свою позицию.

Отец Геннадия был ортодоксальным марксистом-ленинцем, которых полвека назад называли «настоящими коммунистами», и он привил свои взгляды сыну. С развалом великой державы рухнули и коммунистические идеалы, что болезненно сказалось и на мировоззрении Геннадия.

Колька, успев зацепиться в новых экономических реалиях, жизнью был доволен, преуспевал в бизнесе и возврата в «светлое коммунистическое прошлое» не желал, поэтому всегда спорил с Геннадием на общественно-политические темы и порой просто бесил его своими убеждениями. Но если Генка был уже поддатым, то подобных тем Колька старался избегать, дабы не инспирировать эскалацию перманентной классовой конфронтации. Поэтому он не стал его искать, а понадеялся, что можно будет уехать, не повидавшись.

Вечером все успели помыться в бане; парился только Колька, поэтому он пошёл первым. Он с остервенением хлестал себя веником, взобравшись на самую верхнюю полку, в ковшик с водой он добавлял несколько капель экстракта эвкалипта, поэтому по всей парной витал тропический дух. Катька с дочерями не парились совсем, а мылись, открыв дверь в парную. Последним мылся Валерик, который пришёл поздно.

Колька лежал на диване, уже вполне обсохнув, и ждал чая с мёдом. Катька ходила по комнате в махровом халате, с полотенцем, накрученным на волосы, как умеют делать лишь женщины.

Во дворе скрипнула калитка, по сеням кто-то прогромыхал, брякнули вёдра, дверь открылась, и вошла соседка Люська.

— С лёгким паром, я смотрю,— вместо приветствия сказала она и увидела гостя.— Да никак Колька приехал? А я-то тебя издалека не признала, когда ты в речке бултыхался. Надолго к нам?

— Да поутру уеду уже, так что ненадолго.

— Катерина,— тут же она крикнула хозяйку,— а твой опять дебош устроил у Хандоги, всех там побил, говорят, Бай насилу убежал, не то и ему бы досталось. В комнате Баегон лежит весь в крови, не убил бы кого ненароком. Хотели милицию вызвать, да Потапыч не велел: Генка может оказать сопротивление, посадят,— а зайти никто не смеет, пойди забери его, мало ли чего…

— Ага, послушает он меня,— ответила Катерина,— для него пьяного никаких авторитетов не существует. Если только сам придёт.

— Может, мне сходить?— предложил Николай.

— Нет, пустое,— обыденно произнесла Катерина,— тут по-другому надо. Сыночка!— окликнула она сына.

Из детской выбежал Василька и, подпрыгнув, остановился.

— Сына, иди с тётей Люсей, папу приведи, хватит ему балду пинать.

Василька огляделся по сторонам и спросил:

— А где мои сольтики? Не пойду зэ так, босиком.

— Куда положил, там и ищи.

— Я там везде иссил, нигде нет.

Катерина пошла в детскую и вынесла сыну шортики.

— На, растеряха! Ищил ты,— передразнила она сына и, повернувшись к брату, сказала:— Сейчас придёт. Как миленький.

— Что, Родину не любишь?— ревел Генка, тормоша кого-то, кто лежал на диване, глаз его заплывал синяком, а из опухшей губы стекала кровь. Он либо был без сознания, либо просто прикидывался, чтобы не получить добавки.— Что она вам сделала плохого? Вам досталась такая огромная страна, богатейшая, а вы ползаете по ней, как воши, питаетесь её плодами и тут же гадите, где живёте.

Он оставил его и двинулся в зал, где на полу ничком лежал другой пострадавший, под головой которого расплылась кровавая лужа от разбитого носа.

— А тебе чего не хватало, а?— слегка пнул он лежавшего, но тот не подавал признаков жизни.

Тогда Генка оставил его, вернулся к столу, за которым ещё сидели собутыльники, очередь которых ещё не настала, сел на табурет и толкнул одного слегка:

— А ты, Бродя, тоже Родиной недоволен?

— Почему недоволен? Доволен,— поспешил тот отозваться, чтобы его не настигла участь других участников совместного распития спиртных напитков; да он и в самом деле не имел особых претензий к своей Отчизне.

— Родина у нас самая лучшая,— продолжил Геннадий.— Население бы поменять, такую бы державу забабахали, не то что коммунизм— развитой зумбадектизм построили бы.

Генка оглядел поверхность стола, на котором стояли стаканы, нехитрая закуска, свойственная лишь холостяцкому столу, нашёл стакан, наполовину наполненный мутноватой жидкостью, выпил содержимое, крякнул, не стал закусывать и, положив на стол согнутые в локтях и скрещённые руки, продолжил начатую лекцию:

— Вы вот евреев не любите, а за что? Завидуете. Они ведь в любом положении при малейшей возможности стараются помочь друг другу. А эти, которых вы чурками обзываете, тоже ведь всегда готовы помочь своему соплеменнику. А вы так и норовите нагадить в карман своему соотечественнику-россиянину и называете это приколом.

Он толкнул второго собутыльника, который сидел за столом с закрытыми глазами, опершись щекой на ладонь, и прикидывался спящим. Его

единственным желанием было найти какой-нибудь повод, чтобы исчезнуть отсюда, и он завидовал Баеву, который ухитрился смыться, избежав Генкиных кулаков.

— Ты слышишь меня, Хандога?

— Слышу,—пробормотал тот.

— Вот тебе уже под сорок, а зачем ты жил? Ни семьи, ни жены, ни детей, даже барахла не нажил. Доброго имени и то не имеешь,—стал читать ему нравоучение Генка.—Тебя по имени никто давно не зовёт, а отчество твоё даже я не помню. Бродя,—обратился он к другому собутыльнику,—ты не знаешь, как его по батюшке?

Он ткнул Хандогу по руке, которой тот подпирал лицо. Голова Хандоги, потеряв опору, дёрнулась, и он открыл глаза.

— Борисыч,—пробормотал он.

— Точно, дядя Боря всех заборет,—загоготал Генка.—А ведь его все Хомычем звали, вот и ты так же кончишь, как твой отец. Сегодня вас закопают, а завтра вас забудут, отбросы человеческого общества, никто вас добром не помянёт.

— А ты, значит, лучше нас?—осмелился возразить Бродя.

— Да я такое же дерьмо, как и вы,—неожиданно и самокритично согласился Генка,—только я осознаю это, а вы нет.

Он замолчал, видимо, пытаясь вспомнить мысль, от которой вдруг внезапно отклонился, потом продолжил.

— Вот у нас в учебке сержант был, Игорь Маликов…—начал было он.

— Ну, раз Игорь,—приподнял голову Бродя и осклабился, показав кривые и редкие зубы коричневого цвета,—то наверняка сволочь.

— Эт точно,—не поднимая головы, поддакнул Хандога.

…Ну, такая сволочь с плоской пассатижной рожей и маленькими поросячьими глазками,—продолжил Генка, скривил такую мерзкую мину, которая никак не могла принадлежать сержанту Советской Армии, и сжал кулаки до хруста в суставах,—даже улыбаться не умел, не человек, а огромный кусок дерьма. Он даже своих земляков, брянских, чморил, издевался, а кавказцев трогать боялся, потому что они всегда заступались за своих и могли ему же накостылять. А нас, салаг, свои же русские парни чморили. Почему те не чморят своих, а мы…—он замолчал, задумавшись, потом продолжил:—…готовы друг другу горло перегрызть на потеху врагам.

— Эт точно…—промычал Хандога, не зная, что ответить.

— Давай наливай, что ли,—относительно миролюбиво скомандовал Генка.—Есть там ещё?

Бродя взял банку, на дне которой ещё плескалась какая-то жидкая субстанция, и налил в три стакана понемногу.

— Вот ты подумай,—Генка бесцеремонно схватил Хандогу за плечо и слегка потряс его, привлекая к себе его внимание,—вот евреям в тысяча девятьсот сорок восьмом году выделили клочок земли, единственный на Ближнем Востоке, где нет нефти, а они там за четверть века такую страну создали, что мы стали искать в себе еврейскую кровь, чтобы уехать туда. А Сингапур! Ведь этот каменный остров меньше нашего района в несколько раз, там даже воды своей нет, но они там рай построили совместными усилиями, а мы за тысячу лет даже дорог не можем построить. И кто виноват?

— Правительство, кто же ещё? Чиновники,—высказал свою точку зрения Бродя,—воруют миллиардами.

— Чиновники, правительство…—передразнил Генка и взял в руку стакан.—Кто угодно, но не мы сами, да? Где этот Бай?—он огляделся.—Сбежал, ка-а-азёл, я бы ему объяснил, кто виноват. Копейкой, падла, не поможет, но тысячу не пожалеет, чтобы нагадить своему же земляку, другу, соседу. Горбач у него виноват. Была огромная держава с мощной экономикой, сильной армией. И неизвестно откуда появляется какой-то Горбач и в одиночку за одну пятилетку разрушает до основания то, что создавали веками. Так, что ли?

— Выходит, что так,—решил согласиться с ним Бродя, не зная, что ответить.

— А вы где были в это время? Почему допустили? Почему не вмешались?

— Я тогда в армии был,—нашёл тот себе оправдание

— Вот мы с Китаем на равных были, когда начинали, а потом социализм рухнул у нас обоих, помнишь, ещё до армии?

— Угу,—закивал головой Бродя, хотя не помнил ничего и не понимал, при чём тут Китай.

— Хотя промышленность у нас была мощнее. Не прошло и двадцати лет, а сравни, как у них и как у нас. Не мы, а они завалили весь мир ширпотребом. А почему?

— Ну, сравнил. Да их в десять раз больше,—Бродя был, пожалуй, единственный из постоянных собутыльников, осмеливавшийся возражать пьяному Геннадию, но после учинённого тут побоища он предпочёл не бесить Генку своим мнением по обсуждаемому вопросу, тем более что своего мнения не имел никогда и обычно занимал конформистскую позицию, соглашаясь с тем, кто сильнее физически.

— Да они просто не мешают друг другу работать, обогащаться, вот и всё. Разве мы не могли наделать игрушек, которыми они наших детей травят, кошельков, которые рвутся через месяц, а? Могли. Да только попробуй, тебе со всех сторон столько рогаток наставят, сотню бумаг надо собрать, подписи ненужные, кредита хрен добьёшься. А начнём работать, тут же свора проверяющих налетит: сэс, налоговая, пожарники, прокуратура, менты,

надзорные органы, каждый будет искать, как бы тебя придушить. Где такая бумажка? Где накладная? А где подпись бухгалтера? Почему печать не круглая? Огнетушитель не тот, сертификат просроченный. И много всяких причин найдут, инструкций с довоенных времён, которые некому отменить, и всё—чтобы не дать тебе работать, платить налоги; а если пойдёт у тебя дело, то какой-нибудь большой чиновник из Москвы отожмёт твой бизнес. Подожгут в крайнем случае. А в Китае такого нет, вот в чём причина,—продолжил он импровизированную лекцию.—Они гонят за бугор всякий контрафакт, а правительство не препятствует, получая с этого налоги. Весь мир возмущается, ноты протеста шлют, а китайцы их всех посылают обратно. Промышленность растёт, налоги поступают, они по ввп уже Америку догнали, а мы с Занзибаром соревнуемся. И всё из-за нашего менталитета. Ты сидел? Сидел. Я тоже, а Иванов нет, давай посадим. У тебя дом есть? Нет. И у меня нет, а у Петрова есть. Давай подожжём. А у евреев наоборот: Абрам, у тебя машина есть, у меня есть, а у Мойши нет, давай ему купим. Каждый в тебе видит не честного человека, а мерзавца, вора, жулика: этот документ ты мог на принтере сделать, а этот купить в подземном переходе, а этот украл, убив хозяина.

Он почувствовал, что кто-то тянет его за рукав. Обернувшись, он увидел сына, от этого его физиономия, секунду назад свирепая до омерзения, расплылась в ослепительной улыбке.

— Василька!—глаза отца сияли от счастья.—Ты как тут очутился?

Малец взял отца за палец и потянул на себя:

— Папа, айда домой, хватит балду пинать, мама зовёт.

— Сейчас, мой маленький,—Генка поставил стакан на стол и погладил своей широченной ладонью сына по голове, он намеревался взять его на руки.—Конечно же, пойдём.

Но малец легко отвёл его руку и скомандовал:

— Вставай, посли, кому говолю!

Нисколько не сопротивляясь, словно пластилиновый, забыв, где он находится, что творится вокруг, что на столе стоят наполненные стаканы, он не спеша поднялся и двинулся вслед за Василькой.

Они неторопливо, беседуя, вышли из калитки, не обращая никакого внимания на столпившихся неподалёку сельчан, которым напоминали огромного слона, которого вёл на поводу маленький индийский погонщик. Кто-то из женщин быстро юркнул в калитку, чтобы выяснить, какой погром на этот раз устроил Геннадий, обошлось ли без жертв, нужна ли первая медицинская помощь.

— Нет, ну надо же, а…—пробормотала, глядя им вслед и качая головой, бабка Махорка.

Для Генки уже ничего не существовало, весь мир сузился до сына, с которым он заплетающимся языком вёл серьёзную беседу, и по его лицу было видно, что нет более миролюбивого человека, чем он. Геннадий послушно плёлся за сыном.

— Папа, сделай мне умулюхи,—попросил Василька.

— Конечно, сделаю,—пообещал отец.—Тебе какие—пропорционально-перпендикулярные или интегрально-дифференциальные?—шутил Генка над сыном, еле выговаривая заплетающимся языком такие сложные словесные конструкции.

Василька промолчал; если слово «умулюхи», сделать которые отец обещал, он запомнил сразу, то остальные мудрёные слова он не мог ни произнести, ни запомнить.

— Папа, а у меня дома попóк есть,—переключил он тему беседы.

— Попóк?..—озадачился отец, стараясь нетрезвыми мозгами сообразить, о чём идёт речь, но от серьёзного мужского разговора уклоняться не стал.—Это, конечно же, вещь. Жизнь без попкá, брат, как водка без градусов.

Василька внезапно остановился и повернулся к отцу, что-то вспомнив.

— Нет, два попкá,—он на другой руке растопырил большой и указательный пальцы, показал отцу,—один тебе, а длугой мне.

— Ну конечно же,—одобрил отец и решил выяснить назначение загадочных попков.—А для чего нам эти попки́? Что мы с ними будем делать?

— Как сё? Лыбу ловить,—удивился Василёк непонятливости отца.

— Попóк, чтобы рыбу ловить?—вновь не понял отец.

— Да не попóк!—вдруг захохотал Василька и, повернувшись к отцу, раздельно произнёс:—Па-плы-вок!

— А-а-а-а… поплавок!—обрадовался Генка наконец-то решённому вопросу.—Конечно, без поплавка никакая рыба не клюнет, даже шелешпёр.

Со стороны казалось, что отец ведёт ребёнка за руку, хотя на самом деле ребёнок вёл отца домой.

Геннадий проснулся от страшной сухости во рту, даже плюнуть было нечем, давление в мочевом пузыре превышало все допустимые нормы. Он встал с тахты, на которой уснул, не раздеваясь, и пошёл во двор, в сенях ковшиком зачерпнул холодной воды и утолил жажду.

Вид курившего на крыльце шурина слегка озадачил его.

— Во!—вырвалось у него, и он стал припоминать фрагменты вчерашнего вечернего застолья, смутно вспомнив лишь начало.—Не-е-е-е… это какой-то капец,—пробурчал он и проследовал в дровяник.

Через минуту оттуда послышалось негромкое:

— Колька!..

— Чего тебе?—отозвался шурин.

— Поди-ка сюда.

Колька лениво встал и направился на зов. В дровянике возле колоды стоял Генка и пристально

смотрел на висевшую верёвку. Одной рукой он пытался заправить трико, а другая его рука медленно поднялась, и его указательный палец показал на петлю.
— Это что, я?..— еле выдавил он из себя.

Николаю показалось, что лицо Генки было бледно, его челюсть отвисла, и оттого казалось, что лицо вытянулось, глаза были широко раскрыты, и в них можно было прочесть животный страх.
— Ну не я же,— не нашёл Колька другого ответа, не понимая, что происходит в душе зятя.— Не помнишь, что ли?
— …твою мать,— медленно произнёс Генка, выходя из дровяника.— А я думал, что все эти кошмары мне приснились.

Он двигался к дому с видом приговорённого, которого вели на эшафот.
— Ну где же приснилось?— начал наконец-то понимать Колька, что так потрясло зятя, попутно соображая, как можно над ним подшутить.— Если бы не я…

Генка доплёлся до крыльца, еле передвигая ногами, кое-как поднялся по ступенькам, остановился перед дверью, взявшись за дверную ручку, потом через силу обернулся в сторону дровяника, его кадык судорожно дёрнулся вверх, и он не спеша вошёл в избу, тихо затворив за собой дверь.

«Вот оно что!— дошёл до Кольки смысл произошедшего.— Надо это как-то использовать на благо всего прогрессивного человечества»,— подумал он.

Загасив чинарик, он направился в огород, на ходу додумывая детали возникшей идеи. Катерина уже успела подоить корову, накормить живность и возле огуречной грядки собирала свежие огурцы, чтобы снабдить брата огородной растительностью, которой не хватало в городе. Она знала, что брат уважал зелень и всегда считал, что мясо и рыба— всего лишь прекрасный повод ею наесться.
— Катюха!— окликнул он сестру, воровато озираясь по сторонам.— У тебя появился шанс, другого тебе Господь уже не пошлёт.
— Какой шанс? О чём ты?— не поняла она, выпрямившись и глядя на его лицо, озарённое какой-то гениальной идеей.
— Хочешь Генку от пьянки отлучить?
— Ну, хочу.
— Я тебе надысь про стресс рассказывал, помнишь?
— Ну,— кивнула она.
— Там, в дровянике, верёвка висит,— начал он вводить её в курс дела,— пацаны вчера повесили. Генка сейчас увидел, и торкнуло ему в башку, что это он ночью вздёрнуться решил, прикидываешь?
— Ну,— опять кивнула она, не понимая ещё всего задуманного.
— Ты бы видела его физиономию…— глаза Кольки расширились, и в них засверкали озорные искорки.— Я не стал ему говорить правду, а только поддакнул: мол, вот до чего ты допился. Он был потрясён. Он же ничего не помнит,— перешёл он на шёпот.
— Ну и чё?— не до конца понимала сестра, как это связано с пьянством.
— Как чё?— продолжал брат.— Ему ещё кошмары приснились, видать, на эту тему. Надо использовать момент и добить его окончательно.
— А как?— Катерина застыла в ожидании спасительной идеи.
— Как, как… Тебе надо сыграть свою роль хорошо,— стал объяснять он подробности.— Представь себе, что он и вправду ночью пошёл вешаться, а я его случайно спас.
— А что сыграть-то, как?— не понимала сестра до конца своей роли.
— Что, что…— начал выходить из себя Колька от женской бестолковости.— Поплачь, порыдай, истерику устрой. Надо ему внушить, что он чуть не вздёрнулся,— начал он объяснять актрисе сверхзадачу роли.— Мол, вдовой хотел оставить, детей осиротить, сына кто воспитает и прочее такое…
— Ой. Да ну тебя,— махнула она рукой разочарованно,— придумаешь тоже.
— Мать твою за ногу!— обозлился Колька женской глупости, которая грозила сорвать такое мероприятие.— Чей муж пьёт, твой или Дунькин? Ты хочешь, чтобы он наяву повесился от водки, как покойный Хомыч? Ей дают шанс мужа от пьянки отвратить, а она ещё ерепенится. Языком шевельнуть не хочет ради своего семейного счастья. Ну и живи с алкоголиком, если тебе нравится.

Он сплюнул с досады и уже повернулся, чтобы прекратить бессмысленную затею и уйти, но сестра его остановила.
— А если не получится?— немного поддалась она.
— Ну и хрен с ним,— всё ещё горячился брат.— Что мы теряем? А вдруг сработает? Ведь это шанс, его надо использовать, и это тебе надо, не мне, не Дуньке с маслобойки.
— Ну что я должна сделать?— почти согласилась она, инстинктивно чувствуя, что мысль всё-таки стоящая.
— Я же тебе сказал,— всё ещё раздражённо стал он объяснять подробности, понизив голос, опасаясь, что могут услышать.— Сначала внуши себе, что это правда, так тебе будет легче убедить его, а я подыграю. Плачь, причитай, голоси, чтоб его до печёнок пробрало.
— Даже не знаю…— засомневалась она, но наконец решилась, осознав, что брат говорит дело.— Как это всё сделать?
— Ну ты же артисткой мечтала стать, в клубе постоянно выступала, получится, не сомневайся,— ободрил он её и кинул хорошего леща:— Ты же талантливая.

Катерина действительно в юности мечтала стать актрисой, хотела после школы поступить

в театральное училище, но пришлось выйти замуж «по залёту», тут настали «лихие девяностые», а потом семейный быт поставил крест на её мечте. Колька ободряюще мигнул сестре, видя, что убедил, и, оставив её вживаться в образ, направился в дом обрабатывать «жертву».

Генка лежал на тахте навзничь, прикрыв глаза ладонью; было видно, что он не спал и переживал случившееся. Возле двери у порога сидел на горшке Василька, сосредоточенно кряхтя.

— Что, Василька, обкакался? — напустив на себя суровость, упрекнул его дядя.

— А сё? — поднял на него глазёнки малец и, тужась, ответил: — В станы-то не накакал.

— А-а-а-а… — одобрительно отозвался Колька. — Ну, раз в штаны не накакал, тогда всё путём.

Он прошёл к окну, посмотрел на улицу и задумчиво произнёс не для Васильки, а для его отца:

— Да, Василёк, стал бы ты сегодня сиротой, если бы я хоть на минуту замешкался, — начал он капать на мозги Генке, который всё слышал. — Остался бы без папки и рос бы безотцовщиной в бабьем царстве. Никто бы тебя на рыбалку не водил, велосипед бы не купил.

Он повернулся к Васильке и, искоса глянув на Генку, продолжил капать ему на мозги.

— Чтобы мужика воспитать, в доме мужик должен быть, — продолжал Колька, уже поверив в сочинённую им же легенду, — так-то, парень. Кто бы тогда тебя мужиком воспитал? На кого бы ты стал похож — на мамку, Любку?

Ребёнок слушал, что говорил дядя, не понимая смысла, но зато отец всё слышал и понимал, что он мог натворить в пьяном виде.

Колька думал, как бы ещё зацепить Генку за живое, чтобы добить окончательно. Василька тем временем встал с горшка, оглянулся на результат, потом самостоятельно подтёрся, накрыл горшок крышкой и натянул трусики.

Потом он подошёл к отцу и внёс свою лепту в начавшуюся «экзекуцию». Василька обнял отца за шею и прижался к его щеке.

— Мой папа, люблю, никому не отдам, — бормотал он, гладя его по щеке, потом спросил: — Ты зэ мой папа, не мамин, не Любин?

Генка всхлипнул, свободной рукой он притянул сына к себе и поцеловал в щёку. Колька видел, как из-под другой его ладони текли слёзы по щекам, по подбородку. «Клиент, кажется, созрел, молодец, бультинчик, — подумал он, оценивая происходящее. — Если ещё Катька хорошо сыграет свою роль, то совместными усилиями мы его сломаем».

Послышались ещё всхлипы, было понятно, что Генка плакал, чего с ним не случалось уже лет тридцать. Он сел на тахту, вытер ладонью слёзы, ему было стыдно показывать свою слабость сыну.

— Папа, а посему ты пласес? — спросил Василька, впервые увидев плачущего отца. — Тебя кто обидел?

— Никто, — застеснялся Генка и погладил сына по голове. — Башка чё-то болит.

— А кто тебя по баске стукнул? — поинтересовался Василька. — Дядя Коля?

— Никто не стукнул, — скривил улыбку отец. — Чтобы башка заболела, не обязательно по ней стукать, понимаешь? Поди посмотри, где мама, — решил он отослать ребёнка от себя.

— Это он в поезде с полки упал, — решил пошутить Колька, — прямо башкой вниз. Как пили — помнит, как утром на двор выходил — помнит, в середине отрезало.

Генка помотал головой, подобрал какую-то тряпку и высморкался в неё, потом вытер слёзы и опять лёг ничком на тахту, уткнувшись в подушку.

Василька побежал к двери, но она отворилась, и в избу вошла Катерина, на её глазах видны были слёзы. Она вопросительно глянула на брата, а тот утвердительно кивнул, слегка шевельнув указательным пальцем в сторону Генки.

— Да вот, Катюха, ещё пару пьянок, и быть тебе вдовой.

— Да что же ты, паршивец, надумал? — заголосила Катерина, и слёзы тут же полились из её глаз. — А обо мне ты подумал? А о детях? Как я одна их воспитаю?

Она ушла на кухню, села за стол и продолжала причитать.

— Я ведь люблю тебя, свою молодость тебе отдала, карьеру свою погубила. А ты! Ну за что мне такое наказание? И всё ради бутылки. Ребёнок отца раз в неделю видит, да и то пьяного. А без отца как? Кто сыну обещанные умулюхи сделает — Хандога, Бродя?

— Что это за умулюхи такие? — Колька никогда раньше не слышал этого слова.

— А бес его знает? Ребёнок уже месяц просит отца сделать умулюхи, а тому всё недосуг, пьянка важнее, — и она вновь залилась плачем.

— Хорошо, я покурить вышел, — продолжил играть свою роль Колька, намекая сестре, как оно было на самом деле. — Думаю, что это он так долго, уже дважды по-большому можно было сходить, глянул, а он — мать честная! — уже на чурку взгромоздился…

Василька смотрел на родителей и пытался понять, что случилось, почему они плачут. Ну, папа, понятное дело, с полки упал и сильно башкой треснулся, а мама где стукнулась? Может, им дядя Коля обоим по башке стукнул? Сам-то он не плачет.

— У папы голова болит, — стал успокаивать ребёнка Колька, — а мама его жалеет. Вот вылечится у папки голова, мамка плакать перестанет. А папа тебе всяких умулюхов наделает, иначе какой же он мужик, если слово не держит? Фуфлыжник, а не мужик.

— Надумаешь опять вешаться, — продолжала Катерина уже как-то вполне серьёзно, что и Колька поверил в её искренность, — на втором конце для меня сделай петлю, не буду без тебя жить. Пусть

детей в детский дом заберут, а Васильку кто-нибудь усыновит—может, приёмный отец будет нормальный, а не пьянь деревенская.

Катерина вдруг перестала плакать и стала собирать на стол, а Колька пошёл будить Валерку; девчонок решили не будить, пусть спят, рано ещё.

— Я тебе там зелени нарвала, сметану возьмёшь, творогу, молока, не прокиснет, пока доедешь.

Они молча позавтракали, заговорщицки перемигиваясь, не скрывая улыбок, порой мелькавших на их лицах. Позавтракав, собраться было не долго. Катерина понесла к автомобилю охапку зелени, Колька заглянул в зал:

— Ну, бывай здоров, Геннадий, поехали мы.

Не услышав ответа, он взял свою сумку, пакеты с молоком, сметаной и творогом и вышел во двор. Валерик уже завёл двигатель и сидел на пассажирском сиденье, а возле него вертелся Василька, тыкал пальцами на рычаги и кнопки с вопросом: «А это сё? А засем?»—и, не получив ответа, тыкал на другую кнопку с тем же вопросом. Катерина складывала зелень на заднем сиденье, передавая приветы каждому, кого брат повстречает. Как скрипнула дверь, она не слышала, а Колька, глянув в зеркало заднего вида, увидел Генку. Он импульсивно хотел обернулся, но мгновенно передумал и тут же нарочито громко, чтобы услышал зять, сказал:

— Ты не переживай, Катюха, Генка—мужик волевой, с характером, я в него верю, он если цель какую наметил, то его никакая преграда не остановит.

Катерина не поняла, почему брат ни с того ни с сего сменил тему разговора, но услышала скрип ступенек, обернулась и выпрямилась, Николай тоже обернулся. Генка спустился, молча подошёл и так же молча обнял шурина, потом еле слышно произнёс.

— Спасибо, брат.

Он повернулся и медленно направился в сторону огорода, видимо, по нужде. Колька смотрел на его сгорбленную спину, и в сердце защемило, будто видит его в последний раз. Как близко он был от истины!

— Только никому и ни-ни,—тихо произнёс он сестре и сел за руль.—Думаю, что этого уже достаточно, а больше никому ничего знать не следует.

Катерина пошла отворять ворота, Колька включил передачу, газанул и, махнув на прощание ладонью, выехал.

Колька не смог приехать ни на похороны, ни на поминки. Лишь вернувшись из командировки, он всё-таки выкроил время для поездки к сестре, которую постигло горе.

Было ещё не поздно, но на улице давно стемнело. Возвратившись с погоста, Николай с Катериной сидели на кухне за столом визави, пили чай, и он слушал подробности случившегося.

—…Ну вот, неделю он ходил сам не свой, как подменили его, и с того времени бросил он пить окончательно,—продолжала она,—как отрубило, без всяких кодирований, сработала, видать, твоя хитрость. Никаких тебе собутыльников, с работы—сразу домой, в хозяйстве всё спорилось, скотина накормлена, стайки вычищены, крышу перекрыл, в бане новую печь сложил, теплицу построил.

Колька в суматохе не обратил внимания, что дом стал совсем другим не только снаружи, но и внутри, а что изменилось в хозяйстве, не успел рассмотреть.

— А уж Василька от отца ни на шаг—где отец, там и он; всегда его с собой брал—и на покос, и по грибы, на рыбалку, даже спали вместе, плавать его научил, в шахматы играть, в карты, читать и писать, до ста считал в уме. Даже хотели сразу во второй класс его записать, да ему семи лет ещё не исполнилось, поэтому отказали.

— А эти фиговины-то сделал сыну?

— Какие?—не поняла Катерина.

— Ну, ты говорила в тот раз, что Василька целый месяц просил отца сделать. Как их называют-то? Чёрт, слово ещё такое непонятное.

— А-а-а, умулюхи, что ли?

— Во-во,—обрадовался Колька.

— Нет, никто даже не знает, что это такое, даже слова такого никто никогда не слышал. Откуда он это слово нашёл, так и осталось тайной.

Она задумалась, глядя в пол, потом вытерла кончиком платка навернувшуюся слезу и продолжила.

—…В тот день Генка с утра на пасеку уехал с Аркашкой. Василька с другом дома бесились, стекло межкомнатной двери разбили нечаянно, и он весь порезался. Всё бы ничего, но один большой осколок глубоко впился под мышку и повредил какую-то крупную артерию… Мне потом врачи сказали, что не надо было его вынимать, кровь бы не так хлестала. Да кто бы знал… ребёнок кричит, кровь хлещет, а остановить не можем, жгут не наложишь.

— А скорую вызывали?

— Ну конечно, сразу же позвонили. Но она едва ли одолеет гору Сарби-тау в такую слякоть, дожди неделю шли, не переставая, там только внедорожники могут подняться, поэтому решили везти ребёнка навстречу, быстрее будет, а там, под горой у Альфатского своротa, и заберут его.

Колька слушал подробности, которых не знал, и не перебивал рассказчицу.

— Ну, быстренько побежали искать машину, ближе всех Тимур Баев, у него внедорожник, к нему и побежали, время-то дорого.

Она замолчала, не зная, как продолжить, а брат зачерпнул ложку варенья, направил его в рот и хлебнул уже остывший чай.

— Ну и…—поторопил он её.

— А он как упёрся, скотина: нет, и всё. Вот насмерть стоит, всякие отговорки выдумывает, а ребёнок

кровью исходит: и что устал с работы, и что с утра не ел ничего, и про бензин, и что с похмелья… В общем, ни в какую. Я ему и денег предлагала сколько запросит…

— Да тут езды-то до горы километров пять,— вставил своё мнение брат,— на «Крузере» даже по грязи минут пятнадцать.

— …Минут двадцать я его умоляла,— она что-то пробурчала, награждая Тимура какими-то нелестными эпитетами,— только время зря потеряла. Лучше бы сразу к Шапику обратилась.

— Шапику?— удивился брат.— А у него откуда машина? Бич колхозный, вечно балдой, не зря же его Сутрапьяном кликали.

— Так он же на «Беларуси» работает.

— Ну и чё, поехал?

— Растолкали его кое-как, кривой был, как турецкая сабля. Когда понял, в чём дело, хлопнул полстакана самогона, завёл свой трактор— и поехали.

— Да,— согласился брат,— он безотказный, как АК-47,— и добавил задумчиво:— Может, потому он такой бедный, что не жадобик, всегда готов помочь, даже бескорыстно, а все этим пользуются. Тимур— его антипод, хотя они вроде родня, своё не упустит, с чужого горла вырвет, как что ему— так все должны, а как с него чего— так хрен допросишься, вот как ты говоришь, насмерть будет стоять. Какая-то тут несправедливость, что добрые люди живут хуже плохих.

Он замолчал, Катерина тоже молчала. В зале тикали ходики, отмеряя время, в соседнем дворе беззлобно тявкал пёс, давая всем понять, что территория находится под надёжной охраной, в стайке мычала корова. Потом Катерина продолжила:

— …Под горой нас уже ждала скорая, сели в неё. Я осталась ждать в приёмном покое, а его унесли. И полчаса не прошло— спускается врач, я на его лице всё прочитала. Говорит, что умер на операционном столе, много крови потерял, если бы на полчаса раньше, хотя бы минут на двадцать…— губы её задрожали, и из глаз опять полились слёзы.

— Да они всегда так говорят: вот если бы ты сразу, то мы бы… а так сам виноват,— решил он успокоить сестру и немного отвлечь от скорбных мыслей.— Опять же, если умрёт на операционном столе— не оправдаешься потом. Вот год назад слух у меня внезапно и резко ухудшился на правое ухо, простудил, видать. Я, не мешкая, ринулся в поликлинику, денег с собой взял пятьсот баксов на возможные расходы. И что ты думаешь? В регистратуре сказали, что ушник в отпуске и будет после праздников, давай тебя к терапевту запишем. А на фига он мне, да ещё на неделю вперёд? Мне каждый день дорог. Я прошу дать направление куда-нибудь, где есть ушник, а они: мы направлений не даём. Почему, не объясняют: не даём, и всё. Я предлагал им месячную зарплату медика, чтобы направили к специалисту. Хрен там, кучу бабок по-лёгкому срубить не хотят. Я в другую поликлинику, а там чужих не принимают, говорят: мол, не положено, что надо оттуда открепиться, а здесь прикрепиться… денег, наверное, хотели взять, а помочь ни в какую. Зашёл в платную поликлинику, а там ушника нет.

Сестра слушала внимательно, забыв о своём горе, даже всхлипывать перестала.

— …В общем, когда попал к ушнику, новогодние каникулы прошли, а он тоже: что же вы сразу не пришли? вот тогда бы мы… Я аж захлебнулся от возмущения и всё ему там высказал. Так и лишился слуха на одно ухо…— и он, не стесняясь дамы, стал ругать всех эскулапов такими словами, которые писать было бы неприлично.

Тут уж сестре пришлось успокаивать брата, возмущавшегося преступным равнодушием отечественных медиков, не желавших помогать пациентам даже за весьма приличное вознаграждение.

Она опять залилась горькими слезами, часто сморкаясь в кончики платка. Коля молча смотрел на неё, изредка прихлёбывая чай. Он только сейчас осознал, как она изменилась за это время. То, что она сильно похудела, может, и было неплохо, но и на лицо она постарела лет на восемь-десять, появились глубокие морщины возле глаз, которые уже не горели девичьим задором, из-под платка пробивалась первая седина, да и сидела она, как-то ссутулившись, по-старушечьи сложив ладони на коленях. Он даже не слушал, что она рассказывала.

— …Слегла я, да и простыла, пока шла пешком от Сарби-горы. А Генка весь вечер был не в своей тарелке, ходил смурной, ни с кем не разговаривал. Чего-то в нём не хватало, будто неживой какой-то. Я потом поняла, что души в нём уже не было.

— А тень отбрасывал?— хотел пошутить Колька, чтобы как-то оживить разговор.

— Да какая там тень?— не поняла она юмора.— Он сам превратился в тень. Ну, достал бутылку, налил себе стакан и выпил, это мне потом Верочка уже рассказывала, долго сидел, тупо глядя в угол, потом куда-то ушёл, вскоре вернулся, опять налил и со словами: «Царство ему небесное»,— выпил. Потом дотемна сидел за столом, обхватив голову руками, и незаметно вышел. Часа через два забегает соседка Люська, говорит, что Тимура убили. Прибегаем туда, народ толпится, Тимур ножом у стены прибитый стоит, насквозь проткнутый. Я как увидела нож, так и обомлела: Генкин нож, которым он скотину колет. Сейчас ещё его посадят и…— она опять не совладала с чувствами и запричитала:— Ну за что мне столько горя и всё сразу? Ну за что?.. Ну чем я согрешила перед Господом?..

Колька представил, как тощий, тщедушный Тимур стоит пришпиленный к стенке ножом, а сестра проплакалась и продолжила:

— …Поплелась домой совсем не живая, ничего не понимая: ведь приедут сейчас, заберут, а Васильку

как хоронить? Прохожу мимо дровяника, и тут сердце почуяло, что он рядом, я аж вздрогнула. Глянула в дровяник, а он там висит, где в тот раз петля висела, и глаза открыты. Я как увидела, так и упала там без чувств. Что было потом, помню смутно или совсем не помню. Соседка Наташка за мной смотрела, Верочка ни на шаг не отходила, потом его родня приехала. И похороны почти не помню, в горячке была, родственники этим занимались. Хотели в одном гробу похоронить, но старики сказали, что нельзя, так в одну могилу оба гроба и опустили. Родственники Тимура пытались возмутиться, что самоубийц положено за оградой хоронить, но их никто не слушал, его в тот же день хоронили в другом конце погоста, но народ весь у нас был, очень осуждали люди Тимура, ведь из-за него все погибли. И на поминки все к нам шли.

В зале брякнули часы, и кукушка стала отсчитывать время. «Двенадцать»,—сосчитал Колька. Пора закругляться, рано утром вставать.

— Ну ладно, засиделись мы с тобой, пора ложиться,—он встал.—Спасибо за угощение. Завтра поутру ехать надо.

— На сорок дней приедешь?—спросила Катерина брата.

— Нет,—покачал он головой,—не получится, на следующей неделе опять командировка. Может, Ленку отправлю, если поедет. Ты уж не обессудь, а помянуть их я и там смогу.

— Да это понятно.

— Я тебе денег оставлю завтра, напомни, если забуду.

— Да не,—запротестовала она,—не надо. Зачем ты так?

— Ну как «не надо»?.. Похороны, поминки, ограда, памятник—всё это сильно бьёт по бюджету. Нынче дешевле тройню родить, чем одного похоронить. Я-то не бедствую, а на тебе три иждивенца. Да и как не помочь родным людям?

Уличный фонарь слабо освещал угол палисадника, был слышен шелест листьев, которые ещё не сумел сдуть со старого тополя холодный октябрьский ветер.

И под шелест этих листьев Колька, уже лёжа под одеялом, незаметно погрузился в объятия Морфея, и самое последнее, что он увидел, прежде чем крепко уснуть,—это Василька, уплетающий черешню.

ДиН симметрия

Эдуард Багрицкий

Октябрь

Неведомо о чём кричали ночью
Ушастые нахохленные совы;
Заржавленной листвы сухие клочья
В пустую темень ветер мчал суровый,
И волчья осень по сырым задворкам
Скулила жалобно, дрожмя дрожала;
Где круто вымешенным хлебом, горько
Гудя, труба печная полыхала,
И дни червивые, и ночи злые
Листвой кружились над землёй убогой;
Там, где могилы стыли полевые,
Где нищий крест схилился над дорогой.
Шатался ливень, реял над избою,
Плевал на стёкла, голосил устало,
И жизнь, картофельною шелухою
Гниющая, под лавкою лежала.
Вставай, вставай! Сидел ты сиднем много,
Иль кровь по жилам потекла водою,
Иль вековая тяготит берлога,
Или топор тебе не удержать рукою?
Уж предрассветные запели певни
На тынах, по сараям и оврагам,
Вставай! Родные обойди деревни
Тяжеловесным и широким шагом.
И встал Октябрь. Нагольную овчину
Накинул он и за кушак широкий
На камне выправленный нож задвинул,
И в путь пошёл, дождливый и жестокий.
В дожди и ветры, в орудийном гуле,
Ты шёл вперёд весёлый и корявый,
Вокруг тебя пчелой звенели пули,
Горели нивы, пажити, дубравы!
Ты шёл вперёд, колокола встречали
По городам тебя распевным хором,
Твой шаг заслышав, бешеные, ржали
Степные кони по пустым просторам.
Твой шаг заслышав, туже и упрямей
Ладонь винтовку верную сжимала,
Тебе навстречу дикими путями
Орда голодная, крича, вставала!
Вперёд, вперёд. Свершился час урочный,
Всё задрожало перед новым клиром,
Когда, поднявшись над страной полночной,
Октябрьский пламень загудел над миром.

1922

Николай Тимченко

Вторжение в частную собственность

Судьбоносный урок

В это утро ему в очередной раз не повезло. На винзаводе, где таким, как он, «баловням судьбы» счастье иногда улыбалось, сегодня обошлись без его услуг. Погрузки готовой продукции в вагоны не намечалось, а на работу к конвейеру взяли, как обычно, всего-то пять человек. Все они ничем не отличались от остальных соискателей подработки, если не считать, что держались дружной компанией и никого не пропускали вперёд.

Хоть родители и нарекли его без малого сорок лет назад Виктором, но сегодня в победители он не вышел. А как здорово, когда попадаешь в винный цех! Хоть тяжело там, а работа однообразная и без отдыха, но есть в ней свои прелести. Нет, не в том, что ящик за ящиком надо снимать с непрерывно движущегося конвейера. И вовсе не в том, что эти ящики с наполненными вином бутылками надо быстро донести до места складирования, а там… ставить в шесть ярусов. Рабочих в цехе пятеро, вот и получается, что каждому непременно достаётся и шестой ярус, покоряющийся лишь с подскока.

Прелесть, хоть и не главная, в том, что на территории завода есть столовая, где в обеденный перерыв можно по-человечески пообедать: первое, второе, третье. И всё под дневную зарплату. Главная прелесть для всех работающих в цехе однозначна—в приходящих по конвейеру ящиках. В них какая-то бутылка может прийти разбитой. Но это по технологии, а реальность более прозаична. Конвейер не потряхивает, и лома в ящиках нет. Но он всё равно появляется. Время от времени один из рабочих разбивает бутылку над чашкой или кружкой, а содержимое из рук в руки попадает всем пятерым. За рабочий день, при наличии битой тары, списывается до десятка бутылок, а у всех ни в одном глазу—без преувеличения потогонная работа выгоняет из людей всякую жидкость.

Да чего теперь сожалеть, что сегодня не твой день? Виктор миновал железнодорожный путь, выходящий с территории винзавода, и быстро направился к продовольственному магазину в надежде получить там работу грузчика. Случалось, что грузчик, работавший на постоянной основе, не выходил на работу, а свято место пусто не бывает—на место прогульщика тут же брали кого-то другого. Отработав несколько дней, новичок автоматически переходил в разряд постоянных. До первого срыва, разумеется. И он сам несколько раз бывал постоянным, но в других магазинах. И каждый раз только до срыва.

Рабочий день грузчика начинается задолго до открытия магазина, но Виктор успел прийти к рабочему выходу раньше, чем туда прибыл первый продуктовый фургон. Выход открылся, а вместе с менеджером, ведущим учёт привезённых товаров, появился и штатный грузчик. Очередное невезение. Желудок ворчанием напомнил хозяину о необходимости подкрепиться. Но чем? В карманах не только не шуршит, но и не бренчит.

Спешить уже некуда, и голодный неудачник побрёл на берег пруда. Там вечерами молодёжь имела обыкновение «культурно» отдыхать, вливая в себя веселящую влагу. Чаще всего той влагой было пиво. Пластмассовые бутылки, независимо от ёмкости, не интересовали «санитаров города»—так называют в народе бомжей, промышляющих на жизнь сдаваемой стеклотарой. Однако бывали среди вечерних отдыхающих и любители чего-нибудь покрепче, чем пиво. После них можно было разжиться и стеклянной посудой. Это если после распития они не разбивали бутылки тут же, на берегу пруда, или не выбрасывали их в плавание по водной глади.

В летнее безветрие нередко взору представали торчащие из воды горлышки плавающей стеклотары. Ночью был морозец, и пруд покрыл ледок, прогибающийся и хрустящий под ногами детворы. Ни о какой опасности мальчишки, естественно, не задумывались. Взявшись за руки, они разбегались и катились по первому в этом году тонкому ледку. Так было до тех пор, пока они не оказались в том месте, где уже побывали и где лёд имел трещины. Один из друзей, бежавший справа, вдруг провалился. Средний мальчишка, державшийся за крайних, инстинктивно отпустил руки своих дружков.

Два шалуна с глазами, полными страха, ринулись бежать подальше от этого опасного места, оставив провалившегося товарища в полынье. Одежда быстро намокла и стала невероятно тяжёлой, сковала движения. Ребёнку, барахтающемуся

в холодной воде, она не давала выбраться из полыньи. Край тонкого льда обламывался, как только мальчику удавалось опереться на хрупкую твердь.

В первое же мгновение, когда один из шалунов провалился, Виктор на бегу выломал от стоящей вблизи сухой черёмухи трёхметровую ветку. Избегая места с растрескавшимся льдом, по дуге побежал к тонущему подростку. До полыньи оставалось метров шесть, когда вода поглотила ребёнка, не отпуская обратно. Объятый страхом и обжигающей тело стужей, тот быстро выбился из сил.

Ветка оказалась бесполезной. Мужчина сбросил с себя куртку, ботинки и, пробежав несколько шагов, нырнул в леденящую тело воду. Он не сразу заметил медленно опускающееся ко дну детское тельце, а увидев, схватил его со спины и оценил глубину пруда под проломом льда. Вынырнув и подплыв к краю полыньи, встал. Ноги обрели опору, но голова оказалась в воде. Спасатель напрягся и резко оттолкнул от себя ребёнка. Когда вынырнул, увидел мальчика лежащим на льду.

Половина дел по спасению была сделана. Чтобы не обломать лёд там, где лежал ребёнок, Виктор подплыл к другому краю полыньи и пытался вырваться из водного плена. Трижды лёд под ним обламывался, но ему удалось выбраться. Ползком приблизился к брошенной на бегу ветке, зацепил сучком за куртку спасаемого человечка, подтянул к себе. Лёд выдержал лежащих на нём людей. И мужчина стал нажимать на живот, чтобы освободить от воды лёгкие мальчугана. Из носа и рта ребёнка хлынула вода. Ещё около минуты потребовалось на искусственное дыхание и непрямой массаж сердца, прежде чем спасённый закашлялся и заплакал.

Главное было сделано — ребёнок жив. Виктор добрался до своей куртки и обернул ею мокрого, но пришедшего в сознание мальчугана. Пока он спасал мальчишку, другие участники опасной забавы благополучно выбежали на берег и позвонили в службу скорой помощи. По прерывистому дыханию и сбивчивому рассказу о несчастье, случившемся с другом, принимающий вызовы понял, что это не детский розыгрыш. Да, это реальный вызов к человеку, попавшему в беду.

Скорая довольно быстро оказалась на берегу злосчастного пруда, когда спасатель уже аккуратно подводил подростка к берегу. На льду продолжали сиротливо лежать сброшенные Виктором ботинки. Его, мокрого, вместе со спасённым ребёнком машина скорой помощи повезла в больницу. Водитель угостил промокших и продрогших горячим ароматным сладким чаем из своего термоса. Тепло медленно наполняло блаженством внутренности мужчины, ещё не ощутившего сегодня во рту ни крошечки, ни капельки съестного.

В больнице спасённого и спасателя поместили в одну палату. Выяснив, кто есть кто, врачи сообщили взрослому, что его здоровью переохлаждение не угрожает. Обсушившись, сегодня вечером он сможет покинуть больничные стены. Приехавших к ребёнку родителей босой безработный попросил принести его ботинки, оставшиеся на льду. Отцу мальчика показалось проще купить спасателю новую обувь, чем идти на пруд. Он выяснил необходимый размер.

Когда доктор и родители вышли из палаты, мать спасённого шалуна пренебрежительно произнесла:

— Какая мелочность. Предъявил счёт за ботинки.

Доктор пояснил:

— Ничего удивительного — они у него единственные. Вашего ребёнка спас бомж. Удивительно другое: растеряв в жизни всё, даже ботинки, он сохранил человечность.

При слове «бомж» женщину словно пронзили несколькими кинжалами и облили кипятком одновременно. Так сложилась её жизнь, что эта категория соотечественников вызывала в ней брезгливость, неприятие, отвращение и ненависть. И вот недочеловек-бомж прикасался к её ребёнку. Она не думала о том, что могла лишиться сына, если бы не вмешательство этого скверного отброса общества. Именно такого мнения была она о бомжах.

«Не имея ни дома, ни работы, бомжи промышляют чем придётся. Они не ограничиваются попрошайничеством и способны шантажировать тех, кто зарабатывает свои кровные», — давно уверовала мама спасённого мальчика.

Сама она никогда не работала — средства, необходимые для безбедного существования семьи, добывал муж. Отношение к бомжам продиктовало ответную реакцию на слова доктора. Она злорадно сказала:

— Я бы не удивилась, узнав, как долго этот «человечный» бомж пас нашего мальчика, чтобы заполучить за него куш.

На слове «человечный» она сделала особый акцент. И тут же гневно добавила:

— Не на тех нарвался! Ничего ему от нас не обломится!

Доказывать ей что-то было бы бесполезно. Вскоре в палату вернулся отец и отдал спасателю сына новенькие ботинки. Ребёнка рядом уже не было. Как сказал потом доктор, маленького спутника Виктора перевели в другую палату по настойчивой просьбе мамы. Другой благодарности за спасённое чадо недочеловек не заслуживал. Судьба преподала ему очередной урок, и он усвоил этот жестокий дар судьбы.

«Вот так-то быть бомжем», — с грустью подумал наш герой, покидая так ненадолго приютившую его больницу.

Однако как выбраться из засосавшего его бытия бомжевания, он пока не представлял.

Путешествие в Каменку

Виктор давно хотел покончить со своим неприглядным настоящим. Давно и даже несколько раз он говорил себе:

— Всё, завязал.

Но, увы, всякий раз после «завязки» наступала очередная «отвязка». И вновь он оставался ни с чем. Всё, что можно было пропить, спустил по дешёвке. Даже благоустроенную квартиру в Каменке после смерти матери он продал вдвое дешевле рыночной стоимости. Зато быстро. И вновь он дал себе слово завязать со спиртным. Более месяца трезвого образа жизни со случайными заработками позволили ему сделать весьма скромные накопления, купить кое-что из одежды и внешне преобразиться.

Он твёрдо решил ехать в Каменку и начать там новую, совершенно трезвую жизнь. Благо, что его, покинувшего посёлок сразу после окончания школы, все успели забыть. Поездка на поезде, несмотря на наличие плацкартных мест, казалась ему менее привлекательной, чем на маршрутке. На ближайшую к Каменке железнодорожную станцию поезд приходит около трёх ночи, а оттуда надо ещё добираться с частником, переплачивая ему. Либо ехать на автобусе, который от станции отходит в половине двенадцатого — практически в полдень.

Из всех вещей у нашего переселенца была единственная дорожная сумка. Да и ехать на маршрутке ему было совсем не в тягость. К тому же, приехав на место днём, он надеялся подыскать для себя съёмное жильё. Не апартаменты, разумеется, а жилище, приемлемое для его тощего кошелька. Жить по средствам Виктор умел с оговоркой: когда был трезв. Но он же ехал не пить.

Пропетляв по крайцентру и собрав от подъездов домов рейсовых пассажиров, маршрутка выехала на федеральную трассу. Встречное движение оказалось таким плотным, что приходилось следовать за медлительными гружёными фурами. Лишь изредка шофёру удавалось совершить обгон. Пассажиры воспринимали ситуацию как неизбежную: с медлительностью маршрутки приходилось мириться.

Кто-то, закрыв глаза, думал о своём. Некоторые просто дремали, расслабившись перед напряжённым днём. Рядом с ним сидела девочка, а через проход от них — её мама, держащая на руках малыша. Малыш начал капризничать. Мама сняла с него шапочку и куртку — на дворе был конец октября. Ночью в городе и по трассе шёл дождь, а потому утром было прохладно. В маршрутке же тепло, как дома, и в верхней одежде ехать жарко. Взрослые разделись при посадке, а ребёнка мать решила сразу не раздевать.

Девочка была чем-то взволнована — это отразилось на её лице и поведении. В разговор с незнакомым дядей она вступала очень неохотно, но вежливость не позволяла отмалчиваться, если к ней обращались. Виктор сказал, что его можно называть дядей Витей, и спросил, как её зовут.

— Вика, — ответила девочка и повернула голову в сторону братика, который снова закапризничал.

И вот светлячки фар от встречных машин остались позади маршрутки. Она покинула загруженную федеральную трассу, и теперь фары выхватывали из темноты мокрый асфальт дороги, ведущей в Каменку. Росинки, оставшиеся на придорожной траве после недавнего дождя, при быстрой езде маршрутки, прибавившей здесь скорость, превращались в блестящие ленточки. Они были похожи на дождь ёлочных украшений. Сестрёнка обратила на это внимание братика, он на некоторое время увлёкся зрелищем и успокоился.

Взрослый попутчик вновь обратился к своей юной соседке:

— Вика, как тебя называть лучше, Викулей или Викусенькой?

— Зачем? Я же не маленькая.

— А сколько тебе лет, Викуля?

— Девять, но в феврале будет десять.

— Ну вот, а мне через год стукнет сорок, значит, я всё-таки имею право называть тебя так, как взрослые называют девочек твоего возраста. А как зовут твоего братика?

— Богданом.

— Интересно, почему его так назвали, — задумчиво произнёс Виктор.

— Так захотел папа.

— А где он сейчас? Почему вы едете без него?

Девочка оценивающе посмотрела на своего попутчика, размышляя, довериться ли ему. Потом взглянула на маму, которая в беседе участия не принимала, но всё слышала. Лицо её показалось ребёнку безучастным — во всяком случае, запрета на нём дочка не заметила.

— Мы уехали от него, — выдохнув, сказала девочка.

Продолжать эту тему с ребёнком Виктор не стал. Он просто спросил, куда они едут и кто у них там. Оказалось, что мама с детьми едет в Каменку, где живёт бабушка Вики и Богдана — мамина мама. Улыбнувшись, взрослый собеседник сказал юной попутчице, что им по пути до самого конца. В какой-то деревеньке маршрутка остановилась, и шофёр объявил пассажирам, что стоянка десять минут.

Дверь открылась — в салон ворвались свежесть и прохлада осеннего утра. Набросив на себя верхнюю одежду, пассажиры вышли, чтобы размять немеющие от неизменного положения ноги. Мама одела малыша и вышла с ним из салона «Газели» последней. Сестрёнка взяла братика за ручку, отошла с ним от мамы и подошедшего дяди Вити. Он поведал, что не стал выпытывать у ребёнка имя её мамы, и назвал своё.

— Марина, — ответила женщина.

Новый знакомый сказал, что не хочет показаться слишком любопытным или навязчивым, а тем более назойливым. Извинившись, спросил женщину, почему они едут от отца детей.

— Достали беспросветные пьянки,— огорчённо ответила она.— На работу нигде не берут, а пить на что-то надо. Вынес из квартиры всё, что можно,— добавила собеседница.

— А лечить пробовали?

— Нет, он сам себя алкоголиком не считает. А насильно сделать это невозможно. Необходимо его согласие, которого мы не дождались. О работе в Каменке я договорилась, за Богданом мама присмотрит, пока нет места в садике.

Виктор вспомнил, как семь лет назад жена настояла на разводе. Но тогда в квартире остался не он, а жена с двенадцатилетним сынишкой. Не выходя из состояния раздумья, он спросил Марину, почему в красноярской квартире остался муж.

— Свою долю мы получим по суду при разводе,— заверила собеседница.

— Ну вот, общество бомжей пополнилось ещё одним представителем,— задумчиво произнёс попутчик.

Прозвучал сигнал, пассажиры заняли свои места, и маршрутка помчалась дальше. Богдана усадили на колени матери, а с Викой продолжилась беседа. Она уже без особой застенчивости рассказывала, что ей очень хочется пожить у бабушки, но не хотелось бы задерживаться у неё надолго. Потом с грустью добавила, что будет скучать по одноклассникам, по учительнице и подружкам с их двора. Иногда девочка отвлекалась на братика, которому надоело смотреть в окно. По-детски бесцеремонно юная соседка спросила у дяди Вити, где он работает.

Что мог он ответить ребёнку? Чтобы не разочаровать свою общительную и доброжелательную попутчицу, он, вспомнив, что когда-то работал на этом поприще, сказал:

— Спасателем.

Собеседница, это чувствовалось, прониклась к дяде Вите огромным уважением. С искоркой в глазах, суть которой Виктору осталась непонятной, она произнесла:

— Это же так трудно и опасно!

Он просто и без нравоучений ответил:

— А лёгкой работы не бывает вообще. На одних работах выкладываются физически, на других— умственно, а третьи требуют от человека крепких нервов, большой ответственности за людей и оборудование. Вот тебе легко даётся учебный труд? Все предметы тебе даются одинаково легко, или есть какие-то не очень лёгкие?

Девочка призналась, что ей легко по всем предметам, кроме физкультуры.

— А я любил физкультуру. Любил я и математику, и другие предметы. Не любил только иностранный, хотя много раз пожалел об этой своей нелюбви, когда стал взрослым.

Маршрутка остановилась около столовой на двадцать минут, чтобы можно было не только размяться, но и чего-нибудь покушать.

— Мамочка, ты не знаешь, а дядя Витя работает спасателем,— радостно, как о своём хорошем друге, сообщила Вика.

— Главное, чтобы мне не пришлось спасать вас, мои замечательные попутчики,— отшутился Виктор.

Марина попросила дочку, чтобы она прошлась с Богданом.

— Умеете вы находить общий язык с детьми! Я хорошо знаю: её не всякий разговорит, но с вами она успела сдружиться. Это для меня даже удивительно,— с улыбкой поведала мать о результатах своих наблюдений.

И вновь пассажиры заняли свои места в салоне маршрутки, а полоска дороги, извиваясь, побежала навстречу. Светало. Почти сразу за посёлком ленточка асфальта, петляя в отрогах гор, нырнула в сплошную тайгу. Хмурые разлапистые пихты и ели, видневшиеся между ними кедры, уронившие листву берёзы и осины не радовали путешественников. Наоборот, они рождали в воображении Вики жутковатые сюжеты ещё не прочитанных сказок. Этими сюжетами она загадочным тоном делилась со своим необыкновенным попутчиком.

— Да ты, Викулечка, будущая писательница,— с серьёзным видом отметил взрослый друг, слушая фантазии ребёнка.

Моросящий дождь перешёл в ливень, а дорога тем временем пошла на подъём. Предстояло миновать два перевала через хребты Саян, прежде чем они приедут на место. Ночью было прохладнее, у подножия перевала выпал снег. Машины прикатали его к асфальту, и холодный дождь лишь превращал это природное покрытие в гололёд, который маршрутка с трудом преодолевала на затяжном подъёме.

Вскоре к дождю прибавился снег. По мере подъёма на перевал снег становился всё гуще, снежинки превратились в хлопья. А дорога уходила всё выше и выше. Дождя и вовсе не стало, а всякую видимость заслоняла сплошная стена снегопада. Крупный и липкий, он ложился на лобовое стекло, и автомобильные «дворники» едва справлялись. Неожиданно снегопад прекратился: дорога здесь поднялась выше снеговой тучи.

Вскоре подъём закончился— хребет достиг своего апогея. Начался не менее затяжной спуск по южному склону хребта. Вновь маршрутка оказалась в объятиях снегопада. И вот снег, потом снег с дождём— или дождь со снегом— постепенно сменяются плотным дождём, а на дороге вместо липкого снега оказался гололёд. Но и он вскоре закончился.

Обращаясь к дяде Вите, Вика отметила, что здесь должно быть теплее, чем у вершины горы, где снег валил так, будто летел с огромной лопаты дворника-великана. Здесь водные потоки, обгоняя друг друга, мчались по ничем не покрытому асфальту. От дождя и прохлады в долине висел густой туман. Как и при снегопаде на перевале, здесь видимость дороги ограничивалась десятком метров.

Шофёр снизил скорость до минимума—лишь это предотвращало столкновение со встречным транспортом. А вот и мостик через таёжную речушку, сразу за ним начался подъём на второй перевал. Все дорожные обстоятельства повторялись в том же порядке, что и на первом перевале. Богдан, утомлённый дорогой, уснул на коленях матери. Подустала и его сестрёнка. Виктор предложил ребёнку тоже поспать и подставил под её голову свою руку. Девочка доверилась дяде Вите и вскоре, уже спящая, выбирала положение тела поудобнее.

Чуткий сон не миновал и большинство взрослых. Лишь некоторые из сидящих рядом тихо, не нарушая дрёму других пассажиров, беседовали о чём-то, известном только им. Маршрутка достигла вершины хребта и пошла по спуску. Снегопад, прекратившийся в конце подъёма, на спуске не возобновлялся. Поверх асфальта лежал только ночной снег, хорошо прикатанный машинами. Солнце прогревало южный склон перевала. Когда машина прошла половину спуска, по дороге побежали ручейки, а тающее под солнцем снежное покрытие превратилось в катушку.

Шофёр навёрстывал время, потерянное на скользких подъёмах, особо не задумываясь о последствиях быстрой езды на спуске по гололёду и на летней резине. Ехать на такой скорости можно, лишь будучи очень уверенным в себе и в машине либо спеша. Водитель мог спешить, чтобы прибыть на конечную остановку по расписанию, а мог и по каким-то личным мотивам. Так или иначе, но автомобиль километр за километром приближался к Каменке.

Большинство пассажиров, включая всех членов знакомой Виктору семьи, пребывало в состоянии дремоты. Неожиданно за поворотом дорога оказалась почти полностью перегорожена. Встречный КАМАЗ с прицепом не смог преодолеть подъём, и его стянуло по гололёду, развернув прицеп поперёк дороги. Шофёр скорее машинально, чем осознанно, до отказа нажал педаль тормоза и включил первую передачу. По гололёду летняя резина юзом несла машину без всякого торможения.

Маршрутку стало разворачивать поперёк дороги. Водитель вывернул баранку, но и это не помогло. Машину с пассажирами продолжало закручивать. Тогда он включил заднюю передачу и дал полный газ. Колёса шлифовали гололёд, но маршрутка стала медленно выравниваться, стремительно несясь по спуску дороги. Виктор, мгновенно оценив ситуацию, подтолкнул дремавшую Марину и прижал своим телом Вику к сиденью. Мать тут же вжала в сиденье спящего малыша.

А машина юзом неслась к гружёному прицепу, её всё ближе прижимало к столбикам, отделяющим дорогу от крутого склона за обочиной. Все пассажиры мгновенно проснулись, и салон потрясли звуки душераздирающего визга. Почти одновременно послышались скрежет боковой обшивки салона и грохочущий треск ломающихся железобетонных столбиков ограждения. К женскому визгу добавились маты кого-то из мужчин.

Маршрутка наклонилась и тут же, ещё сдерживаемая ломающимися столбиками, легла на бок. Она, скользя на боку, подминала и ломала кусты. Мгновение—и хруст боковых стёкол прекратился: осколки высыпались. Какой-то пень оказался на пути, и машина, стукнувшись об него, дальше покатилась вверх колёсами. Пассажиры, пристёгнутые ремнями безопасности, беспомощно болтались в воздухе. А машина продолжала катиться по склону на огромную ель. «Газель» врезалась в неё и остановилась.

Торможение, переворачивание машины и её скольжение по склону до момента остановки у ели заняло какие-то секунды. Но сколько страхов претерпели пассажиры! Сколько тягостных ощущений, переживаний и впечатлений зафиксировалось в мозгу! От резкого торможения часть ремней безопасности лопнула, высвободив людей из своего плена. Они же спасли от увечий при ударах. Освободившись от ремней безопасности, люди один за другим стали выползать из салона в отверстие, где ещё недавно было лобовое стекло.

— Выключи зажигание,—обратился Виктор к шофёру, но тот молчал.

Не теряя времени, он взял у матери ревущего мальчика, помог ей выбраться и передал малыша Вике, покинувшей салон раньше мамы. Шофёр был без сознания. Выключив зажигание, так как уже ощущался запах бензина, необыкновенный попутчик девочки стал вытаскивать шофёра. При этом он заметил мужчину в возрасте, который, хоть и был в сознании, от боли не мог покинуть салон самостоятельно. Вслед за шофёром спасатель вызволил из салона и пострадавшего мужчину.

Только теперь он смог осмотреться, оценивая обстановку. Оказалось, что, кроме пожилого мужчины, у которого, возможно, была повреждена тазовая кость, не может опираться на ногу одна из женщин. Перелом, если он имел место, мог быть ниже колена. В шоковом состоянии женщина, превозмогая боль, самостоятельно выползла из салона. Боль стала ещё нестерпимее, когда она попыталась встать. Серьёзные травмы получили пассажиры, ехавшие, подобно водителю, не пристёгнутыми.

Остальные отделались ушибами и, по внешним признакам, сотрясением мозга. Маленькая попутчица получила ушиб ноги, её мать — руки, а сам он при ударе машины о дерево растянул руку в кисти.

Двух парней в берцах он отправил наломать пихтового лапника, чтобы на него можно было положить женщину и мужчину, предположительно с переломами, и бессознательного шофёра. Ещё двоих попросил принести веток для костра. Несмотря на осеннее солнце, стоять, а тем более лежать без костра — холодно. Сделав распоряжения, осмотрел кровоточащую рану на голове шофёра. Явного перелома костей не обнаружил и попросил женщин дать ему что-нибудь, впитывающее кровь. Это что-нибудь нашлось в гардеробе Богдана — тем и перевязал рану, чтобы остановить кровотечение.

Принёсшие лапник парни возмущались, что непонятно кто командует ими. Марина пояснила, что командует профессиональный спасатель, хорошо знающий своё дело. Это не только успокоило людей: они, получив такую информацию, прониклись уважением к организатору, взявшему на себя ответственность за всех них. До ближайшего посёлка, где могла быть хоть какая-то связь, оставалось километров пятнадцать. Здесь горы не позволяли вызвать машину скорой помощи по сотовой связи.

Вдруг, немало рискуя, предварительно высадив пассажиров, один смельчак на «Жигулях» решил объехать прицеп. Сбитые маршруткой столбы ограждения позволили прихватить немного обочины. Но была опасность, что прихватившую склон машину может стянуть под откос, где уже лежала перевёрнутая «Газель».

Виктор взял малыша на руки, и они с Мариной и Викой стали выбираться на дорогу. Если даже окажется, что свободных мест в «Жигулях» нет, необходимо, чтобы на подъезде к посёлку кто-то сообщил в службу скорой помощи о происшествии. Необходима транспортировка трёх больных с тяжёлыми травмами, двое из которых, возможно, с переломами.

Риск оказался оправданным. Машина протиснулась мимо прицепа, и пассажиры усаживались в салон, когда четвёрка из маршрутки подоспела к водителю-смельчаку. Девочка подбежала первой. Одно место оказалось свободным.

— Вику я привезу, ждите от неё звонок, — сказал спасатель Марине.

Малыша приняла женщина, ехавшая пассажиром, а мать Богдана села, придерживая ушибленную руку. Почему-то она не сомневалась, что с дочкой ничего не случится, когда та рядом с этим добрым спасателем. Никто из пассажиров не стал возмущаться, что первой отправлена женщина с маленьким ребёнком. Они мысленно благодарили судьбу, что среди них оказался человек, сумевший быстро и чётко организовать всех в этой непростой ситуации, — настоящий спасатель.

Подошёл тягач, который был вызван шофёром машины, вернувшейся в ближайший посёлок ещё до аварии маршрутки. Тягач выровнял прицеп настолько, чтобы мог проехать сам, а затем взял КАМАЗ на буксир и двинулся по перевалу на подъём. Движение по трассе нормализовалось. Все, кроме пассажиров, лежащих на лапнике, уехали на попутном транспорте, которого накопилось в пробке предостаточно. Ребёнка организатор спасения пассажиров от себя не отпускал — данные обещания он привык выполнять.

Подъехали две машины скорой помощи — их вызвали те, кто уехал на «Жигулях». Врач скорой помощи поставил предварительный диагноз, распорядился погрузить двух пострадавших с переломами на носилки, зафиксировал их в салонах машин. Шоферу маршрутки, давно пришедшему в сознание, оказали первую помощь. В одной из машин нашлось место и для Виктора с Викой.

Марина и Богдан уже были дома у бабушки. Туда же карета скорой помощи завезла и наших подружившихся попутчиков. Спасатель передал ребёнка маме и, сославшись на массу неотложных дел, распрощался. При этом он не воспользовался предложением поужинать, а заодно и пообедать. Первая же прохожая на улице Каменки сказала, что проще найти жильё в аренду во Времянке — небольшом посёлке, который строился как временный. Получив жильё здесь, некоторые пожилые люди продолжают жить там. Переселившиеся пустующее жильё охотно сдают приезжим по ценам ниже, чем в самой Каменке.

Времянка и её местонахождение хорошо известны приезжему. В отличие от Марины, предварительно согласовавшей по своей работе на новом месте все мелочи, Виктор ехал на авось. Ни жилья, ни работы, но опускаться до уровня бомжей, которые есть и здесь, он не хотел. Отшагав пешком около четырёх километров, путник оказался во Времянке, превратившейся для жителей Каменки в дачный посёлок.

Стемнело. Он подошёл к калитке домика на входе в посёлок, где в окнах был виден свет. Хозяйский пёс, будка которого стояла вблизи калитки, со свирепым лаем бросался на незнакомца так, словно пытался порвать цепь. Подошедшая на лай хозяйка выслушала незнакомого ей мужчину и сказала, что на этот случай соседка оставила ключ. Припозднившийся путник может располагаться, дрова во дворе увидит сам. Вернувшись из домика, подала ключ.

Путешественник растопил печь и с облегчением произнёс вслух:

— Ну вот, крыша над головой есть, на печке можно готовить еду. Что ещё надо? Нужна работа, — тут же ответил сам себе.

Не успел он разогреть содержимое банок, купленных в Каменке, как услышал, что к домику подъехала легковая машина. Внутрь вошли двое и представились хозяином и хозяйкой этого домика. Тётя Оля, так зовут их соседку, сообщила им о постояльце. Оказалось, что арендная плата вполне приемлема. Взяв на всякий случай расписку, квартирант отдал деньги за месяц вперёд. Договорились, что за оплатой хозяин будет приезжать в двадцатых числах ежемесячно.

Стеснять постояльца хозяева не стали. Оставшись один, переселенец поужинал, протопил баню и, освежившись, лёг в чистую, хоть и хозяйскую, постель. Здесь он почувствовал себя нормальным человеком, а не бомжем. Утром следующего дня новосёл взял документы для прописки и оформления на работу и отправился в большой посёлок. В пожарной части Каменки, даже не взглянув на записи в его трудовой книжке, сказали, что текучки кадров у них нет—его не могут взять на работу. Тем более что оформление—в райцентре. И это при том, что он успел сказать о работе в городе спасателем.

Идти в магазин грузчиком ему не хотелось. Хоть и считается, что всякая работа почётна, но на одни работы есть конкурсный отбор, а на другие берут тех, кто не прошёл отбор. И отношение к работающим там несколько иное, чем в местах с отбором. На градообразующем предприятии посёлка в это время был спад деятельности: часть работников отправили в административные отпуска, а о приёме новых не могло быть и речи. Для начала, на время отпуска специалиста, Виктор устроился помощником машиниста на центральную котельную (цк) в Каменке. Коллеги подшучивали, что теперь он работает в цк, что почти то же, что и в Центральном комитете. С медосмотром проблем не возникло.

Тем временем в Каменке, с населением менее пяти тысяч человек, где многие знают друг друга, быстро разнеслась весть об аварии маршрутки на пути к посёлку. Кто-то узнавал об этом от третьих лиц, а некоторые—из первых уст, от пассажиров того рейса. О действиях организатора люди рассказывали если не восторженно, то с огромным уважением.

Марина на новом рабочем месте поведала, что ехала в той самой потерпевшей аварию маршрутке. Не без эмоций она рассказала и о действиях попутчика, оказавшегося спасателем. Ей даже не хотели верить. Она, их коллега по работе, и вдруг лично знакома с местной знаменитостью—быть не может. Тем более новая коллега огорчённо сказала, что они даже не обменялись номерами телефонов.

Что касается Вики, то она в новой школе стала объектом всеобщего внимания. Как восторженно, впопыхах не проговаривая окончаний некоторых слов, она рассказывала о дяде Вите-спасателе! Всем было ясно, что только благодаря ему эта девчонка отделалась единственным ушибом.
— Скромность дяди Вити украшает и возвышает его,—поведала она одноклассникам.

Но где он и как его найти в Каменке, не знала. Она даже не поблагодарила его за своё спасение. Как, впрочем, и все остальные. И вот теперь все рассказывали о том, какой он хороший спасатель и скромный человек. Ни разу, даже косвенно, он ничем не показал, что кто-то чем-либо обязан ему.

Вторжение в частную собственность

Вскоре после приезда Виктора неординарная ситуация произошла и в самой Каменке. Субботним днём он был на работе и во время обеда пошёл в столовую. После изрядно поднадоевших дождей выдалось несколько непривычных для этой поры очень тёплых солнечных дней. На пути его следования около одной из пятиэтажек толпился народ.

Подойдя ближе, работник котельной увидел, что на третьем этаже створка окна распахнута, а в проёме в такт громкой музыке, доносящейся из окна, пританцовывает ребёнок. На вид ему было меньше двух лет. Малыш не просто ритмично подгибал в коленях свои ножки, но и делал движения ручонками, ни за что не держась при этом. Вместе с музыкой через раскрытое окно были слышны отрывки громкой речи. По всему было видно, что взрослые в квартире пьяны и им не до малютки.

В любой момент кроха, увлёкшийся танцем, мог потерять равновесие и рухнуть на бетонную отмостку. Некоторые из толпившихся здесь женщин смотрели на ужас этого танца несмышлёныша, прикрыв глаза ладонями. Мужчины, которых оказалось заметно меньше, чем представительниц прекрасного пола, недоумевали, что можно сделать в этой ситуации. Люди пытались упросить ребёнка оставить подоконник, но тщетно. Малышу нравилось внимание такого количества взрослых, и он позировал, как умел.

Не теряя мгновения, спасатель забежал в ближайший подъезд и позвонил во все четыре квартиры первого этажа. За одной дверью послышалось шарканье и последовал вопрос:
— Вам кого?

Виктор попросил срочно дать ему одеяло, быстро пояснив ситуацию через закрытую дверь. Со словами:
— Какой ужас!—пожилая женщина через пару минут подала ему одеяло.

Бегом вернувшись к окну, он попросил четверых зевак подержать растянутое одеяло, чтобы в случае падения смягчить удар.
— Пять этажей, третий подъезд, третий этаж, пятьдесят первая,—повторял он, наступая через одну ступеньку, когда бежал на третий этаж.

«Только бы успеть, только бы успеть!»—выдавал команду возбуждённый мозг.

Дверь пятьдесят первой квартиры оказалась не заперта, и он, не сбавляя бега, промчался мимо кухни в комнату. Около окна стояла табуретка, с которой кроха вскарабкался на подоконник. Спасатель беззвучно, чтобы не напугать малютку, подбежал к нему и снял с подоконника. Пьяная толпа с кулаками и матами набросилась на него, обвиняя в бесцеремонном вторжении в частную собственность граждан. Никакие доводы об оставленном без присмотра ребёнке не вразумили пьяных. Эмоции блюстителей частной собственности выплёскивались из них так, что в ход пошли и руки, и ноги. Отбиваясь, нарушителю пьяного «спокойствия» удалось покинуть квартиру.

Когда он вышел из подъезда, у кого-то из ещё не успевших разойтись женщин вырвался вопль:
— О божечки! Кто же это вас так разукрасил?

Виктор неуклюже отшутился:
— Если бы я был хилым, запинали бы на месте. Но не беспокойтесь, их физиономии в порядке.

Началось бурное обсуждение всего произошедшего. Женщина средних лет возмущённо выкрикивала:
— Да таких родителей давно пора лишить родительских прав!

За разговором никто и не заметил, когда и куда исчез спаситель, пострадавший от пьяного дебоша.

«Вот так пообедал, вот так влип, ай да поединочек! Да и поединок ли это, если их было четверо?» — огорчённо подумал спасатель-поединщик.

Идти в столовую было уже поздно и неудобно: он чувствовал, что бровь рассечена и выступила кровь. В кочегарке встретили вопросом:
— Кто же тебя так?
— Нарвался на пьяную толпу, — сказал новичок, промывая рану.
— Совсем обнаглела молодёжь! Уже средь бела дня прохода не дают нормальным людям! И всё им сходит с рук, полнейшая безнаказанность! И за что только в полиции деньги платят, непонятно?! — возмущалась единственная в смене женщина-лаборант.

Пострадавший не стал вносить уточнения, тем более что мужчины и женщина в квартире были молодые. «Пусть люди думают так, как думают», — решил он.

Весть и об этом необычном случае разнеслась по посёлку в этот же день. Спецкор районной газеты «Саянский вестник» решила выяснить: а не один ли это спасатель проявил себя и при аварии маршрутки, и в случае с ребёнком?

На эту мысль наталкивала чёткость и слаженность действий в обоих эпизодах. И вновь никто не знал, куда делся находчивый и решительный мужчина после искромётного спасения малыша. И не только малыша, но и себя тоже, ведь он мог и не уйти от разъярённой пьяной толпы, разбившей его лицо в кровь. Получить подтверждение своей догадке корреспонденту не удавалось. Никто не видел спасателя в обоих эпизодах, чтобы ответить на интригующий вопрос.

Через три дня жители района, в том числе и каменцы, в районной газете прочитали статью «Неуловимый спасатель». Котельщики, работавшие с Виктором в смене, как-то не связали побитого недавно коллегу со спасшим малютку незнакомцем. Им-то их коллега был знаком. Зато сослуживицы Марины, получив газету, спросили у неё:
— Не тот ли это герой, о котором так уважительно ты рассказывала нам после дорожного происшествия?

Марина ничуть не сомневалась, что отличился снова он, тот единственный, кого боготворит дочка. В этом была твёрдо убеждена и Вика. Но когда она поведала о своей убеждённости одноклассникам, те стали подшучивать над ней, будто она пытается примазаться к чужой славе. Это обидело девочку, и она перестала говорить о дяде Вите. Но только говорить. Ведь помнить о том, какой он замечательный, не запрещалось.

Ей очень хотелось поскорее увидеть своего кумира. Но где он? Почему не приходит к ним? Ведь ему известно, где они живут. Эти и другие вопросы неустанно преследовали девочку. Виктор успел стать для неё самым лучшим дяденькой. В мыслях она готова была называть его своим папой, не подозревая, что в этом случае между замечательным дядей и мамой должны быть определённые отношения. Девочке казалось достаточно того, что мама к её идеалу относится очень уважительно.

Марат Кулатаев

Зимние традиции

Перепутал

Кушикбай работал маленьким чиновником в учреждении, каких много в небольшом провинциальном городишке. Было ему уже за сорок лет. Это был худощавый, небольшого роста мужчина. Его лицо, кроме смирения и покорности, ничего не выражало. Женат он никогда не был, вёл замкнутый образ жизни, ни с кем дружбу не водил. Пить он не пил, читал только духовную литературу и местную газету, которая выходила раз в неделю. Жил он в двухкомнатной квартире, и то занимал одну комнату, а вторую сдавал одинокой излишне ворчливой старой деве, у которой из родни никого не было, жила она на небольшую пенсию. Звали её Магрипа.

Сегодня на работе у его сослуживца был юбилей, и по этому случаю он с коллегами немного выпил, потом, расхрабрившись, пошёл с ними после работы в кафе попить пива, чего раньше за ним не замечалось. Там он засиделся допоздна и пришёл домой поздно. Чтобы не разбудить квартирантку, он открыл своим ключом дверь и, не включая свет, потихоньку прошёл в свою комнату. Кушикбай хотел лечь спать, но он был после выпивки возбуждён, и ему спать не хотелось. А хотелось ему ещё добавить, но, увы, дома он спиртное не хранил.

Кушикбай разделся, лёг спиной на кровать и стал думать, где бы взять добавить. Пойти в ночной магазин нельзя: что про него люди подумают? Решат, что он алкаш. А он репутацией своей сильно дорожил. Взять у соседей в долг тоже нельзя: что подумают? Так он лежал и думал, а выпить уж больно сильно хотелось. Тут, к его радости, он вдруг вспомнил, что у его квартирантки в шкафу стоит какая-то бутылка с жидкостью, по всему — водка, которой она растирает свои старые ноги. «Одну рюмку выпью, она и не заметит», — подумал он.

От радости он соскочил и в чём был — в больших семейных трусах и майке — потихоньку пробрался в комнату квартирантки. Там раздавался храп и пахло старым женским телом и бельём.

Он тихонечко взял бутылку и принёс её в свою комнату, в темноте налил себе рюмку и залпом выпил. От выпитого его словно ударило громом, внутренности у него все обожгло, будто бы ножом изнутри полоснули. Из глаз посыпались искры, и он упал на пол.

— Что это было?! — воскликнул он в страхе и понюхал свою руку, она пахла какой-то вонючей жидкостью, напоминающей то ли керосин, то ли технический спирт.

— Я умираю! — в страхе воскликнул он и бросился к своей квартирантке в комнату.

Там он включил свет и закричал:

— Магрипа! Помогите мне, я умираю!

— Кто здесь?! Вы, что ли? — в страхе прокричала Магрипа, закрываясь одеялом. — Как вы смели ко мне являться в таком виде?! Я хоть одинокая, но честная женщина, никогда в жизни голых мужиков не видела! Что вам нужно от меня среди ночи?

— Помогите мне, я умираю! — воскликнул в страхе Кушикбай. — Я выпил рюмку из вашей бутылки и, наверное, смертельно отравился!

— Как вы посмели брать у меня без спроса?! Я и так живу на одну пенсию! Я одна, одинока и беззащитна, так можно ко мне ночью в голом виде врываться?! Вы бессовестный человек! Обидеть меня так! Я и так обиженная жизнью… — и её понесло…

Кушикбай, поняв, что с ней бесполезно говорить, быстро накинув на себя одежду, бросился искать знакомого врача. В скорую он боялся звонить, опасаясь огласки. Врача, как говорится, легко искать, когда он тебе не нужен. А когда он тебе нужен, ты его днём с огнём не сыщешь.

Хотя была уже полночь, врача дома не оказалось, был он на каком-то тое в близлежащем селе. «Не бежать же среди ночи туда?» — подумал он и пошёл в аптеку, благо она была круглосуточная. Туда он долго звонил, пока не вышел заспанный хозяин и не открыл дверь. Аптека располагалась прямо в его доме.

— Что вам нужно? — спросил недовольно хозяин аптеки, по всему — пенсионер со стажем.

— Помогите мне, я выпил по нечаянности то ли керосин, то ли технический спирт и умираю! Дайте мне что-нибудь! — взмолился он.

Аптекарь внимательно посмотрел на Кушикбая и зашёл вовнутрь дома. Его не было почти полчаса, потом он вышел оттуда с большой толстой книгой, по всему — справочником практического врача, и, сев за свой столик, стал её изучать. Он её изучал ещё час, потом, посмотрев на Кушикбая, грустно сказал:

— К сожалению, здесь ничего не написано про смесь керосина и технического спирта. Советую вам обратиться к врачу-токсикологу.

Кушикбай выскочил и побежал к себе домой. Там Магрипа продолжала, сидя на кровати, ругаться. Увидев его, живого и невредимого, она недовольно произнесла:

— Кругом все жулики, никому нельзя верить. Вот подсунули мне какую-то непонятную жидкость для растирания ног, была бы хорошая — ты бы уже давно ноги протянул.

И она продолжила ругаться, поминая всех и вся…

Зимние традиции

На дворе стояла суровая зима. Был уже декабрь месяц, снега навалило как никогда много. В деревнях полным ходом шёл зимний забой скота, попросту говоря — согыма.

Сабыр на зиму зарезал годовалого бычка, но нужно было ещё хотя бы четверть лошади, это нужно было для соблюдения древней традиции зимнего забоя скота, называемой согымом. Тогда считалось, что в доме полный достаток.

Муж старшей сестры Тимур договорился в ближайшем совхозе «Дружба» на покупку четверти лошади. Время было тяжёлое в плане спиртного, полным ходом шла горбачёвская безалкогольная кампания, и хозяева лошади попросили вместо денег привезти ящик водки. Сабыр работал санитарным врачом в районной санэпидстанции, поэтому приобрести ящик водки ему труда не представляло.

В рабочий день он попросил Тимура свозить его в совхоз «Путь Ильича» за водкой, там работала знакомая продавщица. До совхоза было десять километров. У Тимура была служебная машина марки УАЗ, грузовая. Подъехав к совхозному магазину, по тому, что возле него стояла большая очередь, он понял, что не зря приехал. Одна была проблема — как войти в магазин и вытащить ящик водки, так как очередь могла просто-напросто растерзать. Народ в совхозе жил тёмный, любил выпивать, мог и не понять.

— Что будем делать? Смотри, какая большая толпа стоит возле магазина, — сказал Сабыр, показывая пальцем на столпившийся народ.

— Будем покупать. Что, зря ехали, что ли? — ответил Тимур.

— Как ты это себе представляешь, а? — сказал Сабыр, опасливая смотря на толпу.

— Пойди поговори с продавщицей, она же тебя знает. Там видно будет по обстоятельствам, — ответил решительно Тимур.

Отступать было поздно, да и неудобно перед зятем. Сабыр нехотя вышел из машины и зашёл в магазин. Очередь сразу же подозрительно уставилась на него, смутно догадываясь о цели его прихода: мол, самим мало, а ты тут ещё.

Сабыр как ни в чём не бывало подошёл к прилавку. Продавщица его сразу же признала и приветливо заулыбалась, забыв про очередь, показывая свои передние золотые зубы.

— Сабыр Советович здравствуйте! Вы сюда по делам приехали или опять меня проверять, что ли? — сказала, продолжая улыбаться, она.

— Да нет, по другим делам приехал, к директору совхоза, просто заглянул в магазин поглядеть, чем у вас тут торгуют, — ответил Сабыр.

— Может, вам что-то нужно? — сказала продавщица, вспомнив, как он хотел наложить на неё штраф, а потом пожалел, что её могут уволить с работы, как-никак продавец в селе первый человек после директора совхоза.

Добро она помнила.

— Да вот собрался резать лошадь, да у нас в райцентре водки нет, а без неё, сами знаете, резать никто не станет. Мне нужен ящик водки, — ответил Сабыр.

— Хорошо, вот вам ящик водки, — сказала продавщица.

Сабыр не успел и глазом моргнуть, как она схватила ящик водки и бегом оттащила в машину на глазах у обезумевшей от такой наглости толпы. Не успел, как говорится, народ прийти в себя от такой наглости, как Сабыр быстро расплатился, запрыгнул в машину и был таков.

По дороге зятёк всю дорогу поглядывал на водку, пытаясь что-то сказать, но никак не решался. Сабыр его опередил, сказав:

— Ну что, может, заедем ко мне домой и попробуем водочку?

— Это можно, — ответил он.

Уже через полчаса они весело сидели за бутылочкой водки. Как хорошо было после сорокаградусного мороза сидеть в хорошо натопленной комнате и пить холодную водку, закусывая луком и салом. Выпили одну бутылку, Тимур и говорит:

— Что-то, шурин, я не понял вкуса!

У Сабыра уже от выпитого поехала крыша.

— Тимур, ты никуда не торопишься? — сказал он.

— Нет, а что? — ответил, икнув, зять.

— Я тоже никуда не тороплюсь, — сказал Сабыр. — А, ладно, гулять так гулять! Давай доставай ещё одну.

Утром Сабыр не помнил, как выпили вторую бутылку, куда делся зять и когда он лёг в постель. Судя по далеко не доброжелательным взглядам жены, он понял, что вчера что-то натворил. Ещё вдобавок страшно трещала голова. Видать, водка плохая была, подумал про себя Сабыр.

— Далеко пойдёшь, если так жрать будешь! — сказала ему жена вместо «доброе утро». — Вчера прибегала твоя сестра, орала, что ты её мужа спаиваешь!

— А я что делал? — спросил Сабыр.

— Ты её вместе с зятем посылал далеко за пределы района, — ответила жена и продолжила: — Твой зятёк так нажрался, что машину не смог вести.

Сабыр выглянул на улицу—и точно, «уазик» сиротливо стоял у ворот.

— Хорошо хоть у Тимура хватило ума слить воду с радиатора,—сказал он.

— Это твоя сестра слила воду, он был не в состоянии,—ответила жена.

Сегодня была суббота, и нужно было ехать в совхоз «Дружба» резать лошадь, там, наверное, уже ждут—не нас, а водку, подумал Сабыр. Зачем нужно было вчера нажираться? Теперь пропала четверть лошади.

Размышления Сабыра прервал Тимур, который заявился с утра пораньше, лицо его было опухшее и расцарапанное. Видать, постаралась сестра, сделал про себя вывод Сабыр. Делая вид, что ничего не случилось, Сабыр спросил Тимура:

— Ты не забыл, что нам нужно ехать в совхоз на согым?

— Помню, конечно, за этим я и пришёл. Давай лучше заведём машину, а то на улице под сорок мороза,—угрюмо ответил Тимур.

Тимур заправил лампу, разжёг её и поставил под поддон машины.

— Может, похмелимся?—предложил Сабыр.

— Ну её к чёрту, нам ещё ехать нужно в такую погоду,—отказался зять.—Лучше вскипяти воду для машины.

Сабыр набрал ведро воды, вставил в него самодельный двухкиловаттный кипятильник, и вода быстро нагрелась. Тимур завёл машину, залил горячую воду в радиатор, загрузил в неё оставшуюся водку, и родственники поехали в совхоз.

Жена напоследок сказала:

— Смотри не нажирайся, а то домой не пущу.

Пока завели машину, было уже около двенадцати часов пополудни. По дороге заехали на заправку и залили полный бак бензина. До совхоза было двадцать километров. Хотя стоял сильный мороз, мела сильная позёмка, такая, что временами вокруг ничего видно не было, только белая пелена. К тому же дорогу, наверное, давно не чистили, поэтому ехали на ощупь, временами машина пробуксовывала, хотя включены были оба моста. Сабыр про себя молил Бога, чтобы нормально доехать до совхоза, ему было уже не до согыма. От волнения у него даже перестала болеть голова.

После почти часовой езды внезапно показался посёлок. Обрадовались не только Сабыр с Тимуром, но и машина: «уазик», весело завывая, подъехал к нужному дому.

Для резки лошади было всё готово, резчики пришли с раннего утра, тут же были соседские женщины для мытья кишок. При виде машины все обрадовались, особый восторг вызвал ящик с остатками водки, который Тимур потащил в дом. Его все провожали восторженными взглядами.

Решили не тянуть время, быстро завалили лошадь, перерезали ей горло, затем сделали разрез на брюшине, чтобы проверить по обычаю жирность лошади. Оказалось на три пальца. После этих важных процедур можно было позволить выпить по рюмке, что и сделали. Дальше дело пошло веселей: сняли шкуру, вытащили весь кишечник, отдали женщинам для мытья. Сабыр пошёл в дом помогать резать мясо на курдак. В доме, как он заметил, пьянка шла полным ходом, пили все мужики и женщины, которые мыли кишки.

«Если так будет продолжаться, то водки не хватит на курдак и мясо некому будет делить,—сделал вывод Сабыр.—Эти пьют почище нас с зятьком».

Помня, какая предстоит дорога, и наставления жены, Сабыр много не пил. Зато, как он и предполагал, все перепились до такой степени, что некому было есть курдак. На кровати, под кроватью валялись вповалку мужики и женщины. Мясо, неразделанное, лежало на снегу во дворе. Тимур тоже много не пил, предвидя исход дела. Он отделил четверть лошади, засунул в заготовленные заранее мешки и закинул в машину.

— Здесь нам больше делать нечего,—сказал он, обращаясь к Сабыру.—Поехали домой, пока светло.

Машину Тимур из-за сильного мороза не глушил. Усевшись в машину, Тимур с Сабыром поехали домой.

Домой вернулись рано, к тому же трезвыми, к крайнему удивлению жены. Сабыр предложил Тимуру попробовать согым дома. Айман, жена Сабыра, стала готовить курдак из свежего мяса.

Пока готовился курдак, Сабыр позвонил своему однокласснику Володе и пригласил его откушать свежины. Тот не стал долго себя упрашивать и буквально через полчаса заявился.

Тимур тоже съездил за своей женой Райхан. Когда мясо поспело, все дружно сели за стол. Водки было достаточно, пили за согым, за здоровье, за достаток в доме. Когда опустела чаша с курдаком, все были хорошие, особенно Володя. Судя по его осоловелым взглядам, он не мог понять, как попал сюда. Еле ворочая языком, сославшись на занятость, он собрался идти домой. Сабыр помог ему одеться и проводил до двери. Минут через пять Володя вернулся назад: оказывается, он дошёл до ворот, а дальше, от выпитого, забыл дорогу домой. Сабыр его раздел и положил на кровать поспать.

Тимур с Райхан тоже собрались ехать домой, пока было светло. На этот раз жену он никуда не посылал.

В воскресенье, проснувшись рано утром, Сабыр обнаружил, что Володя, проспавшись, ушёл домой. Ну и хорошо, подумал он, тем более он позвал на свой согым. Управившись по хозяйству, Сабыр ещё немного полежал дома и ближе к обеду пошёл к Володе. Тот успел уже зарезать свинью и варил бешбармак. Тесто раскатывал сам.

— Слушай, Володя,—спросил его Сабыр,—а разве из свинины бывает бешбармак?

— А какая разница из чего? — просто ответил Володя.

Он деловито вытащил тесто, сверху разложил куски свинины в большой чашке и подал на стол. За стол сели его отец, брат, Сабыр и Володя. Мясо разрезал отец, Володя разливал водку. Вначале Сабыр недоверчиво принюхивался к мясу, а после двух рюмок ему было всё равно, он ел мясо с тестом всей пятернёй. У него в голове застряла лишь одна мысль: главное — не забыть дорогу домой. И ещё он подумал: кому рассказать, какой он ел бешбармак, никто в это не поверит.

Камиль Дадаев

Раскалённые строки

Баллада №6

Одиночество греет костлявые руки,
Проникая во все уголки моих хижин.
Я как храм, на который напали сельджуки, —
Осквернён, обесточен, разграблен и выжжен.
Я не помню, зачем я пришёл и откуда;
Я богат или беден? Я свят или грешен?
Я лишь шёл сквозь туман бытия, веря в чудо,
Но тебя в моей жизни всё меньше и меньше.

Одиночество шепчет холодные строки,
Проникая в глубины всех воспоминаний.
То ли Тёмный Монах соль бросает мне в ноги,
То ли Ветры Судьбы разгулялись в кармане.
Этот мир состоит из зеркал разделенья —
Отражая, они как бумагу нас режут.
Я не вижу в них больше своего отраженья,
Да и ты в них мелькаешь всё реже и реже.

Остальное идёт как предписано свыше,
И ничто не нарушит ход случайных событий:
Кто-то курит рассветы, танцуя на крыше;
Кто-то тщетно лицом бьётся в профиль закрытый.
Время точит ножи под военные марши
И крадёт красоту и невинность у женщин.
Мы всё те же, но мысли становятся старше,
И тебя в моей жизни всё меньше и меньше.

А тебя в моей жизни — ни много ни мало —
Раскалённые строки да шёпот разлуки.
Одиночеством в душу вонзается жало,
И сжимают мне горло костлявые руки.
Словно вместо дорог здесь сплошное болото —
До тебя не дожить, до тебя… век растает.
Мне тебя, как ни пой, как ни смешивай ноты,
Мне тебя… мне тебя… мне тебя не хватает.

Тебе ли не знать…

Тебе ли не знать… если хочешь любить,
Открыв сердце настежь, насытиться вволю
Бушующей страстью — готовься испить
Бездонную чашу чарующей боли.

Готовься кусать свои пальцы, да в кровь,
В попытке унять этот зуд между рёбер.
Тебе ли не знать, что такое любовь —
Невидимый хищник, живущий в утробе.

Доверившись сладким, пьянящим речам,
Душа — нараспашку, как дряхлая дверца.
Тебе ли не знать, каково по ночам
Колючие строки писать кровью сердца.

Писать по ночам, когда плакать нет сил
И стихли внутри горьких дум барабаны;
Писать вопреки — и не нужно чернил,
Макая перо в обожжённые раны.

Тебе ли не знать… если хочешь любви,
Готовься испить горьких истин напиток,
И в пафосе брошенных клятв на крови
Чарующей боли сполна да избыток.

И каждое чувство, что дышит тобой,
Однажды, пойми, обернётся тираном;
И всё, что казалось невинной игрой,
Раздавит тебя, словно башенным краном.

Прости… наших чувств обгоревшая нить
Ведёт нас к истокам раскаянья снова.
Тебе ли не знать — если хочешь любить,
К мучительной боли должна быть готова.

Олег Погасий

Трек

1.

Световое табло «Fasten belts» погасло, и в салоне впереди сразу кто-то уверенно откашлялся. А в хвосте за шторками как будто передвинули тяжёлый шкаф; и что-то задребезжало; и что-то упало… Самолёт набрал высоту. Андрей щёлкнул застёжкой и отбросил ремни, которые тут же, будто змеи, утащились в норы. «Потом нащупывать, выдёргивать их из-под себя, как из-под земли»,— кисло усмехнулся и достал из накладного кармана брюк-милитари небольшую книжку. Откинул кресло, дожимая спиной до упора. Но почувствовал двоеточие коленей, предупреждающий знак, что мешает, доставляет неудобства. Поелозил по спинке и, опустив плечи, обмяк в кресле. Хотелось стянуть туфли. Рядом никого. Салон полупустой. Но всё-таки не один: качнулся назад—и опять уткнулся в приговор коленей. Вздохнул, выпрямился, положил книжку на кресло рядом, пропустил три пальца под резинку, стягивающую хвостик белёсых волос, и, разжав ладонь, высвободил их. Мотнул головой—волосы приятно пощекотали шею и рассыпались по плечам. Мотнул ещё. Собрал волосы в кулак, натащил на них резинку, оттянул её, перекрутил разок, просунул хвостик. И хлопнул резинкой. Взял книжку, всё же сбросил туфли, отвалился на кресло. «Ну и что же там дальше? Невероятно всё это… Постояльцы „зоны смерти“?!»—с жаром раскрыл, отыскал страницы и с чувством провёл по ним ладонью, да так, что хрустнули косточки у этих так берущих историй.

«Ник протёр покрытое пухом снега стекло циферблата—стрелки часов показывали три тридцать. Видимость была превосходной. Редкие лиловые тучки с огненной каймой держались чуть в стороне. Лунный свет заливал всё вокруг. Полная луна висела совсем рядом. „Чего глядишь? Ударишься о неё,—неуверенно поднял голову Ник.—И неудивительно,—сверил он по альтиметру высоту,—уже за семь тысяч метров“. Снег светился. Тьма искала спасения, уползая в расщелины; роилась, клубилась в пропастях, выглядывая глубоко оттуда из-под своих косматых бровей. На ближних скалах в трещинах блестел зеленоватый лёд, застывший водопад. „И если воткнуть в него альпеншток и резко провести вниз—полетят брызги!“—мелькнула у Ника шальная мысль. Но он тут же её отбросил: „Не расслабляться, не расслабляться. Высота нешуточная“. В разрежённом воздухе на всём лежит отпечаток сверхреальности. Кажется, и материя дышит. Почти живая. С ней можно даже по забывчивости и заговорить. „Концентрация на шаге, только на шаге—и ничего постороннего. Всё лишнее—в сторону. Высота нешуточная“,—с ритмом шагов вбивал в себя Ник, поднимаясь из четвёртого лагеря в пятый; держась за верёвку, на сто пятьдесят футов закреплённую на маршруте.

Но не прошло и получаса с начала подъёма из лагеря, как он вдруг почувствовал… за ним кто-то идёт. „Не поддаваться, не поддаваться на эти провокации ума и шатания нервной системы, ничего лишнего“,—одёрнул себя, остановился, ступнями выдолбил место на крутом склоне, раздирая „кошками“ лёд. Но к его затылку будто приложили руку. По телу разлилось тепло, но с холодящими душу мурашками. Нику стало не по себе. Он съёжился, втянул шею в плечи, слегка покрутил головой и—резко обернулся. Позади, футах в ста, держась за ту же верёвку, по колени в снегу стояла тёмная фигура. Ник замер. „Не обманулся. Обычно предчувствие лжёт, а здесь—в точку. Как знал! Но что это—или кто?“—крепче сжал верёвку Ник и ещё раз-другой вонзил „кошки“ в лёд. „Двинулась!.. Двинулся!“—Ник инстинктивно дёрнулся навстречу. „Нет! Показалось, стоит как вкопанный!“—подался Ник назад. „А может, кто-то из команды старается меня догнать?“—ухватился за спасительную мысль, как за верёвку на отвесном склоне. Стал всматриваться: руки, ноги, человек. „Да, похоже—человек; каска, каска с фонариком, фонарик светит. Нет! Это не фонарик, а звезда, одинокая звёздочка в небе“.

Ник крикнул: „Э-э-э-эй!“—и махнул рукой. Тишина. Вслушался в тишину. Тишина. Глубокая и бесконечная, что будто слышно, как снежинки планируют на комбинезон. Ник повернулся, пристегнул карабин к верёвке и медленно полез дальше. Через несколько минут остановился. Повернулся. Тёмный человек держал дистанцию, не отпустил, увязался следом. Стоял в точности как и раньше, как в остановившемся кадре. „Ну ладно, ладно, посмотрим, что будет дальше“,—отвернулся Ник

и продолжил набирать высоту. Дойдя до громадного камня, вросшего в склон, он опять бросил взгляд назад. Тёмный преследователь сохранял статус-кво. „Приклеился!"—зажмурился на секунду Ник и нервно покачал головой.

Всё это выглядело очень странным: как будто Ник тащил за собой этого тёмного. Передвигал его вместе с собой. Он идёт—тот идёт. Он стоит—тот стоит. Впрочем, в следующий раз показалось, что «этот» стал ближе… Но когда в очередной раз Ник выдохнул в обжигающий горло воздух с отчаянием: „Ну! Что, что там?!"—и развернулся—никого не было. Весь склон просматривался хорошо. Серебристая простыня снега, застелившая весь кулуар до лагеря внизу, разделённая наполовину верёвкой, была как на ладони. Ник ощутил блаженную пустоту внутри себя, будто с души свалился камень. Он дёрнул за верёвку. Снежная пыль взметнулась и нырнула в тишину. Тёмный человек исчез. Словно растворился в лунном свете.

Дойдя к шести утра до палатки, Ник первым делом связался по рации с четвёртым лагерем. На его пространные расспросы ему сообщили, что ни одна живая душа, кроме него, этой ночью и утром не выходила к пятому лагерю. А значит, человек, которого видел Ник, не был из их команды. И что тогда остаётся? Других же команд здесь попросту не было…

Вот что по этому поводу говорит Крис, руководитель британской экспедиции: „Ник находился не так уж высоко, чтобы стать жертвой галлюцинации. У него была хорошая высотная акклиматизация. Кроме того, он отличается аналитическим умом математика. Я полагаю, что произошёл интересный психический феномен: перемещение во времени. Он вдруг стал способен видеть события, произошедшие здесь двумя годами ранее. Тогда шерпа Джанбо работал вместе с Ником, а год спустя на этом же склоне шерпа погиб в лавине, когда поднимался с японскими альпинистами".

Но у самого Ника на сей счёт несколько иное мнение: если на то уж пошло, отчего бы не предположить, что дух погибшего в лавине шерпы хотел по старой памяти о чём-то попросить или даже предупредить его?»

«Чай, кофе, сок?»—миловидная стюардесса подкатила свою волшебную, опускающую на землю тележку к креслу Андрея и, сделав ямочки на щеках, в ожидании улыбнулась. «Что?»—нахмурился Андрей и поднял на неё отвлечённый взгляд. «Чай, кофе, сок?»—повторила стюардесса и, развернув тележку углом к Андрею, капризно надула верхнюю губку. «Да, да, конечно, кофе, только чёрный—если можно»,—спохватился Андрей и отложил книжку в сторону. «Почему же нельзя?»—стюардесса слегка втянула щёки, придав лицу строгости, и, сняв верхний позвонок чашки с длинного столбика чашек, надетых друг на друга, пустила в неё из блестящего кофейника дымящуюся струю и подала. Андрея поблагодарил кивком и, вдохнув кофейный аромат, сделал глоток. Он всё ещё находился там, на ледяных безжизненных склонах Эвереста, и вместе с Ником пристально всматривался в преследователя, ломая голову в надежде высветить суть происходящего: «Что это? Откуда? И почему?» Пролить хотя бы крупицу света в потёмки души, если таковая имелась у этого субъекта, явившегося ниоткуда и сгинувшего в никуда.

Сделав ещё глоток, поставил пластиковую чашку на выдвинутый столик и уткнулся лбом в стекло иллюминатора. За бортом проплывала ночь. Зарницы сигнальных огней срывались с крыла самолёта. Но земля была тиха, тиха и задумчива. Ночной океан—и крохотные проблески жизни на самом дне.

Андрей ставил себя на место Ника, примерял на себя его шкуру: как бы он да что бы он?—и это были не романтические грозовые облака диванного мечтателя, нет! Он задумал пройти трек к базовому лагерю Эвереста! Один! И вот сейчас летит через Евразийский континент в самое сердце Гималаев. Ему предстоит подняться почти на пять с половиной километров. Миновать стометровые пасти трещин. Пройти узкими тропами по краю бездонных пропастей. Испытать жесточайшие ветра. Пережить кислородное голодание. В непальской путеводной карте этот маршрут заявлен как «extreme trekking». Но большее волнение вызывала в нём мысль о той самой «зоне смерти», откуда и спускаются навстречу альпинистам эти загадочные тени. Это будоражило кровь, от этого перехватывало дыхание.

Потусторонний холодок пробрался за воротник рубашки и скользнул по телу. Андрей невольно дёрнулся, втянул живот, поёжился. Недовольно глянул на панель с кондиционером над собой. «Но во всех этих случаях прослеживаются одни и те же детали; и пришельцы, вышедшие из небытия, все эти схожи, одна и та же пьеса получается,—размышлял он,—но с вариациями от разных авторов». Он бросил крутить сопло кондиционера, отвернул его в сторону и потянулся за книжкой.

«Шерпа Пемба возвращался с вершины Эвереста после успешного восхождения. На высоте восемь тысяч триста метров он решил задержаться на пару минут, чтобы согреться чаем. „Успею засветло спуститься к Южному седлу",—бросил шерпа мимолётный взгляд на солнце, похожее на прозрачную льдинку, уже скользящую вниз, и сбросил рюкзак на снег. Из-за недостатка кислорода здесь долго не может находиться ни одно живое существо, и шерпа торопился.

Внизу, в долине, у него семья. Он хорошо заработал, прокладывая путь к вершине клиентам своей фирмы. Шерпа ходит быстро. Раза в три быстрее своих клиентов. У него, как говорят европейцы, и состав крови другой. Его предки пришли сюда с Восточного Тибета, из провинции Кхам, триста лет назад. Но и в Тибете, и здесь, в районе Кхумбу, почти вся их жизнь протекает высоко-высоко, над морем облаков, где в отдалённые деревни грузы приходят с караванами длинношёрстных яков, где прячутся за камнями, карауля добычу, снежные леопарды, где парят в тёмно-тёмно-синем небе коршуны и орлы. И он, Пемба, с молоком матери впитавший этот, как говорят европейцы, „тонкий воздух“ высокогорья, он, кто лишь изредка использует на восьмитысячниках искусственный кислород, в пятый раз поднявшийся на вершину Эвереста, после десяти-пятнадцати шагов по этому мёртвому снегу даже он, шерпа Пемба, вынужден останавливаться, чтобы перевести дыхание.

Он расстегнул рюкзак, вытащил термос, открутил крышку и сделал несколько согревающих глотков. Тепло растеклось по телу, дыхание стало не таким частым и рваным, а сердце уже не выпархивало из-за рта, как птица. Перед тем как продолжить спуск, Пемба ещё раз глянул на солнце… Но так и остался стоять, не в силах сдвинуться. В лучах солнца, как в перьях распущенного павлином хвоста… будто сошедшие с неба, на него надвигались тёмные силуэты! Пемба бросил термос в рюкзак, закрыл глаза и принялся их тереть ладонями. „Показалось. Высота. Мозг крутит картинки“,—успокоил себя Пемба и посмотрел снова. Но, к его ужасу, два вытянутых силуэта оказались совсем близко и уже нависали над ним. Он попятился.

Из их глазниц бил яркий жёлтый свет, как будто это были прожекторы. И эти их взоры были направлены на Пембу. Руки были согнуты в локтях. Они будто умоляли Пембу дать им какую-нибудь пищу, поднося кисти рук к дыре на месте рта в тёмном пятне лица. От них шло беспрерывное гудение. „Как от роя диких пчёл“,—заторможенно проплыла мысль Пембы… Но вот они уже касаются его. Пембу передёрнуло, он отпрянул назад, но усилием воли остановил себя, сделал шаг вперёд, схватил рюкзак, закинул за спину, зажал уши ладонями и, больше никуда не глядя, только себе под ноги, пошёл вниз.

Позже, отвечая на вопросы журналистов, Пемба настаивал, что это были души погибших во время восхождения на Эверест. Их тела так и остались лежать на склонах горы, а их души до сих пор бродят там».

В салоне впереди натужно закашляли. В хвосте мелькнула рука по локоть, задёргивающая шторки. Андрей отложил книжку и принялся искать пристяжные ремни. Самолёт начал снижаться. «Нигде нет». Ощупал сиденье под собой, приподнявшись с кресла. Нет. «Запропастились!»—усмехнулся, заглядывая под кресло. «Разматериализовались на высоте!»—возмутился уже вслух и развёл в недоумении руками.

«Ваши?»—кольнул его в спину тихий голос. Он обернулся. Светловолосая девушка с двумя серебряными серьгами в мочке левого уха, улыбаясь, протягивала ему ремни. «Да, должно быть, мои». Встретился с ней взглядом. Какие глаза! Переливаются мягким светом. Как мозаика на солнце! «Я вам не очень-то мешал?»—вспомнив про протест коленей, поддавливающих спинку его кресла, спросил Андрей, беря протянутые ему ремни, и смущённо отвёл глаза.

2.

«Далбат?»—спросил Андрея хозяин лоджии «Yak and Yeti», переминающийся в дверях на жилистых, в узлах мышц, ногах, в рубашке навыпуск, с рукавами, закатанными по локти, и в длинных, до коленей, шортах. Вылитый боксёр-легковес. «Далбат, далбат»,—кивнул Андрей и, сдвинув край стола, встал, громыхнув вилками и ложками, висящими на стойке вниз головой, словно летучие мыши из нержавеющей стали; подошёл к гудящей огнём железной печке в центре комнаты и приложил ладони к тёплой трубе, уходящей в потолок. Синеватый дымок стелился по железу трубы, но Андрей не сторонился. Он сильно продрог.

Последний подъём дался тяжело. Мокрые, скользкие камни, по которым он лез вверх, рискуя поскользнуться, переломать ноги и закончить на том свой трек. Облака, обвалы облаков—и он, как слепой в этой белой тьме, вытянув вперёд руку и слегка присев, напрягая икры ног, продолжающий свой путь. Голая ветка протыкала туман, а испещрённая скала вдруг оказывалась перед глазами, как каменная книга с руническими знаками. Облака поднимало вверх, и начинал хлестать беспощадный дождь, тут же, в мгновение ока, оборачивающийся беспросветной вьюгой,—и Андрей выпадал из настоящего и летел, летел во времени и пространстве: из октября—в декабрь, с азиатских чёрных сырых круч—на заснеженные равнины нашей средней полосы. И где-то тут или где-то там вдруг промелькнули радостные весенние листочки. Он облегчённо вздохнул, когда увидел в разрыве тумана поляну жёлтых цветов и сложенное из плоских камней серое двухэтажное строение.

«Да-а-албат!»—весело вошёл в комнату жилистый хозяин и поставил на стол тарелку с рисом и овощами в соусе. Андрей оторвался от печки, стянул с хвостика резинку, тряхнул давно немытыми сальными волосами и снова ловко перехватил их резинкой. Подвинул к себе тарелку. Снял со стойки вилку и принялся за далбат.

Надо сказать, что этот далбат можно есть бесконечно, пока не осоловеют глаза и рис не полезет из ушей и носа, заплатив всего за одну порцию. Волшебный горшочек. Обычай горцев—давать ночлег и еду путникам. С развитием туристической индустрии это естественное движение души человека перешло в этикет гостеприимства. Этим с охотой не преминули воспользоваться трекеры и альпинисты, наедаясь впрок, экономя деньги. И никуда не деться. Бренд. Непальцы должны держать марку гостеприимных, не испорченных цивилизацией, наивных и добросердечных аборигенов. «Далбат?»—«Далбат. Горшочек, вари!»—«Далбат?»—«Далбат. Горшочек, вари!»

У дверей на стене висел плакат громадной снежной горы. То был Эверест. По крутым склонам прочерчены красные линии маршрутов с чёрными треугольниками лагерей. Андрей перебрал несколько линий и вычленил британский маршрут. Вот пятый лагерь. А вот и Южное седло под самой вершиной. Выше, на фоне густой синевы неба, фотография шерпы. Портрет в овале. Андрей присмотрелся. Похож, кстати, на хозяина. Хотя для Андрея все они на одно лицо. Сколько раз он терялся, путался, попадал в дурацкое положение, потом корил себя за невнимательность. А шерпы улыбались, говорили, что «нет проблем», и кивали на чью-нибудь спину. Андрей знал, что в Тибете женщин меньше, чем мужчин, и потому у женщины бывает по несколько мужей. А шерпы пришли из Тибета, и им ничто не мешало сохранить эту традицию. Так вот и разбери их, кто есть кто, кто чей—в деревне все родственники.

Перед Андреем вновь вырос хозяин. «Далбат?»—занёс он черпак, полный риса, над тарелкой. Но на третий заход Андрея уже никак не хватало. «Нет, чай, чай,—остановил он хозяина ладонью и, перехватив инициативу, кивнул на фотографию на плакате и спросил:—А это вы?»—«Нет, это Аппа. Семь раз был на Эвересте. Дважды без кислородных баллонов. Сильный шерпа. Я—Дава шерпа, был только на Южном седле, поднимал туда грузы. На вершину не ходил».

Дава сидел у печки, что-то тихо напевал и подбрасывал из корзины в топку сушёный ячий навоз. Андрей допивал второй чайник и поглядывал на Даву. Тот чувствовал на себе косяки взглядов, совсем сузил в щёлочки раскосые глаза, но виду старался не подавать. Мурлыкал свою весёлую песенку и подбрасывал навоз.

Андрей успел заметить, что шерпы при всей своей простоте и дремучести, оказывается, обладают чувством такта, врождённой культурой общения. Они ненавязчивы. Сами в душу не лезут и к себе не подпустят. Умеют держать дистанцию. Никакого панибратства.

Вот позавчера наблюдал такую сцену. Группа шерпов-носильщиков отдыхала, привалив к каменным скамьям, выложенным в местах отдыха на тропе, свои тяжеленные корзины, с верхом набитые мешками риса. Мимо проходили трекеры. Один из них, рослый парень, узнав, видно, в шерпе своего хорошего знакомого, окликнул того. Сбросил рюкзак и, раскинув руки, направился к шерпе. Шерпа спрыгнул со скамьи и поспешил навстречу. Он обрадовался встрече, но жарких объятий сторонился: отступая под натиском трекера, одобрительно кивал, похлопывал того по плечу.

Да и здороваясь, руку жмут они как-то вскользь, будто боясь, что рукопожатием заберут из их ладони нечто ценное. Но в объятьях зелёного змия видеть шерпов доводилось, и не раз. Однажды у буддийской выбеленной ступы, увитой разноцветными флажками, с молитвенными барабанами в нишах, видел качающегося шерпа, того и гляди готового рухнуть; шедшего не как положено—посолонь, а против. Время было после пуджи, и вся деревня, в сопровождении ещё и тощих бездомных собак, крутя барабаны, перебирая длинные чётки и бормоча мантры, наматывала круги вокруг ступы. На пьяного, потерявшего стороны света, никто не обращал внимания. Его будто и не было вовсе. Бедняга всё-таки упал, и никак не получалось у него подняться.

«Хочешь что-то спросить?»—вдруг прорезался голос Давы. «Будто мысли читает»,—вздрогнул Андрей и, отставив пустой стакан и немного помявшись, рискнул рассказать пару историй о таинственных духах, вычитанных им из книжки. А затем спросил, не случалось ли с ним подобное, да и что он вообще обо всём этом думает.

Дава внимательно выслушал. Подсел к столу. Вытер руки о край рубахи и, странно улыбаясь, сказал, что с ним ничего такого не было. Он поднимался с южной стороны с кислородом. Но его брат, Норбу шерпа, когда шёл с севера, со стороны Китая, видел этих самых тёмных духов. Они сидели на снегу недалеко от треноги, венчающей вершину горы, и что-то там, как успел он заметить, обсуждали между собой. На него даже не взглянули. Это точно не были альпинисты, рассказывал Норбу. Он остановился, засомневался в реальности того ясного, солнечного дня и даже в своей… Но притяжение вершины Эвереста сильнее страха перед духами и даже страха за свою жизнь. А когда Норбу поставил ногу рядом с треногой, никого уже не было. Снег—и никаких следов.

Дава на минуту смолк, а потом, важно подняв указательный палец, добавил: «Когда идёшь с кислородом, то считается на километр-полтора ниже».—«Понятно, что ниже. Но я…»—Андрей осёкся и вопросительно посмотрел на Даву. «Что я думаю?.. Наш лама говорит, что у всего мира,—и Дава, закатив глаза, поднял руки и развёл их в стороны, будто желая охватить пространство,—что у всего мира—шесть областей».

Дава опустил руки на стол. Бросил цепкий взгляд на Андрея и стал рассказывать про эти области.

«Наверху живут боги. Они живут долго и купаются в море удовольствий. А в самом низу—место адских мучений; тех, кто туда попадает, ждут страшные пытки. Но это мучения их пробудившейся совести. Это их собственное осуждение».

Дава выдвинул ящик стола, вытащил из него небольшое овальное зеркало и повернул к своему лицу. «Вот так, как в зеркале своё отражение, они видят свои гнусные дела, совершённые ими в жизни. В зеркале мудрости. Наш лама так говорит»,—сказал Дава, посмотрел на Андрея и положил зеркало на стол.

«Справа от богов разгуливают титаны, или асуры, опьянённые жаждой власти. Они хотят быть первыми всегда и во всём. Они ослеплены борьбой; их мир громаден и невыносимо тяжёл,—Дава кивнул в окно,—как Гималаи. Противостоит им мир животных. Но туда, случается так, попадают и люди—умственно недоразвитые. Тупые и упрямые, как ослы; ленивые и вялые, как панды. Напротив богов—пространство человека. Это где мы с тобой сейчас». Андрей прочитал довольство в лице Давы. «У нас есть свобода выбора; мы способны многое понять, хотя часто впадаем в заблуждение. Мы можем изменить себя. А боги зависли в праздности; они надолго оплатили счета на проживание в заоблачном пятизвёздочном отеле. У них без вариантов. Но у нас много слабостей: мы пойманы в ловушку чувственных удовольствий, погони за деньгами, славой. Мы как альпинисты, взбирающиеся на пик Гордости, который—тут…—и он постучал себя по груди.—И вот под этим миром—область неисполненных желаний. Изнанка неудовлетворённых страстей, нереализованных…—Дава замолчал и сощурил глаз, подыскивая слово.—Амбиций!—выпалил он.—Там шатаются беспокойные духи. Призраки. Преты. Они часто посещают места предыдущих существований. Их тянет туда. Мучимые голодом и жаждой, они никогда не могут насытиться. Так вот, я думаю, в этих твоих историях говорится о них…»—«Как их?»—перебил Андрей. «Преты… А кислородное голодание на высоте утончает сознание, обостряется восприятие и даёт альпинистам заглянуть в тот мир».

Дверь приоткрылась, и в комнату вбежал малыш в вязаной шапке, но босиком. Чумазый и сопливый, он держал в руке очищенный банан. Дава посадил мальчика на колено и, покачивая, поцеловал в лоб.

«Сын?»—спросил Андрей. «Да… Три годика… Так вот, лама говорит, что мы везде временные. Всё везде временное. Но проверять даже то, что говорит лама, надо на своей шкуре… Вот он был лха, а стал бу пхо»,—весело сказал Дава и погладил сына по голове.

Андрей поморщился. Что это за «бхы-пхы»? До этого был худо-бедно, но вполне сносный английский.

«Был богом, а стал моим сыном,—Дава растянул рот в улыбке.—Ты помнишь, как был богом?»—крикнул он в ухо сыну.

Андрей с подозрением глянул на Даву: уж не выпивший ли?

«Ему надоело быть богом… Тебе надоело быть богом?»—опять гаркнул Дава в ухо сыну. Мальчик бросил банан и заревел. А Андрей неуверенно спросил: «Это только здесь, в Гималаях, эти преты?.. Или они вообще?»—«Не знаю, лама не говорит»,—вставая, ответил Дава; взял своего обиженного, дрыгающего ножками бу пхо на руки и, пожелав спокойной ночи, удалился.

Пора было идти спать, запираться в спальник. Проходя мимо стола, Андрей взял зеркало. Глянул в него. Ну и физия! За время трека губы обветрились, отросла щетина. Щёки запали. Лицо сморщилось, с кулак стало. Похудел и почернел, обожжённый сильным солнцем; а нос шелушится, как молодой картофель. А это что? На белке́ глаза красное пятнышко… Сосуд лопнул. Высота.

3.

Высоко ноги не поднимать, идти плавно, размеренно; никаких резких движений. Это Андрей подсмотрел у шерпов. Как они, с тяжеленными корзинами за спиной, будто миноискателем, подошвами своих сланцев (они лезут иногда в сланцах!) ощупывают каждый камень, прежде чем найти точку опоры.

И спокойно, главное—не гнать мысли дальше двух-трёх шагов. Вот так… вот так—а там вроде как грот в скале, будет где отдохнуть; и дальше…

Сейчас его бьёт озноб. Жар, изводивший ночью, с рассветом оставил его. Улетел, как птица. Он сидит в каменной пещере, вытянув ноги, накинув на плечи какую-то длинную тряпку, закутавшись в неё. Рассматривает разбитые пальцы на ногах, почерневшие ногти. Поднимает глаза и вглядывается в светлую дымку, в расплывчатую даль, развёрнутую перед ним, как мираж. Прислушивается. Звуки, там, внизу, плавают звуки. А он так громадно высоко над этими звуками, что ему иногда кажется: прошли не день с ночью и не годы или столетия, а целая его жизнь. Щемящее чувство утрат мертвит кожу, а острая боль сожаления режет по живому.

Вдруг, словно что-то вспомнив, раскрытой ладонью старается он схватить хвостик своих волос. Но ладонь скользит по голому черепу! У него нет волос! На мгновенье охватывает ужас. Но только на мгновение—бурю чувств приглаживает воспоминание, что эта комбинация из заполошного взмаха руки и шока, вызванного отсутствием волос на голове, повторяется каждый вечер. Это

как проклятье. От которого не избавиться. Да-да, уже наступает вечер, а значит, он скоро станет прозрачным или—призрачным. Нечувствительным к холоду. Превратится просто в изображение. Или ещё тоньше—в мысль о себе. Он отдаёт себе отчёт, что всё-таки это, наверное, разный взгляд на себя, такая вот точка отсчёта. Но всё повторяется, идёт по кругу; а докапываться, почему и как,—ему вовсе не до этого.

Он пытается вспомнить своё имя. Шевелит губами. Распухшими губами. Нет, не от горьких слёз, он не рыдал ночью, он жрал камни. Камни своих обид… Он мучительно пытается вспомнить своё имя. На предмет чего оно может быть? Зацепиться за какую-нибудь деталь или за тень выступа её отрицания… Нет, имя рассыпалось, разлетелось. Имя съел космос; который приходит ночами, бывает, и со звёздами.

Сказать, он должен сказать, и как можно быстрее, всё, всё, это важнейшее дело. Пальцы сжимают пластиковую прозрачную папку с синей кнопкой. В папке листы бумаги, исписанные его почерком. Размашистым, но ясным. Ему всерьёз верится в то, что в этих листах прописаны судьбы мира. Может быть так, а может быть и этак. И он спешит, спешит к зданию посреди пустыря. Он верит в свою исключительность. Ветер напирает в спину. Он прижимает папку к груди—не дай бог, порыв вырвет из рук. Здание кажется мёртвым. Чёрные голые окна, ни одной занавески. С трудом раскрывает входную дверь, протискивается внутрь. Идёт. По коридору гуляет ветер, хлопают двери—одна, вторая, как будто кричат ему: «И куда ты?! И к кому ты?!»—но он не обращает внимания.

Нет, не сюда, ему выше. Взбегает по лестнице на второй. Тут тише. Коридор, коридор, двери, двери; шеренга дверей. А, вот, это здесь: видит табличку, ввинченную в дверное полотно. На чёрной бархатной бумаге выдавлены бронзовые буквы. Щурится прочесть. Никак. Не понимает смысла. Не может из букв сложить слово. Буквы разбегаются или теснятся в какие-то «дктр» «рдкт»: всплывают «трактор» и «птеродактиль»…

Секунду поколебавшись, толкает дверь. Тихий кабинет одет в деревянные мрачные панели с ромбиками в шахматном порядке. Тянет дешёвым папиросным дымом. Но паркет натёрт. Паркет весел: на нём клин света. От лампы, стоящей на громоздком письменном столе. На лампе колпак, и она похожа на большой светящийся гриб. За столом в лоснящемся пиджаке, чёрном, как свежевзрытая пашня чернозёма… за столом круглолицый человек с вытянутой вперёд рукой и раскрытой ладонью. Папку—ему. Неужели наконец-то попал по адресу? Папка кладётся в ладонь; нет, всовывается… Ну, бери же… Но рука у этого, в чёрном, как неживая. Папка падает. Рука скрипит. Из рукава вместо запястья показываются мучного цвета шарниры. Протез!.. А глаза?! А глаза—как капли застывшего жира. Да и вообще, перед ним—кукла! Ну и ну! Как же он обманулся! Его охватывают растерянность и злость. Он буравит взглядом эту чёртову куклу—да так, что пиджак трещит по швам; и швы расползаются, лопаются. И по голове будто бритвой: раз—и… И на пол вываливаются внутренности. Индюшачий пух, бронзовый и чёрный. Во рту под губой колкое пёрышко, и, отступая в замешательстве и злобе от выпотрошенной куклы, безуспешно он пытается сплюнуть…

Наступает вечер, и длинная тень, как стрелка часов, прочерчивает пещеру. Он стоит, прислонившись спиной к ледяным камням, накинув на плечи всё ту же тряпку; кутается в неё и вглядывается в лучи заходящего солнца, в уплывающую даль. Его охватывает жесточайшая тоска о днях, растаявших в этой предзакатной дымке. Его печаль неизбывна, его надежда мертва. Его ум неприкаян.

Это место притягивало всегда. А он откладывал, доставал из будущего отговорки: «потом», «успею». Но этим вечером решился и нырнул в отвесную темень. Хотя—всему своё время. А он заложник, арестант последовательности событий. Светлое пятно глубоко внизу вырастало, вырастало и вот—выкатилось снежной поляной.

Он идёт по снегу, идёт, идёт и видит человека, лежащего ничком, раскинувшего в стороны руки, вцепившегося в смёрзшийся снег. На человеке горчичного цвета брюки военного покроя с большими накладными карманами и грязно-серого цвета ветровка. Подходит ближе, склоняется над покрытым ледяной коркой телом. «Живой? Нет?—неуверенно мямлит про себя.—Живой? Нет?—и потом глуховатым голосом вопрошает:—Ты живой, ты живой, отзовись, ну что ты там?»—и сам проглатывает неожиданно для себя тихую, наполненную покоем мысль, простую и очевидную: «Нет, я не живой».

«Я—не живой?»—удивляется своему открытию. Как же это так? Поднимается с колен, отходит в сторону, продолжая смотреть на бугор когда-то живых костей. Как же это так? И тут всё вспоминает. Картины проносятся перед ним. Сколько прошло времени—несколько дней, год, десять? Впрочем, все годы можно сложить, как веер, и сжать в руке. В мгновение.

Вот он засмотрелся—и у него подворачивается ступня, его бросает в сторону, он старается сохранить равновесие, но тяжёлый рюкзак тянет за собой, забирает с собой в пропасть; он взмахивает руками—хватается за воздух… Над ним синее скользкое небо. Блестящее слепое солнце… Над ним тусклая в дымке луна. Бесшумная вязкая ночь… Он переворачивается на живот и пытается ползти, ползти… А дальше разрыв… Чёрный

космос, чёрный без продыху... Набухает и шумно падает в чудовищную пустоту капля, маслянистая, тяжёлая... Бу-уо-ом... Ледяная пещера... Блуждания по видениям прошедших дней...

«Я—не-е жи-иво-ой»,—гулким эхом отзывается тёмное ущелье...

И теперь пространства прошлого для него свернулись пергаментным свитком—и он оказался на свежем снегу настоящего. Видит далёкую красную точку, как на загрунтованном холсте. Ему вспоминается, что будто он видел это и прежде. Но то были смутные видения, плоские образы, как через плёнку. Но сейчас как прорвалось, и ему—что дотянуться рукой; его взгляд летит в сквозящую холодом перспективу, глаза буквально впиваются в предметы, пульсация зрачка сотрясает его до основ, он сильно взволнован.

Медленно-медленно вверх по склону карабкается человек. Это женщина. Он слышит её тяжёлое дыхание. Она поминутно останавливается, растерянно озирается по сторонам. Она потерялась. Сбилась с пути. Сбрасывает с плеч рюкзак, вытаскивает из него фляжку, садится на снег и судорожными глотками пьёт. Из-под капюшона выбивается прядь волос и падает на глаза. Она убирает волосы, прилипшие к мокрому от пота и снега лицу, и пьёт, пьёт... Безвольно роняет флягу из рук на снег, расстёгивает красную, как кровь, куртку, пытается глубоко дышать... Наклоняется вперёд—её выворачивает рвота и душит кашель. Ей плохо. Её силы на исходе.

Он перебирает, мусолит в памяти всех, всех, кого когда-либо знал, видел. И кто наполнял его сердце теплом надежды или просто вызывал симпатию. Но это чужой ему человек. Как эта снежинка, по замысловатой траектории пролетающая мимо. Он снова выгребает из памяти и самые незначительные встречи, оставившие в нём хотя бы какой отпечаток. Но эта женщина в яркой куртке—она, без всякого сомнения, посторонняя. Последний образ, который вспыхивает в памяти,—девушка с сияющими глазами и с двумя серебряными серьгами в мочке уха. А с этой никогда, никогда их пути не пересекались. И у него не дёрнется ни один призрачный мускул, не вскипит ни одна капля эфемерной крови, чтобы вытащить её из этих снегов. Ведь он—проекция, копия с того себя, разделявшего там, на земных дорогах, людей на «своих»—и «чужих», на себя—и всех остальных. Может быть, там и протянул бы руку, но сейчас он... Он как болезненный волдырь самолюбия с желтоватой липкой жидкостью разочарования. Каждый отвечает за себя. Ей отпущено ровно то, что она заслужила. Как и ему. И ему надо спешить в пещеру.

Но на полпути в нём случается переворот. Это как гром с ясного неба. Коллоид его клейких мыслей неожиданно преобразуется в кристалл света, и от него прежнего не остаётся ни даже прозрачного намёка. Он даёт головокружительный разворот и мчится назад. Что послужило тому причиной? Как прервалась безысходность цикла? Вышел срок? Вряд ли, топтаться ему на мёрзлых кручах и топтаться. Инициация сил извне? Да, может быть. Неуверенно скользит он взглядом по небесной сфере, как по ледяному катку... И тут его осеняет: это воздух, воздух, прорвы воздуха!.. И его богатое воображение. Сработало! Сдетонировало! Взорвало и разнесло в клочья кишки его мозговых извилин, набитые всяким вздором.

Во-первых, воздух дал ему новое имя. Не звуки звонкие и глухие, долгие и краткие, сложенные в слоги, а—ритм. Ритм нового имени: вдох—выдох, вдох—выдох, вдох—выдох! И океан воздуха; океаны воздуха! Он вдруг увидел, увидел и осознал бесконечное пространство жизни. Что все мы слеплены из воздуха—всего лишь. И нет ни одной черты разделяющей. Всё едино, всё взаимосвязано. А все имена—это только дыхание жизни.

И он увидел, что у всех-всех женщин и девушек сияющие глаза; у всех-всех женщин и девушек по две серьги в мочке левого уха. Может кому-то показаться, что это такой вот перекрут ума, блажь; но можно и поверить, что это приближение к истине.

Его далеко занесло в сторону сильным потоком таких новых открытий. И бурные, грохочущие реки теперь стелились плавным течением; а в зелёных озёрах то там, то здесь, сверкая, выныривала рыба. Влажный тропический воздух пьянил, кружил голову.

«Э-э, мне правее»,—спохватывается он и, делая крутой вираж, несётся к белоснежным вершинам. Он спасёт её, покажет верный путь, вытащит из этих снегов. Он будет маячить перед её глазами... Он прирастёт там своими условными ногами и будет стоять до посинения... Только бы она увидела его.

Вячеслав Лютый

В том будущем, где не хранят вину

О творчестве поэта и переводчика Юрия Ключникова

Сквозь шорохи опавших листьев
Мы ловим шёпоты корней.
Юрий Ключников

Поздняя советская поэзия негласно взяла на вооружение главные установки акмеизма: предметность изображения и прозрачность картины. В разной степени эти положения сказались в творчестве отечественных поэтов послевоенной поры, однако такие критерии, несомненно, позволили русской лире выразить многое из того, что важно было произнести о родине и о судьбе, об эпохе и человеке во второй половине минувшего века. Теперь в ходу невнятица западных модернистских монологов, которая подаётся как «новое слово» в русском стихосложении, попутно претендуя на открытие якобы доселе неведомых читателю глубин — в том числе и его собственной души. Нет нужды доказывать, что подобная практика, соединяющая в себе оскоплённую школярами авторскую манеру Бродского и неумение держать сюжет и писать стихи с регулярной версификацией, ничего не даёт читателю в художественном отношении. По существу, перед нами — имитация поэзии. С другой стороны, упрощение лирического повествования и лапидарность антуража дискредитируют уже саму традицию русского стихосложения, не говоря о том, что подобными средствами невозможно решать большие творческие задачи. На этом фоне особую ценность приобретают лирические произведения авторов, которые владеют изначально упомянутыми секретами мастерства. К числу таких поэтов можно отнести и Юрия Ключникова.

Его творческая деятельность довольно широка. Он перевёл корпус суфийской поэзии и тексты «Бхагавадгиты», дал возможность русскому читателю познакомиться с поэзией Китая в её исторической полноте, сделал вольное переложение французской лирики — от трубадуров до сюрреалистов двадцатого века, позволил по-новому взглянуть на Шекспира и его литературное наследие. Эссе Юрия Ключникова об авторах, чьи стихи он предлагал русскому читателю, отличаются аналитической точностью и вдохновенной образностью и составляют особую страницу художественных поисков переводчика.

Сто́ит обозначить важные оттенки его работы над стихами иных времён и стран. Это определённо проявит поэтическую «походку» автора, те черты, которые отличают его строку от всех иных.

В стихотворном переложении Ключникова «Бхагавадгита» обретает ясность языка и зримую последовательность смысловых формул и нравственных оценок. В предисловии переводчик совершенно справедливо сослался на более лёгкое восприятие читателем древнего произведения, преображённого в поэтический текст. Оставляя в неприкосновенности многие важные детали оригинала, Юрий Ключников освобождает слог повествования от громоздких речевых конструкций. Притом не склоняя переложение к осовремененной версии первоисточника.

Замечательно, что движение мысли, пронизанной токами правды, справедливости, чувства рода и пониманием места человека на земле и в иерархии высших метафизических ценностей, отличается прозрачностью и последовательностью внятных умозаключений. При этом фабульная сторона произведения никак не соперничает с духовной, но становится её фоном, своего рода физической «рамкой» для рисунка неосязаемыми, но невероятно весомыми для жизни человека красками.

Этот поэтический текст хочется читать не из потребности расширить собственный кругозор, но просто потому, что он написан увлекательно. Сложное здесь дано очень ясно, нет нагромождения сентенций, к которым читатель априори должен относиться с некоторым уважением или даже пиететом. Подобной чистоты слога стремится достичь любой переводчик в своём переложении оригинала на другой язык, но всякий раз сталкивается с трудностью соединения умозрительного — и осязаемого, материального. В переводе Ключникова эта художественная проблема волшебно удалена из соприкосновения читателя с великим сюжетом.

В древних китайских стихотворениях примечательно соседствуют непосредственность чувств и свежесть изображения событий. Собственно, такое свойство есть почти во всех старых лирических стихах — как европейских, так и восточных.

Однако в китайском своде подобных сюжетов органично присутствует также и дидактичность. В лирике—как упоминание о нравах, в морализаторских вещах—как фиксация должного рядом с эскизом реальных поступков и обыкновений. Вводя в свои вольные трактовки давних текстов рифму, переводчик в каком-то смысле сообщает строкам дополнительную энергию, психологически как будто убыстряет движение слов, и тогда в целом становится возможно охватить сюжет одним взглядом, который не вязнет в локальных подробностях и не преодолевает ритмику поэтической речи, принадлежащей иной традиции.

Вместе с тем, рифма в переложениях Ключникова соединяет сентенции Востока, порой абстрактные для русского ума и плохо формулируемые в рамках иноязычного художественного изложения, с отчётливостью лучших примеров отечественной стихотворной практики. Не используя в чистом виде афористичность, переводчик тем не менее стремится к пушкинской формуле внятного литературного слога, и уже поэтому древнекитайская архаика превращается под его пером в слегка стилизованную под старину живую картинку—философски ёмкую и изобразительно яркую. При этом назидательные строки у Ключникова не кажутся прописными истинами, за словами слышится дыхание русского автора, преодолевающего крутые взгорья своей собственной судьбы. Переводы стихотворений нового времени во многом утрачивают самобытность прежних образцов поэтического Китая, однако в них есть то, что сегодня почти уже не найти в современной западной лирике: способность удивляться красоте, искренности, понимать важность серьёзных поступков и хранить верность своей родине, бережно относясь ко всем событиям её сложной, противоречивой—но всё-таки цельной истории.

В переводах персидской—суфийской—поэзии Ключников удивительно точно находит интонации, казалось бы, взаимно исключающих эмоциональных состояний: спокойной мудрости и сильной воли, которая определяет жизненный путь человека. В этих переложениях изображение житейских коллизий и перетекание мысли от одного предмета к другому соприкасаются с созерцанием судьбы как цепи перемен—с отчётливой логикой причин и следствий. Каждый твой шаг определяет, каким станет твой будущий день. Счастье и горе преходящи. Светлые мгновения уступают место горьким сожалениям, а земная беда оказывается ступенью к небесному существованию.

Так—у древних поэтов: внешний и внутренний мир предстают в какой-то степени сбалансированными в их стихах. Иначе—у авторов современной эпохи, для которых вопрос духовного противостояния нравственному распаду стал одним из главнейших в творчестве. Давая обширную историческую ретроспективу поэтических имён от Рудаки до Назыма Хикмета и аятоллы Хомейни, переводчик естественным образом погружает читателя в динамику мироощущения восточного человека—и в эволюцию его сокровенного представления о самом себе. Такая полнота художественной речи помогает и европейскому уму скорректировать свой привычный эгоизм—и, не забывая о собственном «я», осуществить необходимую поверку западных ценностей. Непрерывность нравственной и психологической палитры в представленной переводчиком антологии позволяет читателю сделать это мягко и естественно.

Французская поэзия исторически и духовно очень близка русской лирике. Её духовные искания, обретения и заблуждения совсем не похожи на ровный в метафизическом отношении склад восточных стихотворений. Вчерашние интеллектуальные и нравственные императивы при свете наступающего дня здесь очень часто превращались в ничто или же показывали свою оборотную сторону, по меньшей мере—неоднозначную. Многие французские стихи далеко отстоящих друг от друга эпох в русской переводческой практике часто теряли изначальную экспрессию и художественную привлекательность, и читатель был вынужден ориентироваться лишь на приблизительный контур художественных образов автора. В особенной степени это касается французских верлибров двадцатого века.

Русская классика дала нам достаточно примеров вольных переложений поэзии разных стран. В них был отражён важнейший принцип: переводится художественный мир стихотворения, а не собственно иноязычный текст. Юрий Ключников в своей переводческой практике так или иначе придерживался этого правила. И потому в его транскрипции столь прозрачно звучат стихи французских сюрреалистов: понятны смысловые акценты, наглядность изображаемых реалий не входит в грубое противоречие с поэтическим языком, а сама свободная структура строк оригинала в переводе получила рифмованную интерпретацию. В свою очередь, поэтическое Средневековье лишено стилевой архаики и воспринимается сегодняшним читателем без дополнительного напряжения и привычных вкусовых скидок на древность оригинала. Переложения Ключникова совсем не кажутся «непозволительными вольностями» версификатора. Они подчинены магистральной цели: ввести поэзию другой культуры в русский литературный контекст, максимально сохранив интонацию первоисточника.

Сонеты Шекспира у Ключникова получают странное свойство: неуловимо продолжая «персидскую» традицию поэтического рассуждения, они сосредоточены на земной жизни лирического

героя. Смятенное сердце, кажется, полностью погружено в страсти мира, и Бог в этих монологах появляется скорее формально, а не в качестве Высшей Инстанции, вечной и непостижимой. Подобный психологический и «голосовой» акцент как будто присущ шекспировскому тексту — но, глядя на некоторые подстрочники сонетов, можно понять, что в них трактовка сюжета как будто более широка. И лирическое высказывание, озвученное переводчиком, им представлено именно так совершенно сознательно.

Форма сонета подобна форме человеческой жизни: телесный плен и устремления духа можно показать — и заставить читателя поверить автору безоговорочно. Но преодолеть границы положенного человеку бытия — невозможно. Эта отчаянная стеснённость сокровенной личности соединена с воплем души, который чувствуется практически в каждом поэтическом сюжете Шекспира. Иное дело, что такой «крик», в свою очередь, словно стянут невидимым обручем и звучит глухо, а слова здесь произносятся с недомолвками. Умозрение тут куда обширнее телесных представлений, предметность отодвинута на задний план. И только мысль борется с чувством, порой заключая перемирие.

По-другому — в стихотворениях поэтов шекспировской эпохи. Там много вещественности и рассудочности, свойственных английскому уму, однако переводчик придаёт русской версии текста живую простоту речи, ничуть не снижая интеллектуальный уровень лирического рассказа. Поддерживая версию о «двойном авторстве» произведений Шекспира, Ключников выстраивает свои переводы соответствующим образом. В итоге читатель получает контрастную перекличку великого поэта и его времени.

А теперь вглядимся в собственные, авторские стихи переводчика. В них в концентрированном виде сосредоточены художественные краски и сам способ «взять» творчески тот или иной предмет.

Чем ближе осень, тем верней
Сквозь шорохи опавших листьев
Мы ловим шёпоты корней.

Кажется, что здесь — признание поэта, вступившего в поздний этап своей жизни, его стремление познать тайну природы и бытия, выраженное в элегическом ключе. Это так, однако жажда найти неявное и скрыто-таинственное пронизывает почти все его произведения, включая переводы авторов разных стран и эпох. Можно подчёркивать обыденное — и видеть красоту в малой детали многообразной реальности. Но можно пытаться понять механизм движения событий и людей — и уже потом постичь влияние этой глубины на простые предметы и поступки. Юрию Ключникову, соединившему в себе черты поэта, просветителя и философа, ближе второе. Он отмечает в мучительном историческом пути России качества, которые неведомы чужеземцам, но моментально принимаемы как слова доверия русским человеком.

А ещё от Финского залива
До чукотских тундровых полей
Белое в России молчаливо,
Чёрное кричит из всех щелей.
. . . .
Цветок любви к измученной России,
Которой никакой неведом страх.

Метафизика русского пространства и духа не обозначается наглядно, но проявляется в непостижимой для иностранца черте или примете. Причём образность у Ключникова — не зримая, а смысловая, заставляющая вспомнить поэтическую речь Фёдора Тютчева.

Нам не понятен
В нас вложенный Богом заряд,
Также и сила заряда ещё неизвестна.
Мы предназначены царству
По имени «Брат».
Верим, что там
Обретём своё царское место.
. . . .
Нет в мире, кроме правды, ничего.

Эта приверженность Правде в её высшей — возможно, надмирной — ипостаси встречается в стихах Ключникова самой разной тематики. Такое свойство поэта характеризует его в первую очередь личностно, а уже во вторую — накладывает отпечаток на все художественные средства, которые он использует в лирике. Он не делит историю родины на эпохи успеха и «чёрные дыры»; её движение сквозь годы и века для художника непрерывно. Но показать превосходные и прискорбные черты прошедших времён — в его власти; это продиктовано чувством долга. Как говорил Александр Блок, нужно говорить правду. По отношению к художнику такой императив звучит как самоидентификация.

У Ключникова практически везде прослеживается мысль о предопределённости судьбы России, которой свыше назначены сроки мытарств и обретений. Поэт склонен мифологизировать действительность, но подобное художественное свойство у него замыкается на евангельские предначертания и на загадочность пути России. Его стих просторен и свободен по речи, реалии естественно соседствуют с умозрением, с духовными проекциями. Для него важно «доопределить» собственные чувства и сформулировать свою мысль о мире — эти две задачи он, видимо, считает главными. И пусть они покажутся достаточно общими для поэзии как жанра, однако у Ключникова названные позиции даны во всей их обнажённости.

У Юрия Ключникова очень много стихотворений, в которых его лирическое «я» вступает в диалог с природой. Финал «Грозы в горах» кажется эхом пушкинских слов в устах Вальсингама («есть упоение в бою…»): «Жизнь огромная тем интересней, // Чем грозней и опасней она». Спорное утверждение, но в нём присутствуют русская безрассудность и душевный порыв. У поэта есть целый ряд таких экстремальных обозначений: «…Судное время // Не падение вниз, // Но прыжок в высоту».

Интеллектуальные максимы у него неплохо уживаются с картинами реального мира. И кажется, что у автора есть некий «канал сообщения» с пространством предначертанного. Но перед нами всё-таки не речь духовидца, а дерзость вдохновенного певца. Он переводит зримую картину в изображение, не вторгаясь в её строй художественными образами, в определённой степени произвольными. Привнесение образа в творимое словами полотно у него всегда органично сочетается со всеми остальными деталями увиденного и воссозданного, с развитием сюжета во времени — и находится в согласии происходящего с потаённым содержанием некоей уже «большой картины». Он скуп на самодостаточный поэтический троп, ему важнее достоверность лирического рассказа. И тут ещё раз вспомнится Блок:

Ты помнишь? В нашей бухте сонной
Спала зелёная вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда…

Как правило, стихотворения Юрия Ключникова обращены к «приподнятым» над обыденностью реальным очертаниям мира. У него, наверное, вовсе нет или очень мало произведений, где автор входил бы в знакомый читателю окоём и лёгким штрихом показывал неповторимость окружающих предметов и ситуаций, их потаённую теплоту. Возвышенность слога предстаёт важной чертой его поэзии.

В творчестве Ключникова множество мифологем: эта сторона нашего бытия его властно притягивает — так же как и интерпретация исторических страниц русской истории. Образные акценты автора точны по смыслу, отчётливо индивидуальны и окрашены мировоззренчески и личностно. В «Сонете о визите де Голля на могилу Сталина в 1966 году» классическая драматургия формы замечательно участвует в интеллектуальном финале стихотворения; поэтический и духовный «жесты» органично сливаются в одно целое:

…Прервал советский лидер тишину:
Мол, страшный вождь навеки испарился;
Де Голль сказал:
Не умер — растворился
В том будущем, где не хранят вину.

Поэт любит увеличивать изобразительный план — просто подчеркнуть предмет или сюжетный поворот он не хочет. Таков склад его художественного характера.

Он свято чтит память о Советской стране и об Отечественной войне, его отношение к прошлому напитано русским чувством — осознанным и исполненным достоинства. Поэт выглядит ходатаем в будущее за великую правду советского времени и Великой Победы. Его лирика погружена в историософию и публицистику — и пронизана болью сердца, часто очень затаённой.

Я поминаю дух и прах
Отцов, которые без хлеба,
Отринув всякий Божий страх,
Как боги штурмовали небо.

Не убивал и не убью,
Не принесу свидетельств ложных,
Но их по-прежнему люблю,
По-детски веривших, что можно
Через кровавые моря
Приплыть к земле без зла, без фальши.

Смешная, страшная моя
Страна-ребёнок, что же дальше?

Ключников не входит в тонкую материю переживания, он не «психологичный» поэт. Не выстраивает изображение с дальнейшим его оживлением — но называет и назначает, в какой-то степени напоминая первых людей на земле. Художественные построения Юрия Ключникова стройны и понятны, в них нет внезапно возникающей перед читателем «тайны». В этом отношении он весьма дидактичен и окончателен в словах. Он не берёт в рассмотрение микрочастицы души и мира, дабы показать, как они сосуществуют. Он смотрит на оттиск души — в полный рост и на оттиск мира — во всю ширину и высоту. Именно в этом сказывается эмоциональный «шаг» его поэзии, раствор художественного «циркуля», которым автор измеряет или поверяет реальность и метафизику.

В подобном движении по пространствам души и измерениям духа сказываются присущие Юрию Ключникову вера и оптимизм, проявляется жизненная сила творца, которая не вязнет в сонме подробностей, но позволяет автору обращать внутренний взор на видимые формы, а не на их «молекулярное» содержимое.

Пожалуй, именно такой масштаб картины и её предметов лучше всего подходит для той поэзии, которую он переводил на русский язык. Он не выстраивает мозаику из деталей, но моментально улавливает и воссоздаёт некое соответствие иноязычного материала собственному речевому и образно-оптическому устройству. И в том — ещё одно свидетельство принадлежности Юрия Ключникова живой традиции русской поэтической классики.

Игорь Муханов

Песни Уймонской долины

1. Песня беременной женщины своему ребёнку

Женщина с двумя сердцами,
плывущая по морю воспоминаний…

Ступай тихонько, мой мальчик,
по крыльям птиц разноцветных,
в горах уснувших без плача,
скалой укрытых от ветра.
По родникам золотистым,
шептать умеющим громко
о том, как звенят мониста
внизу, в селении горном.
По белой росе, по камню,
по тёмным ночным стрекозам,
поющим крыльями «амен»
под утро горным морозам.
По снегу в пятнах лазури,
укутавшему вершины,
по косточкам белой бури,
спустившейся к нам в долину.
По лунному свету, ярче,
чем перья птицы Гаруды,
спускайся в наш мир, иначе
как жить без тебя я буду?
Качаются в небе мачты—
уколы моих бессонниц…
Спускайся в наш мир, мой мальчик,
под звуки хрустальных звонниц!

2. Девушка из Уймона

Осень ждала Долина,
пахли дожди лимоном.
Даль ночную поила
девушка из Уймона.
Клочья брала тумана,
мяла в ладони узкой,
словно готовя манну
людям и трясогузкам.

Скрип у колодца слышен,
плеск воды и объятья.
Это пришли напиться
вишни в лиловых платьях.
—Девушка, дай нам Слово,
которым малые дети
украсить рога коровы
мечтают в память о лете!
Дай нам Зелёный Ветер,
рыскающий повсюду.
В списках ночного света
числится он как чудо!
Если отдашь и сердце,
облик вернёшь далёкий:
будешь в пруду смотреться
яблоней краснощёкой!

Девушка смотрит в поле—
видит коров и травы,
лошадь у водопоя,
берег Катуни правый.
Девушка дарит вишням
сердце своё ночное.
Воздух покоем дышит,
сказкою и луною.

3. Зелёный бык

Я к чудесам земным привык
и ледники пою Алтая.
Но вот и он—зелёный бык—
идёт и головой мотает.
Его зелёные рога
полны задумчивости камня,
и чешет голову быка
осока влажными руками.

Среди ухоженных коров
он—как алтайская сиротка:
и бабочкам весёлым—кров,
и заводи широкой—лодка.
Зелёный бык? Таков удел
деревьев в лунном окруженье!
Округу пачкает, как мел,
тумана лёгкое движенье.

А ночь без лодок и сетей
вернуть готовится обратно
пропавших без вести детей,
кто утонул в реке когда-то.
Они земную благодать
вдохнут и улыбнутся лету.
И бык зелёный их катать
охотно будет до рассвета.

4. Катуни, протекающей возле Замульты

(утренняя запевка)

Ты горы обегаешь ловко
у Замульты, моя Катунь,
и ты ещё не полукровка…
А гор весёлый штукатур
в берёзы красит и осины
твой стан прозрачный и осиный,
и воздух дышит в твой рукав—
проголодавшийся удав.
Кружись и смейся, Бога ради,
средь гор, как твой кумир Вивальди,
что птиц весенних перепеть
решил под старость, и медведь,
спустившись с ледников Белухи…
А впрочем, это только слухи!
И ты по гальке и камням
бежишь, сподобившись коням.
Сам хан Алтай ковшом луны,
твоей коснувшись глубины,
лобастых рыбин достаёт
и на дорогу их кладёт.
Авось достанутся Рассвету,
любимцу здешних повитух.
Ему, ему, по всем приметам,
похож на царскую карету,
горланит утренний петух!

5. В летний полдень

Танец красных поплавков—
словно гномы на ходулях,
полюбив восточный плов,
в гости к рыбам заглянули!
Леска тянется к лицу,
груз за нею волочится,
словно жалобу Творцу
пишет тень летящей птицы.
Воды в белых пузырьках—
это в ампулах больному
губка рыхлого песка
подаёт из гастронома.
На конце крючка—тоска,
красной повести чернила.
Бок живого червяка
мелюзга пошевелила.
Плеск воды отметил час
торжества для рыболова,
и улыбка родилась,
и блеснула фиксой новой.

6. Стрижи

О крыльев серебристые ножи!
На тонкие ломти разрезан воздух.
И стынет чай, и неба этажи
наполнил дым, мечтающий о звёздах.
Откуда он? Попробуй расскажи
о вещих снах, о лыке и мочале!
Зимой—о белых выстрелах лыжни
в живое сердце северной печали.

Крик петуха несётся со двора,
гусиные перебивая оры.
Стрижиная густая детвора
Гагарину сродни в полёте скором.

Наивен ив серебряный указ,
что лучше наблюдать из окон дома,
как в лютое ненастье дикобраз
летит по небу—рыжая солома.

Тут жизнь, и домовитые стрижи
перину перетряхивают лета.
Попробуй их указом отреши
от ликованья, молодости, ветра!

7. Яблочные сны

Сентябрь—казак, Степашка Разин—
с утра победный сеет гам.
И—казни, казни, казни, казни
созревших яблок по садам!
Везут стеклянную посуду,
и сахар, жизни эликсир,
и медный чан, и ложек груду…
Варенье—всякому кумир!
И на перронах станций дачных,
где остро пахнет шпал мазут,
звучит Огинский… Не иначе
в Москву Царь-яблоко везут!
И мы с тобою на Алтае,
зарывшись в сено на дворе,
живую повесть наболтаем
о жёлтой яблочной поре.
Из сундука достанем сбрую,
в свистульку дунем из сосны
и—дай нам Бог!—перезимуем,
вкушая яблочные сны.

8. На морозе свечу зажгу

Побросаю пожитки в сани,
на морозе свечу зажгу
и увижу: пророк Исайя
улыбается сквозь пургу!
Электрическое, живое
в наших русских зимних лесах
то потрескивает, то воет
вне таблиц, табелей и граф.
Комариная ли, камаринская—
всё просторное, всё горит
поутру, как усадьба графская,
как на дереве снегири.

Я и сам из лихого племени
новотроицких казаков,
что садилось за стол с пельменями,
посетив девичий альков.
Что мне ваши фейсбуки, лайки,
кабинетная ваша суть,
когда в памяти балалайки
до утра не дают уснуть?!
И летит ледяная пудра,
в даль отеческую маня,
и играет морозным утром
яркий луч на узде коня.

9. Монгольская степь

Здесь камыши к себе зовут
ночными криками: «Ты пойман!»
На пуговицы старых юрт
застёгнута речная пойма.
И солнце в красном шушуне,
сползая вниз, тоской собачьей
обдаст всю степь, как на войне,
и сетью в камышах рыбачит.
А ночью холод, словно змей,
вползёт в бессонницу монгола
и ну толкать его: «Скорей
коснись земли ногою голой!»
Вся степь—как звёздные часы
под наблюдением курганов:
живыми каплями росы
блестит, укрытая туманом.
На взлёте беркут прокричит
своё «и-чу!», и в звёзды канет,
и тень по травам волочит,
как побывавшую в капкане.

10. Бессонница

В доме спать ложась, отстегнули
груз житейский—луны ходули.
Отнесли их на сеновал,
чтобы каждый ходуль поспал.
Только слышат—в печи потухшей
то ли мышь шуршит, то ли души
убиенных в Афганистане
на мосол-локоток привстали.
Жизнь ночная—что звёзд сиянье,
что отстёгнутый человек
от земли, от её камланья
в понедельник, среду, в четверг.
Не успели уснуть—ходули
тут как тут… Крестись на восток!
За окошком звезду раздули,
словно крошечный уголёк.

11. Поэт в Багдаде

Слух, приятель, ветром даден
и на семь вершков могуч.
В старом тыквенном Багдаде
купишь мёда и сургуч.
Отнесёшь добычу в спальню
юной ласковой княжне,
чтоб живые, в кольцах, пальцы
не готовились к войне.

Тут эмаль, а там—кинжалы.
Ходят-бродят посреди
слуги в белом, слуги в алом,
и айран разлит в бадьи.
Вес становится условным,
ноги пляшут там и тут,
и серебряные волны
от кальяна в сад плывут.

«Принимай, княжна, с Алтая
шкуры соболя и лис!
Мы сыграли свадьбу в мае,
а в июле—развелись.
И теперь моя свобода,
что росла среди полей,
ищет всюду, ищет брода
к белой рученьке твоей!»

У Багдада соль на шее
проступает в жаркий день.
В опахалах хорошеет
и княжну целует тень.
Просыпаюсь под телегой.
Ни жены, ни дома нет.
Только утренняя нега,
только звание—поэт!

12. Сон быка

Ах, как трудно расставаться с летом…
Кто у дома, в зарослях пырея,
мастерит зелёную карету,
чтоб уехать в осень поскорее?
«Динь-динь-динь»—щебечет наковальня,
«тук-тук-тук»—играют молоточки.
Хороша, светла у лета спальня—
весь Алтай в сиреневой сорочке!
Ну а осень… сеять капли в землю
будет из серебряной посуды,
чтоб всходила на пригреве зелень
в октябре, не нужная по сути.
Белый бык, слегка голубоватый
от реки, под кожею текущей,
спит и видит светлые палаты,
городок, который в речку спущен.

Видит, как из улочки выходит
ход крестовый списанных трамваев —
мордою стеклянной в огороде
ищут электрическую сваю.
Не найти им, труженикам красным,
подворотню, из которой Каин
выходил, отрыгивая квасом,
грабить быт купеческих окраин!
Сон уходит в лабиринты лета
и щекочет розовые губы.
Спутаны караты и кареты,
музыка души и душегубы.
И плывут ладьи с Тмутаракани
(путь царю Московии угоден),
песнею удачу заарканив,
воевать сибирские угодья.

13. Парень в линялой гимнастёрке

Даль дыханием сладким продута
четырёх азиатских ветров,
и встаёт одинокое утро
у казацких потухших костров.
Как подстреленный заяц, несётся
пук травы у палаток и служб.
Надо ехать. В тени у колодца
заблестел уползающий уж.
Прячет уши в колёса телеги
одинокий тушканчик, в себе
ощущая стремительность бега
и покорность хозяйке-судьбе.
Неужели тот парень в линялой
боевой гимнастёрке своей —
это я в своей жизни бывалой,
что ушла из открытых дверей?
За горами алтайскими вяжет
лунный сумрак корзину тому,
кто уже никому не расскажет,
как отряд воевал Бухтарму.
Парень, парень, зачем на рассвете
небывалого нового дня
твоя почта в помятом конверте
догоняет и мучит меня?
Что я сделал тебе в ту эпоху,
что не сделал тебе, расскажи,
если ты укоряющим вздохом
атакуешь просторы души?
Гаснут в небе живые картины,
и мистический свет от луны
метит каплями желатина
неподвижные валуны.
И идут на разведку любовью
из далёкой Гражданской войны,
окружая моё изголовье,
спецотряды — опора страны.

14. Перекаты Катуни

Цветная пыль, как радуга, повисла
над одиноким камнем и поёт.
Идя, как в бой, река не видит смысла
остановить запущенный завод.

С горы спустилась шустрою козою,
опасный спуск преодолев за день,
и падает избранницей рябою
в её струю раскидистая тень.

Перелететь бурлящую стихию
боится молчаливая пчела.
Перелетают новости плохие,
хорошие — глядят из-за угла.

Подводный ад средь зелени какой-то,
котёл, кипящий розовой водой!
Качается, как на пружинах койки,
и проплывает мимо сухостой.

Вода старухой кажется беззубой,
когда ворчит на отблески зари
и, ударяясь лбом о камень грубый,
обильные пускает пузыри.

Но зверь придёт, и радостно долдонит,
и в берег бьёт копытом молодым…

«Пей сколько хочешь, вот мои ладони,
в них небо голубиное и дым!
Тебе отдамся всей своей водою,
которую веками можно пить.
Айда со мной, шалуньей молодою,
широкою Сибирью колесить!»

15. Зимняя соната

За окном метель дымится,
словно в лютые морозы
на Алтай любви напиться
едут утром паровозы.

«Фиу-фиу», — свищет ветер,
а по мне дорожным эхом:
«Как в сиреневой карете
в глубину горы проехать,
где услужливые феи
и в зелёных шляпах гномы
делят лучшие трофеи
из подземных гастрономов?»

Под окном моим метели
рельсы в сказку проложили.
Неужели захотели
пригласить на бал рептилий,
горных духов, эдельвейсы,
что цветут в горах в июле,
и меня, и даже рельсы
в мир, далёкий от лазури?

И бегут живые страхи
из меня, как из вулкана,
и метель свои рубахи
сушит в небе утром рано.
День голодными глазами
ищет кофе и печенья…
«Ладно, еду!» — в тёмной зале
огонёк зажжён решенья.

16. Творчество

Помнится, полями
думал я о стуже,
думал тополями
и звездою в луже.
Образ собирался
в узел откровенья,
освещая часа
лучшие мгновенья.
Думал я лесами,
горною вершиной,
к мысли не взывая,
но молясь о Сыне.
Как легко и просто,
не кончая курсы,
по рассветным звёздам
изучать искусство!
И, врастая в тему
лучшего дуэта,
выражать затею
дуновеньем света.

17. О чудесах, случающихся в Уймонской долине

Уймонской долиной еду,
вдыхая ночную свежесть.
Имею буханку хлеба,
да нечем её порезать!
Я нож позабыл в Харбине,
в старинных книгах военных,
в отказе моей любимой
алтайскою стать царевной.

Такого Алтай не помнит,
считай, со времён ойротов:
месяц в военной форме
шепчет любимой что-то.
Она вздыхает — Венера,
светило предков далёких!
Щекочет бедные нервы
буханка хлеба в котомке.

— Где нож раздобыть мне острый, —
спросил я месяц двурогий, —
чтоб запах почуять росный
любви и дальней дороги,
чтоб охала селезёнка
от вкуса ломтя и соли
и ветер сушил пелёнки
тумана в пшеничном поле?

Месяц мне не ответил,
лишь завернулся в тучу.
Сел на попутный ветер,
воином стал могучим.
Месяц раздумьем полон.
Зная, что хлеб — растенье,
выращенное с поклоном,
что-то своё затеял.

Месяц буханку хлеба
видит и голод чует.
Брызжет слюной по небу,
Чуйскому тракту и Чуе.
Месяц в дела земные
хочет войти железом…
Тени плодя живые,
бродит туман по лесу.

Звонко стучат копыта
по золотым каменьям,
в море ночного света
плавает вдохновенье.
На перекрёстке неба
синим блеснув железом,
месяц буханку хлеба
ломтиками порезал.

18. Птичий язык

«Ярлынь-и-кир-ру»… Сколько раз
такое в небе повторится!
Язык желанием горазд
и вытянут в длину, как спица.

Привычный Азии язык,
явившийся на эту землю,
и солнца розовый кадык
его явление приемлет.

«Ярлынь-и-кир-ру»… Сколько раз
мне говорила это птица,
а я всё ждал: её рассказ
в живую песню превратится.

Переведён на языки
народов европейских будет.
И ножницами край реки
я резал вопреки минуте.

Сегодня степь с её теплом
и журавлиным перелётом
сказать готова ветерком
и дымкой утреннею что-то.

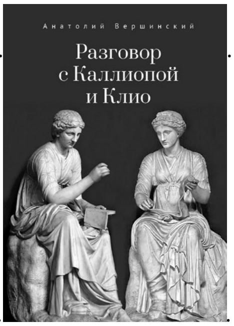
«Ярлынь-и-кир-ру»? «Кир-ру-лынь!»—
несётся на задворках лета.
И сладким запахом полынь
встречает своего поэта.

19. Всё ей—филармония, всё ей—птичья грамота…

Спелая черёмуха—значит, песню спела.
Сам язык свидетель чуду у ручья.
Музыкой становятся, песней оробелой
аромат цветения, ягода ничья.
Крупная, с оскоминой, ветру говорящая
что-то из Бетховена—выдох или вдох.
А порой из Моцарта песня настоящая—
с болтовнёю справится и заглушит чох.
С нотною линейкою обручилась ягода,
си бемолем светятся чёрные бока.
Всё ей—филармония, всё ей—птичья грамота…
С ежегодной верою смотрит в облака.

20. Приглашение побывать на Алтае

Мерцают сажей в печной трубе
чужие домыслы об Алтае.
Они, как мельники, на горбе
сухую воду в амбар таскают.
А в нашей розовой стороне
в лесной клубнике гогочут гуси,
и фляжка новая на ремне
блестит и солнце затмить не трусит.
И я иду, не задет иглой
задиры-ельника, по тропинке,
и птицы горные надо мной
поют покрытые снегом пики.
Ты хочешь знать, почему Алтай
глядит Казахстану в сухие очи
и скрипом мачтовым высота
судьбу иную ему пророчит?
Тогда приезжай в этот горный край!
Его лебединые переливы
тебе подарят таёжный рай,
богатый нужным адреналином.
Алтай—алтарь, и звучит комус,
над сладкой ягодой хорошея,
и солнце нитями жёлтых бус
с утра орлу украшает шею.
Приедешь—подумаем вместе, как жить,
чтоб в жилах текла бухтарминская сила,
и месяц свои золотые ножи
в ночи поднимал за Алтай и Россию.
Раздуем огонь в запоздалой печи,
по звёздам прочтём эпифанию чуда
и, как полагается, промолчим,
зачем мы явились сюда и откуда.



Анатолий Вершинский
Разговор с Каллиопой и Клио

Санкт-Петербург: «Алетейя», 2022

Каллиопа—покровительница эпической поэзии, Клио—истории. Две музы, две сестры стали собеседницами автора этой книги. Плод их доверительного разговора—исторические стихотворения, поэмы, драматические сцены в стихах. Читателя ждёт познавательное путешествие в давние века и во вчерашний день. Верность исторической правде—кредо автора.

• • •

Две сестры—Каллиопа и Клио.
И старательный их ученик.
Вот такое немодное трио
поджидает любителей книг.

Не ищите ни жареных фактов,
ни заумных конструкций и схем,
ни крутых описаний терактов,
ни срамных измышлений «кто с кем».

Обстоятельно и не крикливо
сёстры-музы беседу ведут.
Разговор с Каллиопой и Клио
выношу на читательский суд.

Посудачим, надеясь на милость
тех, кто истине предан по гроб,
лишь о том, что взаправду случилось
иль, по крайности, статься могло б…

20–22 апреля 2020

Максим Вельвич

Фантазия без границ

Незнакомец

«Гм. В чём смысл жизни? И сто́ит ли она чего в этом мире? Эй, кто-нибудь, дайте мне ответы. Пожалуйста!»

Слезинка скатилась с глаз и упала прямо на ботинки. Чувства, которые присутствовали в душе каких-то пять минут назад, сменились на тревогу и жалость к себе. Руки сжались в кулаки, очень хотелось ударить о стену и заорать что есть силы. Столько всего накопилось в душе, а рассказать некому. Успокоившись немного, парень отошёл от края моста и пошёл прочь.

Сидя на скамейке и размышляя о перемене в себе, он скоробился и делал какие-то непонятные движения руками. Ни на кого не обращая внимания, смотрел прямо в землю. Прохожие посматривали на него искоса, а некоторые даже пытались предложить свою помощь. Неизвестно, сколько времени он провёл в таком положении, но ночь потихоньку вступала в свои законные права. Теперь никто не мог помешать ему в его размышлениях.

Со стороны вокзала домой направлялся старик. Увидев понурое лицо парня, он присел рядом с ним и, достав бутылку со сладкой водой, демонстративно приступил к потреблению жидкости.

— Неплохо, неплохо. Хочешь?

В ответ молчание.

— О как,—продолжил он навязываться в собеседники.—Как думаешь, вот если сейчас здесь пройдёт молодая и привлекательная девушка, то предложит ли она такому, как ты, свою помощь? Поникшему, без желания бороться дальше. Да и вообще балбесу.

— Ха, вы правы. Я настоящий нытик и балбес. Человек без сил и целей к жизни. Да и зачем я такой кому-то сдался?

— Тяжёлый случай, как сказал бы мой преподаватель психологии из института.

— Вы учитель?

— Нет, что ты. Куда мне до преподавания? Я не могу сделать обычные расчёты на работе, а ты называешь меня учителем. И как вообще могло в голову взбрести?

На этом оба рассмеялись, будто кавээновской шутке.

— Что-то да из тебя и выйдет, если постараться,— продолжил мужчина.— А упаднические настроения ты брось.

— Вам легко говорить. Вы не столкнулись с такой проблемой.

— Послушай меня, парень. Да, я не знаю причины, по которой ты себя так коришь. Но запомни слова старика, которому пришлось пройти через многое такое, что тебе и в страшных снах не приснится. Так вот. Проблемы—это основа нашей жизни. Они воспитывают из нас тех, кто строит свой путь сам. И если бы каждый из нас опускал руки при возникшей проблеме, то не было бы и всех нас. Ну что ж, мне, пожалуй, пора. А то моя убьёт меня за то, что задержался. Переживает.

Встав со скамейки, мужчина услышал:

— Спасибо за всё, дедушка!

— Пожалуйста, сынок. Может, когда-нибудь тебе тоже придётся дать кому-либо совет. Надеюсь, ты понял меня.

Оставшись наедине, молодой человек посидел ещё немного и тоже направился домой. С твёрдой уверенностью решить все вопросы мирным путём.

Уличный музыкант

Ветер, подхватывая приятную мелодию, переносил её через весь парк и заставлял всех гуляющих людей, независимо от возраста, прислушиваться и наслаждаться музыкой.

Но больше всего везло тем, кого относят к меломанам. Уловленный мотив сам собой развивался в их головах. Поддавшись соблазнительным звукам и углубившись в себя, молодой парень, забыв про реальность и закрыв глаза, чуть не врезался в дерево. Проходящий мимо мужчина не был так сентиментален: он остановил его и, обругав, пошёл своим путём.

День уже клонился к закату, когда в парке появилась девушка. На вид ей, облачённой в красивое вечернее платье, было лет семнадцать. Всё бы хорошо, если бы не одно «но», бросавшееся в глаза. Её лицо выражало такую боль, что словами не передать. Тушь под глазами давно стекла от пролитых слёз, она, медленно всхлипывая и опустив голову, шла в неизвестном направлении, не замечая окружающих.

Проходя мимо уличного музыканта, прислонившегося к железному столбу, она неожиданно остановилась. Обратив свой взгляд на него, она

увидела дряхлого, исхудавшего старика с гитарой в руках. Он и играл ту самую необычную мелодию. Поначалу, не желая прислушиваться к ней, она стала искать, куда можно кинуть милостыню. Но, к её огромному удивлению, не нашла. И тогда что-то внутри подсказало истинную причину его нахождения здесь. Незнакомец играл для души, а не для денег.

Поддавшись звучащей мелодии, она закрыла глаза. И тут произошло что-то немыслимое. Пришло успокоение, словно камень с души свалился. Мышцы расслабились, дыхание участилось, настроение поднялось, а на лице появилась счастливая улыбка. Ощутив облегчение, она не заметила, как пустилась в танец. Тело двигалось так, словно парило в невесомости. Движение за движением, поворот за поворотом, она делала их с небывалой лёгкостью, почувствовав свободу от проблем, неприятностей. Всё разом ушло. Остались только музыка и танец—две силы, слившиеся в одно целое.

К великому сожалению, ничто не вечно. Остановившись из-за того, что мелодия исчезла, девушка открыла глаза и увидела то, чего не ожидала. На неё смотрели взявшиеся из ниоткуда десятки человек. Догадавшись, что концерт окончен, толпа взорвалась аплодисментами. Не зная, что делать, она повернулась к старику и только тогда поняла, почему всё прекратилось. Музыканта не было. Как ни пыталась она отыскать его, всё попусту. На какой-то миг ей в голову пришла мысль, что музыкант мог быть лишь иллюзией. Но подсознание говорило об обратном.

Фантазия без границ

— Защищайся, подлый трус!—сказал с весёлыми нотками в голосе д’Артаньян одному из солдат кардинала.

Их шпаги скрестились в бою, издав мелодичный звон. Парируя и отбивая удары, юный гасконец пронзает грудь соперника.

Через мгновение наш герой оказывается у короля в окружении товарищей и многочисленных гостей и в торжественной обстановке получает награду. Испытывая огромную радость, оборачивается к присутствующим, и весь зал взрывается аплодисментами.

Вот так, лёжа с закрытыми глазами и мечтая, Петя испытывал огромное удовольствие от этого времени. А у него на коленях находилась любимая книга «Три мушкетёра». Отдавшись грёзам, он перестал замечать окружающий мир. Однако его бабушка Татьяна Петровна, строгая, но в то же время очень добрая, собиралась прекратить, по её мнению, пустое времяпрепровождение.

— Внучок, ты когда за ум возьмёшься, а не будешь витать в облаках?—её голос прозвучал довольно неожиданно, с нотками стали.

— Ба, вообще-то я размышляю над очень интересной вещью. А ты говоришь, в облаках витаю.

— Ой, какие мы занятые, оказывается! И что же ты надумал?—парировала она.

Вспомнив про пирог, оставленный в духовке, женщина вернулась на кухню и занялась им, на время забыв про свой допрос. Она очень любила докапываться до истины, потому многие её боялись и старались говорить как есть. Петя знал об этом и всё же часто недоговаривал.

Парень был атлетического телосложения, занимался различными видами единоборств и уже к седьмому классу имел много наград. Что в городе, что в селе у него было много друзей как среди молодёжи, так и среди старших.

Много времени Петя проводил с Татьяной Петровной, помогая ей по дому, а также гулял с друзьями. А когда удавалось остаться наедине с самим собой, тратил время на фантазии. Именно это помогало спрятаться от внешнего сурового мира и морально расслабиться. Он не мог представить себе, что эта привычка изменит его жизнь навсегда.

Однажды одному из друзей Пети, его ровеснику Сеньке, вздумалось повыделываться в компании. Он начал хвастать, что станет изобретателем. Никто не понял его бахвальства, а Федя, самый старший из всех, не без смеха ответил:

— Да ну?! Ты ведь даже не можешь решить простое уравнение, а что говорить о каких-то изобретениях?!

— Вот увидите. Через пять дней вы узнаете о моём изобретении!

Все посмотрели на парня как на того, кто слишком много на себя берёт, не сказав ни слова. И Петя предложил:

— Ладно, давай так. Заключим пари. Моя идея против твоей. У кого получится лучше, тот и победил. Идёт?

На следующий день Пётр решился над чем-то поработать. Он был уверен, что Сенька просто трепло и ничего не сможет сделать. И, сам того не подозревая, увлёкся этим занятием, да так, что остановился лишь через четыре дня. Изучив различную литературу и воспользовавшись фантазией, он смастерил что-то вроде лампы с необычным каркасом.

Когда друзья встретились, он показал, над чем работал. А Сенька даже не появился. Странно, но даже по прошествии многих лет никто и ничего о нём не слышал. Он как будто сквозь землю провалился.

В сентябре Пётр принёс в школу эту лампу, чтобы показать, что провёл летние каникулы не сложа руки. Все, кто видел этот прибор, не могли поверить, что это его работа. Но парень показал чертежи, которыми пользовался, и ни у кого не возникало сомнений в его правдивости. Учитель

физики даже попросил одолжить ему устройство. Мальчик знал, что ему можно доверять, и отдал.

Упреподавателя на этот счёт были свои планы:

— Я показал твоё изобретение хорошему знакомому, учёному. И он с коллегами заинтересовался. Понимаю, что я не имел права так поступать. Теперь они хотят запустить его в массовое производство.

Петя всё так же лежал с закрытыми глазами и сладко мечтал. Тем временем Татьяна Петровна вытащила пирог из духовки и занялась супом.

Друзья познаются в беде

В ту пору я искал полной независимости от мамы. Так сложилось, что жил с ней и тремя младшими братьями и сестрой. Наверное, многим знакомо это чувство, когда, став совершеннолетним, вы начинаете искать свой путь. Я устроился в колцентр, заселился в общежитие и познакомился с двумя парнями, соседями по комнате. Оба только поступили учиться, я уже был на втором курсе. С одним из них, Анатолием, меня связали узы настоящей дружбы; что касается второго, то он был из тех людей, которые готовы при любом удобном случае всадить нож в спину.

Так вот, я работал и проходил первую практику на предприятии «Электромаш». Всё пошло наперекосяк: перестал успевать, ругался с вахтёршами, потому что поздно приходил с работы, начались неприятности с желудком. Шутка ли — питаться одними перекусами! Меня, конечно, наставляли дядя с тётей, как лучше сделать и, как говорится, «не гнать лошадей», но я стоял на своём — считал себя самостоятельным.

А тут ещё и первая любовь случилась. Толик познакомил меня с подругой его девушки. По уши влюбившись, перестал нормально спать и есть. Как глубоко заблуждался, просто представить не можете. Так вышло, что отношения Толика до сих пор продолжаются, а мои — нет.

Ближе к Новому году проблемы с общежитием достигли апогея. Решил поискать съёмную квартиру — ничего не вышло. Всё накатило каким-то непрекращающимся комом, но друг предложил к нему на время переехать. Я тушевался, думая о причиняемых неудобствах, но после некоторых уговоров согласился. Могу сказать точно, что он мог этого не делать. Просто бы забил на меня и жил своей жизнью.

Жизнь бомбардирует нас различными испытаниями и сама же подкидывает решения. Кто-то подаст руку помощи и станет неотъемлемой частью вашей жизни, кто-то останется позади, в тумане. Проблемы не бывают вечными, они тоже заканчиваются, и иногда в мире есть место маленьким чудесам.

ДиН СИММЕТРИЯ

Кондратий Рылеев

Повсюду вопли, стоны, крики…

Повсюду вопли, стоны, крики,
Везде огонь иль дым густой.
Над белокаменной Москвой
Лишь временем Иван Великий
Сквозь огнь, сквозь дым и мрак ночной
Столпом огромным прорезался
И, в небесах блестя челом,
Во всём величии своём
Великой жертвой любовался.

1822

Альбина Мамаева

Не ждано, не гадано

Новая болезнь

Михалина, крепкая старуха лет семидесяти с небольшим, плетётся по заметённому снегом тротуару. Ноги проваливаются, снег засыпается в катанки. Она хватается за штакетины палисадников и ворчит себе под нос:

— Я не с лешака ли расхворалась? Гли-ка, чё деетца: до больницы четыре избушки, а я уж два раз присаживалась на лавочки. Слава Бох, до Яшки дошкандыбала… Ой, тошно мне-ка, было обшату́рило. Кака́ дико́вина навалилась? Ни силы, ни мочи — какэсь вся задо́хлась. Хоть бы ишшо к врачихе не обробе́ть, а то уведёт лешак по деревне… Да её тоже не́ за што винить. Из деревни молоды-то по городам разъехалися, тут одна старушня осталась. Ей с нами хоть пополам разорвись. Вай, хто-то сзаде догонят, отойти некуды, кругом снежишша.

Оглянулась — Назар со своёй Таисьей, тоже кое-как ползут, ведут друг дружку.

— Здорово живёшь, Михалина. А на нашем краю ишшо вечёр сказывали: мол, Михалины нигде нету — видать, карачун пришёл. А она тут на чужой лавочке посиживат.

— Раз говорят — стало быть, долго жить буду.

Назар многозначительно поглядел на старуху, поднял кверху указательный палец:

— Вот это правильно, не поддавайся. Умереть-то ишшо никто не обробел.

— И не говори. Охота бы пожить-то… Дак болесть не спрашиват, вишь как меня скрутило. До врачихи дотти не могу, все лавки по дороге собрала, — Михалина обмела снег с лавочки. — Садитеся, тут Аверьяновну не проглядим. Ну чё там в деревне слыхать? Есть новости?

— Дак как, есть. Только добрых нету. За эти дни вся деревня сплоди́мо в лёжку лежит. И старики, и помоложе.

— Ишшо не башше! Я из дому-то на этой неделе первый раз вышла. С нимя хто-чево подековалось? Грыпп ли, хто ли ходит?

Таисья только руками развела:

— Вот тут и вся закавыка. Кака-то нова болесть.

— Н-но! А как её звать, болесть-то эту?

— Кабы я помнила! Памяти нисколь не стаёт… Названье у ней наподви́д шапки. И не здешняя болесть-то. Из Китаю привезли…

Михалина от удивленья выпучила глаза:

— Ты подумай-ка, чё на белом свете деетца! Это вить надо додуматца — ажно из Китаю болести возить! Не ближний свет. У нас чё, своих мало? — она отвернулась к дороге, поплевала: — Тьфу-тьфу-тьфу, плюнь три раза, не моя зараза. Таисья, ты тоже поплюй через левое плечо, не помешат… Гли-ка, а как я-то не слышала? Ну дак как раз эти дни и́з дому не вылезала. Я шибко-то не хворала, жару большого не было. А по утрам голову от подушки поднять не могу. До стола кое-как доползу — какэсь задыхаюсь, и всё! Што, думаю, за лихоманка меня трясёт? А сёдни с утра испчиха́лась вся да запока́шливала.

— Вай, Михалина! Хошь верь, хошь не верь. Это ведь она у тебя! Китайска болесть! Нас е́дак же трясло, в грудях всё спёрло — здыша́ть не даёт! Обои эдак хворали, фершалица домой к нам приходила. Сами-то первый раз идём. Дак на улице вить тоже ни с кем разговаривать нельзя, заразно. А в больницу зайдёшь — первым делом, от греха подальше, тебе намордник напялят. Маска называтца.

Михалина так и присела обратно на лавку:

— Вот дак здоро́во живёшь! Жисть прожила, ни единого китайца в глаза не видела… Дак она откуль ко мне привязалася, эта шапка-то?!

— А я тебе уж сколь толма́чу, ты чем слушашь? Ну-ка говори: давно по деревне бегала?

— Дак дён пять-то точно будет…

— К кому заходила?

— Чё сразу заходила-то?

— А то я не знаю тебя! Только из ограды выпусти — убежишь с го́лком, с собаками тебя не найдёшь.

— Дак забежала к Фаине. Она тоже вся искашлялась. Хлеба им свеженьково взяла. Потом побежала к Анфисье, выпросила у ней прялку. Дело-то к зиме, а у внучат, как на грех, все носки шерстяны износились. Ну да так, с кем на улице обопнулась…

Таисья со знанием дела только покачала головой:

— Ну вот! Стало быть, у ково-то и нашла себе некро́ба. Фершалица-то не здря наказыват: мол, перво-наперво по гостям не бегать, на улице или в магазине рот не отворя́ть. А от греха подальше эту маску носить. А ты чё, телевизер-то не глядишь? Гли-ка, ведь и по радиву, и в телевизере день и ночь тро́стят: маски не сымайте, прививки ставьте! Там вить тоже не дураки сидят, в телевизере-то.

Михалина внимательно выслушала.
— Я бы глядела, да он чё-то напару́хался, Вовка-сосед в мастерску увёз. А радиво давно выбросила, надоело — ревёт целыми днями. Дак ты думашь, должны помогчи́ эти прививки?
Назар подтвердил:
— Паря, помогают, чё здря скажешь. Кому поставили, те не хворают, вот ведь чё.
Таисья опять взялась за старуху:
— Я тебе сколь могу тро́стить: не бегай по деревне!
— Дак ты тоже думашь, это от некробов? Ничё не понимаю: где они прячутца-то, еслив, не дай Бох, у меня тоже завелись?
Таисья призадумалась:
— Не буду врать, сама не знаю, чё про них и думать. Ты-то ладно, вечно заворотишь голову, ничё под ногами не видишь. А я-то в очках! Изо всех сил приглядываюсь — хоть бы нарошно, хоть бы одного увидеть! Вот убей — не понимаю, где их находят!
Назар как ждал — видать, накипело на душе:
— Ты уж молчала бы. Ослепла она! Как у меня в кармане, дак кажду копейку найдёшь, а некробов — не видишь. Чем хвоста́ть по деревне, в избе бы лучше лишний раз прибралась. По радиву-то все врачи в один голос тро́стят: умывайтесь чашше! Где грязь, там и некробы! Ты чё думашь, в заграницах здря даже улицы с мылом моют? Не спорь со мной, я собственными ушами слышал!
— Да-а-а уж… Еслив ты, не дай Бох, не врёшь, по мытью мы за ниму́ не уго́нимся, — Таисься повернулась к Назару, показала кулак. — А тебе хватит языком молоть, ботало коровье. Дома увидишь кузькину мать!
— Вай, Тайка, это што у вас за мода — середи улицы друг на дружку реветь?
— А нечево подслушивать! Мы с ним смолоду на ножах живём. А чё сделашь, раз така у нас любовь? Ревём не ревём, а друг без дружки жить не можем. Ну дак вот, Михалина, я тебе так скажу: главно — не бегай пологру́дом. Не дай Бох, залетит некроб за пазуху — намаешься с ним. Видишь, нихто не знат, чё с ними делать. Я уж думала, можеть, на них карасином побрызгать? Ты как думашь?
— Лешак знат, ково делать… Видать, я не здря здоровьем-то ха́нула. Подымаюсь по утрам через великую силу. В ум взять не могу: неуж из-за них?
— А из-за ково боле? Из-за них, проклятых́! Главно, их нихто не видит, а оне тебя грызьмя грызут… Вот вить чё!
— Ты мне скажи, Тая: спомнила, как шапку-то звать? А то врачиха спросит, чем хвораю, а мне и сказать нечево.
— Это ты про боле́сть-то? Дак корона. Её царь заместо шапки носил.

Не ждано, не гадано

В пятницу, задолго до будильника, зазвонил телефон. Мама! Чего это ей не спится? Не ответить нельзя, они ведь сейчас как маленькие, чуть что — прихворнули. Мама не дала сказать ни слова:
— Галя, ты почему не звонишь? Забыла, что сегодня пятница?
— Извини, мама, напомни, в чём дело. Я зачем-то должна была позвонить тебе в пять утра?
— Иш как матери отвечаешь! Где огрызаться научилась?
— Мама, ты мне просто напомни… Подожди, я на кухню перейду, пока всех не разбудила…
— Я-то подожду. А ты, если любишь своих родителей, должна сама догадаться. Вот какой сегодня день?
Я быстро перебрала в памяти числа, даты, праздники — ничего!
— Мама, ты издеваешься! Пятница случилась, сама сказала.
— Вот-вот, сама сказала. Вы-то не догадаетесь. Небось, вечером на дачу поедете?
— Как всегда…
— Конечно. И каждый раз оттуда приезжаете как из отпуска! А что родители как с курорта приехали осенью, так всю зиму в четырёх стенах и сидят, свежего воздуха не видят, вам горя мало! — всхлипнула в трубку.
— Так вы же наотрез отказались, ты сказала: вашей ноги там не будет. Что вы наработались за свою жизнь…
— Галина, тебе ли не знать, как я деревню люблю? Я же деревенская, если ты забыла. Помню, из Красноярска-то прилетишь на каникулы, так на снег наглядеться не можешь. Такой белый, пушистый, весь сверкает. А как я чистить его любила! Нагребёшь сугроб (на Ангаре субой называли), с горок накатаешься, придёшь домой насквозь мокрая. Всю печь мокрой одеждой завесишь…
— Ты, мама, извини, если я что-то путаю… Ты же рассказывала, только месяц (и то в сентябре) на краткосрочных курсах секретарей училась. Помнишь, ты ещё хвасталась: мол, если человек умный, дак ему и недели хватит выучиться? Дескать, нечего зря штаны просиживать. А? В сентябре-то даже на Ангаре сугробов еще не бывает. А теперь вспомни, сколько раз мы вас брали на дачу. Как приедем, так концерт! И как приходилось в этот же день вас обратно домой везти. Ты же не можешь в своих дорогущих сапожках по сугробу до крылечка пробрести. Надо снег до крыльца расчистить, дров наколоть и наносить, печку затопить. А пока это сделается, ты всех изведёшь…
— Вот только не надо так говорить, будто я такая капризная дурочка…
— Ну ладно, успокойся. Папа что, тоже едет?
— Это что за вопросы? Конечно, едет. Правда, он пока не знает. Только ты, доченька, не забудь, какое мясо мы едим. И продуктов на нас купить, фруктов побольше. Да, кстати, я на новой диете. Пожалуй, я лучше напишу тебе список, что нам

можно и чего нельзя… Ты после обеда заедешь в магазин, чтоб строго по списку всё купить.
— Мамуля, какой список? Мы ещё вчера всё закупили. После работы забираем детей и сразу едем. Даже домой не будем заезжать.

Я прямо увидела, как мама начинает кукситься.
— Ну вот, я так и знала… Зовёте, зовёте в гости, а сами надеетесь, что мы откажемся.

Мама как-то умела одним словом убедить, что во всём виноват кто угодно, только не она.
— Ладно, составляй свой список.
— Ой, спасибо, как хорошо ты придумала. А кстати, что там нынешней зимой носят в вашей деревне? Мне шубу надевать или что попроще? Я тут пальто альпака купила, висит ненадёваное. Если я в это время года шубу надену, меня не обсмеют? Правда, к шубе надо будет подобрать головной убор… И сапоги. Снег-то там не подтаивает? Ну ладно, сделаем так: приготовлю пальто и шубу. На всякий случай. Точно! А то зачем тогда покупали, деньги переводили? Вот тебе задание на сегодняшний день — укомплетовать мои вещи. У тебя фантазии больше, подумай!
— Мам, я бы рада, но боюсь, что у моего директора немного другие планы на мой рабочий день. Мамочка, ты извини, я на работу опоздаю. Мне же надо завтрак приготовить, ребят собрать в сад.
— Неудивительно, ты же такая рассеянная и неорганизованная. А ты заметила? Вот всегда у тебя так! Я что, много прошу? Что на мамины проблемы тебе наплевать, я уж молчу. Я всего и хотела только рассказать тебе, как я любила чистить снег. Представляешь, прилетаю в деревню, а там снегу-у-у! Главное, он чистый и пушистый. Наглядеться на него не могу! Но если тебе некогда… Я всегда знала, что работа тебе дороже родной матери.
— Ой, мамочка, я совсем опаздываю! Давай я тебе перезвоню. Или на даче поговорим…
— Я поняла, не хочешь мать выслушать! Вот всё время ты мне рот затыкаешь!

Как ни странно, вечером родители ждали нас уже одетыми. К чему бы это? Мало того, мамуля ни разу не пожаловалась на тяжёлую жизнь. И по дороге ничего не случилось. Но я-то знала: что-то должно быть не так, потому что с мамой спокойно долго не бывает. Мама всю дорогу не отрывалась от окна. Наконец подъезжаем к нашему участку.
— У вас что, соседи появились? Уж никак не думала, что в наше время кто-то обзарится на эту развалюху… Алкаши, небось?
— Да нет. Бабушка одна живёт. Хорошая такая, добрая. Наши Алёшка с Алиской в ней души не чают. Только из машины — сразу к ней.

Вот что значит усталость — потеряла бдительность. Мама же такая ревнивая! Сейчас начнёт рыдать и скандалить.

Ну так и есть! Мамуля прямо ахнула:
— Вася, нет, ты слышал? Да у них тут кругом бабушки и дедушки! Так, может, мы им и не нужны вовсе? А я-то думаю, что это они к нам раз в году наведываются? И зачем я только согласилась родить тебя? Отец уговорил: дескать, на старости опора будет. Вот тебе опора, гляди на неё! Я так и знала, что этим всё кончится. Да я всю молодость на вас с отцом угробила. Всё здоровье оставила. А ты?! Внуков ещё нарожала. Кто тебя просил? Им ведь тоже вниманье надо, а я хоть пополам разорвись!
— Нюся, остановись, — не выдержал отец, но маме уже попала шлея под хвост.
— О! А это, видимо, как раз ваша любимая приблудная бабуля! Ну даёт! Где только авоську-то такую нашла? С ума сойти! И этой мымре в душегрейке ты доверяешь собственных детей? Господи, а галоши-то! Да моя мама сорок лет назад в таких дальше коровника не выходила! У-у-ужас! Галя, я тебя не узнаю́. От такой соседки можно принести чёрт-те што! И хорошо, если только вшей да тараканов.

Мы с мужем (уж не говоря об отце) научены горьким опытом и стараемся помалкивать, пока у мамы завод не кончится. Но тут мы уже подъехали к дому, где нас встречала тётя Груша. А мама не собиралась замолкать:
— В общем, так! Если вы не прекратите общение с этой мымрой, считайте, что у ваших детей больше нет родной бабушки. И пусть тогда она сидит с вашим хулиганьём! Короче, или я, или она!

Это был перебор, папа побледнел и очень тихо и внятно спросил:
— Нюся, я когда-нибудь был к тебе несправедлив?

Мама всё на тех же оборотах выкрикнула:
— Попробовал бы только!..
— А часто я тебя обижал?

Она только покачала головой: никогда.
— Тогда слушай внимательно. Вот сейчас, даже делая скидку на твой характер, ты перешла все границы. Одно дело быть вспыльчивой, а другое — хамкой. Я сам виноват, что распустил тебя. Но я не хочу, чтобы мои внуки видели такой бабушку. Я хочу, чтобы ты подумала, почему твои внуки убегают от тебя к постороннему человеку. К сожалению, ты орала так громко, что эта женщина должна была всё представление услышать. Так вот, если ты сейчас же не попросишь у ней прощения… Я даже не хочу говорить, насколько изменится наша с тобой жизнь. Поняла?

Машина остановилась, ребятня наперегонки помчалась к бабушке, а она причитала:
— Ой, тошно мне-ка! Да это хто тут приехал к баушке? Это хто ко мне врысью-то бежит? Крошки бабины, бабины комо́чки, не запнитесь об тротувар-то! Давайте-ка живо поворачивайте, бегите в баушкину избу. Я вить к приезду-то кара́лек настряпала. Все заходите, не стесняйтесь.

Она со всеми обнялась, поздоровалась и начала нас по очереди подталкивать к маленьким кособоким воротцам, а сама успевала расспрашивать:
— Дак вы чё сёдни долго-то ехали? Всё ли ладно у вас? Я уж все глаза проглядела. С пяти часов на дорогу заглядываю — вас всё не видать. Самовар два раз скипел. Печь вашу я протопила, пускай в избе согретца, потом уйдёте. А счас пошли на чай. И не здумайте отказыватца, нарачи́ к приезду стряпала. Галя, дак ты кому там всё машешь-то? Гости с вами приехали ли, чё ли? Дак зови их, зови! Не бойся, всем хватит.

Мама поняла, что ничего не вы́сидит, упираться не стала, пошла со всеми. Но характер выдержала — шла молчком. Пришлось мне самой объяснять нашу задержку. Вот, мол, родители захотели с нами съездить.
— Вай, дак ты чё, Галечка, ни разу не сказывала, што мать-отец тоже тут живут? Я вить думала, оне далёко где-то, — повернулась к отцу: — Дак вы пошто суды не ездите-то? Никаково курорту не нады. Речка рядом. Она хоть и небольша, а все купаютца, ребятня-то из воды не вылезат. Дак и рыбачат. Ну-у-у, што ты! И ельчики есть, и сорожки, и окуньки. Хто удочками рыбачит, а хто дак и сетушки ставит. А еслив любишь рыбачить, быват, и шшучка попадат, и налимчик, — остановила сама себя. — Вай, паря, одной-то тоскливо, дак каждому свежему человеку рада-радёшенька. Мои разговоры не остановить — голодны спать ля́гете…

Всё же тетя Груша довела всех до дому… Мама так и ахнула!
— Как в музее у тебя! А ты, Груша, сама-то откуда? Прямо в детство попала, ей-богу!
— А пойдём-ка суды. Я тебе покажу, как мы на родимой-то Ангаре жили. Я на этой половине не белила, силы не хватат. Вот взяла да на заборку обои приколотила. Потом карточки развешала. А в горнице-то всё как у маменьки было, — отодвинула шторину. — Иди суды.
— Вай, стой-ка, погоди! Утебя откуль дядя Ефим-то с тёткой Марусей взялись? — поглядела на Груню. — Вай! Это неуж ты?! Грушка?!
— Да, паря, правду сказывали: дескать, загордилась Нюрка-то Ефимихина. А чё не гордиться-то? Дивья, мужик добрый попал, не конюх или тракторист какой-нить. Чё тебе деревенских-то помнить? Не нам чета… генеральша…
— Ради Христа, Грушка, это вправду ты? Вот никак бы на тебя не подумала! Вай, ну-ка иди поближе-то! Сроду бы тебя не признала. Ты вить така сбитая была да красношшо́кая. А счас, девка, какэсь как с креста снятая. Дак ты с чево тут живёшь, на даче-то? У тебя вить изба добра была, — мама не выдержала, закричала: — Галя, ково вы там топчетесь на улице-то? Бегите-ка суды! Ну-ка, ты думашь, хто эта баба Груня? Дак это вить Грушка Рожкова, с первого класса за одной партой сидели! Со мной больше двух уроков никто не соглашался сидеть, а Грушке хоть бы хны! Или ты терпела?
— Дак всяко было… Тебя ведь только задень — ты пошла и пошла без у́держу! А промолчишь — ты и забудешь, из-за чего ругалась. А я-то хоть с кем уживусь, така бесхарактерная.
— Помню-помню, на тебя хоть сколь реви, тебе всё хиханьки да хаханьки. Гли-ка, а ты ведь меня не признала…
— Врать не буду — не сразу, пока не заговорила. А потом вижу, замашки у бабы знакомые, все выходки Нюськины. А вот ты меня и счас не узнаёшь. Да не оправдывайся, я сама себя в зеркале не сразу узнаю.

Мама всё не могла успокоиться и поверить, что это правда её верная подружка, которая не один раз выручала.
— Ты моя родна, какой сёдни праздник-от! Галюня, дак ты пошто нас эстоль время-то не привозила суды? Я дак нарадоваться не могу, свою задуше́вну подружку нашла! Дак я счас отцель вылезать не буду. И отца не выпушшу. На дачах-то которы вить круглый год живут. А мы чем хуже? В ваших городах доброму человеку словом переброситься не с кем.

Я кое-как, сквозь смех, спрашиваю у мамы:
— Мам, а ты заметила, как ты разговариваешь? Мам, это какой язык? Я за все годы ни одного ангарского слова от тебя не слыхала…
— Дак вот, возьми меня, дуру старую! На людях, конечно, не обязательно разговаривать по-нашему, а вам бы не худо было послушать. Я знашь сколь время отвыкала, а нет-нет да выскочит словечко. А я потом со стыда сгораю. Ума-то не было.
— А как папа? Он заставлял тебя правильно разговаривать?
— Вася-то не ангарец, он по-нашему не научился. Ну, надо мной, конечно, посмеивался. Но чтоб заставлял — оборони Бох. Он на меня дунуть боялся, не то што чево. До того меня любил — взамуж безо всего взял. За душой не то што копейки, одежонки никакой не было. В чём из дому вышла, в том и ходила до его первой зарплаты. Я-то уехала, а у самой душа болит: как вы тут горе ложками хлебаете? И помогли бы, а как? Вася всё в разъездах. Не успеем обжитца, опеть уж чумадан складывать пора. Тоже всю жисть на казённых фатерах-то не шибко сладко. Но хоть мир повидали. Да и счас — чё здря говорить? Вишь вот — на пензии, а по курортам задаром ездим. Там же и одёжу себе и ребятам подешевле берём. А счас помогать некому. Мамы, царство небёсно, давно уж нету. Рассказывай, ты-то как устроилась, Грушечка? Как сейчас поживашь? Вижу, што несладко тебе.

Баба Груша призадумалась.
— Дак в колхозе вить одно обустройство — работа до упаду. Чё больше-то? Ты вот молодец, не побоялась с Васей уехать, даром што паспорт не дали

в колхозе. А я к тому времю успела взамуж выскочить и дитя родить. И от них не вырвешься, и без них не уедешь... На работе-то, сама знашь, свету белого не видали. Так и выходит: в колхозе было худо, и без него не легче. Счас я тебе скажу, а ты к себе не прикладывай и не обижайся, это я для примера. Тебе работать негде было и некогда, раз с мужиком по всему свету таскалась. Так? Так или не так, а всё же ты не изработалась (между нами говоря). А пензию наравне́ с добрыми получашь. По двадцатке, поди, огребашь каждый месяц?

— По двадцать четыре...

— Я тебя не виню. Не сама вить ты её назначила. А счас подумай. Я на пензию другой год как вышла, а до этого мантулила всю жисть, не разбирала, бабья работа или мужичья. А получаю восемнадцать рубликов без пяти копеек. А хто раньше нас оформлялся, они и таких денег в глаза не видели, у них всё больше двенадцать да тринадцать...

— Христос с тобой, я с чево обижатца-то буду?.. Мама пока жива была, дак напрохот отправляли то пятёрку, то десятку. Она хоть и ругалась, а куды деватца? Пензии-то на один хлеб хватало. Груня, я чё-то тебя не спрошу: Витька-то твой где?

— Дак где... Где родился, там и живёт — в маминой избе. Скоро сорок, самый мужик. Хочет пристройку сделать. Тесно им, никуды не вохо́дят...

— Дак а ты пошто тут? Вы вить двоём остались, никово нету. Ты да он.

— Так-то так, да у нево ишшо двое есть. А я чё? Из годо́в выжила, а старуха кому нужна? С невеской, сама знашь, язык держи на привязи... Лишную корку хлеба не съешь. Она вроде и не скажет ничё, а кусок в горле застреёт. Никак не уживамся с ней.

— Вай, Груня, ты ково кружашь? Я бытто тебя не знаю! Ты скорей язык себе откусишь, чем изругашься...

— Сама не знаю. Так-то я не ругательна. Я как засобиралась уезжать, дак вся деревня и́здива вышла, никто не верил.

— Дак вот! От тебя ведь одна польза, уж минуты без работы не посидишь.

— Леший знат... А погляжу на них: как Витька дюжит? Она вить из больницы не вылезат, вся исстона́лася. И что за мать? Ребёнчишка годами не видит, растёт парень с отцом. Он уж из мочи вышел. Я бы и помогла, дак она не даёт к парнишке близко подходить. Ругатца: дескать, с Мишенькой надо правильно разговаривать, а я ему язык засоряю. Чем я засо́рила? Я говорю, с Витькой-то этим же языком разговаривала — и ничё, хороший мужик вырос, здоровый. Ну вот, я подумала, раз уж ей охота самой хозяйничать — пускай. Можеть, она из-за меня дома не хочет жить, а счас переедет из больницы-то. И мне тут спокойней. Одна беда — тоскливо. Меня Витька-то сам суды перевозил, дак всё тут проглядел, записал. На скору руку дыры заткнул, окошки вставил. Собирался до зимы приехать отремонтировать всё да дров привезти. Так и прожила зиму без ремонту, и дрова не во́жены... А она, паря, до чего вредна! Сама не едет и мужиков не отпускат. Витя-то, сколь раз было, позвонит: дескать, стряпай пироги, приедем нонче. Не успею обрадоватца — звонит, прошшенья просит: мол, все хотели поехать, да Эле худо сделалось, какэсь заумирала. Я уж тут осердилась, говорю Кольке, внуку-то: мол, дай-ка матери телефон, я сама с ей поразговариваю. Вот всё сказала! Не удержалася, прибавила... Ты, говорю, чё вытворяшь? Нацию, говорю, укреплять надо, а у вас один ребёнчишка. Для чево и живём — ребят оставить. Эта умираюшшая сразу оздоро́вела, заревела лихоматом: мол, сама тоже одного выродила. А я грю, кабы Витиново отца на войне не убили, дак мы бы и на трёх не остановилися.

— Ладно-ладно, родна моя. Не говори и даже не думай об этой невеске. Пускай. Куда деватца, раз она мать твоёво внучка? Жалко, конечно, што в твоёй избе живёт... Да и чёрт с ней, пускай подавитца. Лучше про себя расскажи. Как жисть твоя после войны-то сложилася? Неуж так одна и прожила?

Аграфена тяжело вздохнула, как всхлипнула...

— Дак кабы одна... Витя-то подрос — бабы давай меня сватать. Я было отнекивалась, а потом думаю: и так вся истрепалась, кругом одна. Стала приглядыватца к приезжим. Поглянулся мне один сосланный. Ну и он на меня поглядывал. Забегать стал. То дровишек наколет, то воды натаскат. Вся деревня на него нахвалитца не может. Уж Жора этот и умный, и работяшший, и сослали его по ошибке. Бабе много ли надо? Ну и приняла я его. Где моя голова была? А он уж такой услужливый, такой хороший — хоть счас в пионеры принимай. Но ненадолго хватило. Потом не знала, девка, куды от него деватца. Не одну рюмку крови он из меня выпил. Витька уж подрос, стал за меня заступатца, а то, можеть, убил бы давно этот хороший-то. А двоём мы уж осмелели. В сельсовете нас натака́ли в милицию гумагу написать. Боле взамуж не ходила.

— Эх, Грушка, Грушка! И пошто ты така неудалая?

— Чё-то уж ты заворотила! Зато с избой-то как подфартило. И как угадала — рядом с твоими попала. Дочь-то у тебя молёная, да и зять не худой. За што бы она ни взялася, он уж тут как тут, помогать бежит. Ни разу не слыхала, чтоб оне сты́рили. А челядята-то от Христа, таки любу́шши. Не успеют приехать, бегут опроведать то с конфетой, то с яблокой. Все новости наперебой перескажут. И я их дожидаюсь по пятницам как своих. Ты ничё, не против?

— Я хоть и здряшна́я, но всё же не без глаз. Ты худому не научишь. Знашь чё, Груня, а давай мы с тобой, как на Дворце, всё артельно делать? Точно! Я побежала к своим, объявленье сделаю.

Не прошло и получаса, смотрю, мама бежит, какой-то тетрадкой машет:

— Ну всё, у нас новый колхоз организовался. Назвали знашь как? «Ты мне, я тебе». У всех своя работа. Мой Вася с зятем — на тяжёлых работах: вода, дрова, ремонты. Первый договор составили. У тебя, Груша, изба на ладан дышит. А у молодых от ремонту матерьялу полно осталось. На крыше дыры закроют, трубу подделают, заплот подновят. А старьё всё распилят — вот тебе дрова, на зиму хватит. Тебя определим в няньки, штоб эти шмакодявки под ногами не крутились. Ну и пироги за тобой. Остальну еду готовим по очереди. Галя хозяйством заведовать будет. Ну вот, осталось директора назначить, но я уже подобрала кандидатуру. Директором буду я.

Не удержалась, погрозила пальцем:

— И чтоб слушались, а то вы меня знаете!

ДиН симметрия

Александр Воронский

Алексей Толстой

(Журавли над Гнилопятами)

Не человек для субботы, а суббота для человека. И революция тогда лишь победоносна, когда она совершается не в угоду мечтателям, фантастам и безумцам, а в утверждение попираемых самых простых, непосредственных, жизненных интересов и запросов миллионов людей. Но всё же завет заветов Толстого представляется нам чрезвычайно упрощённым. Противоречие между идеалом и действительностью существует; верно и то, что есть немало очарований и вымыслов, вредных и обречённых на гибель. Но Толстой, по-видимому, склонен думать, что идеалам имманентно присуще «спрядать в юдольный плен» и причинять их носителям разные роковые неприятности и несчастия. По силе сказанного противоречия между очарованиями и жизнью он разрешает путём простого устранения одного из контрагентов, именно очарований. Химеры, мечты, идеи ведут человека к погибели, долой их, да здравствует живая жизнь, очищенная от вредоносных вымыслов! Но это не разрешение противоречия, не ответ, а уход от ответа. Противоречие между идеалом и действительностью на деле разрешается куда сложней.

Есть идеалы «очарования», — они отрицают действительность во имя иной действительности. Её ещё нет, но элементы её даны уже в недрах старой действительности. Очарования людей, домогающихся торжества этой иной действительности, опираются на эти элементы, уже данные, уже зреющие. Они поэтому далеко не всегда беспочвенны. Другими словами: действительность сама существует в сложном, в противоречивом сплетении, в борьбе и в столкновении фактов, тенденций, историй. Одни из этих фактов и тенденций питают бесплодные и явно отжившие очарования, другие, питают такие очарования, которые на другой день — полно или неполно — зависит от обстановки — материализируются, овеществляются.

Это общеизвестно. Но если это общеизвестно, то сказать, как говорит, напр., Сонечка: «Не бродить в сладком тумане, в очаровании, но жить», значит, и сущности, ничего не сказать. Можно согласиться, что бродить в сладком тумане, навеянном Смольковым, дело куда как не весёлое. Можно порадоваться, что Сонечка рассеяла этот туман, но дальше и встаёт вопрос, как именно жить: ведь жизнь сама многообразна и противоречива. Можно дальше согласиться и с Рощиным: пройдёт война, революция, а любовь будет всегда, и ныне и присно, но революция-то и война не прошли. Всё дело именно в том, как жить сейчас, теперь, вот в эти годы, в данный исторический отрезок времени. Ссылка на то, что революция пройдёт, а любовь останется, ничего не решает.

1922

Евгений Минин

Осень двадцать второго

Бродскорбное

Постум, что тебе до Украины?
Кельты жалят всех пчелиным роем.
«Оглянувшись, видим лишь руины».
Не волнуйся, опосля отстроим!

Я всегда твердил, что жизнь—индейка!
Как у вас там? Тоже пахнет скверной?
Не читай газет—там фейк на фейке,
Мой совет сомнительный, но верный.

Не такой

Так легко воткнуть в человека нож
тренированной сильной рукой
не за то, что веками вместе живёшь,
а за то, что он не такой.
И взрывчатку ночью легко подложить,
чтобы сразу—на вечный покой,
не за то, что приходится рядом жить,
а за то, что он не такой.
И хотя невозможно ужиться со злом,
и воюешь всего лишь строкой,
невозможно в ответ ударить ножом,
потому что ты не такой…

О дне на днях

Мир отношений—хрупок и тонок,
дожили мы до времён оных:
кто не согласен с тобой—подонок,
тот, с кем ты не согласен,—подонок.

Вроде не выйдет сидеть в сторонке,
и не причалить твоей плоскодонке,
где правый берег—как бы подонки,
где левый берег—как бы подонки…

Солдат

Солдат посылается в бой.
Он—пешка в чужой игре.
Уже не владеет собой.
Без мыслей о зле и добре.
Потом печаль похоронки.
И памятник будет крут.
Потом родятся подонки
И эту память снесут.

Сёстры

По шоссе, тропинкам и по бездорожью,
нет от них спасения, нет на них охоты,
Две сестры шагают с правдою и ложью,
после них лишь только вдовы да сироты.
Поводырь—одна из них, смотрит зло и остро,
за руку сестру ведёт, тяжело ступая.
Бродят по планете призрачные сёстры—
Ярость благородная и Ненависть слепая…

Птаха

Сидит птаха
до первого взмаха,
глазёнки, полные страха,
как у детишек из города Волноваха…
Плачут пацан и деваха,
когда бомбят и те, и эти,
и спрятаться негде от смерти,
и жизнь—до первого бабаха…

Кто о чём

Певец думает нотами,
художник думает красками,
миллионер—банкнотами,
сказочник—детскими сказками…

но в это время:

полковник думает ротами,
танкист—дорогами вязкими,
артиллерист—миномётами,
а война—могилами братскими…

Осень двадцать второго

Не нравится мне эта осень,
печали нынче много в ней,
коса скользит не по колосьям—
по жизням молодых парней.
Нет, с осенью нас обманули—
пиши стишки, считай улов…
Что может слово против пули?
А два?
А три?
А много слов?

Владимир Пономарёв

Нечаянные радости и сбывшиеся сны

В Хакасии

Скромна и неброска степная Хакасия.
Её украшенья — отроги Саян,
И лики озёр, что скрывает туман,
В названьях которых смешалась Евразия,

Да небо — оно здесь синée и ярче,
Да воздух, который светлей и прозрачней,
Да кромки манящие дальних лесов,
Как будто сошедшие к нам с образóв.

Песня о непогоде

Затянуло небо дождями,
Позабылись радости лета.
Это с нами — или не с нами?
С нами это — или не это?

Но природу всуе не судят,
Надо просто быть терпеливей.
Ливень будет — или не будет?
Будет ливень — или не ливень?

Ждёшь как чуда бонус на блюде —
А получишь дождь и ненастье.
Счастье будет — или не будет?
Будет счастье — или несчастье?

Всё могло б ещё измениться,
И погода стала б послушней.
Нужно злиться? Может, не злиться?
Злиться нужно? Может, не нужно?

Жизнь сгорает, как сигарета,
И лукавит вещими снами.
С нами ль это? Или не это?
Это ль с нами? Или не с нами?

● ● ●

Все печали как будто стираются начисто,
Все обиды уже прощены,
И в последнюю ночь уходящего августа
Августейшие видятся сны.

А с утра, с запоздалой успенскою радугой
После летней последней грозы,
Начинается осень, вручив нам ненáдолго
От ушедшего лета призы.

● ● ●

Возможно ль стать Мадонной булочнице,
Коль очень хочет смелый гений?
Возможно ль скрыть гримасы уличные,
Как грим смывают после сцены?

А может, гримом — кротость будет,
Что, кажется, лучится?
И это распознают люди,
Пришедшие молиться?

Другое дело — вскинув скипетр,
Встать в царственной осанке.
Для власти, как и для политики,
Полезен опыт куртизанки.

И пусть в глазах её так явственно
Был грех замечен,
Перед портретом шлюхи царственной
Не ставят свечи.

Но булочницы простоватость
Увидев, я не обинюсь:
Как Всецарице поклонюсь
И помолюсь, поверив в святость.

О феврале

Как неуместна эта слякоть
И эта грязь посредь зимы —
Как ссуда у весны взаймы.
Сосулькою упавшей звякать
И с крыши капать на пальто
Февраль не должен. Всё не то.

Февраль суровым быть обязан,
Что б ни писал о нём поэт.
Весны ещё в помине нет,
И странен так, и несуразен
Вид шуб, «не снятых ни за что»
На потепленье. Всё не то.

А смысл тех строк, как тайных знаков,
Так до конца и не раскрыт.
«Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд»…
О чём те строки и про что?
Мне непонятно. Всё не то.

● ● ●

Живя без секретарей и замов,
Ловлю себя уж в который раз
На том, что становлюсь как Семён Кирсанов
И не договариваю фраз.

Кажется, что и так всё понятно—
Как на английском или на урду.
Но всё-таки неграмотным быть неприятно,
И я наношу «словесную пудру».

Зачем? Для чего? Разве так полезнее?
Но если стереть лишние слова—
Вновь звучит настоящая поэзия,
Которая не возникает потом, а приходит сперва.

● ● ●

Нет, апрель отнюдь не лучше марта.
Те же грязь и слякоть, та же хмарь,
И пускай пропет весне тропарь—
Нет ещё весеннего азарта,

Не звенят весенние капели…
И ничем не хуже март апреля.

Календарь твердит: весна в законе!
А вокруг—всё та же канитель.
Март ещё—или уже апрель?
Или, может, два в одном флаконе?

Только май, пожалуй, разъяснит,
Где весна свои ключи хранит…

● ● ●

Подражая Кедрину

Задули ветры, засвистел сквозняк,
На окнах закачались занавески.
Пусть непогода—аргумент не веский,
Но осень наступила. Это так.

И ждать тепла—не лучшее занятье.
Выискивая солнце между туч,
Вниманье обращать на каждый луч,
Пробившийся случайно и некстати.

А что ещё? Смиряться, не ропща,
Закутываясь в свитера и шарфы,
И слушать, словно звук нестройной арфы,
Гуденье ветра около плеча,

Когда выходишь в ветреную слякоть,
Покинув, будто нереальный мир,
Уютное тепло своих квартир
И предоставив сетовать и плакать

Лишь ветру да холодному дождю
О том тепле, которого не жду…

Отрывок

Но все мы где-то рядом, где-то здесь,
Живые и ушедшие когда-то.
И не важны причина, срок и дата—
Важна лишь отношений наших смесь,

Всё, что мы ощущали друг ко другу,
Когда могли пожать друг другу руку,
В глаза могли взглянуть, поцеловать…
А остальное—как сказать…

● ● ●

Уходит бурная эпоха.
Болезненно уходит, нервно.
Она кончается неплохо,
Хоть начиналась очень скверно.

Уходит, выругавшись матом,
На всём оставив грязный след,
Без достижений, без побед
И без возврата…

● ● ●

Осень. Слякоть. Межсезонье.
И в душе какой-то бред.
Жду автобуса спросонья
В дыме скверных сигарет.

Утро. Скупость. Межзарплатье.
И в кармане—пустота.
Все события—некстати,
Озабоченность—не та.

Век. Эпоха. Междустрастье.
Переменам нет конца.
Где обещанное счастье
Снов «от первого лица»?

● ● ●

Нечаянные радости
И сбывшиеся сны
В непознанной загадочности
Странны и чудны.

Нежданно и негаданно—
Подарок без причин.
Там счастье запечатано,
Приди—и получи!

Нечаянные радости
Не ведают превратностей
И выверенных дат
Для памятных наград.

• • •

Снегопад, снегопад. Снег летит в бесконечность
И вчера, и сегодня, и целую вечность.
А меня, загулявшего здесь невпопад,
Наказует в сто крат за такую беспечность.

И нигде от него невозможно укрыться.
Снег летит, заставляя всё вдруг измениться
Так, что можно глядеть, не узнав ничего,
И в сплошном, безграничном снегу заблудиться.

Покрывая дома, города и планеты,
Снег заполнил весь космос, сокрыл все секреты,
О которых глупцы написали тома…
Мир вокруг—только снег. Ничего больше нету.

• • •

Какая ветреная милость—
Вернуться к лету октябрём!
В природе что-то изменилось:
Сверкает роща янтарём

На ярком солнце в тёплых красках,
Как пейзаж в чудесных сказках,
Где так волшебен каждый миг…
Но в сказки верить я отвык.

• • •

Весна в Сибири. Ветер злится,
И снегопады то и дело.
На градуснике—минус тридцать.
Сосед бормочет: потеплело…

О сезонах и не только…

Тридцать первое июля.
Лето вышло из зенита,
Просвистело, словно пуля,
Пролетело, словно бита.

Оглянулся, осмотрелся—
Не заметил перемену.
Кажется, вчера разделся—
Завтра вновь пальто надену.

Тридцать первое июля.
Лето близится к закату…
Незаметно умыкнули
Эти месяцы куда-то.

Мне б чуть-чуть расправить плечи,
Отдышаться в тёплом лете.
Но июль погасит свечи—
И дождями август встретит.

ДиН симметрия

Андрей Белый

Ты—тень теней

Ты—тень теней…
Тебя не назову.
Твоё лицо—
Холодное и злое…
Плыву туда—за дымку дней,—зову,
За дымкой дней,—нет, не Тебя: былое,—
Которое я рву
(в который раз),
Которое,—в который
Раз восходит,—
Которое,—в который раз алмаз—
Алмаз звезды, звезды любви, низводит.
Так в листья лип,
Провиснувшие,—Свет
Дрожит, дробясь,
Как брызнувший стеклярус;
Так,—в звуколивные проливы лет
Бежит серебряным воспоминаньем: парус…
Так в молодой,
Весенний ветерок
Надуется белеющий
Барашек;
Так над водой пустилась в ветерок
Летенница растерянных букашек…
Душа, Ты—свет.
Другие—(нет и нет!)—
В стихиях лет:
Поминовенья света…
Другие—нет… Потерянный поэт,
Найди Её, потерянную где-то.
За призраками лет—
Непризрачна межа;
На ней—душа,
Потерянная где-то…
Тебя, себя я обниму, дрожа,
В дрожаниях растерянного света.

1922, Берлин

Радик Ахунзянов

Всё о том же

● ● ●

Могильщики бастуют: хоронить некого—
Люди стали реже умирать.
Бастует «Энергосбыт»:
Люди мало потребляют электроэнергии,
Выходят на улицу и радуются солнцу.
Бастуют сексопатологи: работы нет—
Мужчины и женщины научились любить друг друга.
Бастуют повара: сокращение неминуемо—
Люди стали умеренно есть.
Бастуют сотрудники библиотек:
Не хватает книг—люди стали много читать.
Бастуют работники бензоколонок:
Автомобили начали ездить на воде,
А люди веселятся под дождём, как дети.
По последним сводкам,
Забастовки ни к чему не приводят,
Правительство не в силах помочь.

● ● ●

Почему у мужчин вдруг ухудшилось зрение?
Как много красивых и замечательных женщин,
Но мужчины их не замечают.
В кабинете офтальмолога
При проверке зрения
В таблице
Они не видят буквы: «Л», «Ю», «Б», «О», «В», «Ь».
Им выписывают очки,
А будут ли они их носить?
Им выписывают очки,
А смогут ли они хорошо видеть?
Нужно не только видеть,
Но и слышать, чувствовать, любить.

● ● ●

Арабы пишут справа налево,
Я слева направо пишу.
Всё о том же,
О чём пишут на Ближнем и Дальнем Востоке.

С каких бы сторон
Ни прокладывали направления в своих сочинениях,
Мы всё равно пересечёмся
В одной точке—
В точке
любви к ближнему.

● ● ●

Вчера чёрная кошка
Нам перебежала дорогу.
Мы сказали: «К чёрту»,—
И проследовали дальше.

Сегодня на перекрёстке
Мы наткнулись на похоронную процессию.
Когда дорога освободилась,
Мы сказали: «С Богом»,—
И пошли вперёд.

Завтра дорожники эту улицу перекроют
Для проведения ремонтных работ.

● ● ●

Встретимся на краю света.
Знать бы, сколько краёв у света—
Столько, сколько граней у стакана
Или моих переживаний о незнании этого?

Останемся жить вечно на краю света.
Знать бы, где тот лучший край—
Там, где восходит солнце,
Или там, где живёт
Самая красивая девушка по имени Света?

● ● ●

Хуже всего,
Когда школьники разговаривают матом.
А что станет,
Если они начнут материться?

● ● ●

От сердца до печени—
девять сантиметров.
От радости до печали—мгновения.
От Земли до Луны—один только взгляд.
От рождения до Господа—
вечность.

● ● ●

Если бы просвечивала
Душа,
Но у тебя просвечивает
Только платье.

●●●

Трава сквозь асфальт пробивается к солнцу,
А сквозь полиэтилен пробиться не в силах.
Человек живёт по-своему,
У него другая конституция тела,
Возможности
И оценочная стоимость.
К моей печени орёл не прикасался,
Но устойчивую цену печень теряет,
А стремление моё оценивается по достоинству.
Мои почки к моим немолодым годам подешевели,
А творческие способности подорожали многократно.
У сердца остаточная стоимость упала,
А опыт держится в цене и не падает.
Коньяк крепнет.
Плоды сада созревают.
Человек развивается,
Так развивается, что шикарную пепельницу уже не подаришь,
Беговая дорожка на дому выглядит предпочтительней.

●●●

Если в первом акте спектакля
На стене висит велосипед,
То во втором акте
На нём должны ездить.

Если и в третьем акте спектакля на стене висит велосипед,
В четвёртом акте
Парень обязательно должен предложить
Девушке прокатиться.
Но если и в четвёртом акте на стене висит велосипед,
То, значит, по замыслу автора пьесы, на улице зима.
Лучше бы на стене висело ружьё.

●●●

Купишь без примерки костюм—
А вдруг не подойдёт?
Потеряешь чек, и будет висеть на плечиках в шкафу.
Придётся использовать формулу:
«Деньги—товар—деньги».
Всё нужно примерять на себя:
Солнечные лучи,
Профессию,
Гвоздь, на котором будут висеть коньки в гараже,
Кровать, на которой будешь прощаться с молодостью,
Кресло в гостиной,
На котором будет тебя дожидаться твоя старость,
Время, в котором будешь жить.
Не зря обустроили примерочные,
Необходимая услуга.
Даже на женщину в службе знакомств
Нужно обратить особое внимание:
А вдруг не подойдёт?
Так и при переливании крови
Необходимо убедиться у врача
В предлагаемой группе и резусе.

● ● ●

Упасть может многое, всё не предусмотришь.
Упасть может созревшее яблоко с ветки
И температура тела.
Упасть может на землю слеза Господа
И человеческое настроение.
Упасть может давление
И ребёнок, который учится ходить.
Упасть может ложка со стола
И скорость Интернета.
Мы не относимся к тем людям,
Про которых говорят: «Волос не упадёт с головы его…»
После всех падений нам нужно всё поднимать.
После всех падений нам нужно просто вставать
И стоять на своём.
Твёрдо.

● ● ●

Слава Богу,
Номер мобильного телефона—
Это ещё не имя, его можно заменить.
С именем всё иначе—это навсегда.
Имя нам даёт тот, кто нас родил,
А тот, кто явил, в этом уже не участвует.
Имя вписывают нам в паспорт,
Мы, в свою очередь, вписываем в историю.
Через сотню лет по имени и фамилии
Нас смогут отыскать в архивах, в музеях,
В фамильном древе.
Имя глубоко в нас, в позвонках и в печёнках,
В подсознании эхом отдаётся,
Отражается от стен.
В памяти отпечаталось у тех, с кем общаюсь, кого люблю,
И у тех, кто меня не любит.

● ● ●

Я смотрел с моста вдаль,
Меня устраивала погода,
Но природа не вызывала радости:
Птицы как птицы, ветер как ветер.
Маленькая девочка, находясь рядом со мной,
        восхищалась солнечным утром
Как-то особенно, проникновенно и трепетно.

Повернувшись ко мне,
        жизнерадостно улыбнувшись,
Она сказала:
«Папа с мамой мне купили новый слуховой аппарат».

Елена Жарикова

Венькины камешки

Лёшка

В августе жизнь замедлялась, цепенела, словно поддаваясь гипнозу утренних туманов, сонному заплетанию клонящихся трав, неторопливому течению рыхлого неба, сыпавшего грибные парны́е дождички. По утрам в огороде на капустных головах и подсолнуховых ладонях лежала обильно ледяная роса, дрожала, скатывалась в желобки, мелкие капли сливались в крупные, тяжёлые, поблёскивающие, как перламутровые пуговицы.

Всё вокруг напитывалось тяжестью, спелой тишиной, влажной и сочной зрелостью… Сырела и разбухала неподатливая кособокая огородная калитка, ржавел навесной замок сараюшки, сыроохристо желтели опилки на завалинке… Густели и становились липкими, словно маслянистыми, запахи, скользкими, неуклюжими делались доски, заменявшие тротуар,— по ним подбирались к огородной калитке.

В такие дни Лёшка любил сидеть у окна ранним утром, пока все ещё в доме похрапывают, не слышно возни соседей и Жулик не гремит цепью во дворе; хорошо вот так глазеть в запотевшее окно, выходящее в огород, и писать что-нибудь в мятую тетрадку в зелёной обложке. Почему-то особенно хорошо думалось в эти ранние часы, а главное — никто не бубнил за спиной, не нудил, что Лёшка дурью мается, а лучше бы дрова сложил в поленницу или воды в баню принёс.

Иногда получалось что-то вроде стихотворения или маленького рассказа, причём стихи складывались именно как поленница, это Лёшка давно понял: какое попало слово рядом с другим не поставишь (как и полено не положишь), оно кособочится, в ритм не укладывается, так и сяк надо прилаживать поленья-слова, чтобы ладно легли, иначе всё завалится. А рассказики иным манером получались — словно воды в баню наносить. Когда в субботу начинались предбанные хлопоты и надо было волчком вертеться, Лёшка, упруго пружиня задубелыми пятками по шатким доскам, носился с коромыслом к колодцу, расплёскивая, оступаясь, таскал с азартом воду, придумывая на ходу приключения какого-нибудь пирата или муравья.

Книг у Лёшки было немного, всё больше дедовы: потрёпанный «Человек-амфибия», зачитанный, с загнутыми уголками «Мурзук» Бианки, «Басни» Крылова с весёлым слоном на обложке и чайным пятном прямо на рыжей лохматой Моське, несколько тонких детских со сказками — ну, их Лёшка давно знал на память, мог рассказать, хоть ночью разбуди,— и где-то с десяток отцовых книжек, наверное, жутко интересных, но пока Лёшка их не читал. Отец сказал: подрасти, мало́й,— и убрал свои книжки на верхнюю полку: ему достать, а Лёшке — хоть стул подставь — нет.

Зато бабка, пока была жива, Лёшкину страсть к книжкам одобряла и подсовывала своё — журналы «Юный натуралист», которые она выписывала годами, потому что долго работала в школе учительницей биологии. Ну, в эти журнальчики Лёшка зарывался с головой, подолгу рассматривал цветные фотографии с животными и растениями, а картинку, что особенно глянулась,— аккуратно вырезал ножницами и прикнопливал на стенку в своём закутке. У него там уже целая галерея висела — красиво.

Отец ушёл из семьи год назад, когда Лёшке исполнилось одиннадцать, ушёл тихо, без скандалов — словно уехал в длительную командировку. Лёшка даже не понял сперва, что случилось: мать ходила по обыкновению хмурая, пряча лицо, глаза на мокром месте, всё перекладывала и перетирала посуду, убирала в шкафу, бормотала что-то себе под нос… Наконец, объяснила в двух словах, что отец теперь живёт в райцентре, у него другая семья. Лёшку словно ушатом холодной воды обдало: «А я?» Хоть бы словечко сказал, когда уходил. Смылся, как предатель. Слёзы полнили глаза и кривили губы, но он был материной породы — терпеливой, замкнутой, молчаливой: плакал в одиночку, поздно вечером, в стенку, зажав кулаком рот.

Раз в месяц отец приезжал — чужой и родной, пахнущий одеколоном «Шипр», в свежей незнакомой рубашке, в новом клетчатом пиджаке, даже в галстуке (а с ними жил — не носил ни разу). Мать молчком уходила к соседке, неосторожно хлопая дверью.

Лёшка оставался, односложно отвечал на отцовские расспросы и с новым чувством притуплённой боли украдкой вглядывался в отца: морщинка между густыми бровями стала глубже, синеватые

холодные глаза смотрят куда-то вбок, не прямо. Неловко и виновато улыбаясь, отец доставал из модной спортивной сумки с ремешком через плечо всякие городские гостинцы, к которым Лёшка гордо не притрагивался, хотя отца было жалко. Промаявшись полчаса сначала в избе, потом во дворе, отец уезжал, оставив на столе мятные пряники в бумажном кульке, щекастые бордовые яблоки и альбом для рисования. Лёшка долго смотрел за удаляющейся фигурой отца, вгрызался в неподатливо-упругий бок огромного яблока и проталкивал плохо прожёванный кусок в сжатое слёзным спазмом горло.

До начала школы оставалась всего неделя, и от этого к сердцу подбирался какой-то острый холодок. Вроде всё было готово к занятиям: портфель, тетрадки и пенал мать купила в универмаге в городе, велела не трогать, спрятала в шкаф, а школьную форму и ботинки они как раз сегодня наладились покупать. Мать сейчас встанет (вон уж слышно, завозилась), управляться пойдёт, а в десять часов автобус в райцентр.

Вечно замотанная домашними хлопотами, хмурая, мать не баловала Лёшку ни ласковым словом, ни тёплым прикосновением; он знал это давно и не напрашивался. Хотя вечерами, особенно перед сном, или утром хотелось, чтобы она подошла, прижала Лёшкину ушастую голову к застиранному пахучему фартуку, поцеловала в маковку.

— Не умылся ещё? Давай живей в баню, да путём, с мылом, чтобы и уши, и шею! — мать сунула Лёшке махровое полотенце, трусишки и майку.

Он едва успел сунуть в стол тетрадку и ручку.

Когда тряслись в автобусе, Лёшку начал одолевать сон, хотя и на окрестности посмотреть хотелось. Но кто-то словно мягкой мохнатой лапой залепил ему уши, сладкой тяжестью полонил голову — и вот уже лежит его белобрысая лопушастая на большой сумке, из которой сытно пахнет вчерашними пирогами с капустой. Мать в дорогу взяла — полдня же мотаться, проголодаются…

Ему снилось, что голова его покачивается на огромной и мягкой, как облако, отцовской ладони, а голос отца — знакомый, негромкий, с глухотцой, — звучит прямо в голове: «Лесь мой, Лесь… не сердись, родной, не серчай на меня, лопушатый». Лесем отец звал его в шутку с детства, потому что маленький Алёшка на вопрос об имени отвечал: «Лёса», — потом уже пошло: Лёсик, Леська, Лесь.

— Да, лес-то, лес нынче погорел сильно, — кто-то громко сказал рядом, и Лёшка очнулся от дрёмы.

В окне бежали обугленные до пояса берёзовые стволы — голые, без единого листика.

Мать дремала, прикрыв уставшие от жизни глаза, крепко держа ручку большой хозяйственной сумки.

Ехать оставалось примерно полчаса.

В районном универмаге было густо-оживлённо: городской и сельский люд бодро скупал к школе портфели и костюмы, ленточки, тетрадки, дневники. Шныряли там и сям пронырливые сельские бабёнки, пахнущие автобусом; сдвинув на затылок пёстрые платки и прижимая к животу сумку, громко спрашивали: кто крайний? — и занимали очередь сразу в три места; тут же неловко толклись мужички в серых кепках и мятых, сгорбленных на спине серых же пиджачках — но их-то было мало, всё больше ребячьи гомонливые стайки при мамашках.

Лёшка держался самостоятельно, неторопливо разглядывал витрины, за хвост материной юбки не держался, хотя непривычно и страшновато было от многолюдства, толкотни, пестроты прилавков…

В книжном отделе приметил он две книжки, от которых сразу загорелись глаза и затеплело на сердце (брал в школьной библиотеке, читал взахлёб и с тех пор мечтал найти и купить): «Журавлёнок и молнии» Крапивина и «Два капитана» Каверина. Надо упросить мать, пусть купит. Небось, останется рубля три от покупки костюма. А где же она? Он огляделся.

Тут-то он и увидел отца. Признал в пестролюдной толчее по родному затылку, сутуловатой спине, клетчатому пиджаку, в котором он в последний раз приезжал. Тот стоял спиной, разглядывая товар на полках отдела с красивым непонятным названием «Галантерея». Потом сказал что-то продавщице, она ответила, и отец направился к кассе — видимо, пробивать чек. Лёшка, не замечаемый отцом, притаился у книжной вращающейся стойки, как бы разглядывая открытки. На самом деле, как настоящий шпион, не сводил взгляд с отца.

Наверное, можно было просто подойти к отцу, поболтать, но тут из отдела женской одежды к нему легко, на каблучках, порхнула — Лешка аж зажмурился! — Оксана, их старшая пионервожатая, которая пару лет назад переехала в город, — ловко скользнула рукой под руку отца, щекой прижалась к его плечу, тряхнула своей замечательно-золотой гривой завитых волос и засмеялась серебристым колокольцем — так только она умела! А отец рядом с ней словно помолодел, разулыбался, и сутулости как не бывало — пошли, такие развесёлые, к дверям, оставив Лёшку в столбняке недоумения.

Забыв о матери, что томилась в очереди, чтобы ему, Леське лопушатому, школьный костюм и ботинки купить, Лёшка, как загипнотизированный, как бычок на верёвочке, пошёл за весёлой парочкой, машинально цепляя немевшими пальцами холодные цумовские стены, перила лестницы, массивные ручки входных дверей.

Они шли метрах в ста впереди, при желании Лёшка мог легко догнать их, но понимал: нельзя было.

Оксана по временам чему-то смеялась, откинув назад гриву рыже-осенних волос, увлечённо жестикулировала.

Не теряя из виду отца и весело пламеневшую копну Оксаниных волос, Лёшка шёл за ними на почтительном расстоянии — так, чтоб не заметили, по временам вставал за дерево, прислонившись к шершавому боку старой берёзы, и снова шёл.

В их селе все друг друга знали, и Оксана, или просто Сан-Сановна, как её все почтительно и игриво называли, обладала какой-то природной тайной притяжения взглядов, людей, событий. Она только что окончила институт культуры, вернулась в родную школу (говорят, надо было отработать три года) и молодо, легко заводила, закручивала весёлую пружину школьных дел. К Оксане тянулись и дети, и взрослые. Ослепительно-стройная, пышноволосая, она стояла на сцене сельского клуба и хрустальным своим голосочком звенела:

> А пока-пока по камушкам,
> А пока-пока по камушкам,
> По круглым ка-а-амушкам река бежит…

Девчонкам организовала танцевальный кружок и учила их правильно держать голову, плечи, осанку, дробушки показывала, плавно раскидывала тонкие гибкие руки и выводила: «По-о-од сосною, по-о-од зеленою…» — а сама уже шла вперёд, в такт «Калинке» выкидывая ножку в красном остроносом сапожке, останавливалась, уперев кулачки у пояса и вдруг лихо взрывалась забористой дробью, сверкая улыбкой, плеща платочком, выхваченным из рукава в нужное мгновение, высекая, казалось, искры из-под каблучков.

И теперь она шла в полуобнимку с отцом, лёгкая, пышноволосая, счастливая, а Лёшка, стараясь не отстать, шёл сзади, слегка пошатываясь (кружилась голова).

Дорога была центральная, вела к вокзалу, заблудиться было нельзя, и хотя Лёшка понимал, что мать там, может быть, волнуется и растерялась, ищет его, поделать с собой ничего не мог, а шёл и шёл за отцом и Оксаной как привязанный.

День был ветреный, почти осенний, пробрызгивал дождиком, внезапно налетал бесшабашный вихрь, неся сноп колючих дождевых иголок. С деревьев прямо в лицо летели первые пожухлые листья.

Около поликлиники у Лёшки развязался шнурок, он вовремя заметил и наклонился завязать. На минутку только — и упустил из вида счастливую парочку. Прибавил шагу, завернул за угол… Они были совсем близко, у калитки палисадника, окружавшего небольшой деревянный домик, но его не видели, стояли обнявшись, зарывшись лицами друг в друга, и Оксанина пышная грива совсем закрывала лицо отца… Через минуту они вошли в дом. У калитки бесстыдно-ярко полыхала рябина, на клумбе бодро топорщились корноухие бархатцы и клонились тяжёлыми головами золотые шары.

Лёшка развернулся и пошёл назад. Шагов через десять его вдруг замутило, смятение последнего часа поднялось тошнотворной волной к самому горлу, ноги ослабели, он едва успел схватиться за спинку скамейки. Его вырвало, брызнули долго копившиеся слёзы. Он обессиленно посидел на лавке, кашляя и сплёвывая, потом вынул из внутреннего кармана куртки чистый носовой платок, что выдала мать перед отъездом в город, высморкался, умыл лицо у колонки ледяной водой и зашагал назад, к универмагу, навстречу матери, подставляя лицо осеннему ветру.

Венькины камешки

Как счастлив Камешек — в пыли
Бредущий по лицу Земли…
Э. Дикинсон

Венька-дурачок собирал камешки. Жили они с матерью вдвоём на краю посёлка в неказистом домишке, что от бабки достался. Латать и облагораживать покачнувшееся от времени строение было некому. Скромно жили: шаткий штакетник палисада, огородишко, пара стаек-сараек, из живности — курей десяток, старый петух, вредная козья морда Варька да пара поросят.

Ходил Венька по улице, опустив кудлатую голову с волосами неопределённой мышиной масти, бормоча что-то себе под нос. Внезапно останавливался, уставив глаза в одну точку, быстрым коротким движением поднимал камешек и, почему-то воровато оглянувшись, совал находку в карман.

Складывал их в комнате на полочку.

Каждому камешку было дано имя.

— А это что? — спрашивала мать.

— Это баба Дуся — серьёзно отвечал Венька, поднимая большие серые в коричневую крапинку глаза. — Как же ты не видишь? — и медленно подносил белый голыш кварца величиной с голубиное яйцо к световому лучу.

Закатное осеннее солнце, проницая прихотливое слоистое естество камня, казалось, подыгрывало Венькиным химерам и миражам. При желании можно было разглядеть в молочно-прозрачной глубине согбенный силуэт, или горбоносый профиль, или птичий глаз.

— А вот этот? — кивала она на тёмно-серый пористый булыжник с двумя светлыми пятнышками.

Венька проводил по камню узкокостной ручонкой и улыбался:

— Это деда Паша. Не узнала? Он за мной приглядывает, видишь, какой глазастый!

Мать только головой качала.

Вскоре она заметила: как только в посёлке умирал кто-то, полочка Венькина пополнялась новым камешком.

— Ты чего это? — осторожно спрашивала она, боясь спугнуть Венькину откровенность. — Никак с могилки приволок?

(Видела мать, как плёлся её дурачок, ниже плеч голова всклокоченная, в хвосте похоронной процессии: соседа Витюшку хоронили, повесился, бедолага, от несчастной любви.)

Малахольный важно кивал:

— Мне он сам показал.

— Да кто?

— Витька же. Его в яму спущали, а листок с осины вдруг сорвался и как раз на этот камушек угодил. Показал он, значит: вот, мол, его бери.

И уже оглаживает камешек, греет в кулачке, дышит на него — и на полочку. Кладёт — немного поодаль от всех, на особину. Светит камень с Витюшкиной могилки зелёным глазом в полусумраке у самой стены — вот так же исподволь, из глубины омутно-зелёной, смотрел и Витюшка. Жалко парнишку.

— Да на что ж они тебе?

Венька оборачивался, смотрел на мать как на несмышлёного малыша и убедительно-тихо отвечал:

— Помнить.

Вскоре на заветной полочке в два аршина длиной красовался целый сад камней. Когда за окном совсем непогодило и не надо было огород полоть и воду таскать, Венька садился против странного своего алтаря и подолгу бормотал, беря с любовной чуткостью то один камешек, то другой. Иные неказистые уличные булыжники он ласково баюкал в ладони, мурлыча им нездешние песни. Другие камешки подносил к уху и всерьёз прислушивался, сдвинув русые колоски бровей.

Мать боялась в такие моменты приближаться к Веньке: ну-к она что-нибудь не то брякнет или посудиной громыхнёт — испугает. Когда счастливый Венька засыпал, по-детски подложив тёплую от прикосновенья к камням ладонь под щёку, мать, подоткнув ему, как маленькому, со всех сторон одеяло, уходила в свой угол, утирала слёзы, стелила постель и засыпала с мокрым лицом.

В остальном Венька был почти нормальным: скажет мать воды в баню наносить — наносит, да так ещё легко несёт, аккуратно, словно оно ему ничего не стоит; курятник ли почистить, за хлебом сходить, поросят покормить — всё может, всё ему даётся без надсады, без досады. В школе он, конечно, всё больше на последней парте обретался: сидит себе, незаметный, на доску не смотрит, в тетради не то чтобы ералаш, а так, словно сорока наследила: крупные неловкие буквицы кое-как накарябаны, предложение оборвано на середине; учительница же отводила от него глаза — уж больно смущал её странный, расфокусированный взгляд блаженного троечника. Дети его не то чтоб обижали, но сторонились, как обходят всякого не от мира сего. В друзья никто не набивался, рядом не садился, но если надо было попросить карандаш, ручку или ластик — тут его помощью непременно пользовались. Отчуждение соклассников ему, казалось, ничуть не мешало: сядет тихонько на перемене с книжкой — не поймёшь, то ли читает, то ли сны наяву смотрит, только глаза мимо книжки — и улыбается не понять кому. Так и доучился, восьмой закончил, тройки за экзамены ему мудрые учителя «нарисовали» — и с тех пор уже лет пять он при матери: а куда его, такого-то? Ну, свой-то хлеб точно отрабатывает. Опять же — добрый, незлобивый. Ну, со странностями, как говорили в посёлке. Бывает.

Только один Пётр Васильич, учитель литературы, высокий, худой, сутулый, с круглой проплешиной меж летучих кудрей, встречая Венькину мать на улице, говорил о мальчишке с особенным теплом:

— Вы его не ругайте за тройки, и тетрадки у него вряд ли лучше станут; он, может, дар имеет такой, что не всякий оценит. Иной раз такое скажет... Вот вы говорите — камешки. Мы вчера сочинение писали — ну, по развитию речи — описание предмета. Кто-то плюшевого медведя описывал, кто-то — велосипед... А ваш, гляжу, сияет, и буквицы словно ровнее стали. Читаю: о камне пишет, целую историю. Мол, пошёл он однажды летом к Трёхскалке, сел передохнуть на солнышке, а камень этот его позвал голосом отца.

Мать только руками всплеснула:

— Да откуда он голос отца-то знает?! Веньке месяца три было, как отец из семьи ушёл.

— Выходит, услышал. А дальше вот что пишет: камень — всему голова. Удивительно! Ведь мы что внушаем на уроке: хлеб — всему основа, наука — всему голова... И так убедительно даже доказывает. На чём здание строится? На камне. Что на могилу клали? Опять же камень. А поклонялись наши предки кому? Каменным идолам. Там много всего, я не упомнил... Вы берегите его. Он по-своему и поэт, и художник. Он меня прямо заставил об этих камнях всерьёз думать. Вот послушайте: «Как счастлив Камешек — в пыли бредущий по лицу Земли»... — и весь стишок до конца продекламировал, да громко так, выразительно — к немалому изумлению прохожих.

Мать как-то засмущалась даже, что учитель, идя по улице, на глазах соседок ей стихи читает...

— Вень, Варьке травы нарви! Не хочу выпускать, со дня на день опростается. У Базыра, слышь, сочнее будет, знаешь, там, у водомерного моста... Да в воду смотри не лезь — долго ли застудиться?..

Венька холщовый мешок под мышку — и айда на Базыр. Трава там и вправду сочнее будет. И камешков по всему берегу — выбирай хоть на память, хоть на радость!

Рвёт Венька траву да нет-нет и взглянет на камушки-то. Остановится, бросит мешок и роется в прибрежной гальке. А она семицветной радугой переливается — загляденье! Речка-тихотечка обкатала да расцветила её — не оторваться Веньке, нет! И чем ближе к воде, тем ярче они, заманчивее… Переступает Венька с камня на камень, хочет глянуть на те камешки, что на дне перекатываются. И вот уже стоит по колено в ледяной воде, забыв материно предупреждение (Базыр-то ведь и летом холодный, никто не купается, горная речушка), стоит, забыв закатать штаны, наклонившись над рябью потока, всматривается вглубь — зовёт его камешек, вот прямо из-под воды светит…

Мать хватилась Веньки только в сумерки — замоталась что-то, захлопоталась по хозяйству. Очнулась, когда недовольная Варька заблеяла в загончике — травы ей, вишь, не дали!

Кликала-покликала на дворе, вдоль улицы — нет блаженного.

— Веньку моего нигде не видали? — только головами качают да смотрят вслед.

Отгоняя тревогу, не чуя ног — и сердце камнем колотится где-то в горле, — побежала к водомерному мосту.

Мешок-то — вон он, с травой рассыпанной. А Венька лежит на отмели, прямо в воде, лицом вниз, только кудри река полощет. Знать, позвал его какой-то камень, хотел достать его Венька — да оступился или поскользнулся, камни-то на дне предательски-склизкие, тиной поросшие, а головушка бедовая при падении прямо на валун угодила. Камень — всему голова.

1928–2001

Иван Захаров

На марше

Россия

Могу ли я, тобой согретый,
Влюблённый в солнце и шугу,
Рубить сады, взрывать рассветы?
И я отвечу: — Не могу!

Я не могу, Россия, слышишь?
Мне дорог мир, ночная тишь.
Мне впору крыть железом крыши,
А не срывать железо с крыш.

Ты всё дала мне, всё сумела,
Не сняв достойного венца
С любви, которой нет предела,
С работ, которым нет конца.

И я люблю твои просторы,
Деревни, вяхирей в стерне,
И хлябь дождей, и косогоры
В листве осенней, как в огне.

Люблю закатов отраженье
В озёрах с юношеских лет.
И нет мне жизни без движенья,
И без горенья счастья нет.

Зовут меня дали

Кипенье расплавленной стали
Сердечному звону сродни.
Зовут меня дальние дали,
Солдатских привалов огни.
Я знаю, как труден и жарок
Учебный безжалостный бой
И до беспредельности ярок
Небесный шатёр голубой.
Я знаю, с каким нетерпеньем
Ждут люди, когда лейтенант
Даст лихо: «Привал!» — с добавленьем:
«А ну доставай провиант».
В походе, когда на дороге
Валяется солнце в пыли,
Свинцом наливаются ноги,
И их не поднять от земли.
На марше не место обиде,
Бездумному слову и лжи.
Я сам это знаю. Я видел.
Не веришь — иди послужи.

Олег Лузин

Ссора

Любовница

Ты — моя, даже если я тебя никогда не увижу…

Ф. Кафка. Письма к Милене

Начало осени — лучшее время года. Утреннее солнце играет лучами, заплутав меж подмороженных крон. Разноцветные листья, сорванные ночной прохладой, завораживающе шуршат под ногами. На улице градусов пятнадцать, свежо и комфортно.

Мы гуляем по берёзовой роще: собираем грибы, рвём горстями костянику и спелый шиповник. Ксюша радуется, как ребёнок, каждой необычной находке.

— Сава, смотри, что я нашла! — кричит она восторженно, хлопая в ладоши.

Я гляжу на Ксению и умиляюсь. Чувство к этой женщине с годами не проходит, а только усиливается. Подойдя ближе, я вижу две красные сыроежки, растущие рядом с небольшой елью.

— Ну и рви, чего на них смотришь? — говорю я.

— Сфоткай меня под ёлочкой, — просит Ксюша.

— Только не это! Опять будешь говорить, что я фотографировать тебя не умею.

— Не умеешь, но должен научиться! Если любишь, конечно.

Шантаж достигает цели.

— Давай иди к своим грибочкам, — соглашаюсь я нехотя.

Ксения позирует. Я делаю несколько снимков на телефон и показываю ей. Она тяжело вздыхает и говорит:

— Ни одной приличной картинки, даже в «инсту» выставить нечего.

— Я предупреждал.

— Не любишь меня…

— Люблю…

— Нет…

— Да…

— А я говорю, нет…

— А я говорю, да…

Ещё секунда — и мы падаем на землю, покрытую тёплым слоем мягких осенних листьев, катаемся по ним, хохочем и целуемся.

— Не сломай сыроежки…

— Да фиг с ними…

Грибов немного, но мы, довольные, идём обратно к машине. Ксюша садится за руль.

— Я поведу. Ты не против?

— Как хочешь.

Я погружаюсь в созерцание природы, втягиваю красоту уходящей осени глазами. Гляжу, как краешки берёзовых листьев светятся, наливаются ярко-жёлтой лимонной аурой, мигают и слепят лучами. Автомобиль монотонно шуршит колёсами по трассе. На душе тепло, уютно и спокойно.

Мне почти пятьдесят, но я чувствую себя бодрым и свежим. Если бы не зеркала и календарь, я бы до сих пор пребывал в уверенности, что молод и даже юн. Ксюша дала мне силы чувствовать себя таким.

Мы встретились более десяти лет назад. Нас свело любительское творчество. Выступали на одной сцене городского фестиваля профсоюзов. Ксения пела в народном хоре, а я был ведущим концерта. Потом банкет, робкие взгляды друг на друга, я проводил её до дома… После этого мы не виделись полгода. Как-то не хватило смелости начать отношения. Прошло лето, осень, наступила зима. Взрослые во дворе затеяли строительство горки. Меня позвала помочь соседка. У неё двое детей было, а я один жил… Почему бы не помочь? «Ты, Савелий, лопату только возьми, а то нет ни у кого лишней». Пришлось в гараж за ней идти. Там и встретил Ксению. Оказалось, что наши гаражи на соседних улицах. Ксюша свой продавала. Показывала его очередным покупателям. Мы разговорились, вспомнили концерт. Я пригласил её в кино. С тех пор уже не расставались.

— Чего притих? — спрашивает Ксюша, вырвав меня из воспоминаний.

— Про нас думаю.

— И чего надумал?

— Судьбу благодарю.

Ксюша останавливает машину и, словно голодная кошка, набрасывается на меня с поцелуями…

Дома мы моем грибы, чистим картошку, готовим ужин. Я открываю бутылку вина, наполняю бокалы.

— Как здорово, что ты есть у меня, — говорит блаженно Ксюша.

— За тебя, дорогая! — провозглашаю я тост.

— За нас! — поправляет Ксения.

Мы выпиваем, едим, наперебой нахваливая лесные грибы.

— Сава, я говорила тебе, что в командировку завтра уезжаю? — спрашивает неожиданно Ксюша.
— Говорила, что уезжаешь, но я не запомнил, что завтра. Тебя до субботы не будет?
— Да…
— Я умру от тоски…
— Кому ты сказки рассказываешь, котяра?
— Ну правда буду скучать.
— Не вздумай к соседке за солью сходить. Узнаю — убью обоих!
— А если она сама придёт?
— Не открывай двери.
— А вдруг что случилось у человека и нужна помощь?
— Знаю я, какая ей помощь нужна. Сказала же, что убью обоих. Себя не жалко, так хоть женщину пожалей.

Мы смеёмся, начинаем вновь дурачиться и целоваться.
— Пошли спать, — говорит Ксюша.
— Пошли, — соглашаюсь я и сладко зеваю.

Мы ложимся в кровать, Ксения обнимает меня, прижимается и замирает на плече. Я тоже обнимаю её, и мы блаженно засыпаем.

Наутро я резко открываю глаза и не сразу понимаю, где нахожусь. У жены громко трезвонит будильник. Ей, как всегда, рано идти на работу. Я встаю чуть позже, поэтому есть время понежиться на кровати, досмотреть ночные видения. Жена чувствует, что я проснулся, и нежно щекочет меня за ушком, целует и тихо спрашивает:
— Что на завтрак приготовить? Хочешь пшённую кашу с тыквой?
— Давай.
— Я пошла, а ты поспи ещё маленько.
— Люблю тебя, Алёна…

«Что???!!!»

Я соскакиваю с кровати и бегу к входной двери. Потом останавливаюсь и в бессилии опускаюсь на стул в прихожей.
— Ты чего? — испуганно спрашивает Алёна. — Приснилось дурное что?
— Сам не понял, — обманываю я. — Прости, дорогая.
— Ложись в кровать, — Алёна хохочет.

Ей смешно видеть мужа потерянным. Она чмокает меня в щёку и уходит кашеварить на кухню.

«Не вздумай к соседке за солью сходить. Узнаю — убью обоих!» — вспоминаю я слова из сна.

«Как же позвонить Ксении, предупредить её, что произошла беда и меня забросило чёрт знает куда?»

И понимаю: никак. Как в сон позвонить, где взять такой телефон? Да и номера не помню.

В коридоре громко шуршат ключами и неспешно, по-хозяйски, начинают открывать нашу входную дверь. Господи, кто это?! Ведь ключи только у меня и Алёны. Замок не поддаётся незнакомцу (или незнакомке!). Звонят в дверь, и моё сердце сжимается от страха!

Я в панике открываю глаза. Пищит будильник из мобильного телефона, напоминая мне, что пора вставать на работу. Рядом никого нет, в квартире тихо.

Чем это пахнет так вкусно? Я поднимаюсь и босиком шлёпаю на кухню. На плите стоит маленькая кастрюлька, полная каши.

«Надо же, завтрак сготовила, а я и не слышал. Не проводил любимую до двери, не обнял её…»

Я открываю крышку кастрюли. Сладкий тыквенный аромат разносится по всей квартире.

Ссора

Милые бранятся — только тешатся.

Пословица

— Ну сколько это может продолжаться?! Когда ты перестанешь меня истязать?! — жена соскочила со стула и быстро заходила по кухне.
— Никто тебя не мучает. Просто пойми, что я тоже имею право принимать участие в воспитании нашей дочери.
— Не смеши меня, воспитатель хренов! Тебя ещё самого воспитывать надо.
— Конченая идиотка!
— Вот он ты — настоящий! — жена гневно указала пальцем на мужа. — Ненавижу тебя! Ты мне всю жизнь испортил!
— Я из тебя человека сделал. Ты на моей шее висела, пока в институте училась. С голоду бы умерла.
— Да на твои копейки я ничего себе купить не могла. Постеснялся бы попрекать.
— До чего же ты неблагодарная, Оксана!
— А за что мне тебя благодарить? Ты даже в сексе полный ноль!
— Вчера ты по-другому говорила.
— Имитировала. Думала, оценишь. Теперь получи правду!
— Я вот тебе сейчас…

Муж встал и замахнулся на жену.
— Ну, давай! Бей!

Жена с вызовом посмотрела в глаза супругу.
— Я ведь и вправду ударю!
— Трус! Только женщин и можешь бить!
— Говорила мне мама, что ты дурная.
— Я бы про твою мать тоже пару слов сказала.
— Попробуй только — и эта ваза разлетится на кусочки!

Муж в подтверждение своих слов снял с холодильника большой китайский кувшин.
— Твоя мама — форменная… — начала супруга.

Хрясть!!! И ваза вдребезги!
— Скотина! Нам же её на свадьбу подарили. Ну, ты сам напросился!

Жена схватила любимую кружку мужа и со всего маха запустила ему в голову. Тот ловко увернулся.

— Косая!— сказал муж с довольной улыбкой.

Жена схватила несколько блюдец с подоконника и начала их одно за другим запускать в супруга, как боевые летающие диски. Снаряды не достигли желаемой цели.

— Ловкий, гад!— жена в отчаянье осмотрела кухню в поисках чего-нибудь потяжелее.

В этот момент послышался шум открывающейся входной двери.

— Дочь пришла!

— Я за веником,— сказал муж и вышел из кухни.

Жена тихо заплакала и в бессилии опустилась на табурет.

— Что случилось, мам?— спросила девочка, когда зашла в гостиную.

— У отца своего, дебила, спроси,— ответила она дочке.— Когда ты уже веник принесёшь?!— крикнула жена мужу.— И совок не забудь прихватить в туалете!

При упоминании отца дочь вздрогнула. Тяжело вздохнув, она молча присела на корточки и начала собирать большие стёкла в мусорное ведро. Потом девочка принесла веник и подмела все осколки.

Мать безучастно смотрела в окно.

— Не делай уборку за него. Не надо баловать мужиков,— сказала женщина.

На глазах дочери навернулись слёзы. Она быстро утёрла их рукавом.

Неожиданно зазвонил телефон.

— Алло,— ответила девочка и стала слушать говорившего в трубку.

— Кто там?— спросила мать.

— Бабушка,— шёпотом ответила дочка.

— Передавай ей привет,— сказала женщина и вышла из кухни в другую комнату.

— Всё как обычно, не переживай. Учусь хорошо. Деньги у нас есть,— отвечала девочка по телефону на бесконечные вопросы заботливой бабули.

— Как мама?— спросила бабушка.

— Сегодня ссорилась с папой…

— Опять у неё началось. Не забывай ей в чай регулярно подмешивать таблетки, которые врач прописал.

— Я думала, один день отдохнёт от лекарств— ничего страшного не будет.

— Доктор строго-настрого наказал: пить их по графику!

— Каким был мой отец?— спросила девочка в надежде услышать что-то новое.

— Я же рассказывала тебе: разбился в аварии на вертолёте, когда ты ещё не родилась. Жил как бродяга. Постоянно в экспедициях пропадал. Уфолог чёртов! Свихнулся и матери «башню сдвинул». Не хочу больше о нём говорить. Хоть убей меня!

На балконе раздался звон покатившихся банок.

Внучка, попрощавшись с бабушкой, обеспокоенно спросила у матери:

— Мама, кто у нас на балконе?!

— Отец всё делает вид, что веник ищет,— ответила спокойно мать из соседней комнаты.

— Какой отец?

— Твой. Какой же ещё?!

Мать подошла к лоджии и закрыла дверцу на щеколду.

— Пусть посидит там до утра, зараза! Подумает над своим поведением. Не вздумай запустить его,— обратилась она строго к дочери.

Девочка осторожно подошла к окну и заглянула на балкон.

Чья-то тень быстро пробежала по доскам и притаилась в углу…

Артём Попов

Ботинок на мокром асфальте

Зелёный огонёк призывно светил на противоположной стороне дороги, чуть расплываясь в сплошном мареве мелкого дождя. В голове у Тани играла музыка, язычком по нёбу она отбивала ритм нового танца. В хореографической студии, куда торопилась девочка, на сегодня был назначен генеральный прогон. В воскресенье должен был состояться большой концерт, на него хотели вырваться родители, а это всегда дополнительное волнение. Даже если танец получался на «отлично», мама быстро, чтобы никто не заметил, смахивала слёзы.

Таня ступила на зебру, сделала несколько шагов… Короткий визг резины — и девочка, как тряпичная кукла, взлетела в воздух. Она хотела посмотреть в ту сторону, откуда пришёлся удар, но не успела — молочный, неестественно белый свет в глазах перекрыл всё, и музыка исчезла.

— Шестая, примите вызов! Проспект Ленина, напротив Детского центра культуры. ДТП, пострадавший — ребёнок, — частила по рации диспетчер скорой Людка.

— Принято! — коротко ответил фельдшер Дима.

Он возвращался из новых кварталов, и этот вызов достался его бригаде как ближайшей к месту аварии. На мониторе диспетчерской были видны все «Газельки» с красным крестом, пробирающиеся сквозь дождь и пробки. По этим причинам они ползли крайне медленно. Стоял ноябрьский вечер, снег ещё не выпал, шёл мелкий, как сквозь невидимое ситечко, дождь. Мокрый чёрный асфальт безнадёжно съедал свет от уличных фонарей и фар машин.

— Включи «иллюминацию с музыкой», — предложил Дима Петровичу, водителю скорой.

Это значило на их жаргоне — сирену с завывающим сигналом. Так можно было быстрее прорваться через пробки.

Дима не любил вызовы к детям, тем более такие. Ничего хорошего от ДТП ждать не следовало. У Димы с женой Наташей росла единственная дочка Лена, и она тоже ходила в этот ДЦК. После звонка диспетчера неприятный холодок пробежал вдоль спины, сдавило затылок. Нет, сегодня дочка должна быть дома, завтра у неё по расписанию секция альпинизма, куда она бегала уже второй год. Нравилась ей высота, что ли, опасность, обеспечивала выброс адреналина. Сколько раз он отговаривал Лену от этого странного увлечения («Ты же не мальчишка!»), но все усилия оказывались напрасными.

Дима набрал на телефоне дочку. Первый длинный гудок в трубке, второй, третий, четвёртый. Дима занервничал, кажется, даже вспотел за эту пару секунд.

— Алё, па! — наконец раздалось в трубке.

— Где тебя носит? — закричал Дима.

— Да дома я, дома. Ты чего орёшь? — Лена тоже чуть повысила голос на отца.

— Ладно, прости. Уроки сделала? Приду — русский проверю. Пока, доча.

Дима уже пожалел, что накричал на Лену. Нервы ни к чёрту давно на этой работе.

Дима с девятого класса хотел стать врачом, хотя в роду никого из медиков не знал. Школу он заканчивал в конце девяностых. Родители Димы жили тогда в долг, как большинство семей страны. Отец вместо зарплаты на судоремонтном заводе получал хлеб и дешёвую колбасу, а коллеги матери, учителя, объявили голодовку и спали прямо в классах на партах. Вместо настоящего масла семья ела какой-то заграничный маргарин «Воймикс». Летом, вырастив на даче овощи, готовили винегрет, который был иногда вместо горячего. С тех голодных лет Дима винегрет не ел — так возненавидел. Чтобы поступить в мединститут, надо было ехать в областной центр за двести километров. На билет денег занять не у кого: все родственники-знакомые тоже перебивались как могли. На семейном совете решили, что вуз один годик подождёт. В городе, где жила семья Димы, к счастью, оставалось медучилище, и он с лёгкостью поступил на фельдшера. Ему крупно повезло: практические занятия вёл старый врач со скорой помощи, подрабатывающий к пенсии. После окончания «медика» Дима отслужил срочную, устроился на неотложку, да так там и завис. О мединституте как мечте юности он больше не вспоминал.

Дима был слишком правильный. «Занудный», как иногда ругала жена. Через год исполнится сорок, пора думать и о более спокойной работе. Но он был из тех, кто боялся что-то изменить

в привычной, устоявшейся жизни. Да и скорая, если говорить откровенно, ему нравилась: каждый тяжёлый вызов — будто укол адреналина ему самому («Вот в кого папина дочка!»). Но от этих «уколов» он так выматывался за смену, что иногда дома засыпал без ужина при включённом телевизоре. «Ну что делать в поликлинике? Одно сплошное ОРВИ», — успокаивал себя. За работу на колёсах платили не так и много: фельдшер получал чуть больше тридцатки. Обидно — даже водитель на две штуки больше. Иногда он подумывал: не перейти ли рулевым? Меньше ответственности.

Последний год Диму ставили первым номером бригады. Это значило, что он принимал решение. Помощником ему определили худенькую и прозрачную, как бабочка, вчерашнюю выпускницу медучилища Галю. У неё было несовременное имя, и сама она странная: отличница зачем-то выбрала скорую. Слабые вены у стариков Галя находила не сразу — опыта маловато, и Дима иногда сам делал внутривенные.

Через десять минут, не больше, были на месте ДТП; гибэдэдэшники приехали ещё раньше: их мигалки водители боятся, в отличие от скорой. Чуть ли не сам начальник ГИБДД нервно ходил около вишнёвого «Форда» — виновника аварии. Машина стояла прямо на зебре, лобовое стекло — в мелкую сеточку. Раскинув руки, девочка лет десяти в неестественной позе лежала в нескольких метрах от подполковника на асфальте. На ней была розовая курточка, за плечами рюкзачок с игрушкой-медвежонком. Кажется, такую игрушку он видел и у дочери — какой-то персонаж из модного мультика. Рядом на мокром асфальте валялся один ботинок. «Плохо, очень плохо», — подумал про себя Дима. Если обувь слетала с пострадавшего, это означало сильный удар, обычно заканчивающийся летальным исходом.

Дима посветил фонариком. Чёрт, какая темнота! Всё в крови. Выматерился. Если пострадавшая скончается в машине скорой, он испортит статистику подстанции, не видать и премии. Но он принял решение — смотреть девочку в машине, а не в темноте под дождём. К тому же не хотелось что-то делать под взглядами толпы, уже сгрудившейся на тротуаре.

— Галя, Петрович, носилки. Быстро! — командовал Дима.

— Что у вас? Живая? — подошёл подполковник. Точно, начальник городского ГИБДД.

— Открытая черепно-мозговая травма. Не мешайте! — Дима не посмотрел на звания.

В машине худшие опасения подтвердились. Девочка была без сознания. Пульс Дима не нащупал, кости черепа, похоже, сломаны и смещены… Никогда не привыкнуть к таким случаям. «Ребёнок, совсем ребёнок, может, ровесница дочки», — крутилось в голове. Разрезал курточку, кофточку, обнажив детскую грудку.

Машинально начал делать сердечно-лёгочную реанимацию. Местные телевизионщики (кто-то им «стучит» о каждом серьёзном ДТП) подъехали к машине скорой и нагло снимали через стекло дверки. Голова Димы то поднималась, то опускалась. Так продолжалось минут десять.

— Дмитрий Николаевич… Дмитрий Николаевич… — сестричка Галя уже тянула его за рукав, хотя обычно она не позволяла себе такое. Видела, в каком состоянии находился старший. — Тут ничего нельзя сделать…

Дима всё смотрел на красивое лицо не успевшей даже испугаться девочки. Пухлые губки, которые никого, кроме родителей, не целовали. Длинные мягкие волосы до плеч… Одежда была испачкана дорожной грязью. Неужели всё?

Со станции по рации звонила диспетчер, Дима ей не сразу ответил. Открыл дверь «Газели». К нему снова подошёл полицейский начальник, камера телевизионщиков слепила глаза. Дима отвёл гибэдэдэшника в сторону.

— Нет. Не помогли, — он не знал, как ответить на его вопросительный взгляд.

— Да я уж вижу всё — на асфальте полголовы. Говорят, скорость была сумасшедшая. Вон сидит у нас лихач по фамилии Лихачёв, — кивком показал на машину ДПС подполковник.

На переднем месте сидел мужик лет пятидесяти, седые волосы, правильные черты лица. Смотрит прямо на дорогу. Увидев Диму, он на секунду повернул к нему голову, их взгляды встретились. Ударить бы ему сейчас со всей силы в сердце или под дых, как учили Диму «деды» в армии. Чтобы сразу вырубился.

— Пьяный, урод? — спросил Дима у полицейского.

— Нет, не похоже. Ну, мы на экспертизу повезём, проверим. Прохожие вызвали скорую, не он. Подонок, — сплюнул подполковник.

На следующий день на месте аварии возник стихийный мемориал: куча мягких игрушек, живые цветы, лампадки свечей. Социальные сети сделали своё дело. В городском паблике тысячи людей требовали самосуда: «Убить тварь, размазать по асфальту, как он школьницу». Кто-то даже вычислил адрес водителя и написал его на странице соцсети. Админы удалили это сообщение не сразу. Депутаты на специально созданном заседании потребовали снять одного из начальников мэрии. Если бы установили лежачий полицейский перед пешеходником, водитель бы притормозил, чтобы сберечь подвеску машины — не чью-то жизнь. Пока шло следствие, виновника аварии отпустили под домашний арест.

Таня была вымоленным ребёнком: только ЭКО подарило родительское счастье. Мать работала

в детской больнице экономистом, отец — в налоговой инспекции. Порядочная семья, средний класс. Мать поседела за несколько дней; как только транквилизаторы прекращали действие, коллеги, которые ночевали в эти дни у них дома, кололи новую дозу. Отец Тани пил бутылку за бутылкой коньяка, привезённого из их летнего отпуска, когда они ещё были втроём, но не пьянел. Мать винила себя, что не надела на Таню шапочку в тот вечер: она думала, что головной убор смягчит удар.

Дима вышел после ночной смены, на крыльце подстанции его ждала женщина. Он сразу понял, что это мать той девочки: чёрная, как прошедшая ночь, с бледными губами.

— Ваши коллеги сказали, что вы тогда приехали на вызов к Детскому центру. Она сразу, да?.. Не мучилась? — запинаясь, говорила женщина. Было видно, как она тяжело подбирала слова. — Танюша не надела в тот вечер шапочку... Как вы думаете, вязаная шапочка спасла бы дочку?

Женщина теребила в руках розовую вязаную шапочку — в тон курточки девочки.

— Давайте отойдём, — Дима взял её за локоть.

Они повернули за серое здание подстанции, из окон которой уже выглядывали любопытные лица.

— Да, когда мы подъехали, она была уже... Вы знаете, удар очень сильный, шапочка бы не спасла, поверьте. Не упрекайте себя, — он старался говорить как можно спокойнее, но сердце бешено билось.

— Правда?

— Абсолютно точно.

— Спасибо вам, — она уже не сдерживала слёз.

Быстро пошла, не обращая внимания на лужи, занесённые листьями. Дима хотел окликнуть её, догнать, приобнять, но стоял как вкопанный. Не найти слов... «Блин, она же ещё молодая, а сгорбилась, как старушка», — подумал только.

Встреча стёрлась из памяти, когда с началом зимы пришла страшная пандемия, вызов за вызовом не давали вздохнуть. Напарница Галя уже неделю сидела на больничном с температурой тридцать девять. Коронавирус выбил коллектив подстанции чуть не на половину, бригады состояли из одного врача или фельдшера.

В этот вечер диспетчер Людка давала Диме для роздыха не температурные вызовы, а «боли в сердце» и прочую солянку в виде отравлений или ножевых.

Вот очередной «сердечный». Обычная девятиэтажка с привычным сладко-тошнотным запахом канализации в подъезде. В стотысячном городе за двадцать лет работы на скорой Дима побывал почти в каждом доме, но в этом, кажется, ни разу не приходилось.

Дверь в квартиру на первом этаже открыла невысокая женщина в простеньком цветастом халате:

— Проходите, проходите! Мужу очень плохо.

Обстановка в комнате небогатая, на стене висел ковёр ещё советских времён, точь-в-точь как у родителей Димы, а в углу несколько старых, выцветших от времени икон. Крепко пахло валерьянкой и корвалолом. На диване лежал полноватый мужчина, лицо в цвет белой простыни, рука на сердце. Тяжело дышал ртом, по-рыбьи хватая воздух, грудь неравномерно вздымалась. Как только Дима подошёл, мужчина шумно выдохнул. Видно, он держался до приезда скорой, а увидев белый халат, тут же обмяк.

— Фамилия, имя, отчество, говорим, не молчим, — Дима быстро оценил ситуацию.

Нельзя было допустить, чтобы мужчина потерял сознание. Тогда вытащить его будет сложнее. Пульс бился тонкой ниточкой.

— Лихачёв... — прошелестел сухими губами и замер.

— Дата рождения? — строго командовал Дима.

И тут он признал в этом полноватом мужчине того самого водителя, который в осеннюю ночь отрешённо сидел в полицейской машине. Лихачёв... Жизнь этого человека зависела сейчас только от него. Что в эти секунды он подумал? Ещё пару месяцев назад он был готов растерзать этого мужчину, а сейчас ненависть сменилась на сердоболие и жалость? Или фельдшер просто решил исполнить свой долг медика?

— Чёрт, что вы раньше не вызвали? — Дима заругался на женщину.

— Он не давал звонить в скорую, хотел умереть! Всё после той несчастной аварии. Он не видел девочку и светофора! Не видел, верите? — почти закричала женщина. У неё были большие печальные глаза, и этим взглядом она показалась в ту секунду похожей на лик Богородицы с самой большой иконы в углу комнаты. — Спасите его, ради Бога! Я вас умоляю!

Она закрыла лицо руками и затряслась, вздрагивая лопатками.

Дима делал всё так, как его учил в медучилище старый врач. Разряд дефибриллятора, ещё разряд. Он вдыхал свой воздух в мужчину, словно отдавая частичку себя. Энергичные нажатия на грудную клетку. Пот стекал по пояснице, футболка стала мокрой от напряжения.

Через несколько минут машина скорой уже летела по улице в черноту ночи. Сплошная пелена снега, валившего весь вечер, тут же заметала автомобильный след, как будто и не было ничего.

Вадим Деревянский

Шутка

Стояла промозглая осень 1968 года. Был понедельник, начало новой трудовой недели. В половине второго в трёхэтажное административное здание комбината «Жилпромстрой» вошёл пожилой мужчина. Он был небольшого роста, со склонной к полноте фигурой, круглое лицо его украшали усики а-ля Чарли Чаплин. Одет мужчина был старомодно: в изрядно поношенное чёрное демисезонное пальто и такого же цвета шляпу. Светлым пятном на мрачном, но весьма практичном в дождливую погоду фоне выделялся белый шарф. Его брюки и ботинки были заляпаны грязью (что поделать—конец октября!), в руке он держал саквояж.

На входе мужчина предъявил паспорт и командировочное удостоверение. Дежурная его хорошо помнила по прежним командировкам, приветливо улыбнулась («Опять к нам?») и получила ответную улыбку («Да, дела…»). Проблем с пропуском не возникло, мужчина поставил подпись в книге посетителей и, поблагодарив вахтёршу, прошёл через барьер-вертушку.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, он направился знакомым маршрутом по коридору, остановился возле двери одного из кабинетов, постучал и, не получив ответа, дёрнул за ручку—закрыто. Тогда он постучал в соседний кабинет и, услышав: «Да-да, войдите!»—снял шляпу и вошёл.

В этом кабинете обитали четыре сотрудника, трое из которых в данный момент по производственным делам отсутствовали, а за единственным занятым столом сидел молодой человек, по виду вчерашний выпускник вуза.

— Здлавствуйте,—поприветствовал гость молодого сотрудника, обнаружив сильный дефект речи.

— Здравствуйте,—ответил парень.

— Вас, навелное, плeдуплeдили о моём плиезде?—мужчина говорил чрезвычайно мягким тоном.

— Нет. А вы кто?

— Позвольте плeдставиться: Севастьян Геолгиевич.

Он назвал свой город и предприятие, в котором работал. При этом он комично надел шляпу, приподнял её, снова надел и опять снял.

— Сергей. Очень приятно.

— Мне тозе очень плиятно, Селёза. Я плиехал к вам в командиловку. Мне нузен Ломан Александлович. У него заклыто—он не в отпуске?

— Нет, после утренней планёрки начальник отдела уехал на объект, но скоро должен вернуться. Присядьте, подождите,—парень указал на один из стульев, предназначавшихся визитёрам.

— Благодалю!

Мужчина сел, на рядом стоявший стул положил шляпу, а саквояж, не выпуская из рук, поставил себе на колени. На предложение снять верхнюю одежду гость ответил отказом:

— Не пелезывайте, я подозду Ломана Александловича и лазденусь у него.

— Может, вам чайку сделать? Могу бутербродом угостить—вы, наверное, с дороги есть хотите?—заботливо спросил Сергей.

— Нет, благодалю, я сыт.

— Ну, как знаете…

Они сидели молча, тишину лишь изредка нарушали шуршание документов в руках Сергея и телефонные звонки—большинство звонивших интересовались, куда уехал и когда будет на месте Роман Александрович.

Так прошло больше часа.

Вдруг мужчина что-то спросил, но что именно, Сергей не разобрал.

— А?—молодой сотрудник оторвался от бумаг.

— …не… ся?

— Простите, не расслышал.

— Ке… ку… ся?

— Не понял,—дефекты речи приезжего не позволяли разобрать вопрос.

Мужчина понял это, поднялся, подошёл к столу и, наклонившись над молодым человеком и стараясь произносить слова раздельно, повторил:

— Кефилчику не найдётся?—и Севастьян Георгиевич показал глазами в сторону холодильника.

— А-а, нет, нету.

— Селёза, мозно, я вас отолву ненадолго от лаботы?—командированный вынул из кармана и протянул рубль.—Не сочтите за тлуд.

— Да-да, конечно. Гастроном через дорогу, я мигом.

— А я пока подозду в колидоле.

Мужчина проявлял признаки хорошего воспитания и считал для себя неудобным оставаться одному в чужом кабинете. Собираясь его покинуть, гость поднялся и направился к выходу.

— Нет-нет.

Молодой человек тоже был хорошо воспитан и считал недопустимым держать приехавшего издалека человека в коридоре. Он остановил мужчину и вежливо усадил его на прежнее место.
— Я мигом! — повторил он, срывая с вешалки и на ходу надевая пальто.

«Наверняка ему кефир показан по состоянию здоровья», — подумал Сергей и быстрым шагом направился в магазин.

Вскоре парень вернулся, держа в руке стеклянную бутылку кефира. Командированный сидел в той же позе, в которой Сергей оставил его перед походом в гастроном.
— Благодалю вас, Селёза! — мужчина признательно улыбнулся.

Молодой человек положил на стул рядом с ним сдачу. Мужчина попробовал было не взять («Не надо, это вам за тлуды!»), но тот наотрез отказался. Севастьян Георгиевич поблагодарил, сунул деньги в карман и, испросив разрешения, пересел на стул, стоявший возле одного из свободных столов. Сергей ополоснул, вылив воду в цветочный горшок, стакан и протянул его гостю. Говорить в пятый раз «Благодалю!» командированный посчитал неуместным и просто с улыбкой на губах кивнул. Налил полный стакан кефира и принялся пить его мелкими глотками, смакуя, с явным удовольствием.
— Могу дать сахар — так вкуснее, — предложил Сергей.
— М-м... — отрицательно замотал головой Севастьян Георгиевич и, проглотив кисломолочный продукт, пояснил: — Кефил надо пить только в натулальном виде, без сахала!

Внезапно дверь распахнулась.
— Я забыл предупредить, сегодня должен прие... — Роман Александрович, начальник отдела, не договорил.

Увидев командированного, он ворвался в кабинет, Севастьян Георгиевич подскочил со стула, и они заключили друг друга в объятия.
— Сева, дружище, здорово! Как я рад тебя видеть!
— Пливет, Лома! Я тозе лад!
— Как добрался?
— Нолмально.
— Устроился?
— Нет пока.
— Ничего! Позвоним в гостиницу — устроим, всё будет в лучшем виде... Ты чего не раздеваешься?
— Я предлагал, — сказал в своё оправдание Сергей.
— Он пледлагал, — подтвердил Севастьян Георгиевич.
— А ну-ка живо снимай пальто.
— Да я...
— Снимай, снимай... — Роман Александрович помог гостю освободиться от пальто, повесил его на установленную в углу кабинета вешалку, туда же определил и шляпу дорогого гостя.

Севастьян Георгиевич остался в костюме и повязанном вокруг шеи белоснежном шарфе.
— Ло-о-ома... — глядя на руководителя отдела, произнёс он нараспев и расплылся в улыбке, отчего его маленькие глазки превратились в крохотные щёлочки.
— Ло-о-ома, — соблюдая интонацию, передразнил старого товарища Роман Александрович.

Все трое, Серёжа громче всех, рассмеялись.
— В общем, так, Сева, надо отметить твой приезд, — продолжил начальник отдела. — Сгоняем Сергея в гастроном...
— Он узе бегал, — перебил Севастьян Георгиевич.
— Я уже бегал, — подтвердил молодой человек.
— За этим?! — начальник отдела с лукавой усмешкой показал на кефир. — Это несерьёзно, ребята... Ты наш гость, Сева! И мы отметим твой приезд как положено — не отвертишься!

В этот момент дверь приоткрылась, и в кабинет заглянула женщина. Увидев командированного, она вежливо с ним поздоровалась и получила не менее вежливый ответ.
— Роман Александрович, вас срочно просит зайти главный инженер, — сообщила она.
— Бегу! — энергично отозвался начальник отдела и, весело подмигнув Серёже и Севастьяну Георгиевичу, добавил: — Ребята, я мигом!

Возле двери, словно вспомнив что-то важное, Роман Александрович резко обернулся:
— Сева, ты в курсе, что тебя разыскивает милиция?
— Н-нет, — мужчина сильно побледнел и опустился на стул.
— Ищет, ищет, — продолжил Серёжин шеф. — Они знают, что ты у нас в командировке, уже выехали за тобой, скоро будут здесь. Так что сиди и никуда не уходи!

Он неожиданно засмеялся и направился к «главному».

Какое-то время мужчина, держа в руках саквояж, сидел неподвижно, как памятник, потом лицо его исказила неприятная гримаса, и он решительно поднялся:
— Мне нузно в туалет.
— Прямо по коридору...
— Я знаю.

Он поставил на пол саквояж и вышел.

«Проблемы со здоровьем...» — сочувственно подумал Сергей.

Прошло не менее получаса, прежде чем вернулся Роман Александрович.
— А где?.. — спросил он у молодого специалиста и показал на стул, на котором сидел Севастьян Георгиевич.
— В туалет пошёл.
— Дело нужное. Когда вернётся, пусть заходит ко мне.
— Хорошо, — пообещал Серёжа.

Прошло ещё полчаса, когда снова вошёл Роман Александрович и недоумённо уставился на по-прежнему пустой стул.

— Он что, до сих пор не приходил?

— Нет.

— Странно…— начальник отдела пожал плечами и вернулся на своё рабочее место.

Почувствовав неладное, он через несколько минут снова заглянул:

— Не появлялся?

— Нет.

Сергей тоже начал волноваться.

— Вещи его здесь,— Роман Александрович посмотрел на вешалку, на которой висели пальто и шляпа, а на полу стоял саквояж командированного.— Не мог же он уйти в гостиницу в такую погоду, да ещё в одном костюме?! Будь на месте— вдруг Сева объявится, а я поищу его в здании.

Минут через двадцать он вернулся в полной растерянности.

— Не приходил?— спросил у Сергея.

— Нет.

— Ничего не понимаю. Куда он запропастился? Нигде не могу его найти! В туалете нет, в здании тоже нигде не нашёл. На вахте сказали, что не выходил. Заблудиться Сева не мог— он много лет приезжает к нам в командировки. Где он может быть?— пожал плечами и снова ушёл на поиски.

Роман Александрович повторно обошёл всё административное здание, поспрашивал коллег, они тоже ничем не смогли помочь. Решил ещё раз проверить туалет. Вошёл— никого нет, только дверь в одну из кабинок оказалась запертой изнутри. Спросить постеснялся и снова пошёл искать приятеля по административному зданию. Безрезультатно!

Заглянул к Сергею:

— Не возвращался?.. Ума не приложу, куда он мог деться?! Всё обошёл, даже не знаю, где искать.

Вернулся в свой кабинет. На душе было неспокойно. В третий раз направился в туалет, подёргал за ручку той самой кабинки— закрыто. И тут его осенила догадка: Сева пошёл в туалет, и там ему стало плохо!

— Сева!.. Сева, ты здесь?..— звал он болезненного товарища и дёргал за ручку кабинки.

Дверь не поддавалась, и в ответ тишина.

— Сева, тебе плохо?

И этот вопрос остался без ответа.

Тогда он помчался в располагавшуюся в отдельном здании слесарную мастерскую. На его счастье, пожилой слесарь был на месте— с расстеленной на столе газеты уминал остатки не съеденного в обеденный перерыв «тормозка» (не нести же обратно домой!).

— Егорыч, бери инструменты и бегом за мной!— почти выкрикнул Роман Александрович.

— А что случилось?— тревога передалась и слесарю.

— Товарищ приехал к нам в командировку. Пожилой, болячек куча. Похоже, ему в туалете стало плохо. Там дверь изнутри заперта.

Когда слесарь вскрыл дверь в туалете, рабочую атмосферу, царившую в здании комбината, разорвал крик Романа Александровича: в кабинке на своём белоснежном шарфе висел его друг Сева. Схватившись за сердце, начальник отдела опустился на пол…

Следователь, вызванный на место самоубийства, произошедшего в административном здании комбината «Жилпромстрой», приехал в полной уверенности, что криминала здесь никакого нет и оформление покойного— пустая формальность. Правда, неясны мотивы. Записки он не оставил, гадай теперь… Неразделённая любовь (модная причина добровольного ухода из жизни!) отпадает, но есть множество других причин, способных подтолкнуть к такому решению. Пожилой больной человек. Не захотел мучиться, вот и свёл счёты с жизнью. Непонятно только, почему в командировке. Могло случиться обострение? Вполне могло! Или жизненные неурядицы? Как говорят в подобных случаях, чужая душа— потёмки.

Вначале всё шло так, как и предполагал следователь,— без неприятных сюрпризов. Пока во время описи вещей висельника не открыли саквояж. Его содержимое— обычный набор командированного: полотенце, мыло, бритвенные принадлежности, зубной порошок и щётка, комплект нательного белья и… завёрнутые в носовой платок колечко и одна (почему только одна?) серёжка. Простенькие, дешёвенькие, принадлежащие, скорее всего, молоденькой девушке. Чьи они и как оказались в саквояже командированного? Это не подарок дочери или племяннице, не предмет кражи и тем более ограбления, не найденные им кем-то утерянные вещи, но что? К неясному мотиву добавилась вторая загадка.

Следователь мог бы закрыть на эти факты глаза, оформить покойника как обычного самоубийцу и тут же забыть об этом деле. Но он оказался человеком неравнодушным и дотошным, не испугавшимся гнева грозного начальства и обвинений в занятии ерундой вместо расследования более важных дел. Он настоял на необходимости своей командировки и не поленился выехать в город, где жил Севастьян Георгиевич, вместе с вызвавшимся сопровождать тело товарища Романом Александровичем.

Открыв дверь найденными среди вещей покойного ключами, они вошли в его квартиру. Скромно обставленная однокомнатная квартира, типичное жилище доживающего свой век одинокого человека. Из предметов обстановки ничего необычного. Сервант, платяной шкаф, кресло, кровать в углу— мебель вся старая, доставшаяся нынешнему

хозяину, скорее всего, по наследству. На стенах и серванте фотографии разных лет—всегда только со строгого вида женщиной, по всей видимости, матерью. Горшки с алоэ на подоконнике, на столе ваза и стопка газет. На кухне минимальный набор посуды—сразу видно, что гости здесь бывали нечасто.

— Ох, Сева, Сева…—низко опустив голову, вздыхал Роман Александрович.

Что должен был увидеть в этой квартире следователь, он и сам не знал. Ему не давали покоя серёжка и колечко. Его терзали два взаимно дополняющих смутных предчувствия: за завёрнутыми в носовой платок предметами скрывается нечто страшное, и разгадка этого «нечто» где-то рядом, совсем близко, надо только найти недостающее звено в цепи. А с этим как раз и была основная проблема.

Следователь ходил по квартире, изучая детали обстановки и пытаясь с помощью опыта и интуиции разгадать источник своей внутренней тревоги. Но всё оказывалось безрезультатно. Достал с книжной полки на стене и полистал книги. Специальная, по профилю работы, и художественная литература—тоже ничего, что бросилось бы в глаза. Ровным счётом ни-че-го!

На похоронах следователь пообщался с многочисленными коллегами Севастьяна Георгиевича. Покойный, по их отзывам, был добросовестным работником, грамотным специалистом, уважаемым человеком. Ни одного плохого слова в его адрес! Для всех его добровольный уход из жизни оказался большой трагедией, совершенно неожиданным и необъяснимым поступком.

Следователь так и уехал, не разобравшись с тёмными сторонами личности самоубийцы. Возвращаясь поездом, он не переставал размышлять над этим делом, и чем дольше думал, тем больше приходил к выводу, что разгадка этой истории откроется не скоро, если вообще откроется. Обычно к раскрытию подобных дел приводили не действия следственных органов, а его величество случай. Полагаться на волю случая следователь не хотел и под мерный стук колёс составил план дальнейших действий, первым пунктом которого было выяснить, нет ли похожих по описанию колечка и серёжки среди вещей пропавших в последнее время или погибших насильственной смертью девушек.

И здесь его ожидала удача! Следователь по роду своей службы не занимался поиском пропавших граждан, поэтому не знал о поступившем в милицию заявлении встревоженных родителей об исчезновении их четырнадцатилетней дочери. В первой половине дня в понедельник девочка ушла провожать на железнодорожный вокзал подругу, в школе не появилась (уроки в её классе шли во вторую смену), и больше её никто не видел. В описании вещей пропавшей имелись два находившиеся в саквояже командированного предмета. А сотрудник милиции, занимавшийся её розыском, в свою очередь, даже не мог предположить, что серёжка и колечко окажутся среди вещей покончившего жизнь самоубийством иногороднего гражданина.

Сразу стало ясно, что найти девочку живой шансов нет. Организованные поиски результатов не дали, но её тело вскоре было обнаружено вездесущими мальчишками в расположенном недалеко от железнодорожного вокзала полуразрушенном здании бывшей котельной. Экспертиза установила, что потерпевшая сначала подверглась сексуальному насилию, после чего была задушена. Характерный след и оставшиеся на шее несчастной белые волокна неопровержимо указывали на тот самый белый шарф.

При обыске в квартире маньяка в находившемся в серванте чайном сервизе было обнаружено ещё множество предметов, аналогичных найденным в саквояже Севастьяна Георгиевича серёжке и колечку. Он забирал их у своих жертв не с целью наживы, а как своеобразный трофей—на память о совершённых им «подвигах». Эти предметы стали вещественными доказательствами, позволившими установить его причастность к другим подобным преступлениям в разных городах Советского Союза, география которых соответствовала его служебным командировкам.

Следствие продолжалось два года. Проведённые многочисленные экспертизы и опросы свидетелей неопровержимо доказали: он! Остававшийся неуловимым долгие годы гастролёр, жестокий насильник и убийца оказался «добросовестным работником», «грамотным специалистом» и «уважаемым человеком»…

А о том, что Севастьяна Георгиевича разыскивает милиция, ничего не подозревавший начальник отдела комбината «Жилпромстрой»… просто пошутил.

Михаил Смирнов

Ангел мой

Ефима Карпухина ещё не довезли до больницы, а в Мусино—это пригородный посёлок—уже соседи пустили слушок, будто Ефим на тот свет попал, когда с обрыва сорвался и угодил головой прямо в огромный валун, что лежал на берегу реки, но врачи его вернули обратно. Всякое болтали. Одни говорили, что врачи вовремя подоспели и откачали, другие утверждали, что у Карпухина была бутылка водки. И Ефим на том свете принялся угощать всех подряд и за свою душевную доброту был изгнан оттуда. А иные сказывали, что на том свете не пьют, а ведут трезвый образ жизни. Это Ефиму не понравилось, и он вернулся. Но все приходили к одному мнению: будь Ефим нормальным человеком, как остальные жители Мусино, он бы ни за какие коврижки не согласился вернуться в эту проклятущую жизнь, а лежал бы сейчас под яблоней, вкушал бы сладенькие райские яблочки и поплёвывал с небес на землю да посмеивался. А он, дурачок… И каждый день приставали с расспросами к его жене, когда Ефима выпишут из больницы.

— Вы с ума сошли!—негодующе ругалась Фимкина жена.—Он в реанимации лежит, а вы уже ждёте, когда его выпишут. Бесстыжие!

Но соседи и знакомые продолжали обивать порог его дома, когда Ефимкина жена возвращалась из больницы, и просили рассказать новости: как он чувствует себя, когда его выпишут, но самое главное—почему он сбежал от этой райской жизни, когда остальные стараются попасть туда…

Ефим Карпухин обрадовался, когда его выписали из больницы. Почти два месяца провалялся в общей палате, а до этого ещё неделю в реанимации продержали. Утром, едва больные успели съесть на завтрак жиденькую манную кашу, врачи сделали большой обход. Первый врач, травматолог, осмотрел затянувшиеся раны и сказал: а не пора ли выгонять Карпухина? На нём все болячки зажили как на собаке. Нормальный человек ещё бы полгода с кровати не поднялся, а этот уже по коридору шастает и всем надоедает со своими рассказами о загробной жизни. Пора отправлять его домой. Нечего задарма кормить. Он и так всю столовую объел. Врач ещё раз осмотрел раны, покрытые коркой, похмыкал, хотел поковырять болячки, но раздумал и уступил место невропатологу, который обстукал Ефима молоточком со всех сторон, перед глазами поводил, чтобы следил за ним, потом заставил язык показать, руки вытянуть, на носочки подняться, указательным пальцем в кончик носа попасть… В общем, со всех сторон обследовали. Долго и задумчиво смотрели на Ефима, пошептались, а потом сказали, что можно выписывать, и ещё дольше предупреждали его, что можно в жизни, а чего нельзя, иначе в следующий раз могут не спасти. А потом принялись осматривать других больных.

Ефим Карпухин обрадовался, что домой отпустили. Хотел было пешком уйти, но передумал. До Мусино рукой подать. Из окна больничной палаты виден посёлок. Парк культуры и отдыха, рядом Дворец спорта, а чуть дальше, где видны пятиэтажки, за ними, за дорогой, находится Мусино. В хорошие времена Ефим быстро бы добрался, а тут поостерёгся. Врачи же сказали, чтобы пока никаких нагрузок. Мало ли что может случиться по дороге. «Бережёного Бог бережёт»,—подумал Ефим. До обеда просидел на подоконнике, дожидаясь машину, на которой продукты привозили в больницу. Протяжно закричал, распахнув окно, чтобы до дома добросили. И, как был в трико, схватил справку, что в больнице проходил лечение, забрал сумку с вещичками и пустыми банками и зашлёпал по ступеням. Обрадовался, что больше не увидит эти мрачные больничные стены, не услышит бесконечные разговоры про болезни, о которых и знать не знал, а тут такого наслушался и насмотрелся—аж волосы дыбом встают. И Ефим отправился домой…

Он всю дорогу рассказывал шофёру, как с обрыва улетел, а очнулся уже в реанимации. А сам вертел головой, удивлённо посматривая по сторонам, словно впервые видел. А ведь и правда, что впервые увидел после того, как на том свете побывал. Правильно, так и есть. Он уже в реанимации очнулся, когда с того света вернулся.

Ефим считался хорошим мастером. И печи клал как в своём Мусино, так и в городе, да ещё успевал ездить по деревням, где плотничал, любо-дорого было поглядеть на его работы, даже рисунки на печах или стенах малевал, а некоторым на воротах рисовал, если просили. Всё умел делать. Ценили его. Кроме денег, за стол приглашали, чтобы рюмочку-другую выкушал, и в карман бутылочку

совали — так, на всякий случай. Какой же дурак от дармовой водки откажется? Она всегда в хозяйстве пригодится. И Ефим не отказывался от бутылки, если предлагали. Выпьет за столом, сколько организм позволял — это всего лишь две рюмашки, а остальное забирал с собой. Жена его, Антонина, ругалась: зачем водкой берёт за свою работу, лучше бы деньги приносил, — а он смеялся и говорил, что водка — это твёрдая валюта, которая в жизни всегда пригодится. Зато мужики повадились к нему. Сам не пьёт, а водки много, а желающих на дармовую водку ещё больше находится. И начинают его трясти. День ли, ночь ли на дворе, а они тащатся, в окна стучат, чтобы выручил, не дал помереть. Ефим выносил бутылку и денег не брал, а жена ругала мужиков, свиньями обзывала. А может, и правда, что пьющие люди в свиней превращаются? Ведь не зря врачи говорят, что человек от свиньи мало чем отличается, не только органы друг дружке подходят, даже привычки становятся одинаковыми, если до поросячьего визга напиться…

Ефим частенько вспоминал, когда он возвращался после работы берегом реки Белой, нога скользнула по траве, и он не удержался, полетел с отвесного обрыва. Себя винил. Не нужно было рюмку водки пить за столом, а он понадеялся: ничего с ним не случится. Выпил и отправился домой. Не дошёл. С обрыва соскользнул. Себя винил, а врач, наоборот, сказал: если был бы трезвым, в котлету или в отбивную бы превратился, а так докувыркался до самого низа, складываясь и раскладываясь, и в конце полёта головой в валун врезался. Видать, тормозил. Весь целый. Правда, ободранный с ног до головы, одежда в клочья, все кости целые, а голова не выдержала — мозги стряслись, и на шее какую-то жилку порвал. Кровища хлестала — ужас! Пока довезли до больницы, Ефим уже похолодел. Его оставили на кушетке, сами за каталкой помчались, чтобы в реанимацию отвезти, и тут Ефим со смертушкой повстречался. Он не помнил, что произошло, но врачи сказали, что трижды смерть обнимала его, за собой утаскивала, и трижды Ефима вырывали из лап костлявой. Думали: уж всё, помер Ефим Карпухин, — ан нет, сердце слабенько, но дрынькнуло. Так, едва заметная ниточка дёрнулась. Врачи обрадовались. Принялись его к жизни возвращать. Вернули, но Ефим с этого дня стал заговариваться. Всё про потустороннюю жизнь разговоры заводил и каждый раз рассказывал, где побывал, что повидал и кого встретил там. Мужики в палате посмеивались, посматривая на Ефима, и крутили пальцами возле виска: мол, что с дурачка взять, кроме анализа, но и тот со спиртом. Нет, он дураком не стал, а вот что-то такое, не от мира сего, а от мира того, в нём появилось. Раньше, когда рюмку-другую выпивал, всякую ахинею нёс, а теперь вообще стал заговариваться. Видать, побывал между мирами — этими царствиями живых и мёртвых, а может, ещё куда-нибудь занесло: учёные говорят, будто миров не сосчитать, протяни руку — и в какой-нибудь попадёшь. Вот и Ефим, видать, насмотрелся всякого и до сих пор не может определиться, где ему лучше — здесь или в каком-нибудь другом мире. В общем, бултыхается и не может к берегу прибиться…

— Братцы, не поверите, я же в другой мир попал, а может, на тот свет угодил — не разобрался, — первое, что сказал Ефим врачам, когда очнулся. — Шагнул и там словно через порог переступил. Легко стало. Покой и радость на душе появились. И тут себя увидел со стороны. Даже испугался. Смотрю, я на кушетке лежу, но в то же время вон из того угла смотрел на палату, — сказал Ефим и ткнул пальцем. — Глядел, как врачи забегали. Особенно вон тот, который с бородой ходит, реаниматор, что ль… Всю грудь мне истоптал, зараза рукастая! У меня и так рёбра были сломаны — это меня в молодости поселковский бык к сараю прижал и два ребра на кусочки переломал. Вот и этот врач как взялся за меня — чуть было остальные рёбра не переломал. Я кричу ему: что ты делаешь? — а он только пыхтит и жмакает меня, всю грудь истоптал. А медсестричка сидит за столом и чай с колбасой наворачивает. Я прошу: дай кусочек, у меня кишка кишке протокол пишет, — а она будто не слышит. Жадина! И снова себя увидел на кушетке. Лежу тихонечко, глаза закатил, ручки на груди сложил, вокруг меня врачи носятся, но в то же время я вон оттуда на всех смотрел.

И опять показал пальцем в угол палаты, где было вентиляционное отверстие под потолком.

— Да, клиническая смерть меняет людей, как снаружи, так изнутри. Другими становятся. И всё замечают, что вокруг делается, — задумавшись, сказал врач, просматривая анализы и снимки. — Одним понравилось, даже ругались, зачем их с того света вернули, и всё норовили обратно отправиться, говорили, что там тепло и на душе покойно, а другие руками-ногами отмахивались, лишь бы туда не угодить. Видать, напугались. Наверное, много в жизни нагрешили. У таких дорога одна — ад. Куда ты попадёшь — это уже от тебя зависит. Если не умеешь пить, вообще не берись. Иначе…

И куда-то в сторону махнул рукой.

— Меня не нужно пугать. А что сразу — допьёшься? — забубнил Ефим на кровати. — Я же не пью, как другие. С двух рюмок лыка не вяжу, а вы: бросай, бросай… А кто из нас безгрешен, а? И, как говорят, киньте в меня камень, кто не пьёт. Ага, молчите, значит, сами грешны! — торжествующе сказал он, а потом забормотал, поглядывая на соседей по палате: — Мужики, там такое видел… такое… аж как вспомню, ух прям даже как…

И начинал вздыхать.

— Какое — такое? — раздавались слабые, но любопытные голоса. — Может, и мы туда отправимся?

— Вот такое,—Ефим разводил руки в стороны.—Большущее и тёмное за одной дверью, за другой и третьей, за пятой и десятой—аж сердце от страха выпрыгивало, потом долго пробирался по тёмному коридору, а впереди был яркий свет, словно дверь открыли и мне дорогу указывали, по которой должен пойти. Зажмурился, когда шагнул. Открываю глаза, а там светло, словно в летний день попал, везде птички поют и…
— Ага, прямо-таки в рай угодил,—начинали смеяться больные.—Мужики, как звали бабу в раю? Ага… Слышь, Ефим, ты, наверное, новую Еву нашёл себе. Своя-то уж приелась, как манная каша в больничной столовке, да? Ты про какой рай говоришь? Тебя не пустят туда, потому что для тебя ворота рая навсегда закрыты. Сам посуди, если тебя выперли из ада, что хотел всех чертенят напоить. У тебя же бутылка была. А душа широкая. Ну и стал всех угощать. И тебя выгнали. Видишь, для тебя даже в аду места нет, а ты говоришь: рай, рай… Хе-х, был трепачом—трепачом остался!
— Ну и не верьте…—бормотал Ефим и обиженно отворачивался.—Придёт ваше время, узнаете, какая дверь перед вами распахнётся. У каждого человека своя дверь, и какую откроет—это от него зависит, и ни от кого более.
— О, точно, дурачок!—засмеялись соседи по палате.—Про какие-то двери твердит… Видать, правда, мозги сдвинулись.

Так продолжалось до самой выписки. Он рассказывал, а над ним потешались. Дурак, что с него возьмёшь. Лишь врачи не смеялись, они знали, что всякое может с человеком произойти, когда он с того света возвращается…

Антонина заохала, обниматься кинулась, когда Ефим домой вернулся. Быстренько бельё собрала и в баню отправила, чтобы грязь больничную смыть, как сказала, а сама стала на стол собирать. Ефим отправился в баньку. Не парился. Врачи строго-настрого запретили. Велели поберечься: мозги встряхнулись, да ещё на том свете побывал—мало ли что оттуда мог прихватить?.. В общем, сказали—не париться, а то неизвестно, как организм перенесёт высокую температуру. Кровь ударит в голову—и поминай как звали. И спиртное запретили принимать: тоже неизвестно, как поведёт организм после того света. В общем, одни неизвестные и ни одной радости в будущей жизни…

Ефим поплескался в тазике. Помыл голову. В голове засвербело, словно что-то там зашевелилось. Схватился. Показалось, что-то ползает. Испугался. Может, что-нибудь сунули в мозги, когда на том свете побывал, или теперь организм не переносит воду? Завздыхал. Вот уж незадача! Неужели придётся всю жизнь не мыться? А как жить грязному-то? Закачал головой, сокрушаясь. Набросил на себя рубашку, подтянул трико с лампасами, по тропке дошёл до крыльца и уселся на ступеньку, обхватил голову руками и задумался. Антонина, услышав, что он вернулся, вышла на крыльцо. Ефим сидел, сгорбившись, и, казалось, никого не замечал. Он думал как о прошлой жизни, так и о будущей. Антонина по привычке хотела рявкнуть, потом затопталась возле Ефима и рядышком пристроилась, поглядывая на него.
— А я уж хотела в баню бежать,—басовито и медлительно сказала она.—Ушёл и пропал. Напугалась. Вдруг опять туда отправился? Ну, в этот… в другой мир, как ты говоришь. Боялась, сейчас зайду, а ты дух испустил.

И мотнула головой, показывая на небо.
— А что пугаться-то?—покосился Ефим и потрогал голову, в которой ещё свербело.—Поплескался водичкой, и всё на этом. Врачи сказали, что париться нельзя, а можно только в ванне или под душем. А я же люблю веничком похлестаться. Эх, красота и для здоровья полезно! А теперь даже не знаю, как буду жить без бани,—он пожал плечами, продолжая щупать голову.—Ванна с душем—это не мытьё, а только грязь по всему телу развезёшь, и не более того. Наверное, брошу свою баньку, перестану париться и даже не буду умываться, а может, и бриться прекращу… Врачи запретили. Болтают, организм не справится,—потом наклонил голову.—Тонька, глянь, в башке свербит, словно что-то шевелится. Поковыряйся. Может, что-нибудь сунули туда, когда дыру зашивали или когда там побывал,—и, вздёрнув брови, кивнул вверх.

Антонина поводила по коротким волосам, потом погладила мозолистой рукой рваный шрам на голове Ефима и прерывисто вздохнула.
— Фимка, тебе показалось, а может, мозги на место встают. Такое бывает, а ты же врезался в камень, чуть мозги не повылетали. Врач сказал, что ты трижды на том свете побывал и вернулся,—запнувшись, забасила она.—Ну и как там? В посёлке говорят, что там лучше живётся, чем на этом свете, и всё есть, что душе угодно, и люди добрые… Я хотела спросить, как там живётся, и не решилась. Врачи запретили тебя тревожить. Мне страшно было, и ты каким-то чудным стал. Смотришь на меня и не видишь, а сам словно что-то за спиной у меня рассматриваешь…

Она передёрнула округлыми плечами и неопределённо покрутила рукой в воздухе.
— Я, можно сказать, везде побывал, всех повидал: и людей, и зверей, и чертей, и…—принялся перечислять Ефим, взял пачку сигарет, повертел в руках и отложил в сторону.—Вот уж который раз беру в руки, хочу закурить, а не тянет. Словно бабка отговорила. Что со мной, Тонь? Может, заболел, а?
— Неужто Боженька услышал мои молитвы?—Тонька встрепенулась, взглянула вверх.—А зачем скрывал от меня, что бросил курить? Я ж столько папиросок в больницу перетаскала—страсть! Пораздавал, наверное, простодыра, а мне

ни словечка не сказал, что не куришь… Господи, дождалась!—не удержалась, перекрестилась Антонина и замахала руками.—И не кури, Фимка, не кури. Баловство это и пустая трата денег. Я лучше тебе новый костюм справлю, а поднатужусь, так мотоцикл возьму. За грибами-ягодами начнём ездить. Компотов да солений наделаем. А зимой с картошечкой да под рюмашку…—она сказала мечтательно и причмокнула, но тут же запнулась и подозрительно взглянула.—А к выпивке тянет?
—Я не знаю,—пожал плечами Ефим.—В больнице никто не наливал, чтобы проверить, тянет или нет. Мне же врачи запретили. Прямо перед лицом поводили пальцами и решительно сказали, что категорически запрещено спиртное употреблять, потому что сотрясение мозга было и это ещё… что на том свете побывал. Они говорят, неизвестно, как организм себя поведёт. Вот я сижу и думаю: выдержит моё нутро или нет, если выпить?—и повернулся к жене.—Может, зря врачи пугают, а? Плесни чуток самогоночки, Тонь. Посмотрим, что со мной будет…

И рявкнул, когда Антонина влепила затрещину. А рука у неё тяжёлая. Влепила и тут же сама заохала. Прижала голову Ефима к необъятной груди, закачалась, поглаживая его. Жалела.
—Ефимушка, я не нарочно, а по забывчивости ударила,—продолжала охать Антонина.—Я же все нервы кончила, пока ты в больнице лежал. Каждую минуточку о тебе думала. Ни есть, ни пить не могла. Взгляни на меня, исхудала на нет, кожа да кости остались. Не успел вернуться—снова про бутылки говоришь,—и забасила, погрозила толстым пальцем:—Только попробуй хоть капельку пригубить, я самолично тебя на тот свет отправлю!—и опять заохала, снова прижала его к огромной груди.—Сгоряча говорю, сгоряча! Ты уж не держи на меня зла. Сам виноват. Не буди лихо, пока оно тихо.

Ефим покосился на жену. У всех жёны как жёны, а ему гренадерша досталась. Она сгоряча на всё способна, а уж по шее надавать—как два пальца об… асфальт.
—Здоров был, Ефим Игнатьич!—донеслось с улицы, и Ефим вытянул тощую шею, взглянул на старую Камышлиху.—Выпустили из больницы или сбежал? Что сидишь? А-а, в баньку ходил… С лёгким паром, с чистой задницей! Тоньку брал с собой, чтобы спинку потёрла, а? Чать, силушки понабрался, пока на больничных харчах отъедался…

И старуха прищурилась, приложила ладошку к глазам, всматриваясь.
—Да какой лёгкий пар, ежли в тазу мылся?—недовольно заворчал Ефим.—Мне же запретили париться! Говорят, эрекция не та будет или реакция… Забыл, как правильно называется, если кровь в башку ударит… В общем, строго-настрого ничего нельзя делать, и всё тут, потому что помереть могу! И Тонька не нужна была, самолично обслужил себя в бане.

И поддёрнул сползающее трико.
—А-а, вот оно как,—закачала головой старая Камышлиха и с ехидством так:—Париться нельзя, а пить-то, наверное, можно? Рюмку-другую опрокинешь и распишешься. Надо ж возвращение отметить…—и опять сказала:—Чать, уж остограммился, пока до дому добрался? Гляди, назюзюкаешься, как свинья…

И замолчала, снова сощурилась, поглядывая на Ефима.
—А ты наливала?—не удержался, тоже съехидничал Ефим.—Ишь, любопытная!
—Что пришла? Что надо?—поднялась на крыльце Антонина и забасила на всю улицу:—Может, тебя позвать, чтобы свечку подержала, когда мы с Фимкой будем любовями заниматься, а? И нечего моего мужика самогонкой соблазнять. Всех мужиков споила в посёлке. Даже из города стали прибегать. Что крутишься возле нашего двора? Иди куда шла и не суй свой нос куда не просят, пока не прищемила!

И упёрла руки в необъятные бока.
—Ну раскипятилась, Тонька,—закачала головой старуха.—Никто не наливает, а ты в драку кидаешься. Я просто любопытничала. В посёлке всякое говорят про твоего Фимку, будто всех напоил на том свете, а его припугнули, что на сковороде поджарят. Никому же не хочется на сковородку,—и снова не удержалась:—Фимка, правда, ты грешников видел? А ты не встречал моего деда Тимоху? Такой щупленький, в клетчатом пиджачке, всё с батожком ходил… Тот ещё грешник был!

И погрозила скрюченным пальцем.
—Ну что вы лезете к человеку?—рявкнула Антонина и топнула ногой-тумбой.—Не успел из больницы вернуться—уже никакого покоя нет. Калитка не закрывается. Так и прут к нам, так и суют нос куда не просят. Их в дверь, они в окно…

Сказала, словно и впрямь очередь к ним выстроилась.
—Ты, Тонька, не ругайся понапрасну,—погрозила старая Камышлиха.—Всем любопытно, что делается в ином мире. Фимка же первым из посёлка побывал на том свете и здоровёхоньким воротился. А почему вернулся? Кто его отпустил? Все люди, кто попали на тот свет, остаются там, а он обратно пришёл. С какой целью пришёл? Так не должно быть! Если ушёл, там тебе и место, а он смотался. Почему? Всех знакомых и соседей мучают вопросы, а ответить может только лишь Ефим. Ты бы, Антонина, не гавкала, как собака, а позвала бы людей и стопкой чая угостила по случаю возвращения твоего благоверного из больницы и с того света. Пусть расскажет людям, как там живётся, где ещё побывал, кого видел, с кем говорил. Может, гостинцы или приветы передали, а он молчит. Да мало ли вопросов?.. Уважь соседей, Ефим Игнатьич!

И оперлась на забор, поглядывая на них.

Ефим пожал плечами. Подняв голову, взглянул на жену, которая продолжала стоять на ступенях крыльца.

— На вас рюмок чаю не напасёшься,—рявкнула Антонина.—А может, ещё шампанского взять, а? Обойдётесь!—она поводила перед собой толстым пальцем.—Ишь, уважь соседей… А вы много науважали моего Фимку? Весь посёлок потешается над ним, когда он рюмашку выпьет. Дурачком прозвали. А сейчас—уважь, уважь… Ишь, любопытные! Правильно, что наш посёлок ещё Варваринским зовут, потому что много любопытных Варвар развелось, которым нужно носы прищемлять, а тебе—первой.

Она ткнула пальцем в старуху, а потом горделиво посмотрела на неё. А как не гордиться, ежли почти всё Мусино уговаривает, чтобы Ефим рассказал про другой свет? А ведь правда, как же она не сообразила, что Фимка первым оттуда вернулся. Ещё никто не бывал там… Нет, многие туда отправились, но ни один не воротился, а он первым оттуда пришёл, а вернётся ли ещё кто-нибудь—это вилами на воде писано. И сейчас Антонина испытывала гордость за себя. Всё же она Фимкина жена. А родная баба—это самый что ни на есть близкий человек, роднее и ближе не найти на всём белом свете. А Боженька велел делиться с ближним. Вот и получается, что половина внимания, а то и поболее, должно уделяться ей, а не кому-либо ещё. Антонина очень любила, когда её уговаривают, когда уделяют внимание или она что-нибудь должна, чтобы уделили… Антонина запуталась, но точно знала, что половина всего, что было, есть и будет у Ефима, должно принадлежать ей и только ей одной, и никому более.

— Можно и без стопки чая,—недовольно буркнула старуха.—Голый чаёк пошвыркаем, и всё на этом…

— Ну ладно уж,—Антонина медленно махнула рукой,—приходите. Фимка всё расскажет как на духу. Предупреди соседей: ежели кого замечу с бутылкой, взашей выгоню! И в доме не курить. Мой Ефим бросил пить и курить. Не мужик, а золото!

— Да ты что—и курить бросил?—прижав ладошки ко рту, закачала головой старуха.—Быть того не может! Мужик без папироски—как баба без юбки… тьфу ты! Господи, прости меня, грешную, за язык поганый!—она торопливо перекрестилась и тут же прищурилась.—Видать, Фимка, правда у тебя мозги набекрень съехали, ежли от всего мужского отказался,—и, заметив, что Антонина нахмурилась, бабка заторопилась.—Не серчай, Антонина. Сейчас побегу, всех оповещу, а потом заглянем на огонёк. Ты, Тонька, не боись, я самолично карманы проверю.

Сказала и неторопливо пошлёпала по тропинке вдоль поселковских домов.

Поздно вечером, когда солнце скрылось за горами, что были на другой стороне реки, к Карпухиным потянулись гости. Первой пришла Камышлиха. Сунула узелок с гостинцами Антонине, сама осталась возле двери. Уселась на табуретку. Стала поджидать гостей. Появился дед Устин. Зашёл. Поздоровался. Пока топтался возле входа, бабка Камышлиха словно невзначай успела проверить карманы. Следом загрохотал кирзовыми сапогами дядька Харитон. Антонина рявкнула на него, когда он сунулся было в обуви в горницу, но тут же после окрика принялся стаскивать сапоги. Камышлиха и его успела ощупать. Ввалился худой, с виду измождённый, кожа да кости, Васька-тракторист, оттолкнул руки, когда старуха потянулась к карману, и уселся на табуретку. Чуть погодя тётка Марья с мужем Виктором зашли. Пригоршню конфет высыпали на стол и кусочек сала положили на середину. Сразу запахло чесноком. Ефим невольно сглотнул. За ними ещё несколько человек появились. Кто-то приносил гостинец, а некоторые сразу подавались в горницу. Все расположились в горнице, редко перебрасывались словами и всё поглядывали на Ефима, дожидаясь, когда он примется рассказывать про другие миры, где он побывал, и про царствие живых и мёртвых. Всё же первым оттуда вернулся…

Антонина с бабкой Камышлихой хлопотали на кухоньке. Не торопилась. Ничего, подождут! Они же не чай пришли пить, а Ефима проведать да послушать. Но Ефим сидел, глядел в окно и молчал. То хмурился, то улыбался ни с того ни с сего, а потом снова губы в полосочку сжимал, и взгляд исподлобья тяжёлый—того и гляди вдарит, если под горячую руку попадёшь. Антонина знала этот взгляд. На себе испытала его кулаки, а потом отыгралась, когда он уснул, скалкой рёбра пересчитывала. С той поры ругались, но не дрались, потому что друг дружку боялись, потому что любой из них мог дождаться удобного момента и так отблагодарить, что потом неделю охать будешь.

Ефим сидел, смотрел в окно, пытался заглянуть в свою душу и понять, что в нём изменилось, как вернулся с того света. Когда в больнице очнулся, он понимал: что-то произошло,—а присмотреться—вроде такой же и ничуть не изменился. Ладно, сразу курить перестал, как бабка отговорила, но и к выпивке стал равнодушен—это пугало ещё больше. Никогда не отказывался от рюмки, а тут раз—и всё, словно никогда к бутылке не прикладывался. Почему? Вот и сейчас сидит, а его ну вообще не тянет к водке. А если вообще перестанет пить, тогда как жить и чем заниматься? У кого-нибудь сделаешь шабашку—и на сухую возвращайся домой? Ой-ёй! Непривычно было и страшновато. Вроде употреблял всего ничего, но всё равно будущая жизнь пустой кажется…

— Ефим, что хочу сказать…— зашепелявил дед Устин, невысокий, сгорбленный старик с недельной щетиной, в вытертом пиджаке, в серенькой рубахе навыпуск, которая торчала из пузырястых штанов.— Не вздумай людей обманывать. Все хотят правду услышать, а не твои побасенки,— и погрозил скрюченным пальцем.— Я насквозь тебя вижу! Знаю твою натуру. У тебя же принято: если не соврёшь, три дня не проживёшь! Хе-х!

И затрясся в мелком смехе.

— А зачем же ты пришёл?— уперев руки в необъятные бока, басисто сказала Антонина.— Вот уж не лень старику — через весь посёлок тащился! Лучше бы возле бабки сидел…

— Меня бабка отправила,— сказал старик.— Велела разузнать, как Ефим с обрыва навернулся, помер, а потом снова воскрес. Так не должно быть! Весь посёлок только говорит, что Ефим заделался лётчиком, да ещё про всякую нечисть, с кем он подружился, пока по тому свету шлялся. Одной бутылкой всех чертей напоил — это ж надо такому случиться! Вот бы в жизни так: взял бутылку — и весь посёлок пьяный. Хе-х!— он снова засмеялся, а потом опять взглянул на Ефима.— А ещё разговоры идут, будто Ефим другую бабу нашёл. Ну, там, где побывал… Говорят, оба голыми по саду бегали и яблоки кушали. И как она — эта баба? Получше твоей Тоньки или такая же горластая?

Сказал и меленько засмеялся. Вредный старик, ехидный.

— Успокойся, дед Устин,— забубнил дядька Харитон, вытащил грязную тряпку и высморкался.— Вот ведь Фома уродился! Как ещё бабка с тобой уживается? Сколько на свете живёшь, столько лет всем плешь проедаешь. Молчи, пока Антонина взашей не выгнала. Выставит, тогда будешь возле окна уши растопыривать.

— Всех повыгоняю!— рявкнула Антонина, ткнув толстым пальцем в старика.— К вам со всей душой, так сказать, а вы норовите туда харкнуть, да побольше. Идите отсюда, идите и гостинцы свои можете забрать. Не нуждаемся! Мы не звали вас. Сами напросились. Идите отсюда!

Антонина ткнула пальцем и обиженно поджала толстые губищи.

— Всё, хватит лаяться,— заметалась бабка Камышлиха.— Ну-ка замолчите! Ефим, что сидишь, рот до ушей, хоть завязочки пришей? Рассказывай, как в другом мире побывал. Видишь, народ забузил, того и гляди всю избу по брёвнышку разнесут.

Ефим завздыхал. Оглядел стол, за которым сидели гости, а некоторым не хватило места, они расселись на продавленном диване, а кто-то просто присел на корточки возле стены, и все смотрели на него. Ждали, когда начнёт говорить, а Ефим не решался. То, что увидел там, а испытал много чего, поймут ли его здесь — он не знал и поэтому время тянул. Да и нужно ли обо всём говорить, с чем столкнулся? Ведь у каждого, кто побывал на том свете, свой взгляд на возвращение в реальность, но каждый из них станет до последнего дня своего сравнивать свою прежнюю жизнь с настоящей и будущей — это уж точно.

— Я пошёл домой. У Егоровых, что на окраине посёлка живут, печку подправлял. И решил пройти берегом реки. Так ближе. По краю обрыва шагаю, а трава высокая, и нога соскользнула. Я сорвался. А сами же знаете, какой обрыв над Белой. У, страшно взглянуть! Вот с него и полетел вниз, а что было дальше — этого не помню,— потирая щетинистую щёку, сказал Ефим, продолжая поглядывать на соседей.— Врач говорил, пока меня до городской больницы довезли, три раза с того света вытаскивали. Видать, там не хотели отпускать…

— О, слышали? Аж целых три раза!— зашептались соседи, подталкивая друг друга.— Ну и как там, Ефим? А зачем вернулся, ежли тебя оставляли? Говорят, в другом мире лучше живётся, чем в этой жизни. Там ничего не нужно и никому не нужно, а здесь из тебя всю кровушку высосут до последней капельки да ещё во все дырки имеют, пока на этом свете живёшь, так и будешь стоять, согнувшись, до последнего дня своего, со спущенными штанами. Ох, зря не остался. А вот если бы нам предложили: мол, айда на тот свет,— мы бы с радостью пошли. Отмучились бы от этой проклятущей жизни. Лежали бы сейчас под яблонькой и…

И заговорили, перебивая друг друга, замахали руками. Как же так, разве оттуда умный человек добровольно вернётся? Да ни в жизнь! Вернётся только дурак. Дурак, да ещё какой! К примеру, такой как Ефим…

— А ещё я помню, как смотрел на себя со стороны, из угла под потолком, а врачи бегали вокруг меня, всё пытались оживить, а один амбал чуть все рёбра не переломал, на грудь нажимал, а медсестра наберёт воздуха в себя и дует мне в рот, а может, лезла целоваться — не разобрал,— словно не слыша соседей, продолжил Ефим.— И вдруг померкло в глазах, темно стало, как поздними осенними вечерами, того и гляди куда-нибудь врежешься. И такая тишина — аж в ушах зазвенело, тоненько так, будто комарик над ухом летает, а потом всё громче и громче зашумело, словно ураган надвигается, и пятнышко света появилось впереди, как будто фонарик включили и бегут мне навстречу, но оказалось, я в огромной трубе нахожусь, а пятнышко всё больше и больше становится. И тут полыхнуло в глазах — аж зажмурился от белого света. Оглянулся — вроде бы на ногах стою, но не чую ног-то. Сделал шаг, а ноги еле передвигаются. Такое бывает, когда во сне бежишь. Хочешь убежать, и не получается. На душе ужас был, казалось, что сердце разорвётся, а потом появилась пустота и спокойствие. Покой на душе был, меня ничего

не заботило, и ничего не болело. Ни рук, ни ног не чувствовал, словно всё занемело.
— А как же ты…—старая Камышлиха почмокала губами и поводила перед собой рукой.—А как ты ходил, ежли ничего не чуял? Летал, что ли?
— Не перебивай человека!—рявкнула Антонина и жалостливо посмотрела на мужа.—Не видишь, как его потрепало там? Аж с лица спал…

Сказала и закачала головой, поглядывая на него, а потом погладила по неровно остриженным волосам—это в больнице обкромсали. Пожалела.
— Да я же…—опять протянула руку старуха.—Интересуюсь…
— Молчи, пока не выставила отсюда!—снова гаркнула Антонина, а потом всем остальным погрозила пальцем, словно предупреждала.—Ещё слово услышу, и…

И показала крепкий, далеко не женский кулак.

Все молчали. Знали: лучше с Антониной не связываться. Такая баба не то что коня на скаку—трактор на ходу остановит, а если под горячую руку попадёшь, долго в больнице придётся лечиться. В общем, всё при ней: и росточком не обидели, Боженька не язык, а силушку семерым нёс, но одной досталась, а уж про характер и говорить нечего. Не баба—кремень!
— Ну так вот,—помолчав, продолжил Ефим.—Иду по этой трубе, как по перине, вроде мягко, а ноги путаются, а впереди свет яркий-преяркий. Сощурился—аж глаза заболели от света. Закрыл глаза, руки вытянул перед собой и иду на ощупь. Открыл один глаз и вижу, что вместо трубы передо мной городская площадь и Дворец культуры. Я распахнул дверь, зашёл. Посмотрел по сторонам. Никого не видно. Постоял, а потом пошёл на второй этаж и по коридору направился в сторону пожарного выхода. Туда, где ещё лестница есть. Иду и вижу: в конце коридора люди толпятся. Обрадовался! Тороплюсь к ним. Подошёл, они расступились, и я оказался перед дверью. А в спину подталкивают: мол, иди, тебя ждут. Распахнул дверь, а там металлические лестницы куда-то вниз уводят. И такая тишина—аж в ушах звенит. Я огляделся и потихонечку стал спускаться. Один пролёт прошёл—передо мной коридор в обе стороны от лестницы, и в этом коридоре двери с обеих сторон. Конца и края не видно. Свет тусклый-претусклый! А вокруг никого нет, только голоса из-за дверей доносятся.
— А какие двери?—не удержался кто-то, спросил.—Золотые, чать? Всё ж в другой мир попал…
— Нет, не золотые,—отмахнулся Ефим, покрутил головой, а потом ткнул на выход.—Вот примерно как у меня дверь, что в тёмный чулан ведёт. И там такие же, ничуть не лучше моих. Врач в больнице сказал, что другой мир—это зеркальное отражение нашего мира. Вот и получается, что там то же самое, что у нас. О чём это я? А, да… Я стою в коридоре и не знаю, что делать. На душе тоскливо было, и сердце словно в кулак сжимали. Я посмотрел по сторонам, вернулся к лестнице, глянул в пролёт, а там дна не видно, только лестничные марши вниз уводят. Постоял, подумал, а потом опять стал спускаться. И чем глубже спускался, тем страшнее становилось. На каком-то этаже остановился. Опять коридор в обе стороны, и повсюду двери. И такой страх напал—аж кричать захотелось. Не удержался, открыл дверь и оторопел. Видать, в самый ад угодил. Повсюду костры полыхают, огненные реки текут. Я кинулся к другой двери, а там котлы огромные стоят и оттуда крики доносятся. Грешники слезами заливаются, просят, чтобы их пожалели, а в ответ только смех доносится. Такой смех—аж волосы на голове зашевелились. Там каждый получит по заслугам, что в жизни натворил, там за всё придётся отвечать. Никто не избежит наказания. Бросился к третьей двери, к пятой и десятой, а у самого аж в груди больно становится. Повсюду костры, огненные реки, везде грешники и крики раздаются. Я выскочил в коридор, побежал к лестнице, глянул в пролёт, что внизу делается, а где-то далеко подо мной отсветы огненные виднеются и непрерывные крики доносятся. Отовсюду кричали, со всех сторон. Пока слушал, вся моя жизнь промелькнула передо мной, как жил, что делал… И мне стало страшно. Очень страшно! Испугался, что здесь останусь. Повернулся, чтобы по лестнице подняться, а ко мне костлявые руки тянутся, словно в бездну хотят утащить. Я упираюсь, а лестничный пролёт всё ближе и ближе, а там…—Ефим судорожно вздохнул, взглядом обвёл горницу, но никого не видел, словно для себя говорил.—И я закричал. Сильно! Стал вырываться и побежал, а позади смех, громкий, страшный, и топот донёсся, словно гнались за мной. Поднялся к двери—и не могу открыть. Воздуха не хватает, того и гляди сердце выскочит. А позади крики и смех доносятся. Догоняют меня. Снова бросился бежать и вижу, что опять по лестнице спускаюсь. Туда, в эту преисподнюю. В какую дверь ни сунусь, лица вижу, и крики доносятся, кровь повсюду и костры, а вокруг грешники. Всякие: молодые и старые, девки и парни, мужики и бабы, даже стариков видел. И снова чуть было сердце не выпрыгнуло. Думал, грудь лопнет. Испугался. Бросился к лестнице, снова стал подниматься и вдруг в какой-то коридор попал. Узенький и тёмный. Даже руки вытянутой не видно. А вдалеке едва заметно светлое пятнышко. Маленькое пятнышко, словно свечечку зажгли и держат…—сказал Ефим и задумался.

И соседи молчали. Даже дед Устин сидел, хмуро насупившись, о чём-то думал. Потом взглянул в потолок, опустил голову и принялся что-то рассматривать на щелястом полу. Потом вздохнул. Полез было в карман за куревом, но выдернул руку, когда на него цыкнула Антонина. Приподнялся.

Видать, хотел что-нибудь спросить, но махнул рукой и снова уселся на табуретку.

Все молчали, дожидаясь, когда Ефим снова начнёт рассказывать.

— Ну чего примолк?— не выдержала бабка Камышлиха.— Язык проглотил? Ночь на дворе, людям спать пора, а он сидит, в стенку уставился. Гляди, дыру провертишь…

— Иди отсюда,— махнула рукой Антонина.— Здесь не клуб, где кино показывают. Там деньги берут за просмотр, а мой Ефим бесплатно рассказывает. Вот и молчи, а не нравится — дверь в той стороне.

И Антонина кивнула на выход.

Бабка Камышлиха недовольно заворчала, а вскоре притулилась к плечу соседа и закрыла глаза. Видать, задремала.

— И я пошёл на этот свет,— неожиданно стал говорить Ефим, и соседи вздрогнули, услышав его голос.— Коридор узкий, руками до стен дотрагиваюсь, а потом и потолок стал опускаться, шагать стало всё труднее и труднее. Протягиваю руку — она не поднимается. Хочу сказать — рот не открывается. И сердце застучало: сильно, резко, больно — медленно. Добрался до светлого пятнышка. И правда, дверь приоткрыта. Всего лишь небольшой лучик пробивался. Я обрадовался. Распахнул дверь, сделал шаг вперёд и зажмурился — до того яркий свет был, а вокруг белым-бело! Опять шагнул, думал, на улицу выбрался, а потом под ноги посмотрел и…

Ефим судорожно вздохнул и посмотрел на соседей, а у самого взгляд неизвестно где был, словно на них смотрел, но в то же время как будто пытался что-то рассмотреть за спинами.

Соседи непроизвольно стали оглядываться, с недоумением пожимали плечами, посматривая на Ефима, и исподтишка, чтобы не заметила Антонина, закрутили пальцами у висков.

— Я взглянул вниз, а под ногами наш посёлок Мусино,— продолжил рассказывать Ефим.— Откуда-то из облаков смотрел, как мне показалось, но в то же время я видел посёлок и каждый дом, нашу речку и лес, каждую травинку, каждый кустик. И всё это будто проплывало подо мной, словно я в своё прошлое вернулся. Отца заметил и мать, потом брата, Лёньку, когда они поехали в лес, чтобы дрова заготавливать на зиму, и меня с собой взяли. Тогда же ещё газ не проводили в нашем посёлке, и печь приходилось дровами топить. Отец с матерью молодые — страсть! Даже моложе, чем я сейчас. И дед Устин не стариком был, а дядькой в силе. Нашим помогал, ветви обрубал. Ага…— дед Устин встрепенулся, когда услышал про себя, но промолчал и стал слушать, что говорит Ефим.— Отец валил деревья. Одно упало, второе, третье, пятое и десятое… Потом замешкался и не заметил, как дерево наискосок стало валиться. Гляжу, а оно на меня падает. Я ещё маленький был. Несмышлёныш. От шалаша отошёл, видать, к мамке отправился, и тут попал под дерево. Сверху на себя смотрел, как я поднял голову и гляжу на огромное дерево, которое падало, а сам от страха сдвинуться не могу, не то что бежать. Свист раздался, треск, грохот… Слышу мамкин крик, потом отец заорал, дед Устин метнулся к дереву, и тут чья-то тень мелькнула, словно крылом меня закрыли, а потом этот спаситель голову поднимает, и вижу — надо мной ангел склонился, собой прикрывает, и взгляд его запомнил, словно в душу мою заглянул, будто внутри огнём полыхнул, а взгляд яркий и пронзительный, но в то же время восторженный. Он радовался, что вовремя подоспел, что удалось меня спасти. А у меня вся жизнь перед глазами пролетела, когда сверху смотрел, как дерево падало. Всё вспомнил от первого и до последнего дня. Выходит, что я ещё в детстве мог погибнуть, но ангел спас меня, прикрывая собой. Почему? Ведь не для того, чтобы в рюмку заглядывал?.. Он укрыл меня в далёком детстве, сколько раз потом помогал, чтобы я не погиб, и сейчас от смерти спас. Получается, что они существуют — ангелы-то. У каждого человека свой ангел, который сопровождает его от рождения и до последнего дня. Так идут люди по жизни рука об руку со своими ангелами-хранителями, ни на секундочку не расставаясь,— он задумался, взглянул на соседей и повторил:— Рука об руку идут. Все до единого или почти все, но люди не замечают их. Мне повезло. Я видел своего ангела…— сказал Ефим, отвернулся и замолчал.

Долго сидели соседи, о чём-то перешёптывались, потом поднялись и пошли к выходу, а дед Устин приостановился, видать, хотел поподробнее расспросить про себя, ведь Ефим видел его там — в прошлом времени, но передумал. Махнул рукой и заторопился вслед за соседями, а Ефим продолжал сидеть. Он сидел и смотрел в окно, за которым была глухая ночь. Он улыбался, поглядывая в тёмное небо, словно кого-то видел там, а потом поднялся и сказал:

— Ангел прикрывает меня. И взгляд у него чистый и радостный. Ангел мой…

Сказал и снова в тёмное небо посмотрел.

А вскоре в лесу наткнулись на старую скульптуру из камня, покрытую толстым слоем мха. Когда расчистили, увидели испуганного мальчугана, который сидел на земле, закрывая ручонками голову, а над ним склонился ангел, обнимая его крылом, и сам смотрел ввысь, словно оберегал мальчишку. Откуда взялась эта скульптура в глухом лесу, кто её сделал — неизвестно. Но с той поры, после работы, Ефим частенько уходил в лес и подолгу просиживал возле неё, о чём-то думал и с кем-то разговаривал. Быть может, о прошлом вспоминал и пытался в своё будущее заглянуть. Сам с собой разговаривал, а возможно, с ангелом беседовал. Всё может быть…

Марина Саввиных

Завещание «Минотавра»

Повесть-сказка

Посвящаю сказку о «Минотавре»
Вареньке Соловей, вдохновительнице и соавтору

Глава первая,

*в которой Вера попадает в Никуда
и знакомится с Гермесом*

Вера сидела на балконе и смотрела то вниз—на песочницу, где под присмотром мам и бабушек копошилась малышня, то по сторонам—на голубей, которые, хлопая крыльями, слетали с крыши и возвращались обратно. Это было гораздо веселее, чем читать книжку, лежавшую у неё на коленях, потому что глазеть по сторонам её никто не заставлял. А книжку читать было *надо*. Хотя бы пару страниц. К завтрашнему утру. Вера терпеть не могла, когда её заставляли. И книжку читать по этой причине было ей ужасно неохота. Хотя книжка была красивая, с цветными картинками «под старину», и на обложке золотом по чёрному загадочно и непонятно сверкало: «Мифы Древней Греции».

Но Вера обещала Марине Олеговне выучить хотя бы про Кроноса и Гею, поэтому всё же открыла новенький нарядный томик и начала читать… С первых страниц ей стало скучно—столько сложных и непонятных слов. Вера зевнула и закрыла книжку. И снова стала смотреть по сторонам. На дереве рядом с балконом сидел воробей и чистил пёрышки. Он был очень смешной. Вера подумала: «Я сейчас быстренько нарисую его, а потом продолжу читать эту скучную книженцию…»

Вера положила книжку на стул и, стараясь не шуметь, побежала в комнату. А вдруг повезёт, и воробышек не улетит, пока она ищет альбом и карандаши? Когда она вернулась… вот это да! Воробей уже не сидел на ветке, а прыгал по обложке «Мифов Древней Греции» и пытался что-то с неё склевать… Тук-тук клювом… прыг-скок… и снова—тук-тук… Вера замерла на месте, чтобы не спугнуть птичку. Больше всего её удивило, что этот самый «тук-тук» звучал так, будто не воробьиный клюв стучал по книжной обложке, а кто-то невидимый стальной ступкой ударял по пустой кастрюле… Бум-бум… бум-бум… чудеса!

Вера не удержалась и вскрикнула. Воробышек так испугался, что даже не смог улететь сразу. Пару раз он ударил крыльями по книжке безрезультатно и только потом взлетел. Вера смотрела ему вслед и ещё долго жалела, что спугнула воробышка, ведь ей так хотелось его нарисовать!

Вздохнув, Вера вознамерилась было вернуться в комнату, как вдруг «бум-бум» раздалось снова… Что это? В чём дело? Девочка в недоумении озиралась по сторонам. *Бум-бум*… всё громче и громче… Откуда? Ах, вот оно что… Книжка на стуле вздрагивала и даже подпрыгивала. *Бум!* Да что же это такое? *Бум!!! Бам-м!!!!* Вера тихонечко приблизилась, наклонилась и осторожно приподняла обложку… Горячий вихрь ударил ей в лицо, что-то вспыхнуло, загрохотало… Вера от страха закрыла глаза, а когда открыла—не было ни ветра, ни молний, ни грома. Да и балкона тоже не было. Не было вообще ничего. Сверху, снизу,

сбоку — только мягкий струящийся свет. Вера словно зависла в самом центре светящейся пустоты. А может быть, и не в центре… «Хаос, — подумала Вера, — вот, оказывается, что это такое… а я-то думала…». Но она не успела додумать эту мысль до конца… Что-то внезапно изменилось вокруг.

Прямо перед ней в сгустившейся пустоте показалось движущееся тёмное пятнышко. Растёт, приближается… Что это? Ого! Да это же её старый знакомый воробышек! Скачет на своих тоненьких лапках и оглядывается на неё. Посмотрит на неё и скачет, посмотрит и снова скачет. Как будто зовёт куда-то…

Куда, интересно? Да и — *по чему* это он скачет? Ведь нет *ничего*!

Вера поболтала ногами в пустоте… о-ё-ёй… как бы не перевернуться — *вниз* головой… Ага! Где голова — там, значит, *верх*. Где ноги — там, значит, *низ*.

Только она это подумала, как что-то громко щёлкнуло, и она почувствовала под ногами вполне себе прочную *твердь*. Более того, она вдруг поняла, что до сих пор держит под мышкой альбом, цветные карандаши рассыпались перед ней по *тверди*, а воробышек (вот озорник!), который всё это *натворил*, как ни в чём не бывало вьётся у неё над самым ухом и весело чирикает. Чик-чирик… Хоп! — и уселся прямо Вере на плечо.

— Ну-с, голубушка, продолжим?

Ой, да какой там воробей?! На плече у Веры сидел, свесив ножки, крошечный человечек. На ножках — сандалики с крылышками, на головке — серебристый шлем, тоже с крылышками, в правой руке — оранжевая палочка, обвитая двумя зелёными змейками.

— Ты кто? — Вера чуть не задохнулась от неожиданности.

— Не узнала, умница из умниц? — засмеялся человечек, спрыгнул с Вериного плеча на *твердь* и вдруг стал расти-расти, пока не превратился во вполне-таки взрослого дядю.

— Всё ещё не узнала меня? — глядя на девочку сверху вниз, строго спросил незнакомец.

— Не-а… — вне себя от удивления прошептала Вера.

— Ну, тогда — трепещи! Если с трёх раз не угадаешь моё имя — останешься здесь навсегда. В пустоте и безвестности! Навсегда! Поняла? Итак — *раз*…

«Кто же это, кто? Так… у него есть крылышки… может, это ангел? Хотя почему крылья на сандалиях? Может, это сандалики-скороходы?» — думала Вера.

— А… «здесь» — это где? И где моя книжечка? И куда делся воробышек? — бормотала девочка, стараясь протянуть время, а сама пыталась сообразить.

«Кого-то он мне напоминает!» Она вспомнила, что у неё в той скучной книжке была точь-в-точь такая же картинка, и под ней даже было что-то

написано. Но вот что? Вера никак не могла вспомнить. Она даже закрыла глаза, чтобы представить эту страницу!

— Слишком много вопросов для глупой девчонки, которая вот-вот останется одна-одинёшенька в вечной пустоте! *Два*…

От страха Вера ещё крепче зажмурилась, и страница скучной книжки, наконец, отчётливо всплыла перед её внутренним взором…

Да-да… конечно… это он… Крылатый шлем… крылатые сандалии… ехидная ухмылочка… это он! Вестник богов, проводник между живым и мёртвым миром… великий хитрец и фокусник… отец всяческих перевоплощений… шутник и колдун…

— Я вспомнила! — что есть мочи закричала Вера. — Ты Гермес! «Здесь» — это в Греции? Хочу домой! Ты сказал, что если я тебя узнаю, то буду дома!

— Полно врать-то, — добродушно ухмыляясь, сказал Гермес. — Когда это я сказал, что, вспомнив моё имя, ты будешь дома? Не-е-ет, голубушка. Возвращение домой надобно заслужить! А про Грецию — ты это зря. Где тут Греция? Тут только — твердь, как видишь. Вверху — твердь небесная. Внизу — твердь земная. По какому образу и подобию построишь мир, в такой — боги тебе в помощь! — и вернёшься.

При этих словах Гермес потянулся, зевнул и промолвил как бы нехотя:

— Ну, я пошёл… а книжица эта тебе ещё пригодится. Если что — зови на помощь. Сожми пальчики

правой руки в кулачок, закрой глаза и громко крикни: «Гермес Трисмегист[1], немедля явись!» И я тотчас приду на помощь. Всё же ты вспомнила меня… я доволен. Буду нужен — помогу.

С этими словами Гермес медленно растворился в пространстве. Сначала исчезли крылышки, потом сандалии со шлемом, потом палочка со змеями, потом ухмылка, а потом и весь этот странный дядька исчез, как будто его и не было… Зато на *тверди* рядом Вера обнаружила довольно-таки уютное креслице и столик, на котором вольно расположились альбом, карандаши и всё та же книжка — «Мифы Древней Греции».

«Ну и что теперь делать? — думала Вера. — Что же он говорил? По какому образу построишь мир — в такой и вернёшься… Что это значит?»

Она села в кресло и закрыла глаза. Она всегда так делала, когда нужно было сосредоточиться и что-то представить. В голове проплывали картинки: вот Вера сидит на балконе, рядом книжка, а за окном дерево, а на дереве воробышек. И она очень хорошо помнила, как хотела его нарисовать. Вера открыла альбом, взяла карандаш и начала…

Как только она закончила рисовать воробышка, поставила последний штрих… Вдруг!!! *Чик-чирик, чик-чирик*… Воробышек снова прыгал по книжке.

«Ах, вот оно что! — подумала Вера. — Значит, то, что я рисую, появляется на самом деле. Ну… тогда… что же нарисовать? Нарисую-ка я и вправду свой дом — вот сразу домой и попаду…»

Тут она задумалась. «Хорошо, конечно, дома. Но там ведь нет ничего чудесного. Когда ещё представится такая возможность — мир творить… по образу и подобию?.. Эх, надо попробовать! А домой вернуться всегда успею. Вот они, карандашики-то волшебные, в моих руках!»

Ну-с… Вера попыталась вызвать в воображении какую-нибудь подходящую картинку. Но ничего не получалось. Перед её глазами беспорядочно мелькали какие-то ветки, цветы, дома с колоннами и без колонн.

Тут взгляд Веры упал на книжку. «Интересно, может быть, там написано что-нибудь по этому поводу?»

— Давай-ка почитаем, — сказала Вера воробышку.

Открыла и начала читать вслух…

Странная это была книжка! Её слова и строчки возникали как будто у Веры в голове, в воображении, и только потом вспыхивали на странице…

Так… твердь земная… Земля… Вера увидела прямо перед собой медленно кружащийся глобус.

Девочка схватила карандаш и… Раз-два-три! Отличный разноцветный глобус на чёрной пластмассовой подставке стоял перед ней на столе.

— Крутнём? Где же я хочу оказаться? Да не всё ли равно? У меня же волшебные карандаши!

Вера остановила глобус и ткнула пальцем наобум.

Ой! Что такое? Влажный солёный ветер дохнул ей в лицо, твердь под ногами зашевелилась… в ярко-голубом небе над головой жарко светило солнце… ни стола, ни кресла, ни глобуса… Вера сидела в маленькой деревянной лодке под белым полотняным парусом. И куда ни глянь — везде только волны, лазурные морские волны…

«Ну ты снова попала!» — рассердилась на себя Вера.

Хорошо хоть альбом с карандашами всё так же был при ней, да воробышек весело чирикал, перепархивая по парусам с реи на рею.

«Надо быть осторожнее! Что же нарисовать, чтобы не попасть в глупое положение? Если тут море (интересно, какое?)… надо придумать берег! Но как же его придумать, раз я даже не знаю, где я? Вдруг опять куда-нибудь не туда попаду? Похоже, положение становится безвыходным. Пора звать на помощь!»

Вера сжала кулачок, зажмурилась и крикнула:

— Гермес Трисмегист, немедля явись!

Тишина.

Вера снова крикнула:

— Гермес Трисмегист…

Тишина.

— Ух, обманщик! — Вера чуть не заплакала.

— И зачем так орать? — услышала она прямо за спиной. — Я не глухой.

Вера вскочила, чуть не перевернув качнувшуюся лодку, — позади, на соседней скамейке, лежал, растянувшись во всю длину, огромный серый кот.

— Что уставилась? — промурлыкал кот вполне дружелюбно. — Да-да, это я. Принимаю облик, какой хочу. Ты же оказала мне такую услугу — одним движением пальчика отправила нежиться под тёплое солнышко Эгейского моря!

— Коты вообще-то боятся воды. Нет бы рыбкой золотой обернулся. Я читала книжку, где золотая рыбка желания исполняла.

— Рыбкой — это банально, — потягиваясь и зажмурив глаза от солнца, сказал кот. — Котиком веселее плыть по морю, чем рыбкой. Мур-мур-мур…

— Ну так помоги мне, колдун! Эгейское море, говоришь? Наверняка ты знаешь какую-нибудь чудесную историю! Расскажи, а я нарисую картинку. Может, так у нас с тобой получится что-то сотворить?

— Ах, — вздохнул кот, — все здешние истории полны печали. Видишь — там, впереди…

Вера пригляделась, и действительно прямо по курсу вдалеке появились очертания берега.

— Что это? — спросила она, уже ничему не удивляясь.

— Это, голубушка, остров Крит.

— Давай придумаем попутный ветер, чтобы как можно скорее добраться до него!

1. «Трисмегист» по-древнегречески означает «Трижды Величайший».

— Ты правда этого хочешь?
— Конечно!
— Ну-ну… как бы не пожалеть потом! Впрочем, как угодно… «Ветер, ветер, ты могуч, ты гоняешь стаи туч… не губи ты нашу душу, выплесни ты нас на сушу!»
— Это Пушкин! — засмеялась было Вера.

Но вдруг парус лодочки раздулся под внезапно налетевшим порывом ветра, и лёгкое судёнышко стремительно понеслось по волнам навстречу приключениям.

Глава вторая,

в которой Вера узнаёт страшную тайну острова Крит и пытается понять цель своего путешествия

Вера проснулась оттого, что жаркий луч солнца пощекотал её нос и щёки.

«Опа… как хорошо, что кончился этот страшный сон!» — подумала она и открыла глаза.

Над ней — над самым лицом — шевелились огромные кружевные листья.

Что за дерево?

В широких ветвях, склонившихся над ней, трепетали солнечные пятна, что-то трещало и свиристело… какие-то насекомые и птички… Было так тепло, безмятежно и ласково, что Вера и не поняла даже, огорчаться ей или радоваться.

«Это какой-то бесконечный сон. Ну, делать нечего. Посмотрим, что у нас тут такое… во сне. Что-то есть хочется… Я бы с удовольствием сейчас съела сырников. Или блинчиков со сгущёнкой».

Тут она размечталась. По привычке закрыла глаза, и перед глазами у неё поплыли тарелки с разными блюдами. Блинчики, сырники, котлеты с картофельным пюре, и опять блинчики, и курочка с румяной корочкой, а вот и огурчик с помидором под сметаной… У Веры закружилась голова, и внутри что-то заурчало, а потом стало засасывать, как будто она проглотила стрелу с присоской.

«Может, нарисовать себе завтрак?» — подумала Вера.

В этот момент листья задрожали, зашуршали, и она чётко услышала:
— *Ах-ха-ха!! Ах-ха-ха!!!*

«Похоже, я от голода схожу с ума! Надо мной деревья начали смеяться».
— *Ах-ха-ха!! Ах-ха-ха!!!*

Смех становился всё громче. Теперь Вере казалось, что смеётся не всё дерево, а ветка или даже лист, свисающий над самым ухом…
— Сырники? Ну, тогда тебе прямая дорога к козопасам, — сказал листик, свернулся в трубочку и превратился в зелёную змейку.
— Пойдём, — сказала змейка, переползая Вере на плечо, — я покажу дорогу. Видишь, вон там… над кустами — дымок. Это пастухи варят сыр. Если ты им понравишься, они и накормят, и расскажут, что у них тут за дела…

С этими словами змейка скользнула в траву и зашуршала впереди, словно призывая девочку следовать за ней.

И Вера послушно пошла за змейкой. По дороге она с интересом разглядывала пятнышки на спинке змейки. Они были разных оттенков зелёного и коричневого цвета.
— Гермес, это снова ты? — немного смутившись, спросила Вера.
— Сообразительная девочка! — хихикнула змейка. — Респект!

Вскоре змейка вывела Веру на каменистую тропинку, которая петляла между раскидистых деревьев и тёмно-зелёных кустов, усеянных розовыми цветочками. Но как только Верины босоножки коснулись камешков тропинки, змейка исчезла из виду…

Куда же идти?

Тёплый ветерок шевелил её растрёпанные волосы и… распространял вокруг какой-то вкусный-вкусный запах. Пахло свежей выпечкой и ещё чем-то… кисловато-сладким…

«Пойду на запах, — решила Вера. — Кто бы ни были, не прогонят же они голодного ребёнка!»
— И в таком виде ты хочешь предстать перед простыми критскими пастухами?
— Гермес! Ты всё время появляешься как чёртик из коробки! — почти не удивляясь, обернулась Вера.

Вместо змейки на тропинке сидела тощая чёрная собачонка с острыми ушками и смотрела на Веру весёлыми карими глазами.
— Полюбуйся на себя! Волосы всклокочены, джинсы с дырками на коленках, на футболке какая-то рожа… Тебя не поймут!

— Что же делать?
— Волшебные карандаши зачем? Нарисуй себе подходящую одежду. Как у древних жителей Крита. Мы же с тобой не просто на острове Крит, а... постой, посчитаю... Так... По вашему летоисчислению, мы с тобой на Крите в две тысячи двадцатом году. Или около того. Разумеется, *до* вашей эры.

Вера уселась на пенёк, удачно оказавшийся поблизости, и привычно закрыла глаза, представляя себя вместо девушки с арфой из своей книжки.

«Ну... арфа нам пока ни к чему. А вот одеться как следует не мешало бы...»

Так. В кармане джинсов — несколько карандашей... Увы! Они стали маленькими, как огрызки, — иначе не поместились бы в карман. А в другом кармане — альбом, уменьшившийся до размеров записной книжки.

«Надеюсь, метаморфоза не повлияла на волшебные свойства карандашей», — подумала Вера и сама удивилась, какое красивое умное слово пришло ей в голову. Не иначе, Гермес и тут постарался!

«Итак, нарисуем первым делом... расчёску и хорошенькую ленточку для волос».

Раз-два-три... Несколько размашистых штрихов — и перед Верой зеркало, заслонившее тропинку. У-у-у... и правда — какая-то неумытая неряха перед ней. Не дело!

Вера быстренько нарисовала деревенский рукомойник с водой, верёвку, чтобы привязать его к дереву, кусок мыла, зубную щётку, тюбик с пастой и полотенце.

И... разве могла она вообразить прежде, какое это наслаждение — умыться и почистить зубы?

Та-ак... теперь можно и причёской заняться. Вера тщательно расчесала свои длинные русые волосы, заплела их в косы и при помощи ленты обвила вокруг макушки. Ну вот... теперь на человека похожа. Как же теперь уподобиться человеку, который живёт... четыре тысячи лет назад?

Вера напрягла воображение и нарисовала в блокноте два белых куска полотна и большие ножницы. Так-с... прорежем дырку здесь... и вот здесь...

Хоп-хоп... Надела через голову, верёвкой подпоясалась. Ура! Вполне сойдёт за древнюю гречанку. Или критянку... а! всё равно!

«Хороша! Ну, хороша!» — вертелась Вера перед зеркалом.

Осталось только обувь придумать. А чего тут придумывать? Обычные пляжные сланцы. Только из кусочков кожи и нескольких верёвочек... Раз, два... нарисовала! Ну, всё! Теперь и ноги у нас в порядке.

Напоследок Вера нарисовала простую холщовую сумку, побросала туда расчёску, мыло, зубную щётку, пасту, маленькое круглое зеркальце, полотенце и карандаши... и — вот сюрприз! Обнаружила в кармане сброшенных джинсов почти совсем стёршийся пластиковый ластик... Хоп-хоп.

Сотрём ненужное, чтобы не оставлять лишних следов. Старая одежда, зеркало и рукомойник исчезли, будто их и не было.

А Вера вприпрыжку побежала по тропинке — туда, куда манил её вкусный запах человеческого жилья.

Чёрный пёс то опережал её, вертя хвостом и громко лая, то оставался далеко позади, гоняясь за ящерками и птицами. Наконец тропинка, по которой они бежали, оборвалась у края невысокого обрыва, с которого уже хорошо видны были несколько строений, сложенных из грубо отёсанного камня, крытых ветками и соломой и огороженных бревенчатым частоколом. Вера обрадовалась, но только сделала шаг, чтобы спуститься с обрыва, как сзади раздалось:
— Стой! Негоже юной деве путешествовать в одиночестве.

Она обернулась в недоумении. За её спиной прямо из воздуха образовался высокий седовласый и седобородый старец, весь в белом и с какой-то деревянной штуковиной на ремне, переброшенном через плечо.
— Гермес? Никак не привыкну к твоим штучкам...
— Мы придём вот-вот в деревню... Запомни: я — странствующий певец... аэд... слепой... ты — мой поводырь... моя воспитанница... поняла?
— Да где уж мне понять? — обиделась было Вера, но тут же поддалась своему обычному любопытству: — Певец? Так ты поёшь? Спой что-нибудь — интересно, о чём это пели певцы... так ужасно давно!
— О дитя! — воскликнул старик. — Ты не могла пожелать ничего более приятного для моего возвышенного сердца! Я не пел уже лет триста. И для тебя — спою старинным слогом ионийскую[2] песню о Минотавре.

2. Ионийцы — одно из главных греческих племён, живших в Средней Греции (Аттика) и на островах Эгейского моря. Центром ионийского мира считались Афины.

Тут он огляделся, нашёл у края тропинки камень покрупнее, уселся на него, поставил деревянную штуковину, которую он называл кифарой, на колено и ударил по струнам.

Вера думала, что услышит звук, подобный звуку арфы или гитары, но—нет… Звук у древнего инструмента оказался глуховатым и не очень выразительным на слух ценителя двадцать первого века. Конечно же, нашей эры. Ещё бы! Ведь кифара—всего лишь несколько деревяшек с натянутыми между ними воловьими жилами и небольшим ящичком-резонатором. Зато голос певца звучал мощно! Жаль, Вера сначала ни слова не поняла…

— Погоди!—она дёрнула Гермеса за край плаща.—Что это за язык? Я ничего не понимаю!

— Ах да!—воскликнул старик.—Как же это я упустил?!

Он покрутил пальцами у Веры перед самым носом, трижды щёлкнул языком, дважды цыкнул зубом и промолвил на чистейшем дорийском[3] наречии:

— Теперь, дитя, всё сказанное здесь будет открыто твоему вниманию! Готова ли ты выслушать печальную историю этого поистине прекрасного места?

— Только покороче,—сказала Вера,—а то очень кушать хочется.

Гермес неодобрительно хмыкнул, но ничего не сказал, а глубоко вздохнул и запел высоким зычным голосом:

Богов обманывать не смей—
Будь ты хоть трижды царь!
Для ложных жертвенных затей
Сооружён алтарь.

Ми́нос, мир идёт ко дну,
Страшен Посейдон!
Сведёт с ума твою жену—
Крит будет обречён!

Прекрасен белоснежный бык,
Он не пойдёт под нож.
Подарок бога так велик,
Что с небесами схож.

Пусть вместо белого быка—
Телец на алтаре,
Бычок, пятнистые бока,
Зарезан на заре!

Минос, мир идёт ко дну,
Страшен Посейдон!
Сведёт с ума твою жену,
Крит будет обречён!

Ты слышишь этот жуткий крик?
Владыка вечных вод
В твой дом проклятием проник
И погубил твой род!

Дедал соорудил тюрьму,
И в ней из года в год,
Не видимое никому,
Позор народу твоему,
Чудовище живёт!

Минос, мир идёт ко дну,
Страшен Посейдон!
Сведёт с ума твою жену—
Крит будет обречён!

Гермес замолчал, положил на траву кифару и сказал задумчиво:

— Это длинная история… до сих пор в ней так и не разобрались до конца.

— Если честно,—виновато пробормотала Вера,—почти все слова твоей песни мне понятны, но смысла я так и не уловила… Извини.

— Неудивительно,—строго взглянул на неё Гермес,—глупо было бы ожидать от такой… мало начитанной особы какой-то другой реакции. Но перед тем, как мы спустимся с пригорка, надо всё-таки ввести тебя в курс дела. Иначе ты—по невежеству своему—такого можешь наворотить… Видишь ли,—продолжил он, не обращая внимания на обиженное выражение Вериного лица,—вон там… за большим холмом… за старой оливковой рощей… за большой дорогой… находится чудо архитектуры и инженерной мысли—Дворец царя Миноса. Тебе позарез надобно до него добраться, но сначала ты немного погостишь в деревне, жители которой снабжают Дворец сыром, вином и оливковым маслом. Идём же! Но когда встретим кого-нибудь, не забудь, что я слепой, а ты мой поводырь. Топай вперёд, я положу руку тебе на плечо и буду следовать за тобою.

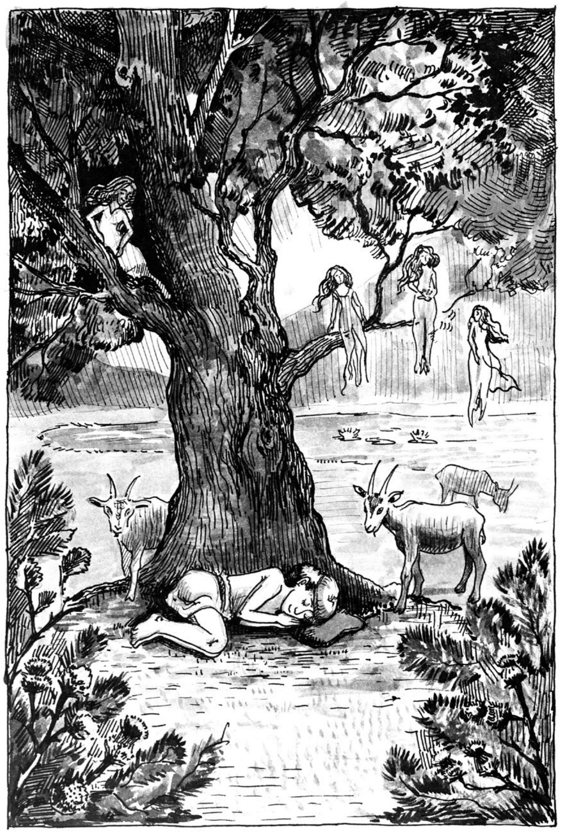
И они пошли, а по дороге старик рассказал вот что:

— В твоё время Крит—всего лишь греческий остров. Средиземное море, туристы, курорты. Но теперь мы—в центре могущественной морской державы. Её быстроходные корабли достигают самых отдалённых уголков ойкумены…

— Ой… ку… чего?

— Ойкумены! Так называется весь известный мир—суша, море, острова… всё, что могут охватить глаз и воображение… Так вот. Царь Минос держит в повиновении соседние народы, никто не смеет ему перечить. А критянам и бояться нечего! Нет такой военной силы, которая могла бы по морским волнам добраться до острова и победить Миноса. Поэтому нет на острове крепостных стен и защитных сооружений. Только мысль о красоте и гармонии руководит здешними строителями. Крит

3. Дорийцы—так же, как ионийцы и эолийцы, одно из главных древнегреческих племён. Когда-то дорийцы вторглись в Южную Грецию и на острова с севера. Главные города дорийцев в древности—Спарта и Аргос.



прекрасен! Природа и создания людей находятся здесь в божественном равновесии. У тебя, дитя, скоро будет возможность убедиться в этом.

— Отлично! А в чём печаль?

— Зависти людской, дорогуша, нет предела… а о зависти богов я уже и не говорю!

Гермес даже остановился и почесал затылок.

— Иногда мне кажется, что добрые олимпийцы только и делают, что завидуют друг другу и несчастным смертным, которых угораздило уподобиться им по красоте, силе или мастерству… Да будет тебе известно…— тут он понизил голос, огляделся по сторонам и продолжил почти шёпотом,— что в этой истории замешаны такие… персоны, что при одной мысли о них даже мне становится не по себе… А ведь нам придётся… кому-то из них дорожку перейти. Иначе зачем было тебя из твоего континуума[4] вытаскивать?

Ничего себе! У Веры мурашки побежали по спине. Выходит, всё не случайно? И тёплый весенний вечер, и бездельничанье на балконе, и задание по литературе, и книжка? И воробей? Тут, оказывается, надо кому-то всемогущему дорожку переходить… да ещё чтобы тебя вытащили из какого-то конти… ну, не важно!

— Но почему я?! — чуть не плача, воскликнула Вера.— Мне-то всё это зачем?

— Этого я не могу тебе сказать,— вздохнул Гермес,— потому что и сам толком пока не знаю. Думаю, детали задачи выяснятся в процессе её решения. Вон там,— он ткнул посохом куда-то вдаль и влево,— далеко-далеко за морем, среди скал, южных сосен и виноградников, живут подданные Эгея. Со временем поселение, над которым властвует Эгей, разрастётся, прославится ваятелями и мудрецами, станет, как в твоё время скажут, «культурным центром» всего просвещённого мира, но сейчас это довольно-таки отстойный городишка… по сравнению с Кноссом, конечно, куда, надеюсь, ты скоро попадёшь. Так вот, несколько лет назад там, в Афинах, подло убит младший сын Миноса. Царь до сих пор в горе и ярости. Только и думает, как отомстить. Он хитёр… ох, как он хитёр! Но в искусстве лжи и клеветы никому не дано превзойти любимцев Паллады![5] Это ведь в Афинах придумали сказку о Минотавре.

— Сказку? — насторожилась Вера.— Вот с этого места нельзя ли подробнее?

— Можно и подробнее. Только… мы уже пришли.

И действительно, среди зарослей колючего кустарника открылась широкая поляна, на которой мирно паслись грязновато-пегие козы. А под раскидистым деревом на траве, прислонившись спиной к морщинистому бурому стволу, дремал себе в тенёчке парнишка, примерно Вериных лет. Из всей одежды на нём был только серый кусок полотна, обёрнутый вокруг туловища и небрежно схваченный по талии широким кожаным ремнём

— Это кто? — шёпотом спросила Вера, не оборачиваясь.

Она была уверена, что спутник в любом случае её услышит.

— Подойди, спроси,— ехидно хмыкнул старик.

Вера на цыпочках приблизилась к мальчишке, опустилась рядом с ним на корточки и тихонько сказала:

— Эй!

Её робкий возглас не возымел никакого эффекта. Парень только поморщился, засопел и перевернулся на бок, поджав под себя ноги.

— Ах, так?!

Вера сорвала длинную сухую травину и, зайдя на четвереньках с другого бока, с невыразимо сладким злорадством пощекотала ею беззащитную мальчишечью ноздрю…

Ух, как он подскочил! Чихнул раз пять подряд, протёр глаза и вовсе не дружелюбно вытаращил их на незнакомцев…

— Привет! — робко сказала Вера.

— Чего тебе? — парень явно не склонен был разговаривать.

— Скажи, это твои козы?

4. В физике — единство пространства и времени.
5. Паллада — прозвище богини Афины, покровительницы одноимённого города-государства в Древней Греции.

— Хозяина,— буркнул пастушонок.— А вы кто такие будете?
— Афелос, аэд,— наконец подал голос Гермес.— А это Вера, воспитанница моя, единственный мой поводырь… Не найдётся ли у твоего хозяина немного еды для голодных и уставших путников? А может быть, он пустит нас на ночлег? Мы идём от самого Феста и уже почти без сил.
— Аэд?— недоверчиво переспросил паренёк, но, оглядев незнакомцев с головы до ног, смягчился.— Хорошо, побегу спрошу… Афелос, говоришь? Вроде слышал я про такого… Ну, я пошёл,— он крутанулся на голых пятках и в мгновение ока исчез за кустами.

Вера обречённо посмотрела ему вслед.
— Когда он вернётся, мне уже будет всё равно… я уже буду хладный труп… я теперь поняла, как умирают от голода…
— Смешно!— ухмыльнулся старик.— На лугу пасутся ко… А кто-то тут собрался умирать от голода… Ну что, дорогуша? Иди доить козу. Не мне же, слепому аэду, её доить? Только нужно придумать, во что ты её доить будешь.
—Придётся рисовать…— и Вера привычно потянулась за карандашами и блокнотом.

Гермес проводил её движение неодобрительным взглядом.
— Ты поосторожнее с карандашами. Здесь не всё материализуется по твоему желанию. Это во-первых. А во-вторых, карандаши не вечные, их сила может закончиться раньше, чем нужно. Прибереги их для важного.
— Ладно, это последний раз.
— Ну, скажем, не последний… но всё же. Поосторожней с волшебством.
— Ага!

И Вера нарисовала небольшой кувшин. Потом она вознамерилась нарисовать рукомойник, чтобы помыть руки. Вера вспомнила, как она ездила к бабушке в деревню. Там была корова Майка, и бабушка всегда тщательно мыла руки перед дойкой.
— Эй…— остановил её Гермес.— Рядом с пастбищем обязательно должен быть источник… Ну-ка…

Он поплевал на указательный палец и со значительным выражением лица поднял его перед собственным носом…
— Хайрэ…— услышала Вера над головой.— Хайрэ…

Ароматный вихрь обдал её с головы до пят приветливой влагой…
— Привет, Гермес… привет… привет…

Перед глазами девочки быстро-быстро замелькали крошечные полупрозрачные тельца.
— Это наяды,— шепнул старик,— духи местных вод. Где-то рядом— озеро… или речка…

Он сделал несколько шагов в сторону, пошевелил палкой в траве, и Вера вдруг услышала безмятежный ласковый говорок:

Камешки, травинки,
Лёгкая водица,—
Всё, чтобы напиться,
Всё, чтобы умыться.
Под плакучей ивой—
Родничок на дне.
Путник торопливый,
Загляни ко мне.

Едва Вера подумала, кто бы это мог так петь, как откуда-то из-под кустов показалась… тень? Нет, для тени она была слишком живая… Показалось почти бесплотное, но явно живое существо— просто-таки излучающее доброжелательность и ласку.
— Как же я рада тебе, Трисмегист! А это милое дитя? Оно— с тобой?.. Ох, да нет ли тут чего-нибудь дурного? Не задумал ли ты чего?..
— Ничего такого задумать не могу я, Лириопа, чего не было бы в замыслах у Эгиоха![6] Напои и умой Веру. Ей надобно… подоить козу.

Лириопа рассмеялась, словно хрустальные колокольчики зазвенели. И показалась уже, так сказать, во плоти.

Она была ростом чуть выше Веры, всё её маленькое тельце окутывали волны изумрудно-зелёных волос… а ножки… их трудно было разглядеть в густой траве, но Вера заметила между пальчиками её босых ножек самые настоящие перепонки. Как у лягушки…
— Ах, дитя… ты так устала, бедная… ну, иди, иди сюда… я тебя искупаю…

С этими словами Лириопа схватила Веру за руку и потянула за собой. Кусты раздвинулись, и Вера увидела чудесное круглое озеро, заросшее тростником и огромными белыми лилиями, плавающими по воде среди тёмно-зелёных листьев. Вода в озере была настолько прозрачная, что Вере видны были и стебли растений, поднимающиеся со дна, и красные и жёлтые рыбки, скользящие между ними, и собственные ступни, едва касающиеся песочка, по которому она заходила в озеро, сбросив платье и сандалии на берегу…

Вера даже забыла про голод, окунувшись в озеро Лириопы, но когда она вышла на берег, в животе у неё снова заурчало…
— Ты и в самом деле хочешь подоить козу?— улыбнулась наяда.— Ну, идём. Посмотрим, что можно сделать.

Козы по-прежнему мирно щипали травку на поляне. Лириопа приблизилась к той, что была поближе, обняла её за шею, что-то шепнула ей в ухо и поманила Веру ладошкой.

Вера подхватила кувшин и быстренько пристроилась к козе.

6. Эгиох— одно из прозвищ Зевса, царя богов и людей.

— Вот,—сказала Лириопа,—сначала омоем козочке вымя,—она выпустила из ладошки струю тёплой воды, коза сказала «ме-е-е-е-е» и покосилась на Веру влажным миндалевидным глазом.—А теперь, дитя, смажь ей соски́ маслом…

В ладони Лириопы появилось пятнышко растительного масла. Наяда перелила масло на Верину ладонь, и девочка сначала растёрла масло между пальцами, а потом боязливо прикоснулась к козьему вымени…

— Не бойся,—шепнула Лириопа,—козочка хочет дать тебе молока.

Вера подставила под вымя кувшин и—неожиданно для себя—стала ловко доить козу. Лириопа стояла рядом и посмеивалась. А коза время от времени, обернувшись, поглядывала на них и тоже, казалось, ухмылялась…

Наконец Верин кувшинчик наполнился. Не отходя от козы, Вера прильнула губами к его краю…

Ух ты! Такой вкусноты она никогда и не пробовала. Молоко было густое, жирное и как-то особенно пахло…

Несколько глотков—и Вера была сыта.

— Афелос, Афелос!—послышалось издалека.

Это пастушонок возвращался из деревни.

— Прощай, Вера,—сказала Лириопа.—Может, ещё свидимся.

С этими словами она обняла Веру и медленно растворилась в воздухе.

Запыхавшийся от бега мальчишка—сам похожий на взъерошенного козлёнка,—тормозя пятками, влетел на поляну.

— Хозяин Ликаон просит пожаловать,—выпалил он, как будто эти слова еле-еле дождались минуты, когда он выпустит их наружу,—и заранее извиняется за простоту угощения. Люди мы обыкновенные, без затей… но рады прославленному Афелосу от души.

«Афелос-то здесь, оказывается, звезда!»—подумала Вера—и протянула мальчишке кувшинчик с остатками молока.

Тот взял кувшинчик, бросил на Веру одновременно благодарный и неодобрительный взгляд и в три глотка осушил посудину.

— Я вас отведу,—сообщил он, вытирая губы тыльной стороной ладони,—и тут же вернусь к нашим козочкам. В лесу неспокойно…

— Мы ни одного злодея по дороге не встретили,—улыбнулась Вера.—Но даже если кто-нибудь захочет ваших козочек… забрать, что ты сможешь сделать?

— Кому придёт в голову забрать наших коз?—поднял брови парень.—Тут неподалёку пантера вывела котят… Но если даже она захочет полакомиться козлятинкой, вот что у меня есть,—парень с гордостью вытащил из-под ремня свёрнутый в несколько раз кнут с отполированной до блеска ручкой.—Позову своих на помощь, а сам, пока не прибегут, буду отбиваться. Отобьюсь!

Вера только плечами пожала: герой!

Гермес-Афелос нетерпеливо кашлянул, и втроём они стали спускаться по узенькой тропинке, незаметно вьющейся между кустами, к деревне, которая, приближаясь, всё яснее напоминала о себе запахами и звуками.

И поскольку первый голод Вера уже благополучно утолила, теперь её одолевало любопытство, и она принялась расспрашивать пастушка обо всём, что на тот момент приходило ей в голову. Тот был не слишком разговорчив, но кое-что Вере удалось-таки выведать.

У Ликаона, как, впрочем, и у остальных жителей посёлка, который называется Матала, хозяйство небольшое—он в основном ловит рыбу и охотится на кабанов и оленей, их в горных лесах множество. Жена его и дети ухаживают за виноградником и присматривают за молодой оливковой рощицей. Есть у них несколько овечек и козы… те самые, с которыми так близко познакомилась Вера. Сам-то пастушонок—сирота, не помнит ни отца, ни матери. Ликаон подобрал его младенцем на обочине дороги, ведущей к Дворцу. Вырастил и воспитал наравне с родными сыновьями, так что для семьи хозяина и для многочисленной родни, которая обитает рядом, он—такой же домочадец, как и остальные.

— А зовут-то тебя как, герой?—непринуждённо поинтересовалась девочка.

— Парис,—ответил тот,—моё имя—Парис. А ты—я запомнил—Вера!

«Где-то я уже слышала это имя,—подумала Вера.—Эх, надо будет, как выдастся минутка, книжку мою полистать… Где она, кстати, моя книжка?»

Она поспешно пощупала сумку, висевшую у неё на боку. Книжка была на месте.

— Раньше надо было об этом позаботиться,—проворчал по-русски Гермес-Афелос, словно Вера думала вслух.

Парис удивлённо посмотрел на него, но ничего не сказал.

Глава третья,

в которой Вера узнаёт историю Тесея и видит очень познавательный сон

У калитки в частоколе, огораживающем несколько построек, сложенных из камней и крытых ветками и соломой, собралось едва ли не всё население деревни. Всем хотелось увидеть и послушать знаменитого песнопевца, слава о котором докатилась и до этого тихого уголка. Расспросить, как там, за горами, за морем, люди живут… да и люди ли там живут, где нас нет и где вряд ли когда-нибудь мы побываем?.. Правда ли, что на островах,

затерянных в пучине морской, пасут овец чудовища-циклопы? Не встречал ли Афелос в лесах неизвестных чудесных тварей? А главное, что слышно о царе Эгее, который ежегодно присылает на Крит обильную дань?

Сначала Веру смутило почти полное отсутствие одежды на окруживших её людях. Юноши, девушки и почтенные — судя по их виду и отношению к ним младших — мужчины и женщины были едва прикрыты одним-двумя кусками сероватого домотканого полотна, а дети и вовсе бегали голышом. Но потом она привыкла, потому что здесь на это совсем не обращали внимания.

В дружелюбной жизнерадостной толпе встречающих Парис проводил Афелоса и Веру к самой большой постройке посреди деревни и, попрощавшись, помчался в лес, к своим козам.

«Дисциплина тут у них! — подумала Вера. — Представляю, как я повела бы себя на его месте… Если бы, скажем, в наш город приехала какая-нибудь мировая суперзвезда, а меня, вместо того чтобы наслаждаться концертом, заставили бы что-то делать по дому…»

Постройка, к которой они подошли, представляла собой что-то вроде крытого двора. Под огромным навесом, опирающимся на несколько здоровенных, врытых в землю брёвен, расстелен грубый шерстяной ковёр, на котором Вера увидела аккуратно разложенные и расставленные яства — куски мяса на двух деревянных подносах, рассыпчатая каша в глубокой глиняной миске, лепёшки, несколько кувшинов, больших и маленьких, — видимо, с водой, вином и маслом, виноград, очищенные грецкие орехи, пучки зелени и, конечно же, сыр. Вкусно пахло дымом и свежей едой. Так вкусно, что Вере снова захотелось есть.

— Проходи, устраивайся, Афелос! — поклонился гостю Ликаон, высокий дородный бородатый мужчина, одетый с чуть большей претензией, чем остальные. — Подкрепи силы с дороги, а потом — поведай нам, где ты был, что слышал от людей, какие происшествия сам застал. А песням твоим, Афелос, мы так уж будем рады, так рады! Не часто заходят в нашу деревню богоравные песнопевцы. Даже и не помню, когда это случилось в последний раз.

Тут, не взглянув на Веру, он взял Афелоса под руку, подвёл к ковру, помог устроиться на мешке, набитом, видимо, овечьей шерстью, и сделал знак парням, стоящим неподалёку, чтобы они ухаживали за слепым…

— Позволь, Ликаон, помощнице ухаживать за мной, — почувствовал его движение Афелос, — она понимает меня с полуслова и даже без слов. Разреши ей присесть рядом.

Разумеется, желание высокого гостя было тут же исполнено, хотя Вера в первый момент чуть не задохнулась от возмущения. Но такой уж тут был порядок: маленькой девочке — не место за трапезой взрослых мужчин.

Заботливые хозяева вместе с гостем, как на пикнике, заняли места у ковра; молодёжь и женщины с детьми, ожидавшие песен, столпились за их спинами, и трапеза началась…

Да, много там было вкусного… Вера брала руками мясо, лепёшки, сыр и зелень, наливала воду из кувшина в красивую чашу с узорами и подносила всё это Афелосу, который делал вид, что ест с аппетитом, а на самом деле незаметными жестами возвращал угощенье Вере.

Наконец все насытились. Ликаон снова взял певца под руку и повёл на пригорок, где под огромным старым ясенем вся деревня обычно собиралась на сход. Афелос опустился на пенёк, и люди мгновенно окружили его, рассевшись на траве.

— Я привёз вам вести из Кекропова града[7], который некогда посвящён был Палладе, — Афелос ударил по струнам и медленно проговорил: — Царь Эгей наконец обрёл наследника…

По толпе прокатился сдержанный ропот, а певец продолжал:

Царь Кекропова града, злосчастный Эгей,
Не имел — по решенью Олимпа — детей;
Две бездетных жены — даром время прошло,
Нет наследника, словно всем предкам назло.
Отправляется в Дельфы стареющий царь,
Где узнать свою участь желает, как встарь
Находили ответ на вопросы свои
Заплутавшие в жизненных дебрях цари.
«Как, оракул, мне царство своё сохранить?
Как распутать судьбы узловатую нить?»
Дал оракул ответ, но попробуй понять,
Что туманною речью он хочет сказать?
«Поспешу я в Трезену, — решает Эгей. —
Друг Петфей, самый мудрый из мудрых царей,
Объяснит мне дельфийскую тёмную речь
И научит, как быть и как царство сберечь».
У Петфея — на выданье старшая дочь.
Знает хитрый Петфей, как Эгею помочь.
«Ты наследника вскоре, Эгей, обретёшь,
Если Эфру прекрасную в жёны возьмёшь!
Будет сын твой — великий и славный герой,
За родные Афины он встанет горой.
Час настанет, и время такое придёт,
Он Кекропову граду свободу вернёт…»

Тут Афелос остановился, чтобы перевести дыхание, а слушающие снова зароптали… ведь они знали, о какой свободе поёт аэд: Минос, царь Крита, когда афиняне убили его сына, отправил к берегам Аттики мощный флот, наголову разбил слабое афинское сопротивление и наложил на Эгея тяжёлую дань. Раз в год Афины должны

7. Кекропов град — Афины, которые, по ионийскому преданию, основал божественный полузмей Кекроп.

были присылать на Крит полтора десятка крепких здоровых юношей и девушек. Их приобщали к законам Крита, парней учили военному делу и благородным ремёслам, девушки становились ученицами Гестии, покровительницы Крита. Всё это Минос делал для того, чтобы со временем, вернувшись на родину, эти молодые люди принесли в дикую Аттику добронравие и любовь к красоте, столь свойственные жителям Крита. И вот, оказывается, за морем только и ждут, чтобы нашёлся безумец, который попробует нарушить великолепный критский замысел! (Всё это Вера поняла из разговоров и перешёптываний, которыми обменивались слушатели, пока Афелос-Гермес отдыхал.) Но вот он снова набрал воздуха в лёгкие и продолжил песню:

Рад Эгей — и, послушный всесильной судьбе,
Отвечает Петфею: «Я верю тебе!
Эфру в жёны беру — будем свадьбу играть.
Но одно обещание должен ты дать.
Возвращаясь с надеждой в родную страну,
Не могу привезти я с собою жену:
У братишки Палланта — к печали моей —
Пятьдесят претендуют на трон сыновей.
И поклялся Паллант: только дам слабину,
Он в горах и долинах развяжет войну,
И не важно, кто в этой войне победит,
Потому что прозванье ему — Паллантид!
Чтоб народ не расстраивать сплетней пустой,
Я прекрасную Эфру оставлю с тобой.
Если сын твоей дочерью будет рождён,
Объяви, что отец у него — Посейдон!
Если девочку боги даруют — она
Будет в храм для служения Муз отдана».
Согласился Петфей. Под огромной плитой
Спрятал грустный Эгей меч испытанный свой
И сандальи из кожи подводной змеи
Схоронил под плитой как заветы свои.
Если слово Петфея — не лепет пустой,
Сын добудет, что скрыто под тяжкой плитой.

Он в Афины придёт — пусть пошлёт его мать, —
Чтобы царство отцовское в руки принять,
По мечу и сандальям смогу я узнать,
Тот ли он, кому трон я могу передать.
Но пока не созреет отважный юнец,
Пусть не ведает, кто ему вправду отец.

Так уехал Эгей из Трезены — и в срок
Эфре сына послал упомянутый бог.
По земле многолюдной и горестной всей
Прогремит на века это имя — *Тесей!*

Афелос снова прервал песню, чтобы передохнуть…

— Тесей… Тесей… — шептали друг другу слушатели. — Неужели тот самый?

Мрачным холодком повеяло в окружившей аэда толпе. А тот между тем продолжал:

Расскажу вам теперь, как отважный Тесей
Добивался намеченной цели своей.
Срок настал — и отцовский завещанный меч
Из-под тяжкого камня сумел он извлечь.
И сандальи отцовские впору юнцу —
Да уже не юнцу, а лихому бойцу!
Он Геракла примером избрал для себя,
Чтобы жить, справедливость творя и любя,
И в Афины отправился чуть погодя,
На разбойников страх по пути наводя.
В Эпидавре шалил великан Перифет,
Встретил в чаще Тесея — и хищника нет!
Лютой смертью наказан жестокий злодей —
Заодно булавой расплатился своей:
Пусть Тесею послужит его булава —
Не одна от неё полетит голова!
На заманчивом Истме в сосновом бору
Кровожадный Синис вновь затеял игру:
Сосны сделал разбойник оружьем своим —
Не рискуй, путешественник, встретиться с ним.
Но Тесей не таков, чтоб в ловушку попасть,
Велика его силы разумная власть!
И повержен Синис, путь по Истму открыт,
Сын Эгея к отцовскому дому спешит!

Афелос всё пел и пел… жители деревни слушали его, боясь пропустить хотя бы слово, но Веру от его монотонного пения неумолимо клонило в сон.

Она сидела на траве, прислонившись к стволу ясеня… пышные ветки, словно шатёр, прикрывали её от солнца… девочка потеряла счёт времени… ей казалось, что здесь, на Крите, среди этих красивых и добрых людей, она живёт давным-давно, а её жизнь в большом городе, среди стекла и бетона, автомобилей и гаджетов, — где она? Может быть, она тоже — только сон?

Сквозь дремоту до Веры слабо доносились слова певца: ужасного вепря убил Тесей в Кромионском лесу… чудовище лютое сбросил со Скиронской скалы… Керкиона-великана разбил в Элевсине… проучил Прокруста, растянув самого разбойника на ложе, на котором тот пытал незадачливых путников… в водах Кефиса священных омылся герой от пыли и крови дорог и подвигов… и был узнан в Афинах отцом, наконец…

Песня Афелоса становилась всё тише и тише, словно удаляясь… Вера почувствовала покачивание, как будто её снова куда-то уносит лодка, но открывать глаза ей не хотелось… и она поплыла сквозь сон — не чувствуя ни страха, ни любопытства…

— Вера, Вера, — донеслось до неё, — Вера, проснись!

Это был мамин голос! Как же Вера до сих пор не вспомнила о маме?! Мама, конечно же, с ума сходит! Где дочка? Куда пропала? Родители, наверное, уже и в полицию звонили, и во все больницы и морги… да весь город, скорее всего, на ушах стоит!!! Веру охватил ужас… она не решалась

открыть глаза: всё ещё надеялась, что проснётся — и вот он, родной балкон… или, по крайней мере, родная кроватка…

Она открыла глаза… ни ясеня, ни деревни, ни травы… Вера сидела на чём-то мягком и пушистом… над её головой простиралось сияющее воздушное пространство, а внизу, как хлопья взбитых сливок, покачивались облака. Это было как в самолёте, только золотистое руно, на котором сидела Вера, не мчалось со скоростью тысяча километров в час, а тихонько плыло высоко-высоко над землёй…

— Не бойся, Вера, — послышалось рядом, — посмотри на меня!

Вера обернулась — рядом с ней на мягкой бараньей шкуре, поджав под себя ноги, сидела женщина ослепительной красоты. В буквальном смысле — ослепительной! От её лица исходил настолько яркий свет, что Вере пришлось зажмуриться, и, зажмурившись, она видела это прекрасное лицо — словно в тумане…

Баранья шкура поднималась всё выше и выше…

— Смотри, Вера, смотри вниз! Это Крит, священная родина богов. Мой мир, — и, перехватив вопросительный Верин взгляд, она улыбнулась. — Я — Рея. Здешние люди дали мне имя — Великая Мать. А люди твоего времени называют меня Мать-Природа. В твоём времени уже научились пользоваться частью моей силы. Вы называете это магнетизмом или электричеством. Но это лишь малая толика, капля в океане силы, которая пронизывает Вселенную. И хранительница этой силы — я.

«Ну да… — подумала Вера, — теперь это уже сон во сне», — и решила ничему не удивляться. Она только широко улыбнулась новой знакомой и послушно стала смотреть туда, куда указывала Рея.

Внизу, постепенно удаляясь, разворачивалась захватывающая дух панорама: горы, покрытые кудрявым лесом, а на вершинах блистающие снеговыми шапками… их скалистые склоны то спускались прямо в море, то словно отшатывались от него, уступая место серебристым пляжам. Всё дышало таким величественным покоем, что невозможно было не поверить, что здесь действительно родина богов!

Баранья шкура поднялась уже так высоко, что Вера разглядела внизу очертания нескольких островов и вдалеке край суши, уходящей за горизонт. Эх, будь всё это не во сне, Вера окоченела бы уже от холода и стала бы задыхаться от недостатка кислорода, но от Реи, сидящей рядом, исходили такое нежное тепло и такая укрепляющая сила, что Вера только вертела головой, стараясь как можно лучше разглядеть проплывающие внизу картины.

— Вон там, видишь, Вера, — протянула руку Рея, — остров Тира… богатая и прекрасная земля, владение Миноса, моего любимого внука.

С высоты Тира была похожа на удлинённый черепаший панцирь… ох! что-то дурное вспомнилось Вере об этом острове… настолько дурное, что мурашки побежали по спине.

«А ведь я, — подумала она, — *столько* всего знаю… м-м-м, знала бы о далёком будущем этих мест, если бы хоть немножко интересовалась ими… тогда, у себя дома…»

— И я знаю, — сказала Рея.

Вера, конечно, дала себе слово ничему не удивляться, но всё же вздрогнула от неожиданности. Вот ведь — ничего не скроешь от этих богов!

— Я знаю, — продолжала Рея, — что ждёт и Тиру, и Крит, и царство Миноса… Я даже больше знаю — знаю, что ждёт тебя, твою семью и твою страну в ещё более отдалённые времена. Бессмертные пребывают сразу во многих измерениях мира, поэтому-то они и всеведущи. Но это не значит, что всё предопределено. Кое-что можно изменить, если правильно высчитать момент, место и… — она замолчала на мгновение, как-то особенно взглянув на Веру, — и героя.

От этого взгляда Вере снова стало не по себе, но она не подала вида, а только спросила:

— Вон там, за вереницей облаков, какая-то большая суша… тоже остров?

— Там? Это берег огромного материка, Вера. Твои соотечественники и современники называют его Евразией. Но сейчас ты видишь только узкую береговую полоску… Там Финикия, детка. Именно там впервые стали строить корабли и писать те самые буквы, от которых произошли те, что используешь ты… Там родилась мать моего внука Миноса — прекрасная Европа.

— Европа?!

— Да-да, именно так. В твоё время люди называют Европой часть света — с морями, горами, реками и озёрами, с огромными странами. Большая честь для смертной женщины передать такой земле своё имя. Но она и вправду была мудра и прекрасна. Настолько мудра и прекрасна, что боги решили с её помощью построить идеальное государство на острове Крит. Государство людей под руководством богов.

Баранья шкура вдруг резко скользнула вниз.

— Ой, — Вера инстинктивно прижалась к Рее, а та крепко обняла её — так, что Вере на мгновение показалось, что она так и сидит на табуретке, на своём балконе, а под балконом, в песочнице, играют малыши… такие милые, родные, что каждого Вере хотелось обнять и расцеловать…

И почему-то хотелось… чихнуть…

Глава четвёртая,

в которой Вера становится прилежной читательницей, а Парис — знатоком преданий

— А-а-апчхи!

Вера тряхнула головой и с трудом открыла глаза. Перед ней на корточках, ехидно ухмыляясь, сидел

Парис с тонкой веточкой в руке. Нашёл он всё-таки способ ей отомстить, пощекотал её сонный носик…

Вера, буквально закипев от возмущения, хотела уязвить парня убийственной колкостью, но пока она искала в памяти что-нибудь подходящее, взгляд её непроизвольно поднялся к верхушке дерева, под которым они сидели… и девочка обомлела! Над деревней раскинулось бескрайнее ночное небо. Чистое небо — без единого облачка. И оно было переполнено звёздами. Вера никогда такого не видела! Даже летом в деревне, вдалеке от городского электричества, в котором ночное небо тонет, как в световой дымке. Звёзды были крупные, яркие, другие — поменьше и потусклее, были и такие, что казались почти пылинками, и такие, что вместе образовывали длинные туманные пятна и полосы. И всё это жило, дышало, мерцало, струилось и переливалось.

— Ух ты! — невольно вырвалось у Веры.

— Ты что? — удивился Парис.

— Ничего, — спохватилась Вера, — небо красивое. Звёзды.

— А… я тоже люблю смотреть на звёзды. Приятно думать, что великие герои получают от богов бессмертие, превращаясь в звезду!

— Что же в этом приятного? — поёжилась Вера. — Или ты…

— Конечно, — скромно потупив глаза, отозвался Парис, — я обязательно стану героем! И рано или поздно стану звездой. Буду жить на небе. Бывает, смотрю на небо и ищу там свой будущий дом…

«Ну-ну», — подумала Вера, но ничего не сказала, потому что ей снова пришло в голову, что на самом-то деле она отлично помнит это имя… Парис. Ну конечно. Она что-то читала о нём в той толстой скучной книженции. А если читала — значит, точно он стал героем! Ещё каким! Иначе как бы он в книжку попал?! Эх, жаль, что она ничегошеньки не помнит, что там о Парисе написано. Вроде была какая-то ссора богинь из-за яблока… что-то про обещание Афродиты, богини красоты и любви… Но какое отношение это имеет к мальчишке, который как ни в чём не бывало сидит рядом с ней под деревом? Не ясно. Однако… это легко поправить. Вот же она, книжка, в сумке, валяющейся рядом на траве. Памятуя, что книжка написана по-русски и Парис прочитать ничего не сможет, Вера решила тут же восполнить пробел в познаниях древнегреческой мифологии и, недолго думая, вытряхнула содержимое сумки на траву.

Зря она это сделала!

Парис вытаращил глаза и прямо-таки затрясся от ужаса и любопытства. Что за странные предметы носит в сумке подозрительная гостья?!

— Что это? — прошептал он, инстинктивно протягивая руку к «Мифам Древней Греции».

(Кстати, к немалому удивлению Веры, на обложке теперь красовалось «Μύθοι Της Αρχαίας Ελλάδας», и, что всего занятнее, — Вера прекрасно понимала каждое слово.)

— Ты о чём? — листая книжку и не обращая на него внимания, спросила Вера.

— Вот это что? — кивнул Парис в сторону рассыпанных вещей.

— Ах, это… Ну как что? — Вера задумалась на секунду и решила воспользоваться недавно услышанной формулой Гермеса. — Негоже… юной деве ходить без зеркальца и расчёски. Тем более что мне нужно срочно попасть во дворец. Ты ведь покажешь дорогу?

Вера подобрала свои вещи и машинально посмотрелась в зеркальце. А Парис прямо-таки оцепенел.

— А это… для чего? — Парис уставился на карандаши и блокнот.

— О-о-о-о… Это… Это простым смертным вообще трогать строго-настрого запрещено, ещё натворишь что-нибудь, — строго взглянула на него Вера.

Парис обиженно поджал губы, но страх и любопытство оказались сильнее обиды. Особенно — любопытство. Мальчик видел в руках у Веры странный предмет и не мог понять, что она с ним делает.

— Это моя книга, — сказала Вера и сама себя услышала как будто издалека. — Αυτό το βιβλίο μου.

— Библио? — потрясённо прошептал Парис. — Так ты родом из Библа? Я слышал об этом городе, что стоит он на высоком холме далеко-далеко за морем. И полон тот город чудес и волшебных вещей! Когда-то там жили боги… Они запросто приходили к жителям страны Финикии — и в Библе, и в Сидоне, где родилась Европа…

— Европа? — насторожилась Вера. — Что ты знаешь о Европе?

— Она — первая царица нашего царства. Мать Миноса-царя и героев-братьев его, Радаманта и Сарпедона.

— Минос… Минос… — Вера попыталась вспомнить всё, что ей рассказывала Рея и пел Гермес, но концы с концами всё равно не сходились.

Да, похоже, без книжки не обойтись.

Ночь была настолько ясная, что в сиянии огромной белой луны померкли даже звёзды, зато было светло, и Вера могла прочесть каждое слово в книге. Но где же в ней написано про Европу, про Миноса и Крит?

Ах да. В каждой книге есть оглавление. И оно обычно в самом конце. Или — наоборот — в самом начале? Вера перелистнула книгу к самой первой странице. Так — вот первая, вторая… Точно! Вот оно! Оглавление.

Верин пальчик быстро заскользил по строчкам. Парис, умирая от любопытства, вытянул шею… Он видел небывалым образом сшитые между собой ровно обрезанные куски какого-то невиданного материала, испещрённые чёрными значками, значения которых он не понимал…

«Она или богиня...—Париса бросило в холодный пот,—или колдунья... такая юная, но уже столь мудрая, что ловко управляется с предметом, явно волшебным и опасным... нет, пожалуй, всё-таки богиня!»

И вот он сидит рядом с ней и болтает о всякой всячине.

«Это потому, что я—герой, и она выбрала меня, чтобы явить свою мудрость!»—решил мальчишка и, набравшись храбрости, спросил, что это она делает: колдует?

— Да я ищу, где тут написано про Европу...

— Написано? Тут?

Парис расхрабрился настолько, что придвинулся к девочке вплотную и буквально уткнулся носом в книгу, следя за Вериным пальцем. И вот этот пальчик наконец остановился.

— Вот оно! Европа. Страница сто двадцатая. Так... двадцать пятая... пятидесятая... сотая... Вот!

Первое, что увидели они с Парисом, открыв нужную страницу,—был очень подробный и правдивый рисунок, изображавший быка и сидящую на его спине красивую девушку.

— Это она!—как ужаленный вскричал Парис.—Царица! О Вера, можешь ли ты сказать, что заключено в этих божественных знаках? Что в них? Предсказание? Совет?

«Э-э-э... да он неграмотный,—наконец-то догадалась Вера (вынуждена признать, что наша героиня тогда ещё слишком легко склонялась к поспешным выводам).—Тоже мне... герой!»

Но... стоит ли читать вслух? А вдруг там написано что-то такое, чего знать ему не положено?

Вера вдруг осознала всю степень ответственности перед собственным будущим... то есть—настоящим... то есть... ну как тут не запутаться во временах и историях? Вдруг что-нибудь такое узнает Парис—и в Верином будущем-настоящем произойдёт что-то непоправимое? Ой-ё-ёй... что-нибудь такое, что и самой Веры в том будущем не окажется?

Как же быть?

— Гермес Трисмегист...—привычно забормотала Вера...

— Его здесь нет,—неожиданно откликнулся Парис,—он исчез... вместе с кифарой. Мы так и поняли, что не простой это певец. Думали, Феб Аполлон... а оно вон что!

— Не бойся, Вера!—под внезапно налетевшим порывом ветра зашелестел ясень.—Доверься Парису. Вместе вы справитесь. Боги следят за вами. Читай смело. Ничего недозволенного в твоей книге нет.

Парис оторвался от книги, поднял голову... но услышал только шум ветра и шелест листвы.

— Ну что ж,—вздохнула Вера,—посмотрим, что... заключено в этих божественных знаках...

Вот что она прочитала.

«Однажды Европа, дочь финикийского царя Агенора, увидела странный сон.

Ей снились две женщины-великанши. Одна из них была ей знакома. Дочь Океана Азия оберегала финикийцев от природных бедствий, помогала в странствиях и ремёслах, подавала советы Агенору и учила уму-разуму его красавицу-дочь. Но другую великаншу Европа не узнала. Та была на вид светлее кожей, стройнее и нежнее Азии. И вот спорили великанши, кому принадлежит она, Европа. Так спорили, что дошло у них до драки. Сначала Азия одолевала незнакомку, изящную и хрупкую по сравнению с ней. Но потом затянула незнакомка песню—долгую, как пути морские, монотонную, как шум волн и свист ветра, но такую сладкую и прекрасную, что утомлённая Азия заснула крепким сном. „Ты моя“,—прошептала безымянная великанша Европе.

От страха девушка проснулась и стала молиться о том, чтобы боги отвратили от неё несчастье.

Прошло несколько дней. Европа со своими подругами, как обычно, гуляла на берегу моря. Девушки играли и веселились. Их звонкий смех далеко разлетался по прибрежным скалам и, казалось, доносился до самого неба. Тут-то великий Зевс, Громовержец и Тучегонитель, отец и царь всех богов и людей, и обратил внимание на весёлый девичий кружок, отдыхающий на берегу моря. Европа блистала среди подруг божественной красотой. Полюбил её Зевс и решил взять в жёны. Но как явиться девушке, не испугав и не покалечив её? Ведь не могут смертные, не рискуя жизнью, созерцать богов! Тогда принял Зевс образ быка невиданной красоты. Шелковистая шерсть его переливалась на солнце, на лбу горело серебряное пятно, подобно сиянию луны, а золотые рога были изогнуты как молодой месяц. Чудесное животное приблизилось к девушкам, а те, не чувствуя страха, окружили его и стали гладить и всячески ласкать. Конечно, Европа не осталась в стороне. Она тоже гладила быка по золотистой спине, целовала его широкий лоб и большие тёмные глаза. Чудо-бык лёг у ног красавицы, как бы прося её сесть на него. Но как только, смеясь, Европа села на широкую спину быка, он вскочил, быстро помчался к морю и, бросившись в воду, поплыл прочь.

Вскоре вдалеке появились очертания огромного острова. Это был Крит.

Здесь стала Европа новой супругой Зевса-царя. И родилось у них три сына...»

Вера читала, пытаясь извлечь из прочитанного хоть что-то полезное в сложившейся ситуации, а сама тайком поглядывала на Париса: как он реагирует на смысл «божественных знаков». Мальчишка слушал сначала с восхищением, потом брови его приподнялись от удивления... Наконец он нахмурился и пробормотал сквозь зубы:

— Может, и правду говорят твои знаки, но у нас в Матале… тебе никто не поверит!
— Как это? — Вера даже икнула от неожиданности. — Как это не поверят? Вот же написано! — и она ткнула пальчиком в книгу.
— Что-то не видал я никогда быков, вплавь пересекающих море… — буркнул Парис. — И тем более чтобы они девушек воровали на краю света!
— Это же сам Зевс был. Только в образе быка.
— Зачем это ему? Европа на Рею смотрела каждый день собственными глазами! Ей ли Зевсова вида пугаться? К тому же Зевс одним движением бровей может перенести кого угодно куда угодно! Если только нет у него другого замысла.

Вера пожала плечами. Ей было нечего возразить. Сама-то она как здесь оказалась? Это вам не через море Эгейское переплыть!
— А как же картинка? — напомнила она. — Ты же узнал на ней Европу!
— Европа укротила быка! Это все знают! А ты или обманываешь меня, или божественные знаки не говорят тебе правды!

Вера поняла, что спорить бесполезно. Она вспомнила, что рассказывала ей Рея — во сне. «С помощью Европы было построено государство людей под руководством богов». Какое же это должно быть правильное и счастливое государство! Идеальное! И, видимо, в это государство Вера как раз и угодила. По воле богов.

«Эх, погуглить бы!» — подумала Вера, вздохнула и засмеялась. Только сейчас она, кажется, всерьёз поняла, какая непреодолимая пропасть разделяет её и Париса, который и книжки-то никогда в жизни не видел, и понятия не имеет, что это такое и зачем.

Впрочем… Дойди до этого дело, разве смогла бы Вера объяснить Парису, что такое Интернет, мобильная связь, телевидение? Выходит, все её знания о достижениях цивилизации, которыми она так гордится, здесь ровным счётом ничего не стоят. Вряд ли они вообще пригодятся… Что-то другое должно пригодиться. Что-то, что есть у неё. Из-за чего юную сибирячку забрали из привычного мира, от которого её теперь отделяют многие тысячи лет… Забрали и переместили сюда. Что же это? Как узнать?
— Ну… и как же было, по-твоему, на самом деле? — Вера вопросительно взглянула на раскрасневшегося от негодования Париса.
— Да это любой ребёнок расскажет в деревне, только спроси!
— А ты расскажешь?

Парень смутился.
— Я? Не приходилось мне предания-то пересказывать… Слушать — слушал. Отчего бы не послушать? Но рассказывать… даже не знаю, с чего начать.
— С начала начни. С самого начала.

Парис смутился:
— Да я бы рад. Но где ж оно, начало?

Глава пятая,

или Что рассказал Парис о преданиях острова Крит

Старики говорят, что в незапамятные времена, когда не было ничего, кроме бесконечных вод Океана, из его глубины прародительница Рея подняла благодатный остров, наделённый всеми щедротами земли, моря и неба. Здесь, вместе с деревьями и подобно деревьям, выросли из влажных камней первые люди — сильные и вечно юные, как боги. Некоторые из них были великанами, другие — совсем крошечными, с палец ростом (их так и звали — дактили, пальцы). Но боги особенно благоволили к тем, кого создали сами, по своему образу и подобию. И жили тогда люди и боги вместе на плодоносной ласковой земле, не зная ни труда, ни болезней, ни старости, ни смерти. Так длилось долго. Очень долго. Пресытясь жизнью, говорят старцы, эти люди не умирали, а оставались тут же, превращаясь в невидимых светлых духов, обладающих прозрачными телами. В таком виде помогали они богам присматривать за порядком, учили детей и юношей законам и правилам совместной жизни, мудрости и справедливости. У людей и у богов рождались дети, и настал день, когда боги увидели, что, если дальше так пойдёт, то у земли не хватит сил дать кров и пищу всем — и старым, и новым. И задумали боги сделать так, чтобы старшие поколения людей безвозвратно исчезали, освобождая место под солнцем детям и внукам. Прознал об этой затее всемилостивейший Крон, и поскольку любил он созданный им мир больше всего на свете, то воспротивился желанию остальных изменить его.

«Пусть всё останется как есть! — решил он. — Если нельзя иначе уберечь людей от погибели, то пусть новые боги не появляются перед очами Солнца!»

Обратился тогда царь Крон к матери своей Гее-Земле: «Найди, матушка, место, где смогут жить новые боги, мои будущие дети! Уверен я, что ты дашь им достойную жизнь и убережёшь от всяческого зла и бедствий».

Согласилась Гея-Земля, нашла в своих глубинах огромную пещеру, настолько глубокую, что между дном её и потолком было такое же расстояние, как от поверхности земной до неба. Там устроила Гея чудесный мир, который согревали два подземных солнца, жёлтое и голубое. Брат Океан подарил Гее три животворных источника, от которых произошли три могучие реки, по берегам которых разрослись леса и сады, полные цветов и плодов. Брат Эрос воздвиг в разных местах чудесного мира великолепные дворцы, которые меняли свои очертания в зависимости от настроения хозяина. Всё было готово к сошествию детей Крона, будущих царей Элейсона. И никто из богов и людей,

кроме Крона, Геи, Океана и Эроса, не знали о его существовании.

Как только Гея сообщила Крону-царю, что создан Элейсон в никому не доступных недрах, стал Крон по одному отправлять туда рождающихся у него потомков. Прекрасная Левка, нимфа подземной реки, взрастила Аида и Посейдона, Деметру и Гестию. Они были окружены любовью и почтением и, подрастая, занялись благоустройством Элейсона, который Крон отдал им в полное распоряжение.

Но Рея, разлучённая с детьми, так страдала, что слезам и вздохам её не было предела. Всё меньше и меньше становилось в мире света, меркли звёзды и луна, в глубокую печаль погружались люди, в тревоге головами качали боги.

Но как ни умоляла Рея не забирать у неё детей, Крон оставался непреклонен.

Тогда Рея пошла на хитрость. Она скрыла от Крона рождение Зевса, младшего сына. Это оказалось нетрудно, потому что опечаленная утратой детей Рея редко показывалась на глаза супругу. А тот, понимая и уважая её чувства, не настаивал на встречах. Рея скрылась от Крона на цветущем берегу Азии, в солнечной Финикии, где её могучие слуги — куреты — давно уже построили для неё просторный дворец, вокруг которого позднее разросся чудо-город Библ…

Вера слушала Париса и, в свою очередь, не могла скрыть удивления. Она, конечно, очень смутно помнила миф о происхождении мира и людей, который когда-то быстренько пробежала глазами в своей — теперь уже заветной! — книге, но то, что рассказывал Парис, вообще… ни в какие ворота не проходило!

— А кто такие куреты? — спросила она, чтобы зацепиться хоть за что-то знакомое.

Парис споткнулся на полуслове и снова уставился на неё, как будто не мог поверить своим ушам. Да кто же на самом деле эта девочка? Откуда взялась? Не знать таких обычных, само собой разумеющихся вещей!!! И в то же время иметь при себе явно волшебные предметы и обходиться с ними с непринуждённостью богини… или — колдуньи?

Паренёк опасливо поёжился, но решил всё же, не подавая вида, ответить.

— Куреты? Это первые люди, выросшие на острове Реи из горных камней, омытых небесным дождём. Они вершили здесь волю Великой Матери, растили леса и сады, строили огромные башни и стены, оберегали покой своей госпожи. Да ведь и сам остров получил имя предводителя куретов. Крий — так его звали. Именно он учредил самый прекрасный праздник в честь Реи! Ты собственными глазами можешь посмотреть на него! Скоро во Дворце начнётся Восхваление Цветов. Служители Реи, потомки первых куретов, будут

петь и плясать вместе с народом, осыпать всех цветами и угощать сладким мёдом!

— Для начала надо бы добраться до Дворца,— заикнулась было Вера, но тут же спохватилась:— Но что же было дальше? Продолжай.

— Дальше…

…Когда пришло время родиться Зевсу, Рея покинула Библ. На золотой колеснице, запряжённой крылатыми львами, перенеслась она через море. И здесь, на острове, в уютном гроте на горе под названием Ида, появился на свет Владыка богов и людей. Чтобы до поры Крон не узнал о его существовании, Рея взрастила вокруг входа в грот непроходимую чащу, накрыла Иду пышными облаками и велела куретам плясать и петь, как только младенец заплачет, чтобы громкими песнями заглушать его крик.

Он рос не по дням, а по часам. Но когда ему было скучно, появлялись на небе тучи, сверкала молния и гремел гром. И он не прятался, как другие дети, а бегал под проливным дождём рядом с пещерой и радовался. Скоро он сам научился разгонять тучи и собирать их на небе. Потому и дали ему имя Деос-Зевс, что означает «ясное небо». Вскормленный козой, маленький Зевс рос сильным и бойким. Пещера, в которую Рея спрятала его, была тёмной, но очень милой и уютной. Гея-земля наделила её ласковой материнской душой. Когда Зевс произносил хоть одно слово, пещера повторяла за ним много-много раз, словно хотела, чтобы ребёнок запомнил, как его нужно произносить! Зевсу не было одиноко или страшно в этом заточении. Он научился радоваться каждому дню и играть с природой: ветром, грозой и даже молнией.

И вот настал день, когда Зевс ощутил в себе прилив небывалой силы. Он вышел из пещеры, взошёл на гору и, подняв ладони над головой, почувствовал, как в каждую жилочку его божественного тела вливается мощь земли и неба. Он засмеялся — и содрогнулись горы, он шевельнул бровями — и сотряслись небеса, он вздохнул — и по тёмным лесам и светлым долинам пронёсся обжигающий вихрь. Все духи вод и лесов, горных хребтов и воздушных потоков с изумлением и радостью потянулись на его зов. Услышал этот крик всемилостивейший Крон и сразу всё понял. Понял он, что миновало время его владычества. Устанавливается в мире новый порядок, и сопротивляться ему бесполезно. Тогда собрал Крон всех богов — и старших, и новых, всех титанов и нимф, всех перворожденных Урана и Геи, циклопов, кентавров, лапифов и дактилей, духов земли, вод, небес, гор и лесов,— в широкой долине у подножия горного хребта Дикты на Великий Совет. Из Элейсона прибыли на совет братья и сёстры Зевса — Посейдон, Аид, Деметра и Гестия.

Семь дней и семь ночей без перерыва длился Великий Совет. И решили боги: род человеческий нуждается в постоянном обновлении; по истечении определённого богами числа зим и лет каждый смертный должен покинуть данное ему при рождении тело и вернуть его матери-земле, душа же его либо пройдёт долгий и трудный путь, чтобы воплотиться под солнцем снова, либо — судя по свершённым при жизни деяниям — сокроется в роковых подземельях вдали от солнечного света или сможет поселиться рядом с богами в Элейсоне, куда, не желая соперничать с Зевсом, удалится и сам Крон. Пусть на земле сменяются поколения людей. Боги будут направлять их и надзирать за ними. Сами же боги разделят мир между собой — кому какой стихией управлять.

Боги Элейсона никогда не знали невзгод и борьбы. Они росли как прекрасные цветы в любимом хозяевами саду, не знающем даже плохой погоды. Поэтому, увидев Зевса, они устрашились, ибо грозен был Зевс-Чудодей, повелитель молний и гонитель туч. Он возвышался над ними — как горная вершина над холмами долин, и боги хотя и глухо роптали, но вынуждены были признать младшего — старшим и согласились на верховенство Зевса. Так он стал царём богов и повелителем небес.

И не было бы никакой силы во всём мире, которая могла бы служить противовесом его всемогущей воле, если бы не воспротивились этому Перворождные. Предстал перед Зевсом великий Океан: «Волен ты, повелитель молний, владеть небесами и поверхностью земли. Но не даю тебе я власти над моими водами. В глубинах морей и озёр, в потоках быстрых рек и горных источников устанавливается отныне царство старшего Кронида — Посейдона. Дарю я ему дворец подводный и могучих прекрасных подданных. И оружие дарю — не хуже твоих громов и молний».

С этими словами вручил он Посейдону огромный трезубец из адаманта — небесного железа, добытого со дна морского.

Радостью воспылал Посейдон, схватил чудесный трезубец и ударил изо всех сил в каменный щит под своими ногами. Сотряслась земля, дрогнули небеса, хлынули из всех щелей и расселин солёные и пресные воды. И почувствовал Посейдон такую великую мощь, что готов был с самим Громовержцем сразиться.

Но Зевс благосклонно согласился с решением Океана, и с миром удалился Посейдон в своё царство.

Тогда предстал перед Зевсом Перворожный Эрос, повелитель страстей, вражды и дружбы, радости и страха, и воскликнул: «Волен ты, царь богов, управлять мировым порядком, но тайны счастливого дома будут вечно закрыты для тебя, потому что передаю я их Гестии вместе с духами

очага и порога, жертвенных таинств и вечного огня. В знак её беспрекословной власти да примет Гестия мой неугасимый факел».

Вспыхнула от радости возвеличенная Первородным Гестия и только прикоснулась к рукоятке факела, как священный жар объял всех собравшихся в долине. Даже Зевс затрепетал, почувствовав его, и склонил перед старшей сестрой могучую голову: «Здесь, сестра, на родине богов, сотвори свою святую обитель».

Так был основан Кносс, где сама Гестия разожгла первый очаг.

«Гея, мать-земля,—воскликнула Деметра,—заступись за меня перед братом».

И восстала мать-земля и повелела: «Волен ты, властитель небес и срединного мира, карать и миловать по своему усмотрению, но силу распоряжаться всем, что произрастает и приносит плоды, передаю я Деметре. Отныне лишь ей подвластны корни и ветви, семена и колосья, цветы и детёныши зверей и людей».

С этими словами передала Деметре Гея Великого Червя, хранителя корней, и адамантовый серп, которым когда-то Крон искалечил Урана.

Увидел это Зевс и впервые устрашился! Склонил он голову в знак согласия и смирился с первенством Деметры.

Тут обратился к собравшимся богам и духам сам всемилостивейший Крон: «Если уж решили вы впустить в наш мир смерть и уничтожение, пусть просияет среди смертных великое царство мёртвых. Волен ты, Зевс, быть владыкой небес и всего, что есть под лучами солнца и луны, но царство мёртвых я поручаю Аиду. Будь первым среди равных, Зевс, потому что боги Элейсона не уступают тебе по величию владений и по могуществу. Возьми, Аид, мой скипетр и моих невидимых коней. Доверяю тебе Элейсон и весь подземный мир, если согласна с моим решением мать-земля Гея».

Гея кивнула в знак согласия, и снова Зевс вынужден был принять неизбежное. Мир и благоденствие воцарились на небесах и под землёй, на суше и на море. И возрадовалась Рея, что добром разрешилось её противоборство с Кроном.

Но Крон всё-таки опасался, что Зевс рано или поздно попытается нарушить равновесие. И придумал он приставить к всевластному сыну неусыпного соглядатая и такого противника, которому Зевс не в силах был бы сопротивляться. Обратился он к мойрам, правительницам судеб всего сущего, и согласилась Лахесис, дающая жребий, помочь ему обуздать Зевса.

Дождался Крон момента, когда без присмотра осталось в Библе бронзовое зеркало Реи, в котором сохранилось её последнее отражение, и с помощью непреодолимых заклинаний извлёк из зеркала прекрасную богиню, точь-в-точь похожую на Рею, но по качествам своим ей полностью противоположную. Лахесис тут же определила нить её судьбы и связала эту нить с нитью Зевса, а Крон отвёл своё создание на Иду к всемогущему сыну и сказал: «Вот, Громовержец, тебе супруга по имени Гера. Люби её и береги. И пусть будет крепок ваш союз на веки вечные».

Взглянул Зевс на Геру и понял, что власть её над ним безгранична, но никогда любовь к ней не исчерпает всей силы любви и страсти, которая кипит в его бессмертном сердце. Понял он, какие оковы наложил на него отец, и с тех пор вместе с любовью к Гере, которой он не мог воспротивиться, охватила его страсть ко всем богиням и смертным женщинам, которых Неизбежность приводила на его пути. В отчаянии бросился он через море в Библ, в храм Реи, чтобы удостовериться в обмане, которым поразил его Крон, но лишь только коснулись его ноги финикийского берега, увидел он сидящую на берегу в глубокой задумчивости прекрасную деву. Это и была Европа.

Едва взглянул Зевс на печальную деву, как постиг всё, что с нею произошло. Европа, дочь сидонского царя Агенора, с младенчества была посвящена дворцу Реи в Библе и, как только исполнилось ей десять лет, отправлена была в Библ, где и воспитывалась в духе преданных приверженцев Реи. Европа выросла во дворце. Самая расторопная, самая умная, самая желанная собеседница великой наставнице. Рея любила её и отличала среди других учеников. И вот—стоило Европе на миг отвести глаза от покоев Реи—из зеркала госпожи похищено отражение! Европа—широко глядящая—не оправдала доверия своей богини. Что теперь будет?

«Не бойся, Европа,—сказал Зевс, приблизившись к деве,—Рея простит тебя, если ты станешь моей женой».

Европа в ужасе отпрянула. Но в те времена боги являлись людям во всём своём лучезарном великолепии без риска нанести смертным вред, и Европа узнала Зевса.

«Как же это возможно?—воскликнула она, хотя сердце её сразу устремилось навстречу Царю богов и людей.—Ведь твой отец уже определил Лживое Зеркало тебе в супруги!»

«Пока суд да дело,—сказал Зевс,—мы совершим наш брак на родине богов, в Кноссе, где уже разожгла очаг моя любимая сестра Гестия. Пусть это не тревожит тебя, возлюбленная Европа. Сделаем так. Чтобы ты не чувствовала себя соблазнённой и похищенной, принеси сама брачный дар родине богов, святому Криту. Собери и отправь на Крит пять кораблей, на которые возведи сто лучших быков для жертвы Крону и Рее. Как только первый твой корабль пристанет к берегу Крита, ты станешь его полновластной хозяйкой. И я, твой жених и покровитель, встречу тебя с подобающими почестями. А там, Европа, будь что будет…»

Европа кинулась к алтарю[8] Реи и стала горячо молиться. Тогда Рея явилась ей и сказала: «Благословляю тебя, Европа, на брак с моим сыном. Учреждаю новое царство Зевсово на родине богов. Снаряди корабли, отправь гекатомбу[9] на Крит. А там — будь что будет».

С помощью Агенора снарядила Европа корабли, возвела на них сто лучших молодых бычков, и — с попутным ветром — отправилась брачная флотилия к желанному берегу Крита.

Был среди бычков на корабле Европы один — самый красивый, с белоснежной шерстью, золотистыми рогами и тёмной звёздочкой во лбу. Когда корабль приблизился к берегу Крита, почуял бык неладное и решил сам спастись от жертвенного ножа и спасти всё обречённое на жертву стадо. Едва показалась перед кораблём скалистая суша, взревел Белый Бык, разорвал верёвки, которыми был привязан, и бросился с призывным кличем с борта корабля в кипящую бурунами воду.

По кораблям разнёсся чудовищной силы рёв. Бычки ревели, мотали головами, били копытами в палубы. Ещё немного — и потонут корабли!

Уже берег желанного острова был виден, совсем близко.

Тогда прыгнула Европа в бурные воды, догнала Золотые Рога, в мгновение ока оседлала и укротила его. Как только коснулись её — обожествлённые Реей — руки лба прекрасного животного, замычал бык спокойную песню, и утихли на кораблях быки…

— Так, верхом на быке, достигла берега Крита наша богоравная царица, — выдохнул наконец Парис и победительно посмотрел на Веру.
— Да-а… — только и смогла выдавить из себя Вера.
— Смотри, Вера, — Парис поднялся и огляделся и по сторонам. — Светает. Если хочешь до полудня попасть во дворец, надо отправляться уже сейчас.
— А… что твой хозяин?
— Ликаон? Он знает, что рано или поздно за мной придут. Вот ты и пришла.

Глава шестая,

в которой Вера и Парис отправляются во Дворец, где над ними нависает смертельная опасность

Ах, какое это было утро! Солнце едва поднялось из-за горной гряды и освещало дорогу косыми лучами. Свежий ветерок обдавал путников прохладой и набегающими волнами каких-то невероятных запахов. Вера инстинктивно принюхивалась, потому что ничего похожего раньше не ощущала. Чем это так пахнет? Какие-то цветы? Трава? Или ветер принёс эти запахи с моря? И вообще… Вера подумала, что там, дома, ей никогда так легко не дышалось. У неё даже слегка кружилась

голова — вот так же, как на даче, после дымного и шумного города. Мама ещё, шутя, говорила: кислородом отравилась. Но здесь это чувство было намного сильнее. Вере казалось, что если она разбежится и подпрыгнет, то обязательно взлетит, и можно будет радостно покружиться над дорогой. Странно. Она ведь почти не спала, кажется, уже больше суток, однако усталости не было и следа. Вере хотелось бежать вприпрыжку и визжать от избытка впечатлений. Но рядом — Парис, для которого, по всей видимости, не было вокруг ничего необычного, и Вера изо всех старалась не показывать, какие чувства её обуревают.

Дорога была широкая и хорошо утоптанная, местами даже выложенная крупными булыжниками. По сторонам тянулись усыпанные цветами кустарники, кое-где сквозь тёмно-зелёные заросли просматривались извилистый берег и яркое лазурное море с белыми барашками пены над рассыпающимися на камнях волнами. Время от времени заросли сменялись просторными полянами. Там, утопая в траве, возвышались лиственные деревья с кружевными зонтичными кронами. А иногда попадались причудливо искривлённые сосны, издававшие острый хвойный аромат.

Вере так хотелось расспросить Париса обо всём этом, но она уже поняла, что её любопытство… хорошо, если только удивит мальчишку. Эх, чужая она, чужая на этом празднике жизни!

Вдруг Вере почудился позади какой-то шум. Она обернулась, но ничего не увидела.
— Слышишь? — спросила она Париса. — Что это?
— Что — это? — парень удивлённо вскинул брови и прислушался. — Ах, это… это, наверное, соседи едут ко Дворцу на мену.

8. Алтарь — жертвенник. Первоначально — сооружение для совершения ритуальных жертвоприношений.
9. Гекатомба — в Древней Греции торжественное жертвоприношение ста быков.

И точно — вскоре с ними поравнялась повозка, которую без видимого напряжения тянули два упитанных пегих вола. Рядом шёл чернокудрый бородатый красавец, подгоняющий задумчивых волов длинной палкой, а на повозке, шумно переговариваясь и хохоча, восседали на мешках две загорелые девчонки, снова смутившие Веру своей полуодетостью.

— Хайре! — крикнул Парис. — Что везёте, Маврис?

— Привет, Парис, — отозвался Маврис. — Да вот собрали на мену… вяленые ягоды, оливки, немного масла… молоко и вино. Надо сестёр приодеть к Восхвалению Цветов. Отец надеется, что до зимы они найдут себе подходящих женихов.

— Талло, Койна — доброго утра! — улыбнулся Парис.

— Хайре, Парис, — послышалось с повозки. — А ты куда собрался? И кто это с тобой? На твоих не похожа…

— Иду во Дворец. По своей надобности, — уклонился Парис. — А это Вера из Библа.

Видимо, такого ответа было достаточно, чтобы прекратить расспросы. Девушки только с любопытством рассматривали Веру.

— Забирайся к нам, — пригласила та, что постарше, Койна, — места хватит.

Не успела Вера и рта раскрыть — Маврис подхватил её под мышки и, как пёрышко, кинул на повозку. Вера шлёпнулась на что-то мягкое, девчонки со смехом помогли ей подняться и устроиться на мешках. Койна обняла её и расцеловала в обе щёки… в другой ситуации от такого необузданного гостеприимства Вере стало бы не по себе, но обе девушки были такие милые, такой сердечностью и искренней радостью веяло от них, столько было в них жизни, такую они излучали светлую энергию, и, наконец, так они вкусно пахли — молоком, душистым сеном и ещё чем-то, нежным и цветочным, что Вера с такой же радостью обняла и поцеловала и Койну, и Талло.

«Ну вот и подружки у меня здесь завелись», — подумала она и рассмеялась от удовольствия.

У Веры так и вертелись на языке вопросы, которые ей хотелось… нет! которые ей необходимо было задать дружелюбным и готовым откровенничать девушкам. Но она не решалась… вдруг снова скажет или сделает что-нибудь не то.

Между тем Койна и Талло тоже мучились любопытством. Из чего сделана одежда у новой знакомой? А что это у неё в сумке? Явно же что-то необычное… Койна даже незаметно (как же!) пощупала краешек Вериного балахона. И — Вера решилась…

— Натуральный коттон, — сказала она, хотя понятия не имела, из какого материала волшебный карандаш соорудил для неё одежду.

Койна обомлела от удивления, и пока девушка «переваривала» услышанное, Вера, набравшись храбрости, выпалила:

— А что у вас тут бывает на менах?

Она вдруг представила, что спросила бы у подруги, если бы приехала к ней в гости в незнакомый город, и та предложила бы ей прогулку в торгово-развлекательный центр… Да, наверное, именно так и спросила бы: а что у вас тут бывает?

— Как, Вера, — обрадовалась Талло, — неужели не знаешь? Ко Дворцу каждый день съезжаются жители ближайших посёлков, везут всякую снедь, у кого что есть… гонят скот… туда же корабельщики и торговцы доставляют всё самое лучшее с островов, с большой земли… серебряные и медные украшения, золото, благовония, ткани и лучистые камни… Мастера из Дворца выносят на площадь кувшины и горшки и прочую лепную утварь. За пару мер вина Маврис надеется взять пурпурной ткани мне и Койне на платья. Ох, какие мы сошьём себе наряды!

Вера наконец-то позволила себе внимательно рассмотреть одежду девушек — надо же похвалить их вкус и мастерство!

Обе девушки были смуглые, черноволосые, с миндалевидными карими глазами и носиками с чуть заметной горбинкой… их кудри — длинные, наверное, если распустить, то будут почти до пояса, — при помощи блестящих лент и заколок были уложены в причудливые причёски из косичек

и свободно падающих волнистых прядей. На вид Койне было, пожалуй, лет восемнадцать, а Талло, может быть, пятнадцать или шестнадцать. То есть, конечно, обе—много старше Веры, но в их обращении с нею девочка не чувствовала ни малейшей снисходительности или превосходства. Они болтали с ней как с ровней. Да и Маврис, заметила Вера, о чём-то вполголоса беседовал с Парисом, как будто их не разделяла целая пропасть лет: уж Маврис-то годился Парису если не в отцы, то в дядьки или, в крайнем случае, в очень и очень старшие братья.

«Да, странно тут у них»,—подумала Вера и, уже не таясь, принялась изучать одеяния спутниц.

На Талло—длинная тёмно-синяя юбка из тонкой шерсти с вышитым белыми нитями жёлтым передником и что-то вроде блузки с короткими рукавами и наброшенным поверх неё золотисто-коричневым жилетом, оставлявшим открытой грудь, которую обильно украшали ожерелья из ракушек, красных и синих бусин и цепочки из белого металла с беспорядочно свисающими камешками, перьями и птичьими коготками. На Койне—желтоватый, видимо льняной, сарафан, тоже с передником, и свободно ниспадающая с плеч кофта со столь же откровенным «декольте»,—всё это вышито и разукрашено разноцветными нитями, а бус, цепочек и ожерелий на Койне было ещё побольше, чем на Талло. Девушкам определённо нравилось украшать себя.

Что же касается Мавриса, то вся его одежда, как и одежда Париса, состояла из куска полотна, обёрнутого вокруг пояса, и широкого кожаного ремня, к которому крепились ножны и небольшой мешочек с какими-то мелкими вещичками.

—Какое красивое!—Вера осторожно дотронулась до тёмно-красного ожерелья, обвивавшего шею Талло.—Так и блестит на солнце…

—Нравится?—воскликнула Талло.—Возьми! Оно так подходит к твоим волосам и платью!

—Что ты! Зачем?—испугалась Вера.

Но Талло была непреклонна: тут же сняла с себя ожерелье и надела его на Веру. Бусины были тёплые и приятно щекотали шею.

«Эх, чем же отдариться-то?»—подумала Вера. Кто знает, как может отозваться «в веках» любой предмет из «будущего», который она неосторожно здесь оставит?.. «Ну ничего, я ещё найду способ поблагодарить милую Талло!»

Солнце поднималось всё выше, становилось жарко. В тенистой дубовой рощице на берегу шумящего по камешкам ручья путники сделали привал. Маврис выпряг волов, которые тут же принялись щипать траву неподалёку, а сам бросил под дерево тонко выделанную баранью шкуру, на которой Койна и Талло моментально устроили скромный, но сытный завтрак. Лепёшки, сыр, пёрышки зелёного лука, какой-то терпкий кисло-сладкий напиток вроде кваса… Вера сдержанно кушала, прислушивалась к разговорам и, как говорится, мотала на ус. Ей становилось всё интереснее… Девушки болтали, не умолкая и время от времени бросая на Веру пытливые взгляды. Однако на эти молчаливые вопрошания Вера отвечала уклончиво, сама же, вслушиваясь, старалась не пропустить ни слова.

И вот что она узнала. Каждый день, если только позволяет погода, ко Дворцу—собственно, это даже и не отдельное здание, а целый город, переходами, лестницами и галереями соединённый в единое целое,—приезжают жители окрестных поселений, чтобы обменять продукты своего труда (так Вера «перевела» для себя все эти «корзины, кувшины и мешки») на что-нибудь другое. Например, за большую амфору вина охотно дадут отрез хорошей материи, которого хватит на одно «взрослое» женское платье, или два-три новых глиняных горшка, или горсть перламутровых раковин для ожерелий, или несколько крупных жемчужин… А если к вину добавить несколько мер ячменной муки или горшок молока, плошку творога, сколько-то кругов сыра, то можно обменять всё это на козу или парочку овечек. О деньгах—насколько могла судить Вера—подданные Миноса понятия не имеют. Всё меняется на всё, поэтому «торг» сам по себе—игра и зрелище. Не зря минойцы так любят торговаться! И вообще, они очень любят людей посмотреть и себя показать. Тем более что вечером, когда мены закачиваются, царь и царица устраивают для гостей Дворца великолепный праздник.

—Мы обязательно останемся на танцы,—радовалась Койна.

—Какие танцы?—Вера старалась не выдать себя, но как же это было трудно… чуть ли не каждое слово минойских девушек ввергало её в изумление…

—Ну как же, Вера! Во Дворце столько музыкантов! Вечером они выходят на площадь, чтобы играть для народа. Музыканты играют, а люди танцуют. Где же девушке выбрать жениха, как не на танцах?

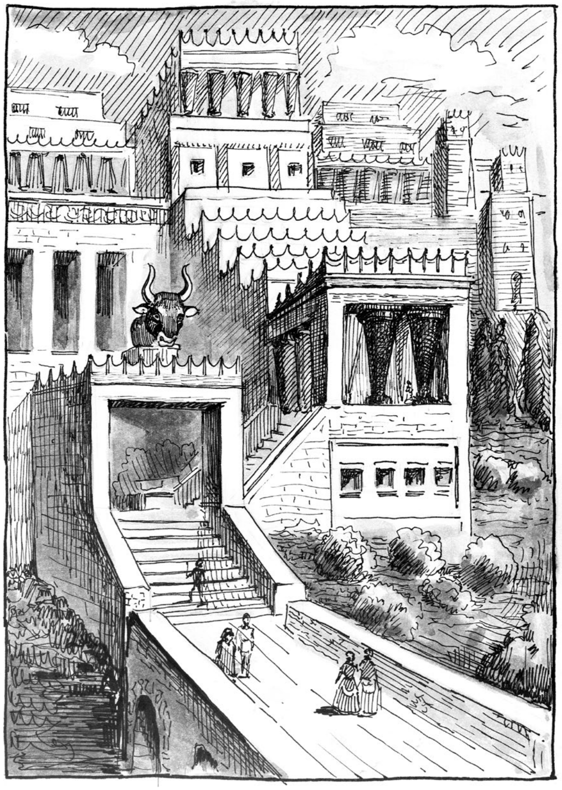
Вера аж поперхнулась куском лепёшки… нет, странно тут у них, очень, очень странно…

—Царь Минос и царица Пасифая нередко танцуют вместе со всеми. Увидишь, Вера, какая это красивая пара! Ведь ты не пропустишь танцы? Может быть, лицедеи покажут представление, а может быть, царевна Ариадна снова удивит народ чудесами. Она мастерица по этой части!

Тут Койна взглянула Вере прямо в лицо и тихонько спросила:

—А зачем ты идёшь во Дворец? Если это не тайна, скажи нам, Вера.

—Я?.. Мне как раз нужно увидеть Ариадну,—наконец сообразила Вера,—у меня для неё послание… да! Послание. Из Библа. По поводу чудес.



— Вот как! Ну что ж… тогда в путь!

Солнце было уже совсем высоко, когда дорога стала петлять между хижинами-мазанками, а кое-где и каменными постройками. Несколько раз повозку Мавриса обогнали всадники на низкорослых бурых лошадках и небольшие тележки, запряжённые длинноухими осликами. И вот впереди открылось широкое пространство, живо напомнившее Вере самый обычный рынок — с лотками, прилавками, шатрами и крикливыми торговцами, предлагающими подойти, посмотреть, попробовать… Над всем этим шумным весёлым беспорядком возвышалось огромное многоэтажное здание, простиравшееся так далеко по сторонам, что Вера, как ни старалась, не смогла угадать, где оно заканчивается.

«Вот он какой, Дворец!» — подумала она, спрыгнула с повозки и позвала Париса.

— Нам надо идти! Не будем мешать Маврису — у него много дел. А у нас и того больше!

— Хорошо, — отозвался Парис. — Пойдём прямо к царю?

— Ну да… Прямо к нему.

На прощание Вера обняла Койну и Талло и пообещала встретиться с ними вечером на танцах. Парис приветственным жестом поблагодарил Мавриса, и попутчики расстались: повозка Мавриса свернула направо — к шатрам, под которыми расположились приезжие с финикийских кораблей, а Вера и Парис вышли к началу огромной каменной лестницы, которая соединяла украшенные колоннами и яркой росписью ярусы Дворца. И тут же попали в шумную толпу поднимающихся и спускающихся по лестнице людей.

«Сколько народу! — думала Вера. — Какие все разные! Наверное, приехали из разных стран…»

В какой-то момент ей даже показалось, что она рассматривает картинки из учебника по истории Древнего мира. Вот, наверное, египтяне, смуглые, с круглыми бритыми головами, в белых балахонах с геометрическим орнаментом, идут, не торопясь, переговариваясь на непонятном языке. А это кто? Рыжебородые здоровяки в коже и бронзе… Вдруг в многоголосом разноязычном гуле Вера уловила что-то знакомое:

— Триеры из Пирея прибудут завтра… или послезавтра… и, говорят, на одной из них среди прочих — Тесей.

«Тесей? — встрепенулась Вера. — Кто бы мог здесь говорить о Тесее? Ах, вот оно что!» Веру и Париса обогнали двое мужчин: один — в хитоне и тёмном плаще, переброшенном через плечо, другой — в чёрной накидке с капюшоном, почти полностью закрывающим лицо. Они поднимались на галерею, что-то бурно обсуждая на дорийском наречии.

Вера в который раз поймала себя на том, что прекрасно понимает и минойскую, и дорийскую речь, хотя они заметно отличаются друг от друга. Понимает благодаря Гермесу, конечно. Если бы ещё позавчера кто-нибудь сказал Вере, что она будет разгуливать по допотопному Криту, запросто болтая на языках, вышедших из употребления тысячи лет назад, она решила бы, что это просто глупая (или наоборот — очень хитрая!) шутка. Но теперь она принимала это как нечто само собой разумеющееся. Она чувствовала, что эти двое имеют какое-то отношение к тайне, которую ей надо раскрыть. И, не раздумывая, последовала за дорийцами, которые так были заняты своей беседой, что ни на кого не обращали внимания. Да и на что обратишь внимание в такой суматохе?

— Ты куда? — забеспокоился Парис.

— Некогда объяснять… Слушай, а ты знаешь, куда идти? Как попасть к царю?

— А ты разве не знаешь? — удивился Парис.

— Я-то знаю… — не моргнув глазом, соврала Вера. — Но, если хочешь стать героем, ты должен всего добиваться сам! Найди царя. Сделай это, — Вера ускорила шаг, — а вечером встретимся на площади… где танцы… Ступай! Мне надо идти. Во-он туда… Решено?

— Ладно, — Парис пожал плечами и безропотно скрылся в толпе.

Вера, незаметно, как тень, лавируя среди плащей, хитонов, изысканных дамских платьев и кожаных фартуков, скользила в толпе за дорийцами и старалась не упустить ни слова из их довольно-таки нервного разговора.

— Неужели ты веришь, Агамемнон, что Тиндарей по собственной воле согласился признать их своими детьми?!
— А что ему оставалось? Ты видел Елену, Калхас?
— Она ребёнок. Да, прекрасна и умна не по годам, но этого недостаточно, чтобы смириться...—тут Калхас, перейдя на шёпот, оглянулся по сторонам,—чтобы смириться с бесчинствами Зевса и его приспешников...
— Вечно ты, Калхас, вводишь меня в искушение,— зашипел Агамемнон.—Не нам судить о замыслах бессмертных!
— Да говорю же тебе—Эгей уже подготовил корабли... не сегодня-завтра Тесей будет здесь. И он настроен весьма решительно!
— Тс-с-с-с...—Агамемнон ткнул собеседника локтем в бок.—Молчи! Не хватало ещё навлечь на себя гнев Всемогущего... в такое-то время...

Агамемнон и Калхас шли уже по широкой галерее, заставленной и застроенной многочисленными палатками, шатрами и ларьками, в которых кипела работа.

Вот гончар весело вращает свой круг, что-то напевая, а под его ладонями из шлепка глины прямо на глазах вырастает изящная чаша. Тут же на полках и на полу расставлены всевозможные сосуды, украшенные волнистыми линиями, цветами и грациозными фигурками диковинных зверей и танцующих людей. Вере снова показалось, что она рассматривает картинку из учебника... Вот это, кажется, амфоры... а это—кратер? Но дальше, дальше...

Вот мастер расписывает чёрной и красной краской огромные морские раковины... зачем? Они и так прекрасны! Вера уже еле поспевала за удаляющимися дорийцами.

А тут! Ого! В шатре, промелькнувшем справа, сидел самый настоящий писарь—перед ним на деревянном столе в специальной подставке торчали острые палочки разной длины, тут же лежали прямоугольные и овальные таблички—наверное, глиняные?—и свитки какого-то желтоватого материала... «Папирус!»—догадалась Вера. Возле писаря томились в ожидании несколько человек—заказчики, должно быть. Эх, задержаться бы, посмотреть. Но Калхас и Агамемнон быстро удалялись, и Вера уже не слышала, о чём они говорят.

Галерея неожиданно перешла в лестничный пролёт, украшенный белокаменными зубцами, похожими на бычьи рога. Слева ступеньки поднимались, справа—вели вниз, и дорийцы, ускоряя шаг, стали спускаться.

«Странно, что я не боюсь заблудиться,—подумала Вера,—вообще ничего не боюсь! С чего бы это? Ах да! Гермес!»

Неведомо, какое чувство давало ей эту уверенность, но Вера ни минуты не сомневалась, что Трисмегист, её непрошеный покровитель, постоянно где-то рядом, невидимый, но надёжный.

И она бесстрашно устремилась вниз по лестнице—за новым источником информации (всё же как ни крути, а «наша эра» в мыслях Веры всё время давала о себе знать). Людей вокруг становилось меньше, и девочке, чтобы её не заметили, приходилось скрываться за колоннами, а потом за деревьями и кустами, которые понемногу обступили лестницу со всех сторон... Наконец Калхас и Агамемнон вошли в приземистое каменное строение с широкими деревянными воротами, справа и слева от которых красовались две разукрашенные статуи в человеческий рост. Одна изображала толстощёкого парня в коротком хитоне. В одной руке он держал рог, из которого свисали виноградные грозди, а в другой—чашу с отбитым краем. Вторая фигура представляла собой обвитую цветочными гирляндами женщину, лицо которой было скрыто складками глиняного покрывала, тоже местами поцарапанного и побитого. Над воротами—вывеска: «Δώρο».

«„Доро“? Похоже, здесь таверна,—решила Вера,—или гостиница для путешественников... эти-то явно не местные. Но как же незаметно попасть внутрь?»

Вера попыталась обойти строение кругом и—вот удача!—с левой стороны в стене, почти целиком завешенной кудрявыми петлями какого-то вьющегося растения, обнаружила маленькую дощатую дверцу. Вера осторожно толкнула её, дверца с противным скрипом приоткрылась, и девочка оказалась в тёмном коридоре, всё освещение которого состояло в рассеянных лучах дневного света, падавшего из многочисленных щелей в стенах и потолке.

Ой-ё-ёй... может быть, тут тараканы бегают... или даже крысы... Вера услышала где-то далеко впереди приглушённый разговор и стала тихонько продвигаться в полутьме на звук. Наконец она буквально зашла в тупик, оказавшись в крохотном

чуланчике, упиравшемся в стену из грубых булыжников, между которыми зияли щели, дырки и отверстия, открывавшие любопытному взгляду достаточно подробную панораму соседнего помещения. Вера прильнула к одной такой дыре на уровне собственных глаз и сразу же увидела Калхаса и Агамемнона, которые сидели друг напротив друга у большого деревянного стола с расставленной на нём безыскусной, но вместительной посудой. У соседней стены виднелось что-то вроде прилавка, возле которого хлопотал полуголый чернокожий парень. Дорийцы жадно ели с помощью коротких, поблёскивающих в полутьме ножей, запивая еду из круглых, грубо расписанных, чаш, и громко обсуждали что-то важное, уже совершенно не опасаясь, что их может кто-нибудь услышать. И Вера немедленно навострила ушки.
— Понимаю твоё желание, Агамемнон, но не слишком ли рьяно ты берёшься за дела? Боги не любят выскочек.
— Выскочка Тесей рвётся к власти над Аттикой. Погоди, распутает он козни Миноса — и конец владычеству Крита на море. А там, глядишь, и к Лаконии ручонки потянет.
— Так ли? Думаю, ты преувеличиваешь возможности Афин.
— Преувеличиваю или нет, а рад буду, если здесь, во Дворце, навсегда Тесей останется — или голову сложит, или разум потеряет.
— Для этого надобно склонить на свою сторону Ариадну.
— Каким образом? — Агамемнон поёжился и опасливо оглянулся по сторонам.
— Не знаю. Но имей в виду: раз уж ты решил действовать — поторопись. Если не нынче в ночь, то завтра при попутном ветре корабли из Афин достигнут Крита.

Наступило молчание. Вера слышала только стук ножей и бульканье жидкости, наливаемой из кувшина в чашу. Но вот снова послышался голос Калхаса:
— Как стемнеет, на площади начнутся танцы. Погода нынче прекрасная, народу будет много. Может быть, царевна Ариадна снова захочет удивить подданных. Ей это нравится. Сколько лет ты не видался с ней? Родственница твоя всё-таки. Вот и склони её на свою сторону. Пусть помогает.

Тут Калхас снова замолчал, приподнялся и, повернувшись к стене, за которой притаилась Вера, напряжённо прислушался, поморщился и даже, как показалось Вере, пошевелил носом.

Девочка замерла, стараясь не дышать. А Калхас, снова обратившись к Агамемнону, вдруг громко произнёс:
— Но тут другая беда Атридов подстерегает. Помнишь, я рассказывал тебе о Приаме Троянском… о том, что тайно сына-младенца он отдал на финикийский корабль? С тех пор, кажется, лет десять-двенадцать прошло. Так вот, мальчика финикийцы продали бездетному оружейнику из Дворца, взяв за него славный лук и колчан со стрелами, а у того умерла жена, и он не нашёл ничего лучшего, как оставить ребёнка за Дворцом на дороге. Подобрал его пастух Ликаон, вырастил как сына. Назвали мальчугана Парисом. Никто до сих пор не знает, что он — царевич. И судьба этого мальчика очень скоро пересечётся с твоей, Агамемнон. Так пересечётся, что жизни тысяч людей и благополучие всей Эллады вот-вот окажутся на Зевсовых весах. Но ты, царь, нынче же ночью можешь не допустить беды, ибо мальчик этот здесь!
— Как? — вскричал Агамемнон.
— Поверь. Не зря же Калхас ест свой хлеб. Я знаю. Здесь Парис. И прямо сейчас ты легко найдёшь его на площади. Один незаметный укол рыбьей косточкой — и нет Париса, неминуемое бедствие будет отодвинуто далеко-далеко! А отодвинешь его ты, Атрид! Не сомневайся! Пусть в Элейсон отправляется Парис, пока не согрешил! Ему же будет лучше!

Услышав знакомое имя, Вера отпрянула от стены и, попятившись, задела локтем горшок, стоявший рядом на полке. Горшок свалился с полки, громко стукнулся об пол и разлетелся на куски. Агамемнон вскочил и с криком: «Кто там?!» — ударил посохом в стену так, что из неё посыпались мелкие камни.

Вера зажмурилась от ужаса и бросилась прочь, не разбирая дороги. Несколько раз ей пришлось уворачиваться от столбов и углов, как будто нарочно выскакивающих прямо перед ней. Наконец она обо что-то с разбегу споткнулась и грохнулась на грязный занозистый пол, содрав в кровь обе коленки и в чём-то липком изрядно испачкав платье.
— Что с тобой, Вера? — незнакомый женский голос насмешливо и в то же время властно прозвучал у неё над головой. — Куда это ты так спешишь?

Вера, стиснув зубы, чтобы не захныкать от боли, встала, и у неё перехватило дыхание… Дверца, через которую она попала в подсобное помещение таверны, была широко распахнута, и за ней, на поляне, равномерно освещённой невидимым источником света, стояла женщина огромного роста с круглыми голубыми глазами, в длинном серебристом платье. На плече у неё сидела надменного вида сова.

«Афина! — узнала Вера. — Да-да… ведь Гермес сказал, что боги следят за нами. Наверное, она скажет, что делать дальше…»
— Я… мне нужно разыскать друга. Ему угрожает опасность!
— Друга? — богиня рассмеялась холодным металлическим смехом. — Какое легкомыслие!

Вера почувствовала порыв ледяного ветра и… оказалась в пустом просторном зале с колоннами.

Она сидела на мраморной скамье с ножками в виде львиных лап, Афина стояла рядом и укоризненно смотрела на неё. Теперь богиня была похожа на строгую учительницу. Ни совы, ни змеи, ни тёмного платья. Серый жакет, юбка серая, белая блузка, чёрные туфли на низком каблуке. И круглые голубые глаза, под взглядом которых Вера съёжилась, как будто была в чём-то виновата.

— Ты совсем потеряла контроль над собой. Как можно быть такой легковерной? Посмотри, до чего ты себя уже довела!

Да уж! Расквашенные Верины коленки противно щиплет, платье в каких-то бурых пятнах… А главное — почему-то ужасно стыдно! Как будто экзамен провалила или домашнюю работу не сдала в срок…

Афина, видимо, сжалилась над ней:

— Сколько глупостей ты уже наделала, Вера! А ведь всего-то и надо было — сесть и спокойно выучить уроки. Ну ничего… ещё не всё потеряно.

С этими словами Афина очертила указкой круг перед Вериным носом, и — хоп! — ссадины на коленках мгновенно затянулись, платье очистилось и даже разгладилось, как будто побывало под утюгом.

Афина присела рядом на скамью и обняла девочку за плечи. Сначала Вера вся сжалась, словно обняла её Снежная королева, но уже через несколько секунд перестала замечать холод и доверчиво посмотрела в лицо богине.

— Вот ты говоришь — друг. Сломя голову бросаешься спасать Париса. Но что ты о нём знаешь? Так, отрывки из обрывков… А ведь у тебя есть достойный доверия источник, в котором имеются и все необходимые сведения, и все предостережения. Вот он.

Афина коснулась указкой сумки, которая, несмотря на встряски и недоразумения, так и оставалась у Веры на плече. Сумка соскользнула с плеча, повисла перед ними в воздухе, из неё как бы нехотя выползли «Мифы Древней Греции» и расположились рядом с сумкой, как будто на невидимой подставке.

— Вот посмотри, — Афина указала на книгу, тут же зашелестевшую переворачивающимися страницами. — Парис — сын троянского царя Приама и царицы Гекубы. Красивый и смелый, но от природы дерзкий, бессовестный, лживый и наглый, он способен даже на такое преступление, как обман доверившегося ему человека, друга! Посмотри, видишь, здесь написано… — Афина ткнула указкой в страницу, и перед глазами Веры «бегущей строкой» замелькали слова:

«Прошло много дней, после того как вернулся Парис в дом своего отца Приама. Казалось, что та перемена, которая произошла в его жизни, заставила его позабыть о даре, обещанном ему Афродитой за золотое яблоко. Теперь он был царевичем, а не простым, никому не известным пастухом. Но Афродита сама напомнила ему о прекрасной Елене и помогла своему любимцу построить великолепный корабль, и он собрался отплыть в Спарту, где жила Елена, обещанная Афродитой ему в жёны. Напрасно стал предостерегать его вещий сын Приама Гелен. Он предсказал гибель Парису. Ничего не хотел слушать Парис. Он взошёл на корабль и пустился в далёкий путь по безбрежному морскому простору. Наконец, прибыл Парис к берегам Лаконии. Причалил его корабль в устье реки Эврот, и вышел Парис с другом Энеем на берег. С ним отправился он к царю, как гость, не замышляющий ничего злого. Царь Спарты Менелай, супруг Елены, радушно принял Париса и Энея. В честь гостей приготовил

он богатую трапезу. Во время этой трапезы Парис впервые увидел прекрасную Елену. С восторгом смотрел он на неё, любуясь её неземной красотой. Пленилась красотой Париса и Елена, он был прекрасен в своих богатых восточных одеждах. Прошло несколько дней. Менелаю необходимо было ехать на Крит. Уезжая, он просил Елену заботиться о гостях, чтобы ни в чём не имели они недостатка. Не подозревал Менелай, какую обиду нанесут ему эти гости. Когда Менелай уехал, Парис тотчас же решил воспользоваться его отъездом. С помощью Афродиты он уговорил нежными речами прекрасную Елену покинуть дом мужа и бежать с ним в Трою. Уступила Елена просьбам Париса. Тайно увёл Парис прекрасную Елену на свой корабль; похитил он у Менелая жену, а с ней и его сокровища. Всё позабыла Елена—мужа, родную Спарту и дочь свою Гермиону забыла она ради любви к Парису. Покинул корабль Париса устье реки Эврот, увезя с собой богатую добычу. Быстро нёсся корабль по морским волнам назад к троянским берегам. Ликовал Парис, с ним была прекраснейшая из смертных женщин, Елена».

Вера читала, и глаза её наполнялись слезами. Не может быть! Парис такой добрый, такой доверчивый и надёжный… Так хочет стать настоящим героем! А вот незадача: мало того что царевич, так ещё и предатель, и обманщик, и вор… В будущем, правда. Но ведь это будет!

— Да, Вера, да,—услышала она голос Афины,—он предал самое святое—дружбу! Из-за этого предательства вспыхнула страшная, кровопролитная война между греками и троянцами, которая длилась много лет и унесла тысячи жизней. Троянская война положила начало череде разрушительных мировых войн. На Земле эти войны не закончатся никогда, если теперь, в самом начале, не изменить направление событий. С помощью Калхаса и Агамемнона я как раз собиралась это сделать. А тебя угораздило вмешаться в то, чего ты не знаешь и не понимаешь!

— Но я же не сама!—воскликнула Вера.—Это всё Гермес! Он сказал…

— Нашла кому поверить!—расхохоталась Афина.—Отцу всех обманов! Ловко он тебя одурачил! Но не обольщайся: у всех бессмертных свои планы на эту игру. Игры богов, Вера,—самая хитрая и непредсказуемая вещь на свете. И тебе предназначено стать даже не пешкой, а крохотной песчинкой под ногтем одного из игроков. Но я помогу тебе вырваться из западни, в которую заманил тебя Великий Обманщик. Я могу одним движением руки вернуть тебя домой. Только ты должна *сама* захотеть, *сама* попросить меня об этом. Понимаешь?

Афина отстранилась от Веры и пристально посмотрела ей в глаза. Вера чуть не задохнулась от радости: домой! Вот сейчас, сейчас она будет дома! И всё же ей хотелось допытаться у Афины: что здесь, на Крите, происходит с Миносом, с Ариадной, с танцами, и всё-таки с какой целью сюда едет Тесей?

— Ах, любопытная девчонка!—почти разгневавшись, воскликнула Афина.—Ну хорошо. Не для детских ушей эта позорная тайна. Но я расскажу тебе. Бог морей Посейдон наказал Миноса за обман. Тот обещал принести ему в жертву быка, которого сам же Посейдон послал ему для этой цели, но бык был так хорош, что Минос подло решил оставить его себе, а на жертвенный алтарь привели другого… Вроде бы—какая разница? Но Посейдон возмутился и наслал на быка, нагло присвоенного Миносом, такое бешенство, что жителям Крита мало не показалось! Бык стал нападать на людей, уничтожать посевы и всячески свирепствовать. Его даже прозвали Критским быком с тех пор. Но хуже всего, что Посейдон заставил жену Миноса Пасифаю влюбиться в этого быка! В результате через некоторое время она родила… да-да! не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку… полуребёнка-полутелёнка… Да ещё и кровожадного! Ибо это прелестное дитя с первых дней жизни признаёт в качестве пищи только человеческую кровь! Минос прячет его где-то во Дворце, в подземелье, которое устроено в виде лабиринта. Минос обрёк мои возлюбленные Афины на страшную дань: ежегодно семь юношей и семь девушек из лучших семейств царь Эгей вынужден отправлять на Крит, где их отдают на пожрание Минотавру! Завтра в полдень сюда прибудут корабли с несчастными жертвами. Понимаешь? Уже завтра вновь произойдёт ужасное несчастье…

— А Тесей?—потрясённо прошептала Вера.

— Хоть это ты знаешь,—усмехнулась Афина.—Тесей с ними. И он выполнит то, что ему суждено,—спасёт своих будущих подданных, найдёт и убьёт Минотавра. Ариадна ему поможет.

Афина помолчала и требовательно взглянула на Веру:

— Ну… Я жду. Попроси—и я сию же минуту верну тебя домой.

Вера открыла было рот, но что-то мешало ей послушно следовать требованиям богини. Как-то всё это получалось быстро и… неловко. У неё не было ни малейших оснований не доверять Афине. И всё же…

Неужели то, что она говорит, правда? И великодушный, доверчивый Парис, только что в разговоре с ней без страха и упрёка бросившийся защищать то, во что верит,—на самом деле бессовестный наглец, способный на самые гнусные поступки? И женщина, полубогиня, царица, может влюбиться в быка (бр-р-р-р…), и человек с головой быка пожирает людей?.. Гермес-то Гермес, но ведь Вера прекрасно помнила свои собственные

чувства — то безотчётное счастье, радость и тепло, которые она испытала в общении с жителями Маталы... Неужели они зачем-то притворяются, и всё, что она услышала от них, — коварные выдумки? А Рея! Вера едва не вскрикнула... сон это был или нет, но ощущение любви и заботы, которое исходило от Матери-Природы, она отчётливо помнит и не забудет никогда! Так что же, задери коза, здесь происходит? Мировая война — это, конечно, серьёзно. Но что, если она, Вера, вот прямо сейчас может предотвратить назревающее, кем-то затеваемое зло? Что, если именно ради этого неведомая сила забросила её сюда, как сказочного Иванушку-дурачка?

«До Василисы Премудрой я, конечно, не дотягиваю», — Вера вздохнула, потому что уже, в сущности, приняла решение.

Иванушка-дурачок, в конце концов, становится же Иваном-царевичем. И Парис станет героем. Не злодеем, а героем! Конечно, станет! И Тесей не убьёт Минотавра, потому что разве можно уничтожить то, чего нет?

— Поторопись, Вера, — прозвучал металлический голос, — скажи, что хочешь домой, и попроси, чтобы я отправила тебя обратно.

— Ну нет, — со всей возможной твёрдостью откликнулась Вера, — я больше никому не верю! И никогда ни за что не поверю, пока во всём не разберусь сама!

Едва она произнесла последнее слово, как грубый толчок швырнул её обратно на грязные доски чуланчика «Доро», — и серая тень огромной птицы с гулким уханьем метнулась прочь, в сторону заходящего солнца.

«Ну и ну! Пока я тут занималась исследованиями и разговорами, день почти закончился! Как бы не опоздать!»

Кряхтя и постанывая, Вера поднялась, отряхнула пыль с испачканного платья, поплевав на ладошки, вытерла кровь с разбитых коленок и, стараясь не хромать, поспешила к лестнице, по которой некоторое время назад спустилась к таверне.

Глава седьмая,

в которой Вера встречается с Ариадной и спасает Париса

Вера пробиралась среди каких-то колючих зарослей.

— Что-то не помню, чтобы такие кусты попадались мне на дороге, когда я шла туда...

Она остановилась, огляделась. Солнце уже почти скрылось за горизонтом, пламенеющим слева от неё, как не прогоревшие угольки костра.

— Скоро уже совсем стемнеет...

Вера прислушалась. В постепенно густеющем полумраке пищали и потрескивали какие-то живые существа. Тропинка, по которой она бежала, уже едва заметна была среди камней и жёсткой желтоватой травки.

— Ну вот, дорогуша, — сказала Вера сама себе, вспомнив ироническое обращение Гермеса, — вот ты и заблудилась. С чем тебя и поздравляю.

Фрррр... откуда-то из-под куста прямо у Веры под носом выпорхнула чёрная птичка с длинным острым клювиком.

— Умница, Вера! — голосок был птичий, одновременно скрипучий и писклявый, но Вера сразу его узнала.

— Гермес! — у Веры (какой уже раз за этот вечер!) брызнули слёзы — Как ты мог меня оставить одну в самую трудную минуту?!

— Ну, допустим, не самую трудную... в этой игре, — птичка уже сидела у неё на плече, — но ты справилась великолепно! Молодец! Не ожидал я от тебя такой силы духа. Думал, — всё. Проиграл я. Беда! Но ты поступила так неожиданно верно! Не зря же родители дали тебе такое имя — Вера! Я в восхищении. Умница! Молодец!

— А почему ты не вмешался? Ты же видел, что ещё секунда, и эта... история навсегда закончится! И для тебя, как ты говоришь, закончится печально...

— Боги не имеют права вмешиваться в дела других богов, когда те делают свой ход. Но теперь у нас руки развязаны. Иди по тропинке, я покажу тебе путь.

Птичка вспорхнула с Вериного плеча и полетела над тропинкой, время от времени возвращаясь и делая круг над её головой.

Скоро впереди замелькали огни, тропинка постепенно перешла в дорожку, которая становилась всё шире и, наконец, действительно привела девочку к ярко освещённой лестнице. Между зубцами ограждения в виде бычьих рогов, на которые Вера обратила внимание, когда незаметно следовала за дорийцами, видны были большие круглые каменные чаши — в них трепетало бездымное оранжевое пламя, далеко распространявшее свет и тепло. Но людей вокруг не было видно, и Вера в полном одиночестве (если не считать порхавшего рядом Гермеса) поднялась до площадки, где лестница раздваивалась, — вправо уходила вдаль широкая ровная галерея с колоннами, а влево ступеньки поднимались выше и заканчивались небольшой ротондой, возле которой Вера разглядела одинокую белую девичью фигурку, наклонившуюся над перилами и, видимо, что-то рассматривавшую внизу.

Вера в нерешительности остановилась. С одной стороны, всё равно неизвестно, куда идти. Но с другой, она чувствовала, что приключений ей на сегодня уже хватит с избытком, так что новое знакомство в этот вечер было бы, наверное, лишним.

— Гермес, а Гермес, — прошептала Вера, но ответа не услышала.

Великий Обманщик снова оставил её одну перед неразрешимым вопросом: остроклювой птички и след простыл.

— Эх, была не была,—неожиданно для себя решила Вера,—поднимусь и спрошу, где будут танцы.

Прихрамывая и тихонько всхлипывая от боли, она, как могла, быстро стала подниматься по ступенькам. Наконец, девушка в белом платье услышала её приближение, обернулась и… Вера оторопела. Лицо девушки было освещено колеблющимся светом каменных ламп, и Вера видела каждую чёрточку. Так видела, как будто смотрела в зеркало—на саму себя… в каком-то далёком неведомом будущем. Будто ей уже лет двадцать! Или даже двадцать пять…

Вера зажмурилась и помотала головой. А когда открыла глаза, девушка стояла перед ней и с безмерным удивлением разглядывала её. Теперь она была похожа на маму, но только на совсем молоденькую маму, какой Вера видела её в старом-престаром домашнем видео.

— Где это ты так?—в голосе девушки звучало неподдельное сочувствие,—Бедняжка.

— Упала,—буркнула Вера, но тут же решила, что невежливо так отвечать человеку, проявившему к ней внимание.—Заблудилась. Хотела попасть на площадь… где танцы… и—вот,—она развела руками и снова всхлипнула.

— Так ты на танцы идёшь?—девушка покачала головой,—надо как-то сначала поправить твои дела… Пойдёшь со мной? Я тебя полечу. Пойдём!

Вера послушно кивнула. Она, кажется, снова утратила чувство реальности и просто делала то, что ей говорили.

Девушка взяла Веру под руку, и они, свернув на галерею, пошли сначала прямо, потом свернули в какой-то боковой коридор, снова поднялись по лестнице, вышли на залитую оранжевым светом площадку, спустились и оказались перед резной деревянной дверью, на которой с удивительной точностью были изображены два борющихся барса и жёлтые лилии на длинных изогнутых стеблях.

Девушка потянула кольцо, вставленное в пасть одного из барсов, дверь бесшумно открылась, и Вера оказалась в небольшой квадратной комнате без окон с такими же, как на галерее, каменными лампами, только гораздо меньшего размера. У стены напротив в полу было устроено что-то вроде маленького бассейна, в который прямо из стены, по узкому стекловидному лотку, стекала вода—настолько прозрачная, что Вера сквозь эту струйку видела кладку стены и бассейна, который, видимо, никогда не наполнялся до краёв.

— Иди сюда, садись,—сказала девушка, подталкивая Веру к скамье, покрытой мягкой шкурой какого-то пятнистого животного,—тебя как зовут?

— Вера,—пробормотала Вера, с наслаждением опускаясь на скамью,—а тебя?

— А меня—Ариадна,—улыбнулась девушка.

Удивительнее всего было то, что Вера даже не удивилась. Ведь так и должно было быть! Она ведь должна была найти Ариадну. Ну—вот. Нашла.

Пока Ариадна доставала из деревянного шкафчика с расписными створками какие-то коробочки, чашечки и банки с лечебными снадобьями, Вера, нисколько не стесняясь, рассматривала её. Выше среднего роста, очень стройная, светловолосая и зеленоглазая, она совсем не была похожа на девушек из Маталы и одета иначе—простое белое платье—в пол—с широкими рукавами и с вырезом «под горло». Никаких украшений, кроме цепочки из желтоватого металла с кулончиком в виде бычьих рогов—по форме точь-в-точь, как зубцы на дворцовой галерее. Длинные волосы расчёсаны на прямой пробор, заплетены в косы и уложены венцом вокруг головы.

— Ну что ж… для начала давай-ка вымоем твои ножки,—Ариадна подвинула к Вере низенький круглый столик, видимо, целиком сделанный из слоновой кости (Вера, правда, имела довольно смутное представление о слоновой кости, но пусть будет так!), и широким жестом пригласила её к бассейну.

Вода в бассейне была тёплая и приятно пахла… Вера подумала, что здесь, на Крите, она различает огромное количество всевозможных запахов, о которых прежде и не подозревала. Да что запахи! Все чувства её невероятно обострились. Вот и сейчас. Она слышала слабое потрескивание пламени в лампах (интересно, что же там горит?), отдалённые звуки—вроде барабанов—наверное, на площади уже начались танцы… лампы освещали комнату неравномерно, а Вера различала отчётливо все, даже совсем мелкие, предметы. Прикосновение

вещей доставляло ей неизъяснимое удовольствие, зато и ничтожные царапины на коленках причиняли такую боль, что Вера едва могла её терпеть. А уж запахи! Впрочем, не нюхать же она сюда пришла!

Вера выбралась из бассейна, завернулась в мягкое льняное полотно, деликатно предложенное Ариадной, и без тени сомнений предоставила себя её заботам.

— Будет немножко больно,—предупредила Ариадна, смазывая её коленки жёлтой пощипывающей мазью. Потом коленки были бережно перевязаны тонкими лоскутками полупрозрачной материи, и, наконец, Ариадна достала из другого шкафчика, углового, точно такое же платье, как у неё, и выкатила на середину комнаты высокое овальное зеркало на маленьких чёрных колёсах.

— Примерь-ка это,—сказала она почему-то извиняющимся тоном,—твоя одежда, кажется, уже никуда не годится.

Вера окунулась в платье Ариадны, как в морскую волну. Оно было почти совершенно ей впору, только слишком длинное, подол распластался по полу, так что Вера не могла сделать ни шагу.

— Это поправимо,—улыбнулась Ариадна и при помощи хорошо наточенных бронзовых ножниц обрезала подол как раз Вере до щиколоток.—Теперь в самый раз.

И встала рядом с Верой. Несколько секунд они обе стояли перед зеркалом, с недоумением глядя на отражение. Ещё бы! Они были похожи, как... ну, не как две капли воды, но—как мать и дочь... как родные сёстры—старшая и младшая...

— Так,—наконец, нарушила молчание Ариадна,—расскажи-ка мне, Вера, кто ты и откуда, чьих будешь и что делала в такое время одна-одинёшенька у нашего Дворца?

Ох... Вера всем существом своим чувствовала, что, если теперь спокойно рассказать всё по порядку,—мир обязательно изменится к лучшему, и ей не придётся больше блуждать в туманах неизвестности. Но... с чего же начать? А главное... да!!!

Бедный Парис! Неужели над его мёртвым телом уже кружатся хищные птицы?

— Я бы рада!—закричала Вера,—но это долгая история... а мой друг... моего друга, возможно, убили уже... там, на площади...

— Что же ты молчала?—нахмурилась Ариадна,—а ну-ка, пойдём...

И снова—лестницы... лестницы... верх... вниз... вбок... вправо... влево... площадки... галереи... вверх... вниз... бегом... бегом... бегом...

И—вдруг: шум... гром... барабанная дробь... свет... мелькающий свет со всех сторон—площадь...

Площадь полна народу!

У Веры на мгновение перехватило дыхание, она почувствовала, как бьётся её сердце, и невольно приостановилась. Но Ариадна, крепко держа Веру за руку, уверенно шагала вперёд, на середину площади, где возвышалось некое подобие сцены, окружённое широкими деревянными ступенями, на которых сидели и стояли весёлые люди с дудками, флейтами, разной величины барабанами, бубнами и всевозможными струнными инструментами—одни были похожи на арфы, другие—на гусли, третьи—на домры или балалайки. Музыканты играли и пели. И такая это была звонкая, возбуждающая, ритмичная музыка, что ноги сами просились в пляс. И все люди на площади—в разноцветной, многоголосой толпе—смеялись, подпевали музыкантам и пританцовывали. При этом заметно было, что происходящее—не предел их желания и интереса, что все они ждут чего-то, основного и главного. Вдруг кто-то крикнул:

— Смотрите, это Ариадна!

Толпа перед ними мгновенно раздалась, и Вера с Ариадной прошли к возвышению через живой коридор, дышащий симпатией и напряжённым ожиданием.

— Смотри внимательно,—шептала Ариадна,—увидишь что-то подозрительное, сразу дай знать!

— Да что же тут можно разглядеть?—усомнилась Вера,—столько народу!

— Пойдём—пойдём,—Ариадна буквально тащила её за руку,—поднимемся на помост—оттуда лучше видно.

Ещё несколько шагов, почти вприпрыжку (а коленки-то уже и не болят!),—и Вера с Ариадной—на помосте, над площадью и над толпой, которая взорвалась приветственными возгласами и рукоплесканиями.

Ариадна отпустила Верину ладошку и вышла на середину помоста. Вера озиралась по сторонам, пытаясь различить в толпе знакомое лицо.

— Вера! Вера!—донеслось снизу.

Она повернулась на голос... Точно! Койна и Талло—довольные и счастливые,—были совсем рядом и весело махали ей руками.

Но где же Парис? А! Вот и он! Живой и здоровый. Увидел её, засмеялся...

— Там мои друзья,—крикнула она Ариадне,—нужно их предупредить!

— Иди!—сказала царевна,—Не бойся, я тебя не потеряю.

Минута—и Вера оказалась в объятиях своих нечаянных подружек. Но ей было не до них.

— Парис,—бросилась она к мальчишке,—берегись тех двух дорийцев, за которыми я шла, помнишь? На уме у них недоброе.

— Да зачем я им? Шутишь, Вера?..

— Какие шутки! Впрочем, я потом тебе всё объясню. А пока... просто слушайся, ладно?

Парис покачал головой, но ничего не сказал.

Музыка тем временем смолкла.

— Смотри, смотри,—воскликнул Парис, указывая на помост.

Вера подняла глаза, и по спине у неё побежали мурашки… Боковые лампы над площадью постепенно погасли, только помост оставался освещённым. Там, в столбе струящегося света, простирая руки над замершей толпой, стояла Ариадна. Её белое платье переливалось голубыми и розовыми бликами, а от кончиков пальцев тянулись тонкие зеленоватые лучи.

Если бы Вера находилась в этот момент в Красноярске, где-нибудь на стадионе или в парке на лазерном шоу, она бы точно не удивилась, а только любовалась бы, но здесь…

В ладонях Ариадны переливались два ярких световых пятна, лучи исходили как раз от них, и царевна управляла ими так ловко, словно кружево плела или вышивала.

— Так вот ты какая, нить Ариадны,— почему-то подумалось Вере.

Тем временем в небе над площадью разыгрывалось настоящее свето-представление! Под протяжные звуки одинокой флейты, выводящей причудливую мелодию, над головами изумлённых зрителей проплывали диковинные цветы и деревья, длинноногие птицы с кудрявыми хохолками и узкими изогнутыми крыльями, драконы с шипастыми хвостами и лошадки с развевающимися гривами, олени с ветвистыми рогами и быки с рогами в виде перевёрнутого месяца…

Но вот тоненький голосок флейты оборвался. Ариадна хлопнула в ладоши, и по толпе пронёсся гул восторга.

— Ты это видела? Видела?— кричал Парис, сжимая Верин локоть так, что она, наконец, с негодованием оттолкнула его.

— Ну, видела. И что?

Бедный пастушок чуть слюной не подавился от такого неслыханного равнодушия к самому настоящему чуду! И тут только обратил внимание на перемену, которая с ней произошла… обвёл Веру настороженным взглядом, поднял глаза к помосту, на котором приветствовала народ Ариадна, и поёжился… Нет, не простая это девочка Вера, ой, не простая.

Надо бы держаться от неё подальше. И Парис— увы—смалодушничал: бочком, бочком попытался ускользнуть, но тут уж Вера спохватилась:

— Ну куда ты, Парис! Пожалуйста, не уходи далеко… будь начеку! И я тоже буду.

Тут снова взревели трубы, ярко вспыхнули боковые лампы. Ариадна сошла по ступеням с помоста и присоединилась к небольшой группе ярко одетых людей, среди которых Вера с ужасом и негодованием увидела Агамемнона.

Неожиданно—без видимых приспособлений— помост раздвинулся, и в круг, образованный расступившейся толпой, из открывшегося тёмного коридора вышли мужчина и женщина—он в красном, она в золотом плаще. Оба очень высокого роста, насколько могла судить Вера, пожалуй, на голову выше среднего взрослого минойца.

— Царь и царица!—Вера даже на цыпочки привстала, чтобы лучше разглядеть их.

Минос лицом и телосложением живо напомнил Вере былинного богатыря (в школе как раз накануне читали русские былины)—этакий Садко: русоволосый, стриженный «под горшок», с небольшой бородкой и пшеничного цвета усами. Одетый в длинную белую рубаху, подпоясанную красным шнуром с кистями, в красном плаще, схваченном на плече серебристой пряжкой в виде бычьей головы, он с улыбкой отвечал на возгласы подданных приветственным жестом правой руки, а левой бережно поддерживал под локоть идущую рядом Пасифаю. А та… вот если бы Пеппи Длинный Чулок стала бы взрослой дамой, царицей, она точно была бы такой! Голову Пасифаи окружало пышное облако огненно-рыжих кудрей, глаза горели зелёным огнём, а белое нежное лицо её было усыпано милыми веснушками. При этом характер за этой кукольной внешностью читался совсем не шуточный!

Да! Красивая пара! Ничего не скажешь,—очень красивая.

В толпе, среди разгорячённых представлением минойцев, Вера чувствовала, что люди так же, как и она, любуются царственной парой и гордятся ею.

Минос и Пасифая остановились в самом центре круга. Царица подняла обе руки и, громко хлопнув в ладоши, воскликнула:

— Хорэ!

Тут же грянули барабаны, взвыли флейты… два-три диссонирующих аккорда,—и музыка пришла в движение. Это была очень странная и очень красивая мелодия. У Веры даже что-то заныло и застонало внутри. Где же она это слышала? Ах, да… кажется, это было похоже на старинные ирландские песни. Да-да… только здесь это был явный призыв к танцу. Толпа мгновенно начала преображаться—образовывались пары и выстраивались след в след за царём и царицей.

Эх, танцы! В чём—в чём, а уж в танцах-то Вера знала толк! В своём времени, в своём городе она уже несколько лет танцевала в знаменитом на весь мир детском театре «Орлёнок» и теперь с радостью угадывала в движениях танцующих минойцев знакомые фигуры и построения. Было в этом танце что-то и от ирландских кейли, и от осетинского симда, и от французской кадрили, и даже от русской игры «ручеёк». Партнёры, обязательно он и она, взявшись за руки, двигались по кругу, в начале каждой новой музыкальной фразы выполняя довольно сложные танцевальные фигуры между собой, а потом снова следуя в общем потоке—друг за другом. Как же это было красиво! Но важнее всего, решила Вера, было то, что танцующие в конце каждого круга менялись партнёрами, так что любой мужчина или юноша, участвующий в танце, мог запросто пройти круг рука об руку с царицей, а любая женщина или девушка—с царём.

— И ведь никакой охраны!—думала Вера,—Как же так? Неужели царская семья до такой степени чувствует себя в безопасности? При том, что вон… дорийцы злоумышленные свободно рыщут в окрестностях Дворца…

Действительно, если что и охранялось на площади всерьёз, так это внутреннее пространство помоста, откуда вышли царь и царица: у помоста стояли две рослые мускулистые девицы с двойными топориками на длинных рукоятях, которыми они перегораживали вход.

Музыканты играли всё громче и быстрее, и Вера почувствовала, что, если она немедленно не включится в общее веселье, то просто взорвётся от избытка чувств… Она схватила за руку Париса, который вяло сопротивлялся сначала, дескать, никогда в жизни не танцевал, но потом подчинился и довольно бойко стал копировать движения Веры. Улучив момент, они вошли в круг, и танец подхватил и понёс их на своих всемогущих крыльях.

Вера так увлеклась танцем, что не заметила, как и когда Парис исчез из поля её зрения. Сначала в паре с ней оказался пожилой дядька, со снисходительной улыбкой и благородными манерами, потом—наоборот, смуглый кудрявый мальчишка, смотревший на неё с восхищением и старательно повторявший все танцевальные «па», как будто совсем недавно выучил их, потом ещё кто-то… музыка не оставляла времени на размышления, Вера только краем глаза следила за Ариадной, и сердце её дрогнуло лишь тогда, когда чудом обретённая старшая подруга рука об руку пошла по кругу с Агамемноном… Дориец приблизил лицо к самому уху девушки и что-то настойчиво шептал ей.

— Чего он добивается?—подумала Вера.

В тот же миг новый партнёр—нарочно!—с силой наступил ей на ногу.

— Ой!—вскрикнула Вера и бросила сердитый взгляд на обидчика, который раздражённо зашипел:

— Где Парис, Вера? Забыла, зачем сюда пришла?

С этими словами он вытолкнул Веру из круга и… превратившись в маленькое облачко пыли и пара, рассеялся в воздухе.

Вера мгновенно всё поняла (ещё бы не понять!), растерянно огляделась по сторонам и тут же увидела Париса: пастушок уходил прочь от танцующих в сторону лестницы, ведущей вниз, на почти не освещённую галерею…

— Парис,—крикнула Вера,—эй, Парис!

Но тот как будто не слышал. Парис двигался очень медленно и неуверенно, как слепой… или как во сне, делая каждый шаг отдельно, словно боялся упасть… таким образом он ушагал уже довольно далеко.

Ах, вот оно что! Там, впереди, в полутьме галереи, Вера увидела закутанного в тёмный плащ человека. Он приближался к Парису и что-то делал вытянутыми вперёд руками, словно невидимую верёвку тянул, и к этой верёвке был привязан Парис! Да-да! Как же она сразу не догадалась! Калхас! Это Калхас, и он всё-таки поймал Париса на крючок!

Думать было некогда, и Вера просто со всех ног бросилась догонять Париса и настигла его у самой лестницы.

— Стой, Парис!—она толкнула его и крепко шлёпнула по затылку,—Слышишь?! Проснись!

Парис споткнулся и с размаху хлопнулся на неровные каменные плитки, которыми была выложена площадь, ну и Вера, не удержавшись, брякнулась вслед за ним.

Несколько секунд они, потирая ушибленные места, с недоумением смотрели друг на друга, но тут Вера каким-то глубинным инстинктом поняла, что расслабляться рано. Она перевела взгляд в сторону галереи: точно! Калхас быстро двигался к ним.

— Бежим,—крикнула Вера, схватила Париса за руку, и они побежали, куда глаза глядят.

И снова—вверх… вниз… лестницы… переходы… снова вверх, снова вниз… направо… налево…

Наконец, под ногами у них захрустели мелкие камешки, зашуршала трава и палые листья, в разгорячённые лица дохнул влажный ночной ветер, и дети поняли, что наконец выбрались из Дворца. Они остановились, прислушались. Никаких признаков погони не было заметно.

— Уфф…— Вера в изнеможении опустилась на траву.

Парис стоял перед ней с видом требовательного судьи, уличившего свидетеля в ложных показаниях:

— Ты, в конце концов, объяснишь мне, что происходит? А, Вера?

— Что тут объяснять?—вздохнула Вера,—Ты—не тот, кем считаешься. Поэтому у тебя есть неведомые и могущественные враги. И ты пока не готов к встрече с ними. Это всё, что я сама об этом знаю. Я же говорила—доверься мне, я пытаюсь тебе помочь.

Парис уселся рядом с ней, обнял за плечи. Так они и сидели, молча, прижавшись друг к другу, переводя дух после измотавшей обоих гонки.

Их окружала глухая лесная чаща. Даже звуков Дворца уже не было слышно. Зато воздух наполнен был непрерывным стрёкотом насекомых, голосами ночных птиц, шорохом веток, которые шевелил ветерок и задевали разные мелкие зверьки, вышедшие в сумерках на прогулку… Полная луна обливала деревья ровным призрачным светом, и там, за деревьями, просматривалась широкая поляна, откуда веяло терпким ароматом незнакомых цветов.

— Ну, что, пойдём?—сказала Вера,—Не знаю, куда и зачем мы пойдём. Но идти надо.

— Пойдём,—неожиданно легко согласился Парис.—Не сидеть же тут до утра.

«Странный мальчик!—в который раз про себя удивилась Вера,—вот если бы мне кто-то сказал: ты—не то, что ты есть. Как бы я себя повела? В обморок упала бы, наверное! А этот—ну, пойдём! Не сидеть же тут до утра… Странные люди. Странное место. Странный мир. Всё здесь очень, очень странно!»

Продолжение следует

Рисунки Ольги Сорочкиной

Д*и*Н симметрия

Павел Антокольский

Ты помнишь, Европа?

Европа! Ты помнишь, когда
В зазубринах брега морского
Твой гений был юн и раскован
И строил твои города?

Когда голодавшая голь
Ночные дворцы штурмовала,
Ты помнишь девятого вала
Горючую честную соль?

Казалось, что вся ты—собор,
Где лепятся хари на вышке,
Где стонет орган, не отвыкший
Беседовать с бурей с тех пор.

Гул формул, таимых в уме,
Из черепа выросший, вторил
Вниманью больших аудиторий,
Бессоннице лабораторий
И звёздной полуночной тьме.

Всё было! И всё это—вихрь…
Ты думала: дело не к спеху.
Ты думала: только для смеха
Тоска мюзик-холлов твоих.

Ты думала: только в кино
Актёр твои замыслы выдал.
Но в старческом гриме для вида
Ты ждёшь, чтобы стало темно.

И снова голодная голь
Штурмует ночные чертоги,
И снова у бедных в итоге
Одна только честная боль.

И снова твой смертный трофей—
Сожжённые башни и сёла,
Да вихорь вздувает весёлый
Подолы накрашенных фей.

И снова—о, горе!—Орфей
Простился с тобой, Эвридикой.
И воют над пустошью дикой
Полночные джазы в кафе.

1922

Владимир Замышляев

От Тигра и Евфрата до Енисея

У людей, как известно, короткая память. Они быстро забывают о днях минувших, а что уж говорить о тысячелетиях. Обычному человеку, не обременённому грузом истории, наверное, и не надо опускаться в глубину веков. Но тем, кто учит людей («учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени»), просвещает «массы», управляет ими, надо бы заглядывать в древние источники мудрости. Увы, в наше время вся мыслительная деятельность ограничивается часто одной неделей или от выборов до выборов, или, в лучшем случае, «планом на два года». Особенно поражает поколение политиков и писателей, явившихся в обществе российском после 1991 года. Для них Россия — «молодое государство», равное по возрасту им самим. Не о таких ли малодушных индивидах давно писал А. С. Пушкин: «И средь детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он»? А так хочется «быть притчей на устах у всех».

Я не включаю в этот список писателей, состоявшихся ещё в советское время, по достоинству оценённых, из памяти не исчезнувших. Многие из них уже физически умерли, некоторые ещё живут. У них тёплая спина от советского прошлого, но печальные глаза, отражающие страдания души по поводу того, что сегодня вытворяется в России — в разгуле рыночных страстей, при которых продаётся не только рукопись, но и вдохновение. У писателя уходящего поколения есть нечто определённое и в мировоззрении, устойчивое в моральных принципах, самоотверженное в служении Отечеству, милосердное к женщинам и детям, к «братьям нашим меньшим». Они действительно профессиональные писатели, слуги народа без уничижения. Они в исторической традиции того, что письменность и литература, начинавшиеся с клинописи за тысячи лет до нашей эры, всегда были связаны с Небом и Землёй, Океаном и Горами, Богами и Царями, с Героями, их подвигами во имя жизни и спасения людей от «злых Демонов и властителей царства мёртвых». Поразительно и то, что в эпических сказаниях так всесторонне и конкретно прописан труд на земле: возделывание полей и садов, орошение пустынных мест, осушение болот, превосходная ирригация.

И все сюжеты мировой литературы новой эры и предыдущего и нынешнего столетий фактически скопированы с шумерской литературы, возникшей за четыре тысячелетия до нашей эры. Наука так и не установила этническое происхождение шумеров. Они создали на болотистой почве между Тигром и Евфратом процветающее благополучное царство, возвели локальную цивилизацию с прекрасной эпической мифологией, религиозной и светской литературой. Если их этническое происхождение неясно, то я думаю, что они были предками ариев, славян, русских людей, ибо только русские и поныне могут жить в сыром климате, на реках и болотах, в лесах, в Гиперборее. И русские былины (Илья Муромец и другие) имеют своими предтечами древнейшие шумерские повествования о Гильгамеше, совершавшем великие подвиги ради своего народа.

Высококультурных, трудолюбивых, миролюбивых шумеров (у русских такой же характер) завоевали дикие племена, спустившиеся с гор, расплодившиеся в пещерах. Эта критическая масса своей численностью захватила и погубила шумерское царство. Но вот исторический парадокс: захватчики усвоили шумерскую культуру, поразившую их оседлым мироустройством и культурой, переиначили только эпические сказания на свой «дикий вкус». Последовательно возникли Аккадия (её культура), Ассирия и Вавилон. Впоследствии и эти царства были завоёваны семитскими племенами (арабами и евреями). В шумерском эпосе есть представления о сотворении мира и человека, о Всемирном потопе и царстве мёртвых и все житейские ситуации о «почётном престоле», о царской власти, о супругах (муже и жене), их детях, о любви и смерти. По сути, библейская история потом унаследовала все эти идеи и образы. На их основе сформировались зороастризм, иудаизм, христианство, ислам и прочие.

Я решил напомнить о самой древней истории и культуре, чтобы обратить внимание нынешних людей на безыдейность, на отсутствие в литературе и искусстве нашего времени Величия бытия, а с ним и благородства Мужей, верности Материнства, высоких помыслов в служении Богам и Человеку. Так называемое «новое искусство» утилитарно. Оно гордится «произведениями» из мусора, который, конечно, хорош, но только в переработке для производства повторяющихся

изделий для бытовой надобности. Это современные технологические достижения — безотходное производство. Но оно и в древности было. Например, удобряли навозом поля для повышения урожайности. И вреда не было, как от современной химической промышленности.

Литература двадцать первого столетия — склочно-конфликтная, вся на бытовой основе, на криминале даже между мужчиной и женщиной, между родителями и детьми. Как поётся в одной песне: «Увела тебя, увела — ну и что же тут криминального?» А ведь «увести» — это значит присвоить, взять в собственность чужого мужа. Артистка поёт эту песню с восторгом!

Нынче никто не может сказать, что является идеалом и нужен ли он. Авторитеты отсутствуют, подражать можно только моде, а она — блудница хуже, чем вавилонская. Все имеют «право голоса», и все безразличны друг к другу. То же среди писателей. Редко кто из них читает сочинения собратьев по перу, особенно пухлые романы, если в них нет крови и насилия. И отношение к русской классической литературе плёвое. «Анна Каренина», по выражению одной студентки, которую я слушал, — это «слюни». Виктор Ерофеев, будучи в Красноярске, рассказывал, как в Бельгии переведённый там его роман «Русская красавица» критиковали за то, что в нём «мало секса». Писатель сам боялся «перебора». Оказывается, «недобрал».

Эмоциональное восприятие современного читателя или зрителя атрофировано, им нужны повышенные раздражители: ненормативная лексика, о которой предупреждают на обложках книг и печатают в тексте (явное лицемерие), всякие чудовища и монстры, пришельцы из «космоса», фактически из травмированного человеческого сознания. Какими же примитивными представляются Адам и Ева, вкусившие яблоко! Объявляются «лидеры продаж»! Это главное мерило современного коммерческого успеха. Уровень художественности уже не столь важен.

Недавно я прочёл книгу американца Рамеза Наама «Нексус». Автор — специалист в области компьютерных технологий, руководитель отделения новаторских решений в компании «Микрософт». Этот научно-фантастический роман — первая книга компьютерщика. И он сразу отмечен двумя премиями в номинации «Лучшая книга года». В рекомендации книги читателю написано: «Экспериментальный препарат нексус-5, созданный с помощью нанотехнологий, таит в себе невероятный потенциал. Программа загружается человеку в сознание — и перед нами другая личность». Вот цель сочинения и эксперимента — сделать человека другим. В романе четыреста сорок пять страниц текста посвящены манипуляциям с этим препаратом нексусом, внедряемым экспериментатором в человека — в юную женщину и других. За всем этим экспериментом следят органы безопасности США. Скучно и однообразно от множества повторяющихся научно-технических терминов. Меня развеселило одно место в романе. Соблазнённая экспериментатором девушка (что само по себе банально), придя в себя, воскликнула: «Ну ты козёл!» С моей точки зрения, это самое выразительное художественное слово в романе.

Роман заканчивается утверждением: «Следующие десятилетия будут полны чудес, по своей невероятности превосходящих любые произведения научной фантастики». Возможно, возможно! Но мне почему-то до сих пор милей те представления о мире и людях, какие были у шумерских мыслителей, поэтов мифологии. Они не были столь технически занудными, как сегодня компьютерные фантасты.

В России пока ещё удерживается реализм литературы, пусть даже названный «новым реализмом». Я и «умственные» романы Пелевина принимаю только потому, что в них есть аналогии с реальной жизнью, несмотря на множество надуманных «лабиринтов и туннелей». Безоговорочно хорош писатель Захар Прилепин, особенное его роман «Обитель» и всё, им написанное в последнее время. Преимущество этого писателя перед всеми прочими в том, что он идеологически не застрял на прошлом и не очаровался настоящим. Он прозрел историю в её многомерных измерениях, осознал Человека как существо мифологическое и реалистическое, героическое и бытовое, восстанавливая образ человека-борца, воителя и даже богоборца. И сам, имея «опыт войны», опять стал Бойцом — на Донбассе.

Современная русская литература не ограничивается местом Садового кольца в Москве или Невского проспекта в Санкт-Петербурге. Она произрастает в социальном пространстве от Калининграда до Сахалина. Это подтверждается и философией ризомы, утверждаемой в Европе. Согласно такой философии, развитие и рост в растительности идёт не только от одного корня вверх, но и горизонтально. Тот, кто борется с одуванчиками на даче, не знает, что это — ризома: одуванчики опять растут и растут. И таких «одуванчиков» в провинциальной литературе не сосчитать и не перечитать. Количество явно преобладает над качеством. Тут один из законов диалектики (переход количества в качество) явно нарушается. Не только книги и книжечки, но и альманахи выпускаются даже в районных центрах. Само по себе это явление положительно гражданское, обусловленное всеобщей грамотностью и желанием самовыражения: «я тоже пишу». Афоризм философа Декарта: «Мыслю — следовательно, существую», — в наше время используется в оправдание существования, а сущность вроде и не обязательна. Как сказано в знаменитом романе Джойса «Улисс», «существую

без сущности». Всеобщее сочинительство—это устный и виртуальный Интернет. Повсеместным явлением стала сплошная компьютеризация. Нынче вместе с больничным листом выдают компьютерный текст по истории болезни на шести страницах и ещё диск с записью операции на сердце. Смотри, читай, удивляйся! Врачи тоже превратились в сочинителей и видеооператоров. Я имею этот личный опыт и благодарен врачам за продление существования.

Шумеры лечили не хуже, но у них была только клинопись, потом пергамент. Сохранились даже рецепты и заклинания, например, от зубной боли. Вот бы сегодня тысячам литераторов заняться этим полезным делом. Можете мне сказать, что есть экстрасенсы, хорошо «заговаривающие зубы и душу». Я и этот опыт имею. Одна экстрасенша обрадовала меня утверждением, что мой род—от графа Льва Толстого. Я, конечно, не поверил, но ведь лестно, и деньги заплатил.

Мы, литераторы, стали рассуждать о «провинциальной литературе» (в регионах страны). Понятие «провинциализм» имело когда-то территориальное значение, потом—как нечто отсталое, косное, домостроевское. Вот в Красноярске в издательстве «Буква» А. Статейнова выпускаются сборники «Провинциальная проза». Он уверяет, что это доброе дело. Чтобы как-то освободиться от Московской кольцевой дороги и быть провинциально суверенными, надо обособиться и заявить о «лице с необщим выражением», как формирование местных элит. Мы—сибиряки-красноярцы. И это звучит гордо! Енисей—река свободы! Ещё лучше. Но тут есть вопросы.

На встрече с московским писателем Виктором Ерофеевым в Доме кино в Красноярске (март 2016 года) был задан вопрос: «Кого вы знаете из красноярских писателей?» Он задумался, потом ответил: «Астафьева…» Как к такому признанию относиться? Должен ли житель Москвы, тем более писатель, знать красноярских писателей? Среди них есть и члены ПЕН-клуба, но Ерофеев и их не назвал. Обидно, обидно! А между тем у каждого своя компания. Так в одном анекдоте ответил на лесопилке работник, когда его пытали, знает ли он Петра Ильича Чайковского. Сущая правда: все мы сегодня числимся в компаниях и не переживаем «за того парня». И нет сегодня таких книг, которые бы обсуждала вся страна. А когда я был студентом в Ленинграде, мы в общежитиях институтов бурно обсуждали напечатанную в «Новом мире» повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Событием были и выпуски поэтических сборников поэтов-шестидесятников. В 1979 году Андрей Вознесенский получил за свои стихи Государственную премию, а после этого с его участием возник альманах «Метрополь», вызвавший литературный и политический скандал. Инициатором «мирового события» был влиятельный литературный критик Феликс Кузнецов, привлёкший внимание к альманаху партийных идеологов страны. Это ещё один пример злостного доносительства писателей на писателей. Задела эта «беда» и Красноярское книжное издательство, которым я руководил в 1979 году и подписал договор с молодым писателем Евгением Поповым на издание сборника его рассказов. Госкомиздат РСФСР запретил нам издавать эту книгу, так как Е. Попов был в числе авторов «Метрополя». Я, как директор издательства, принял решение о выплате автору гонорара по договору. А книгу мы не могли издать, потому что без штампа цензуры (крайлит) рукопись не приняли в типографии издательства «Красноярский рабочий». В апреле 2018 года при встрече с Е. Поповым на литературном фестивале «Книга. Ум. Будущее» («КУБ») в Красноярске мы вспомнили эту историю, посмеялись и дружески пообщались. Е. Попов подарил мне с добрыми словами три книги: «Аксёнов» (в соавторстве с А. Кабаковым), «Арбайт. Широкое полотно» (интернет-роман), «Самолёт на Кёльн» (рассказы).

Провинция прекрасна своей разнообразной самобытностью (и природной, и этнографической), в ней возникали и «литературные гнёзда» со своими «орлами». Их горний полёт обеспечивался региональными книжными издательствами, призванными тогда обязательно печатать произведения по месту жительства писателей. И гонорары платили, и авторы не бедствовали. И молодых, начинающих авторов прозы и стихов поддерживали. Была такая удобная для издателей форма издания—сборник «Встреча»: несколько авторских рукописей под одной обложкой, числившихся в плане как одна позиция, потому что количество авторских названий за один год ограничивалось, ведь план утверждался в Госкомиздате РСФСР. И расходы-доходы надо было просчитывать, и прибыль иметь, чтобы гонорар платить. Поэтому «Встреча»—хорошая издательская придумка, выводившая в литературный свет сразу несколько авторов. Кстати, и издательская печать так и обозначалась: «В свет!»—ставилась на рукописи, направлявшейся в типографию. И подпись директора издательства. Я этим занимался, поэтому ничего не придумываю, а говорю как было.

Провинция плоха тем, что в ней возникают «бои местного значения» между издателями и писателями и между членами писательской организации. Мне, как директору книжного издательства, приходилось отлаживать отношения между редакторами и авторами рукописей. Не всегда правы обе стороны, но забота была общая—качество произведения. Все известные красноярские писатели, живые и мёртвые, прошли эту «школу» и состоялись профессионально благодаря такому компромиссу. Думаю, что многие из тех,

кто называет себя сегодня писателями, выглядят слабее в сравнении с теми, кого в советское время редактировали. Я не веду речь о политической цензуре. Это отдельный вопрос.

К сожалению, в провинциальном «литературном гнезде» иногда высиживаются такие «птенчики», которые, став взрослыми «пташками», продолжают мстить издателям за жёсткие (в то же время и благожелательные) редакторские замечания.

Не обижался и не мстил за рецензию на сборник поэм Роман Харисович Солнцев. Я писал о нём в тот же период. Он согласился с моими замечаниями, снял из сборника «Да!» («Книга о любви и ненависти») две-три незавершённые поэмы, а остальные были напечатаны. И вышедшая замечательная книга с дарственной надписью была вручена мне. Я не хвалю себя и никогда не ждал благодарностей от писателей, но благородные из них всегда были добры к издателям. Роман Солнцев, став главным редактором журнала «День и ночь», несколько раз напечатал мои стихи и статью об академике М. Ф. Решетнёве без просьбы с моей стороны. И когда он работал в правительстве губернатора А. Вепрева, а я был «в отставке», у нас сохранились товарищеские отношения, независимо от сменившейся политики в стране. Я стал соавтором большой книги «Красноярский материк. Люди, дела, документы», составленной к изданию Романом Солнцевым. Думаю, что так и должны строиться отношения в среде интеллигенции. Философ Владимир Соловьёв говорил, что у того «дрянное сердце», кто враждует при разнице политических идей.

Но не таков сочинитель К. А между тем он и по таланту (по «гамбургскому счёту») значительно уступает Роману Солнцеву.

Удивляет нас одно явление: в каждый период времени (в прошлом и в настоящем) в той или иной творческой организации вылупляется интриган, провокатор, клеветник, жалобщик, от которого никому «житья нет». По опыту многолетней деятельности в общении с интеллигенцией я видел таких типов.

Мне приходилось улаживать конфликты, длившиеся по нескольку месяцев или даже по году: в театрах и творческих союзах Красноярска.

Был такой парадоксальный случай. Я мирил две враждующие группы «старых» и «молодых» в Красноярской организации Союза художников РСФСР. Секретарь партийной организации в коллективе художников Н. П. Лой, приехавший в Красноярск из Норильска, написал на меня, работника крайкома КПСС, жалобу «за непартийное поведение» и направил её в адрес двадцать седьмого съезда КПСС в Москве. Тогда была такая практика: во время работы съезда создавалась комиссия, собиравшая жалобы и предложения со всей страны. И всё это по ходу съезда в оперативном порядке рассматривалось. Жалоба на меня в адрес партийного съезда проверялась на месте крайкомом КПСС. Была принята и одобрена моя правота. После этого в скором времени сами художники переизбрали секретаря партийной организации.

Другой случай. Перед моим приходом на должность директора Красноярского книжного издательства был затяжной конфликт между издателями и писателями. Я пришёл с поручением — наладить отношения. Опять, как и у художников, возмутителем спокойствия был секретарь партийной организации писателей К. Н. Шней-Красиков, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Он «держал оборону» перед издательством, защищая писателей-ветеранов. Молодые же писатели отстаивали свои интересы и сопротивлялись «старшим». Вопрос деликатный: как не обидеть писателей-ветеранов и отстоять справедливость по отношению к молодым писателям? К тому времени в Красноярск переехал Виктор Петрович Астафьев. К его мнениям все прислушивались: и писатели, и издатели. Известно, как относился он к «начальникам, генералам и политуправленцам» на фронте и в мирное время. К. Н. Шней-Красикова, фронтового политработника, В. П. Астафьев писателем не воспринимал. Я переговорил с В. П. Астафьевым, убедил его в том, что если мы издадим роман К. Шней-Красикова «На переломе», то всякий «шум» в отношениях стихнет, жалобы в высокие инстанции прекратятся. Компромисс между нами был принят. И мы роман напечатали. И действительно, отношения между писательской организацией, её партийным секретарём и издательством наладились. А К. Н. Шней-Красиков сказал мне, что я «достоин большей должности, чем директор издательства». Лесть, конечно, но судьба повела меня «выше».

Издательство под моим руководством впервые в своей истории получило переходящее Красное знамя Госкомиздата РСФСР за большие достижения в книгоиздании, девяносто процентов которого составляла художественная литература. Выпускались книжные серии «Писатели на берегах Енисея», «Современная сибирская повесть», «Города края», «Енисейский меридиан» и другие. Периодически издавался альманах «Енисей» с тиражом каждого номера в двадцать пять тысяч экземпляров. Я был заместителем главного редактора альманаха. Печатал стихи и статьи в альманахе до того, как стать директором издательства.

Мои добрые отношения с писателями возникли после моего приезда из Ленинграда в Красноярск в 1965 году. В 1968 году Красноярский краевой Дом народного творчества (я — его директор) вместе с книжным издательством выпустил первую книжку стихов «Поэзия дивных гор» — начинавших тогда

литературное творчество поэтов Дивногорска. Этот сборник ныне — библиографическая редкость, и его берегут в библиотеке города Дивногорска. В начале 2016 года на юбилее Владлена Белкина по случаю восьмидесятипятилетия со дня рождения мы вспоминали эту историю.

В завершающий период моей жизни, перед восьмидесятилетием со дня рождения, я опять попал в «тесные отношения» среди писателей, а в декабре 2017 года я стал председателем Красноярского регионального отделения Союза писателей России.

Письменные доносы в «инстанции», подлость, предательство — это изобретение низкосортных человеков с комплексом неполноценности, обиженных на весь мир за то, что этот мир не признаёт в них величия. А откуда ему взяться? Из семидесятилетней истории СССР нам известно имя злодея — генерального прокурора СССР Вышинского, сочинившего две формулы неправедного суда: «расстрел — мера воспитания» и «признание подсудимого — лучшее доказательство его вины». Признания добывались с помощью жестоких пыток (жестоки любые пытки). По доносам (с участием писателей двадцатых-тридцатых годов прошлого века) отправлено немалое число самих писателей в царство мёртвых или в тюрьмы. Писателей в былые времена и вешали, и головы им отрубали (во Франции), чтобы «не думали».

Размышляя над судьбами погубленных писателей, я написал стихотворение:

Сколько в России убито поэтов?
Создать бы в их честь мемориал…
Они — пророки гражданского Света,
Кто их прочитал, тот и познал!
Познал человеческое предназначение —
Быть человеком превыше себя.
Любовь к человеку на попечение
Взять, всё живое в природе любя.
Как будто бы просто, а не получается.
Поэтов-пророков вели на расстрел —
Власть их боится, а народ сомневается
В том, что пророк вразумить их посмел.
Задним умом хомо сапиенс крепок,
Крестится поздно русский мужик.
Сыплют напрасно на голову пепел,
Когда уже вырван правды язык.
Убитым поэтам — посмертная слава,
Одно утешенье — память веков.
Вопрос остаётся: имеет ли право
Власть на убийство божественных слов?
И почему в Уголовный кодекс
За такое убийство не впишут статью?
Проведём референдум, отдадим свой голос,
Я сразу поставлю подпись свою!

На повестке дня и художественная литература, и её писатели. Чему они служат, и нужны ли они? Является ли нынешнее писательство производительным трудом, или оно — одна из форм социальных спекуляций, приносящих и доходы словесному манипулятору? Я начал статью с запева о шумерской культуре и литературе. И могу повторить, что человечество, пожелавшее стать таковым, изначально озабочено было высокими помыслами, идеалами, равными богам. А по истечении тысячелетий растеряло их и попало в абсурд бытия — «без божества, без вдохновения».

Когда великий поэт писал: «Выхожу один я на дорогу; / Сквозь туман кремнистый путь блестит; / Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу, / И звезда с звездою говорит», — масштаб-то какой, дух захватывает! Ф. М. Достоевский писал о «всемирной отзывчивости» русской души. Остаёмся ли мы такими? Или мы отзываемся только на импортные товары, на биржи и акции? В одной из своих «Заметок каждого дня» Анатолий Зябрев сокрушается: «Все одеты как бы, все обуты как бы, а ощущение — в яме». Чужая душа — потёмки. А наша? «Что день грядущий нам готовит?» Читают ли тех, кто пишет о хлебе насущном в повседневности?

В «Заметках каждого дня» («Красноярский рабочий», 15.02.2017) Анатолий Зябрев в очередной раз слушал по телефону двухчасовой монолог «друга из Германии», пытаясь вставить словечко… Меня привлёк в заметке следующий текст: «Я уже не раз писал, что, как многие российские немцы (то есть русские), Бренинг вернулся на историческую родину. Вся его семья. Всем там дали работу, всем дали пособия, всем дали жильё… Данный факт я сравнивал с российской ситуацией. Вернулись русские, не из ближнего зарубежья, а с дальнего, не бывшие граждане СССР, а из тех, которые оставили Россию ещё до советского времени. Колонией они вернулись. Им дали в Приморье в аренду землю, они построили себе дома, вырастили рекордный урожай сои и арахиса, а так как местная власть не помогала реализовать продукцию, они печально разорились. И вся колония собралась теперь уезжать обратно, в зарубежье, в какой-то Уругвай, куда их зовут, обещая создать все условия для хорошей им жизни. Оказывается, за рубежом русские умеют хорошо работать, и их за это там любят».

Немец (русский) Бренинг отзывается на заметки сибирского писателя Зябрева, латиноамериканцы привечают этнических русских, а русские в России сами себе враги. А сколько словес о «соборности», о «коллективистском типе общества», о проклятиях индивидуалистическому Западу! Недавно в краевой универсальной научной библиотеке чествовали за «круглым столом» покойного профессора-философа, всю жизнь потратившего на «борьбу с метафизическим Западом». Признаю его большие научно-философские способности, содействовал ему в работе на заведовании кафедрой, ведь я-то был деканом гуманитарного факультета.

Я и сам писал о «соборности русских» в силу их вынужденного географического положения в плохом климате. Но я всегда и сомневался в добровольной коллективистской готовности русских на «общее дело» (по разумению философа Н. Фёдорова). Русские сплачиваются только при большой опасности, грозящей прекращению рода нации. А какой народ этого не делает? В мирной жизни русские скорее склонны к плохой дисциплине, даже к анархии, лишь бы не «подчиняться начальству». Это свобода какого-то особого рода, но не коллективный тип общества. По тому, как русские устремились к современной частной собственности, видно, как русские могут быть выдающимися индивидуалистами. И в Российской империи до 1917 года знаменательно было русское предприимчивое купечество, ценившее устную торговую договорённость выше письменного соглашения и предусматривавшее право на «недельный запой». У русских к бумажным делам всегда недоверие. До сих пор! Сколько среди русских «обманутых вкладчиков»? Коллективизм ли это? «Русская правда» и совесть—постоянное напоминание самим себе о том, что нехорошо обманывать, «не по чину брать», следовательно, в этих нравственных принципах ощущается дефицит, как и в качественных товарах.

Я всегда буду защищать родной народ, великое Отечество, но негоже слепнуть при взгляде на многие наши неурядицы, разгильдяйство, безответственность, на «пофигизм», на отказ «работать на Пушкина». Русские постоянно жалуются на то, что «чужаки» у них власть отбирают, в благополучии объегоривают, а сами, по известной поговорке «моя хата с краю, я ничего не знаю», на политические выборы не ходят, за капремонт платят, зная, что капремонта не дождутся, как коммунизма. Обратим внимание на выборы сорок пятого президента США Д. Трампа. Какие общественные страсти кипели, даже продолжались и после завершения выборов! И такое деется не в «коллективистском» государстве?! В США и в Европе огромное количество общественных фондов с добровольными пожертвованиями. Даже бродячих животных благоустраивают. А у нас писатели—охотники-промысловики живут тем, что убивают в тайге «всех пушистых» и при этом восхищаются красотами природы. Да простят меня литераторы, но промысловая охота писателя и восхищение пейзажами напоминает гитлеровцев-фашистов, которые после «трудового дня» по сжиганию людей в печах приходили домой, гладили по головам своих детей и поливали цветочки. Писатель-фронтовик В. П. Астафьев после войны не мог убивать животных (много крови), переключился в основном на рыбалку, на «холодных» существ. У них нет печальных, наполненных болью глаз, как у горячекровных. В одном из рассказов С. Задереева нравственно измученный герой после убийства коз выдохнул: «Небо падает». Изумительная метафора! Вся история русской литературы изобилует примерами милосердного, порой мучительного переживания в отношениях с домашними и лесными животными. Вспомним хотя бы строчки Сергея Есенина про «рыжих семерых щенят», которых хозяин собаки «положил в мешок», чтобы унести и утопить. И—«покатились глаза собачьи золотыми брызгами в снег» от муки расставанья со щенками. Этот гениальный поэт завещал на все времена «не бить по головам братьев наших меньших». В сборнике А. Третьякова «Время—гениальный часовщик» есть стихотворение «Аллегория». Поэт признаётся, что после прочтения стихов на встрече в одном степном посёлке его пригласили посмотреть цеха, где убивают животных и обдирают. Поэт отказался! Анатолий Зябрев уже несколько раз писал о Дине, собаке-красавице, выросшей из щенка, подобранного писателем на даче в посёлке Борск. В. Путин своим указом запретил истреблять родившихся детёнышей от нерп на берегах Северного Ледовитого океана. О защите нерп писал и Евгений Евтушенко, ярый противник участия поэтов, писателей в убийстве животных. В этом мы с «шестидесятником» согласны.

В мировой Красной книге существуют запреты на истребление многих птиц и зверей. Человечество подошло к такому рубежу «прогресса», когда звери стали жить среди людей, а в древности было наоборот. Шумеры и другие народы потом даже обожествляли диких зверей и одомашненных из их числа. Вся мифология построена на параллелях «мы и они». В древнегреческой мифологии родились образы кентавров—голова человека и туловище коня—как единство разума и природной силы. Конь-огонь! Сколько сказок и повествований о нём! Умны они необычайно. У Алексея Бондаренко (из Енисейска) в одном рассказе поведано о коне, пришедшем на кладбище на похороны хозяина. Никто его не вёл, сам явился. Казаки, основавшие Красноярск, относились к лошадям как к членам семьи. Такие доброта и забота были в семье Суриковых.

Помню в детстве, как дорогого для меня дядю Витю (Виктора Прохоровича Иванова) лошадь, запряжённая в сани, доставляла из районного центра в родную деревню, прямо к дому. Дядя иногда «согревался» в районной чайной, выходил, ложился на сено в санях, говорил: «Пошёл, дорогой…» Виктор Прохорович заведовал конефермой, обожал лошадей, никогда их не бил. Для любимого коня-красавца он припасал в кармане фуфайки угощение—кусок хлеба или горсть овса.

Сколько душевных свидетельств о поразительной верности собак, об их исключительной памяти, о возвращении домой за десятки километров от тех мест, где их иногда, по несчастью, теряли.

Особенно умны дворовые собаки в городах. Сама трудная жизнь их выучивает. В настоящее время в Красноярске не видно собак на улицах. Я невольно оглядываюсь: куда подевались? Плакать хочется от благодарности волонтёрам, когда читаешь, как они спасли попавшую в беду собаку. Однажды я прочитал о том, что в Стамбуле было много голодных тощих собак. Художник, кажется из Парижа, посвятил им большую картину. Власти Стамбула, устыдившись, переловили всех собак и вывезли на необитаемый остров в море. Собаки погибли. Художник, узнав об этом, покончил жизнь самоубийством. Он посчитал себя виновным в гибели друзей человека. Из рассказов Михаила Тарковского знаю, что охотники-промысловики иногда убивают своих собак, отслуживших срок на охоте. А ведь могли бы создать сообща питомник, держать в нём заслуженных добытчиков, навещать их и кормить — до естественной смерти.

Человек и Природа — вот остросовременная тема философии, культуры и литературы. Для меня сегодня научно актуально единство культурологии и экологии. Бравада нигилиста — «природа не храм, а мастерская» — нравственно неприемлема. Природа, как писал поэт-философ Фёдор Тютчев, не «бездушный лик», «в ней есть любовь, в ней есть язык». Сколько жизненных сил потратил на спасение Байкала выдающийся писатель Валентин Распутин! Сибирь — его родная земля, поэтому он о ней так заботился! В. П. Астафьев и В. Г. Распутин жили в стихии родного языка (у В. П. А. даже записных книжек для такой цели не водилось), поэтому им незачем было заниматься «крохоборством». Их литературное мастерство одухотворялось прежде всего нравственными императивами, тем, что философ И. Кант называл «чудом во мне». Без чуда народной морали литература — пустышка, не спасут её от ущербности никакие «словечки». «Любите всё живое, и вам воздастся!» — завет старца Зосимы из романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы».

Особенно дорог язык писателя, если он милосердный, добрый, духовно музыкальный. Об этом мы не раз говорили при общении — Анатолий Зябрев и я, читатель его «Заметок каждого дня». Писатель много раз повторял, что написанное должно быть «Текстом»! Литературным Текстом. Об этом говорил и В. П. Астафьев на «Литературных встречах в провинции» в родной для него Овсянке. А ветеран литературы Анатолий Ефимович Зябрев трудится над текстом «Заметок…» действительно каждый день на девяносто четвёртом году жизни, продлевая это бытие (в отличие от существования) на годы вперёд. Однажды он мне признался в том, что, создавая Текст в настоящем, он думает и о будущем: как написанное будет читаться завтра и послезавтра. А как же иначе? Однодневки-мотыльки, может, приносят деньги, но сущности в человеке не содействуют.

Все выдающиеся произведения литературы являлись наисовременнейшими, потому и становились общественным событием, затрагивали умы и сердца тысяч и миллионов людей. И парадокс в том, что чем современней книга в прошлом, тем интереснее и необходимее она сейчас. Так появляются литературные герои на все времена в мифологии и в реализме. Каждый человек может сочинить нечто о себе (о насморке, например), но скажите такое, чтобы оно захватило всех не гриппом (коллективизм эпидемий вреден), а мировоззрением, спасающим бытие на пути в «прекрасное далёко».

Утверждение А. Зябрева о ненужности «романов» категорично, но оно отражает изменение самого романного жанра. Длинное классическое повествование с неспешным развитием сюжета (мужчина и женщина не целовались «на первой странице») в наше время неприемлемо, потому что «времени мало», а познать надо многое. Мужчинам и женщинам некогда читать, они на «конкурсах» и «кастингах». Новые жанры в литературе «ускоряют время», поэтому повествования превращаются или в притчевые сказы, или в триллеры, или в фантастику, или в философскую эссеистику, хотя философия в кризисе.

Примером повести-притчи (или романа) является книга С. Кузичкина «Двадцать лет и одна ночь. Избранники ангела». В этом сочинении символика «людей и ангелов».

Возвращаясь к вопросу о литературном Тексте, я вспомнил о романе Джойса «Улисс». Это философски-притчевый роман, с нескончаемым потоком сознания, с бытием людей в повседневности, уводящей героев то в античные времена, то в далёкое будущее. И весь текст в изложении романа пронизан иронией, насмешками над житейскими (обыденными, философскими, религиозными, научными, любовными) смыслами. Именно Смысл бытия — главный стержень «Улисса». Вот как оценила этот шедевр Анна Ахматова: «Изумительная книга. Великая книга… Вы не понимаете её потому, что у вас времени нет. А у меня было много времени, я читала по пять часов в день и прочла шесть раз. Сначала у меня тоже было такое чувство, будто я не понимаю, а потом всё постепенно проступало, знаете, как фотография, которую проявляют. Хемингуэй, Дос Пассос вышли из него. Они все питаются крохами с его стола». Изумительно сказано! Чтение не из лёгких. Трудность восприятия обусловлена множеством названий мест и имён, тяжело произносимых на русском языке. И смыслы — такие плотные, содержательные…

Вот два примера Текста из «Улисса»:

«А не приял ли он сию участь, умерети и исчезнути, подобно прочим? Инде ни в какую не приял

сего аще и должен быв, ниже приял умножати зраки себе подобны, по обычаю яко у мужей с жёнами, о том же заповедал им Феномен через книгу Закон. Не ведал он ничесоже про землю иную, глаголемую Веруй-в-Мя, землю обетованную идеже царствует царь Блаженство ныне и присно и во веки веков, и несть тамо смерти ниже рождения и несть замужства и материнства, и собраны будут тамо вси, кто верует в то? То правда, Благочтив ему сказывал про землю ту, а Целомудр указал и путь в оную, однако случися тут, яко стала ему пути сего поперёк некая блудница зело прелестна, назвалась же она Пташка-в-Руках, и льстивыми речами уклонила его с пути истинна, глаголя, Эй, красавчик, а заверни-ка сюда, покажу райское местечко, и се ласкательствами и лестию залучила его в вертеп свой, прозываемый Гнёздышко-в-Кустах, а сведущими глаголемый Плотское Похотение.

Сего-то и алкало то сборище, засевшее Чертог Материнства, и доведися им повстречати сию блудницу Пташку-в-Руках (а была она гнездилище всех язв и чудищ и козней диаволских) и они бы готовы из кожи лезти точию бы ея достигнути и познати. Нашот же Веруй-в-Мя они возглашали яко сие есть точию мудрование и в помыслах своих никогда оного не имели понеже, первое, Гнёздышко-в-Кустах, куда она всех заманивала, было столь прелестно местечко и убрано четырьмя подушечками, и на тех подушечках четыре ж билетика, на коих выставлены сии слова, Рядышком, Бочком, Рачком, Язычком, и второе, понеже та язва Сифилла и чудища их нимало не устрашали, коль скоро был у них щит надёжен Презерватив из бычьего пузыря, а во-третьях, понеже и козни диваволские, сиречь зарождение Отпрыска, такожде чаяли они отразить тем щитом, ему же иное прозвание Детогуб. И се убо все они были там в ослеплении хотения, сударь Придира и сударь Притвора и сударь Раз-в-Году-Набожен и сударь Троглодит-Пивоглот и сударь Петиметр Диксон и Юный Бахвал и Доброхот Благоразумен».

И вот другой «научный смысл» романа:

«Целесообразно указать здесь же, в самом начале, что извращённый трансцендентализм, к которому суждения мистера С. Дедала (Скеп. Богосл.) показывают его неизлечимое, по всей видимости, пристрастие, идёт целиком вразрез с установившимися научными методами. Наука, это необходимо подчёркивать беспрестанно, рассматривает лишь чувственные феномены. Человек науки, как и любой смертный, должен исходить из самых обыкновенных фактов, которые нельзя обойти, и должен пытаться дать им наилучшее объяснение. Имеются, совершенно верно, отдельные вопросы, на которые наука ещё не нашла ответа,—как, например, первая из проблем, поставленных мистером Л. Блумом (Рекл. Аг.), то есть проблема предсказания пола младенца. Должны ли мы принять точку зрения Эмпедокла из Тринакрии, согласно которой правый яичник (по иным утверждениям, в постменструальный период) обеспечивает рождение мальчиков, или дифференцирующими факторами служат столь долго недооцениваемые сперматозоиды, иначе немаспермы, или же, как склонны полагать многие эмбриологи, в частности Калпеппер, Спалланцани, Блюменбах, Ласк, Хертвиг, Леопольд и Валенти, имеет место и то и другое?»

Достаточно и этих цитат, чтобы показать, насколько плотен текст «Улисса» с его длинными фразеологическими оборотами. Подобное было, наверное, только у Гомера и Льва Толстого. При чтении Джойса голова напрягается необычайно. Требуется внимание и вдумывание. Поэтому современному читателю предлагается лёгкое чтение, чтобы «не устать».

Почему же я сравниваю Текст Анатолия Зябрева с Текстом Джойса? Я не уравниваю этих писателей, даже сравнение их может показаться неправомерным, преувеличенным по роли в мировой литературе. Кому как угодно. Я обращаю внимание на Смыслы Текстов, над которыми задумываешься, останавливаешься в чтении и спрашиваешь: «Что это? „Куда несёт нас рок событий“, и чего хотят писатели? Или ничего не хотят, кроме приглашения думать вместе?» Анатолий Зябрев выпустил уже пять книг «Заметок каждого дня», готовится следующая книга. Сколько их будет в итоге? Но, сложенные вместе, они представляют бесконечное течение событий, не замыкаемое одним днём, и ассоциируются с «Улиссом» Джойса—романом без окончания, как и эпос «Одиссея» Гомера или шумерские сказания.

Вопрос о Смыслах современной литературы: бытие или существование? Быть «любезным народу» (А.С. Пушкин) или производить словесную мякину, товар с душком, «осетрину второй свежести», описание охоты и рыбалки без печали о загубленных прекрасных созданиях природы на пошив пушистых воротников и шуб? Человечество накопило социальные ресурсы и может оплачивать переливание из пустого в порожнее, толочь воду в ступе, работать спустя рукава, коптить небо, лежать в Гнёздышке-в-Кустах, петь песни «чем выше любовь, тем ниже поцелуй», отбирать детей у родителей по причине воспитательного маминого шлепка по попке малыша. А в чём же Смысл жизни? По моему разумению, это—самая главная категория Культуры с шумерских времён. Кто не обременён Смыслом Бытия, тот—паразит существования, лицемер креатива. Замыливание понятия о Народе приводит к словесному обслуживанию черни, к упоению наркотиками рыночной коммуникации, к «пачканью бумаги», а следовательно, и к вырубке лесов, к убийству всего живого мира. Литература без Смыслов—абсурд существования.

Обычный человек не замечает того, что он — «исторический». Когда по улице идёт женщина и ведёт, держит за руку ребёнка, то мысль наша воодушевляется: Надежда на будущее есть! То же настроение появляется, когда видишь влюблённую пару, когда юноша и девушка держатся — ладошка в ладошке. И невольно думается, по обстоятельствам времени: удержат ли они в себе Смыслы Любви — на всю жизнь, будет ли отцовство и материнство — как истинное призвание в Природе, на Земле и в Небесах, с вечным обращением к Богам?

Я начал свои размышления с упоминания о культуре Шумера (четвёртое тысячелетие до нашей эры), о наследовании её в культурах Аккадии, Ассирии и Вавилона. Приведу текст одного выдающегося произведения, чтобы показать нашу связь с его Смыслами, что остаёмся озабоченными давно сказанным и современную литературу надо ценить за перекличку с вечными Смыслами, их Мудростью.

«Владыку мудрости хочу восславить…»

Из средневавилонской поэмы
о невинном страдальце

Только жить я начал — прошло моё время!
Куда ни гляну, — злое да злое!
Растут невзгоды, а истины нету!
Воззвал я к богу — лик отвернул он,
Взмолился богине — главы не склонила,
Жрец-прорицатель не сказал о грядущем,
Вещун волхвованьем не выяснил правды,
Ясновидца спросил — и он не понял,
Обряд заклинателя не отвёл моей кары.
Но что за дела творятся в мире!
Я в грядущем зрю гоненья и смуты!
Как тот, кто молитвой не славит бога,
В трапезы час не чтит богиню,
Не склоняется ниц, не бьёт поклоны,
Чьи уста забыли мольбы и молитвы,
Кто священные божьи дни не приветил,
Кто в небреженье презрел обряды,
В почтенье и страхе не вёл свою паству,
Богиню оставил, муки ей не сыпал,
Беспечно забыл своего господина,
Бездумно клялся святою клятвой —
Так я ниспровергнут!
А ведь я постоянно возносил молитвы!
Мне молитва — закон, мне жертва — обычай,
День почтения бога — мне радость сердца,
День шествий богини — и благо, и польза,
Славить царя — моё блаженство,
Песнопенья святые — моё наслажденье!
Я страну призывал соблюдать обряды,
Чтить богини имя учил я народ мой,
Я славил царя, равнял его богу,
Почтенье к творцу внушал я черни.
Воистину, думал, богам это любо!
Но что мило тебе, угодно ли богу?
Не любезно ли богу, что тебя отвращает?
Кто же волю богов в небесах постигнет?
Мира подземного кто угадает законы?
Бога пути познаёт ли смертный?
Кто был жив вчера, умирает сегодня,
Кто вчера дрожал, сегодня весел.
Одно мгновенье он поёт и ликует,
Оно прошло — он горько рыдает!
Как день и ночь, их меняются лики:
Когда голодны, лежат, как трупы,
Наелись — равняют себя с богами!
В счастии мнят себя на небе,
Чуть беда, — опустилися в мир подземный.
Вот что воистину непостижимо!
На меня ж, бедняка, налетела буря,
Злая болезнь надо мною нависла,
Смерч поднялся из-за горизонта,
От земли отделилась Немочь,
Жестокий кашель покинул Бездну,
Дух подземный Экур оставил!
Выскочила из горы демоница,
Лихорадка — из бурных потоков!
С травой проросло бессилие тела.
Подобно войску меня настигли,
Ударили в голову, сжали череп.
Во мраке лик мой, рыдают очи,
Затылок разбили, скрутили шею,
Рёбра пронзили, грудь зажали,
Поразили тело, сотрясли мои руки,
Жар запалили они в моём чреве,
Нутро наполнили ознобом и дрожью,
Воспалили язык мокротою лёгких,
Лихорадкой жир согнали с тела!
Мощный, — как стена, я разрушен.
Крепкий, — как тростинка, я согнут,
Словно камыш, — я вырван и брошен!
Демон в моё облачился тело,
Словно сеть, опутало оцепененье.
Отверзты, да не видят — очи,
Внимают, да не слышат — уши,
Изнуренье овладело плотью.
Сотрясение поразило тело.
Окостенение сковало руки,
Бессилие охватило чресла,
Движение позабыли ноги.
Я сражён ударом, я прикончен горем,
Близкая смерть мне лицо прикрыла,
Заклинатель позвал меня — мне не ответить,
Вокруг рыдают, а я без сознанья,
Уста мои узда стянула,
Удила в мои вонзились губы…
Голоден я, но стянута глотка!
Мне хлеб на вкус что сорняк вонючий,
Опротивело пиво, человечья радость,
Воистину, нету конца недугу!
От голода изменился лик мой,
Дряблое тело кровь покидает,
Я голый остов, покрытый кожей,

В лихорадке тело, охвачено дрожью.
Недуг приковал оковами к ложу,
Я заперт в темницу собственной плоти,
Руки-плети—путы для тела,
Тело—узы для ног бессильных!
Тяжёл удар, бичеванье жестоко,
Бич, что свалил меня,—в острых колючках,
Плеть, что хлещет,—в шипах жестоких,
День напролёт меня гонит гонитель,
И глубокой ночью не даёт передышки!
Не повернуться—разошлись сухожилья,
Отделились все члены и брошены рядом!
В своих испражненьях, как бык, я валяюсь,
Словно баран, лежу в нечистотах!
А ведь мой недуг изучал заклинатель,
Жреца-прорицателя смутил оракул,
Ни один целитель не понял болезни,
Срока страданий не назвал ясновидец!
Не вёл меня за руку бог, мой заступник.
Не была благосклонна ко мне богиня!
Знать, могила близка, готов мне саван,
Я не умер ещё, а уже оплакан!
Вся страна восклицает: «Погиб он, горе!»
Враг мой слышит—светлеет ликом,
Ненавистница слышит—ликует сердцем!
Угасает день для всех моих близких,
Для друзей моих закатилось их солнце!

Читая такие произведения сегодня, поражаешься тому, что уже шесть тысяч лет тому назад всё бытие осмыслено и выражено кратко, но выразительно настолько, как будто это о наших страданиях: и ныне, и присно. Учиться и учиться нам надо у древних мыслителей: выражаться философски ёмко, не растекаясь мыслию по древу, не тянуть резину «бесконечного диалога», не размазывать масло по дороге, не завешивать горизонт шкурами убитых зверей и не получать за это литературные премии, потому как аморально, немилосердно, тошно.

Мои суждения не бесспорны, не есть истина в последней инстанции, да её и нигде нет, как и сказано в приведённом вавилонском монологе одного, даже не бедного, страдальца. Плохо то, что нас захлёстывает словесный поток глобального безумства, а нам кажется, что творим и плывём «по адресу». Но куда? Что написано пером, не вырубишь топором. Слово не воробей, вылетит—не поймаешь. Не произносите имени Господа своего всуе. Суета сует и томление духа. Кажется, что суета принята за Бытие, а на самом деле—существование на всеобщее пособие по духовной безработице. Не всё, конечно, так мрачно. Что-то наклёвывается. Главное—уберечь молодых людей от бессмыслицы, от энтропии Духа, от хаоса на Земле и в Космосе. Древние мыслители нам помогут!

Д*и*Н симметрия

Саша Чёрный

Безглазые глаза надменных дураков

Безглазые глаза надменных дураков,
Куриный кодекс модных предрассудков.
Рычание озлобленных ублюдков
И наглый лязг очередных оков…
А рядом, словно окна в синий мир,
Сверкают факелы безумного Искусства:
Сияет правда, пламенеет чувство,
И мысль справляет утончённый пир.

Любой пигмей, слепой, бескрылый крот,
Вползает к Аполлону, как в пивную,—
Нагнёт, икая, голову тупую
И сладостный нектар как пиво пьёт.

Изучен Дант до неоконченной строфы,
Кишат концерты толпами прохожих,
Бездарно и безрадостно похожих,
Как несгораемые тусклые шкафы…

Вы, гении, живущие в веках,
Чьи имена наборщик знает каждый,
Заложники бессмертной вечной жажды,
Скопившие всю боль в своих сердцах!
Вы все—единой донкихотской расы,
И ваши дерзкие, святые голоса
Всё так же тщетно рвутся в небеса,
И вновь, как встарь, вам рукоплещут папуасы…

1922

Нина Ищенко

Ветхий Адам без нового Адама:
мир без Христа в мультфильме «Девятый»

Полнометражный мультфильм «Девятый» режиссёра Шейна Экера вышел в мировой кинопрокат девятого сентября 2009 года. В России по решению продюсера Бекмамбетова выпустили адаптированную версию мультфильма с изменённым за счёт переписанных диалогов и добавленных закадровых монологов сюжетом, что значительно трансформировало сюжет. Рассмотрим русскоязычную версию мультфильма. Покажем, в чём состоит специфика кинематографического гипертекста и какие элементы культурного контекст задействованы в жанре постапокалипсиса, а также рассмотрим мультфильм «Девятый» как гипертекст, отсылающий к библейской проблематике и вовлекающий зрителя в сюжет.

Действие мультфильма происходит в постапокалиптическом будущем. Человечество уничтожено в войне машин, всё известное нам население Земли составляют девять одушевлённых кукол, которых зовут по номерам. Главный герой Девятый просыпается в некоей лаборатории, спасается от смерти, знакомится с другими куклами и попадает в их небольшую общину. Вместе они стремятся узнать, почему произошла катастрофа, почему они спаслись, как победить машин, как выжить в этом мире.

Эстетика мультфильма является постмодернистской, то есть произведение строится как гипертекст. Гипертекст представляет собой сложноорганизованный нелинейный текст. В двадцать первом веке нелинейность из разряда литературных экспериментов переходит в основное требование новой эпохи. В настоящее время считается, что линейный способ передачи событий не отражает процессов порождения текста и развёртывания мысли. Востребованы тексты, повествующие о событиях с разных точек зрения, разбивающие действие на несколько параллельных сюжетов, помещающие узловые моменты сюжета в разные топосы смыслового пространства. Гипертекст включает разные тексты как культурной памяти, так и настоящего времени, связывая разные пространства и вовлекая читателя в сюжет.

Кинематографический гипертекст ограничен в возможностях составлять бесконечные вариации и подключать новые тексты к единому коммуникационному пространству, поскольку фильм представляет собой художественное целое, имеет начало и конец. В то же время в кинематографе есть свои способы создания гипертекста: быстрый ритм повествования, переносы во времени и/или пространстве, всегда нелинейный сюжет на уровне драматургии, вариативность его развития. Включение фильма в гипертекст возможно на двух уровнях: как реализация заимствованного сюжета и как создание нелинейного текста в рамках конкретного киноповествования путём формирования сериальных структур, вариативности сюжета или объединения обоих методов. Заимствование сюжета и методов позволяет кинематографическому гипертексту взаимодействовать как с культурной памятью, так и с современным контекстом. Рассмотрим заимствованный сюжет и способы создания нелинейного текста в мультфильме «Девятый».

Действие разворачивается в постапокалиптическом мире. В фильмах постапокалипсиса реализуется религиозный сюжет конца света, который вызван собственными грехами человечества. Постапокалипсис воспринимается не как полный конец истории и человечества, а как конец развитых форм, цивилизации, культуры, духовный кризис. Фильмы этого жанра выступают как форма критики негативных тенденций современности.

Фильмы постапокалиптики середины двадцатого века сконцентрированы на философии холодной войны, связанной с опытом мировых войн и страхом перед Третьей мировой. Они рассказывают зрителям о том, как опасно жить в мире, где есть оружие массового уничтожения. К концу двадцатого века — в начале двадцать первого века в философии постапокалиптики появляются размышления о будущем человечества после наступления глобального катаклизма, инопланетного вторжения, заражения опасным вирусом, что же может погубить человечество и как его спасти (загрязнение окружающей среды, глобальное потепление).

Религиозная проблематика постапокалиптических фильмов делает чрезвычайно актуальным образ нового Адама как первого человека на Земле. В кино возможны две основные концепции реализации образа Адама:

1. религиозная, исходящая из изначальной греховности человека;
2. мифологическая, исходящая из изначальной невинности человека.

В современном кинематографе образ «грешного» Адама чаще всего воплощается в апокалиптических фильмах, а образ «невинного» Адама—в постапокалиптических. В апокалиптических фильмах человечество карается за его грехи, а в постапокалиптических размышления героев направлены на осознание того, почему именно они выжили и как они должны возродить человечество.

В американской культуре чрезвычайно значим образ Адама как первого человека на новой Земле. В то же время в мировой культуре известен образ Адама, вмещающего всё человечество и весь мир. В каббалистической традиции, которая очень сильна в европейском культурном пространстве с эпохи Возрождения, транслируются архаические представления о человеке, из которого создана Вселенная, как в случае индийского Пуруши.

Библейской моделью антропоморфного космоса в образе человека является Адам Кадмон. Он выступает как архетип, синтез всего существующего человечества, первообраз материального и духовного мира. Каббалисты склонны считать, что первоначально Бог сотворил именно Адама Кадмона, который представлял собой сгусток энергии, сочетающей материальное и идеальное, обладая способностью к познанию и сотворению вещей из материи с помощью разума. Размеры Адама Кадмона впечатляют: «от края неба до края неба»,—по сути, это сама Вселенная. Имя «Адам» не является именем собственным: в переводе с арамейского языка «адам» означает «человек», родственные слова—«земля», «почва».

Интересно, что образ Адама Кадмона присутствует в культуре постмодерна, в самом известном произведении, созданном по канонам нелинейного повествования. Это книга «Хазарский словарь» Милорада Павича, где все сны человечества объединены в огромное живое существо, охватывающее весь мир,—в Адама Кадмона. Воссоздание тела Адама Кадмона—цель ловцов снов, преследуемая ими в течение тысячелетий. Первочеловек Адам Кадмон имеет связь с Богом, и воссоздание его тела приближает человека к Богу, поэтому цель ловцов снов так важна для человечества.

В православной христологии значимое место занимает учение о Христе как о новом Адаме. Впервые об этом написал святой апостол Павел, называя Господа нашего Иисуса Христа «последним Адамом». Ириней Лионский развил эту тему; в своих трудах он показывает, что жизнь Христа является ответом на жизнь Адама. То, что должен был сделать Адам и не сделал, то совершил Христос как совершенный человек. Подробнее эта тема была раскрыта в трудах Григория Богослова. Адам выступает как прародитель человека, однако в то же время он—единая личность, отдельный человек, физический предок всех людей, отец человечества. Адам согрешил и впустил в мир смерть, за что был изгнан из рая, и всё его потомство вынуждено существовать в мире смерти, которую может победить только Христос.

Рассмотрим, как в мультфильме «Девятый» реализуется заимствованный сюжет конца света и появления нового Адама, а также религиозная и мифологическая вариации этого образа.

Темой, объединяющей все линии сюжета, является поиск знания. Одни персонажи стремятся узнать, что случилось с людьми, другие хотят понять, кто они такие, откуда появились, почему машины продолжают охоту за ними, как им выжить в этом жестоком мире. В ходе развития сюжета становится понятно, что все эти вопросы взаимосвязаны и обретение ответа поможет решить сразу все загадки. Обретение знания в фильме происходит на двух уровнях: на уровне сюжета персонажи узнают ответы на свои вопросы, а на уровне метатекста читатель узнаёт в истории тряпичных кукол библейский сюжет о конце света и новом Адаме.

Материал фильма организован по вариативному типу создания нелинейного повествования: развивается несколько сюжетов, которые объединяются в нескольких ключевых топосах художественного мира и взаимно проясняют друг друга в финале.

Познание в фильме идёт разными путями. Зритель видит две сюжетные линии—историю людей и историю кукол. В экранном настоящем, в истории кукол, показывают вещи и знаки, принадлежавшие людям, игравшие роль в предыстории событий: это техника из лаборатории, где проснулся Девятый, рисунки и чертежи в бумагах учёного, изображения на машине, которая напала на общину, и так далее. Многое проясняется в библиотеке, где куклы хранят старые книги и газеты и благодаря чему расшифровывают знак на машине.

В библиотеке персонажи узнают, что начало войне людей с машинами положил ученый Оппенгеймер, изобретатель чудо-оружия, мыслящей машины, способной принимать решения. Для поддержания своего существования машине требуются души людей. Недоработанную машину использовал в своих целях злобный канцлер, бросивший чудо-оружие на врагов страны. В этом сюжете осуждаются имперские амбиции Третьего рейха, поскольку канцлер явно списан с Гитлера, канцлера Германии в 1933–1945 годах. В то же время фамилия учёного—Оппенгеймер—отсылает к американской ядерной программе,

которой руководил Роберт Оппенгеймер, создатель атомной бомбы, применённой Соединёнными Штатами Америки в 1945 году, и участник антивоенного движения. Реальный Оппенгеймер становится символом учёного, выпустившего на свет силы зла, с которыми невозможно бороться, и посвятившего свою жизнь исправлению этой ошибки.

Таким образом, узнавание зрителем этих двух фигур — Гитлера и Оппенгеймера — позволяет считать посыл фильма, где на уровне образов и сюжета осуждаются насилие и война, использование техники в военных целях, заигрывание с силами природы, стремление разгадать загадки мироздания для использования их на войне. Оказывается, что это те грехи, за которые старый мир покаран апокалипсисом. Именно эти явления привели к разрушению мира и продолжают разрушать то, что осталось.

В то же время в предвоенной истории людей есть ещё один смысловой слой, который недоступен куклам, хотя им и удаётся восстановить последовательность событий. В истории кукол поиск решения тактических задач постоянно сопряжён с поиском ответа на вопрос, кто мы, откуда мы взялись, что об этом знал Второй, убитый машиной, что нужно знать об этом всем остальным. Куклам постепенно становится ясно, что все куклы появились на свет в лаборатории Оппенгеймера. Учёный создал этих кукол, вложив в каждую из них часть своей души и памяти. Вернувшись в лабораторию, куклы разгадывают загадку машины и побеждают её.

В этом сюжете Оппенгеймер выступает во второй ипостаси. Это не только человек, построивший машину смерти, но и родоначальник нового человечества, прародитель нового общества, и мужчин, и женщин кукольной общины. Таким образом, Оппенгеймер выступает как человек, впустивший в мир смерть в виде смертоносной машины, начавшей войну с людьми, и как праотец нового человечества. Это две характерные черты Адама, прародителя людей. Куклы действуют внутри библейского сюжета, который им недоступен, но доступен зрителю, принадлежащему христианской культуре.

Таким образом, созданный в 2009 году мультфильм относится к традиции антивоенных фильмов двадцатого века и не отражает современные тенденции в постапокалиптике. Фильм показывает грешное человечество, наказанное за стремление к войнам и создание мощного сверхоружия. В то же время в фильме показано новое невинное человечество, возрождающее жизнь на Земле, то есть задействованы обе концепции изображения Адама, и религиозная, и мифологическая.

Таким образом, познание в сюжете развивается на двух уровнях, вовлекая зрителя в кинотекст. Когда куклы узнают о своём происхождении, им удаётся победить машину, спастись от смерти. Фильм заканчивается чувством умиротворения, которое испытывают все выжившие персонажи, поскольку им удалось спасти души своих друзей, пожранных машиной. Однако зритель, опознавший библейский сюжет, не может удовлетвориться тем уходом призраков куда-то на небеса, который успокаивает их оставшихся в живых сотоварищей. В библейском сюжете первому Адаму противостоит новый Адам — Христос, который действительно спас мир от смерти. В Христе живы все верящие в него, они воскреснут телесно и соединятся с теми, кого знали в жизни. В мультфильме новый Адам не появляется, реального преодоления смерти не происходит. На зрителя узнавание сюжета оказывает другое действие, порождая не умиротворение, а чувство неудовлетворённости от мира, в котором нет Христа.

Итак, мультфильм «Девятый» построен как гипертекст, вовлекающий зрителя в сюжет. Мультфильм вызывает разные эмоции на уровне сюжета и на уровне зрителя: персонажи решают текущие задачи, спасаются от смерти и испытывают умиротворение; зритель же в финале испытывает неудовлетворённость от половинчатого решения проблемы смерти, которую на самом деле персонажи не смогли победить.

Ната Игнатова

Эта удивительная планета

Дети дождя

Капли сверкали на оконном стекле, словно драгоценные бриллианты!

Были они разные.

Появились недавно.

Путь к стеклу проделали большущий. Это по их меркам! Да и по нашим—немалый.

Расскажу обо всём по порядку…

Прозрачные, сверкающие дети дождя появились на моём окне с утра. Ведь на улице середина осени! Пасмурно, ветрено. И это в выходной! Вот город и хандрит. А тут ещё солнце не хочет греть и светить. Заявило во всеуслышание:

—За лето устало всех радовать и согревать. Поэтому беру отпуск! На осенне-зимний период.

—Кар! Как?—галдят вороны.

—Ага-га. Ага?—гогочут гуси.

—Чик-чирик, мы в домике!—предупреждают воробьи-хитрецы. И шмыг под крыши.—Там теплее. И не капает.

—Ну вас! Мы на юг,—объявляют журавли. Выстроились клином—и в путь!

—Куда? Куда?—уточняют голуби. Любопытно им, где юг и как туда попасть побыстрее.

—Туда, туда,—передразнивает ветер. Он тоже не в настроении. Дерзит птицам. Дразнит город. Гоняет листья туда и сюда. Толкает тучи в спины.

Город ворчит и хмурится.

Жители прячутся по домам.

Глядели на это тучи, глядели и расплакались. И пролились на город прозрачными капельками-слезинками.

…Мчат капли из туч. Ловко пикируют на деревья, асфальт, машины, фонари, зонты. Так и оказались дети дождя на моём окне!

Как здорово скользят дети дождя вниз! К подоконнику. Словно ребятишки по ледяной дорожке.

Я спрашиваю:

—Вы откуда прибыли?

—Из тучки,—сообщают они.

—А тучи откуда?

—Тучи принёс ветер. Насобирал отовсюду и принёс.

—Зачем?

—А кто дождь просил?

—Я просила.

—Вот и допросилась!—смеются капли.

—Шутники!

Пока мы общались, я узнала много любопытного…

Оказывается, одна из капель родилась в озере. Капля очень этим гордилась. И считала себя чище и прозрачнее остальных.

—Всё верно!—утверждала капля.—Я самая-самая чистая, прозрачная, целебная.

—Ну, знаешь!—возмутилась соседка.—Я вообще-то раньше была росой и жила в цветке! Его аромат ещё хранится во мне.

—Я помню море,—мечтательно произнесла небольшая голубая капелька.—Там столько моих братьев и сестёр. Некоторые из них прилетели со мной. Ариадна, ты где?

—Здесь,—ответила одна из капелек.—Аврора тоже тут. И Себастьян с Кристианом.

—А Мишель решила пролиться в лесу,—сообщил Себастьян.—Я видел, как ловко опустилась она на одну из хвоинок и помахала мне на прощанье.

—Сердобольная Марта пожертвовала собой, напоив птенца в гнезде,—вздохнул Кристиан.—Это было на той высокой скале. Над океаном.

…Пока капли разговаривали, я размышляла о том, какой трудный путь они проделали. Озеро. Луг. Море. Скалы. Океан. Лес. Наш город. Сколько всего повидали, сделали за это время. Разного—доброго, полезного и прекрасного! И как только я это поняла, осенняя хандра улетучилась. Зато родилась сказка о туче, ветре, дождевых каплях, городе, осени, птицах и обо мне.

Рыбаков бояться—на речку не ходить

Над маленькой речкой всходит солнышко. Речка заворожённо смотрит на эту розовую перламутровую бусину.

«Какая красивая круглая бусина,—думает речка.—Такая бо-о-ольшая. Такая розовая. Взялась невесть откуда! То ли выпрыгнула рыбкой из нижней речки? То ли из верхней реки, по которой плывут белые кувшинки?»

Ш-шу-ш-шу. Плеск волн о берег еле слышен. Так рано, что волны не проснулись, поэтому плывут по течению.

А ветер нежно покачивает их:

—Баю-баю.

— Аю-аю,— то ли отвечает, то ли зовёт эхо. Ему хочется поиграть, а не с кем.
— О-о-у-е.

Густой камыш выпрямился. Зевнул. О, погодите! Зевнул не камыш, а рыбак. Он с полчаса сидит неподвижно с удочкой на берегу. Хитрые волны укачали беднягу.

Не хочется речке, чтоб рыбак ловил серебристых юрких плотвичек. Речка с рыбками дружит. А этот понаберёт в банку мальков и бежит хвастать.

— Рыбачок, рыбачок,— поёт речка,— ловит рыбок на крючок.
— А река, а река,— подпевает ветер,— ловко ловит рыбака.
— Битый час рыбак сидит,— стрекочут кузнечики,— в речку пристально глядит.
— Не поймает на крючок,— хихикают утки,— рыбок этот рыбачок.

И хором звонко-звонко выводят трелью пичуги:

— Рыбачок, рыбачок
Ловит рыбок на крючок,
А река, а река
Ловко ловит рыбака-а-а-а!

Кивают ивы. Согласны с речкой, ветром, кузнечиками, утками, пичугами. С самого рождения живут ивы у реки. Смотрятся в прозрачную водицу, любуются, как рыбки в догонялки играют. По утрам ивы косы поправляют. Красуются. Смотрятся в зеркальные воды. По вечерам прячут в зарослях уточек с утятами. Ведут долгие разговоры с Луной. Перемигиваются со звёздами. А рыбак ивам не нравится. То копается у корней деревьев, выискивает червячков. То стрекоз гонит: «Кыш отсюда!» А большую часть дня кряхтит, кашляет, выпускает изо рта воню-ю-ючий дым. Стра-а-анный. Сидит неподвижно, уставившись на палку. Ждёт. Клюнет или не клюнет? Ладно бы любовался природой. Но рыбаку не до местных красот. Он на рыбок охотится. И воняет на всю округу табаком и немытостью.
— Хоть бы уже окунулся в речке,— морщится ива.
— Отмылся. Водицы испил,— поддакивает подружка.
— За гостеприимство всех поблагодарил,— шепчет третье деревце.— Нас, что тень даём.
— Меня, что прохладу приношу от воды,— решил высказать своё мнение ветер.
— Речку за красоту и силу. Траву за мягкость. Цветы за нежный аромат,— пропела пичуга.
— Вот-вот,— согласились все.

Рыбак докучает не только ивам. У самых корней за ним наблюдают червячки.

Постарше вполголоса предостерегает:
— Видишь, сидит. Притворяется корягой. Берегись! Этот злодей высматривает нашего брата. Высмотрит — и хвать на крючок!
— Зачем? — вздрагивает внучок.
— Затем,— шепчет дедушка.— Чтоб рыб кормить.
— Чем?
— Не чем! А кем! Сам как думаешь?
— Пойду домой,— пугается внук.— В норке уютно. Там рыбаков, притворяющихся корягами, нет. И рыб тоже. И удочек с крючками.
— Рыбаков бояться,— наставляет дед,— на речку не ходить.
— И не надо,— радостно соглашается внук.
— Так и просидишь весь век в норе,— пугает дед.— Разве это хорошо?
— Что безопасно, то хорошо,— бормочет внук, мягко ввинчиваясь в рыхлую землю.
— Если захочет, всё равно достанет,— глубокомысленно замечает дед.— У него лопата.

Внук высовывает голову наружу:
— Где?
— Там,— говорит большой червяк.

Младший долго смотрит на рыбака и важно заявляет:
— Ему лень. Он спит. И храпит. Ага! Пошатнулся. Сейчас в воду — бух!
— Бух! — соглашается дед.— Проснётся. Хвать лопату. И давай землю копать. Червячков добывать.
— Ползём, дед, отсюда! — предлагает внук.
— От судьбы не сбежишь,— отвечает дед.— Ты ползи. Я ещё понаблюдаю…

Муха-приставуха

Десятого сентября погода выдалась солнечная, хоть и ветреная. Мы отправились на прогулку в парк. Позолотой разукрасило листочки на деревьях. Зарумянились ягодки на кустах. Развесили паучки вязаные гамачки. Хорошо!

Уселись мы на скамеечке. Подставили лица солнышку и ветру. Любуемся речкой. Сверкает, блестит — вот-вот заворожит.

Тут вороны затеяли спор. С белками. У них постоянно недоразумения. То белки вороньи яйца утащат. То вороны устроят белкам выволочку. Орехи отберут. Вверх поднимутся. Всё выше и выше. Разожмут клюв. Кинут орех. Бац! Раскололся. Вороны едят орешки да нахваливают. Белки смотрят — облизываются.

Но сегодня рассказ не о них. О мухе. Приставухе!

До всего ей дело! И до всех. Жужжит. Ко всем лезет. Достала!

Гонят муху белки. И вороны. Даже пауки от неё сбежали. Так она решила к людям пристать:
— Жу-жу, жу-жу, слушайте, чего скаж-ж-ж-жу.
— Говори! Не томи.
— Ж-ж-ж-жавтра дож-ж-ждь.
— Откуда знаешь?
— Пчёлы нажуж-ж-жали.
— А больше ничего не сказали?
— Уж-жалить пригрозили.
— И?

— Я убеж-ж-жала.
— Всё рассказала?
— Мож-ж-жно я тут посиж-ж-жу?
— Сиди. Только тихо.
— Жу-жу-ж-ж-ж-жу-у-у-у. Вам все уши прожуж-ж-ж-жу.
— Кыш!

Улетела муха-приставуха.

Хорошо!

Развесили паучки вязаные гамачки.

Зарумянились ягодки на кустах.

Позолотой разукрасило листочки на деревьях.

Речка поблизости сверкает, блестит — вот-вот заворожит.

Погода сегодня солнечная, хоть и ветреная.

— Жу-жу, жу-жу, слушайте, чего скаж-ж-ж-жу.
— Вернулась?
— Ж-ж-ж-ждали?
— Тебе больше заняться нечем?
— Мож-ж-жно я тут посиж-ж-жу?
— Сиди. Только тихо.
— Жу-жу-ж-ж-ж-жу-у-у-у.
— Вот досада!
— Вам все уши прожуж-ж-ж-жу.
— Отстань, муха-приставуха!
— Ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж.

…Ну, мы и сбежали! А что ещё нам оставалось?

Приятели

Ранним утром отправилась я пешком на прогулку. До начала рабочего дня в запасе у меня было ещё три часа. Я решила провести время с пользой!

На дорожке перед подъездом два воробья делили бублик. Воробей по прозвищу Чижик-Пыжик нервно подпрыгивал, наскакивал на собрата и чирикал во всё горло:

— Моё, чирик, отдай, чик-чирик.

Его приятель Андрей-воробей пытался утащить в кусты самый большой кусочек. Клюв его был занят, потому он не отвечал, но крыльями махал грозно.

— Здесь всем хватит, — сказала я. — Даже голубям.

Воробьи уставились на меня.

— Тебе чего надо? — чирикнул Чижик-Пыжик и нахохлился.

Андрей-воробей предупредил:

— Бублик не отдам. И не надейся!

Я пожала плечами:

— Очень надо!

Сообразив, что я позавтракала и бублик не заберу, Андрей-воробей клюнул Чижика-Пыжика. Тот сразу ответил. И началось…

— Ща как дам!
— Сам Ван Дамм.
— Погоди…
— Уходи!
— Чик-чирик!
— Сразу в крик?

Гомон. Чириканье. Дразнилки. Пух и перья разлетаются в разные стороны.

Я хотела уйти, но передумала. Вдруг поубивают друг друга? Драку надо прекратить. А приятелей-воробьёв помирить.

Но куда там!

— Дерётесь зачем? — поинтересовалась я. — Крошки повсюду! Выбирай любую и завтракай. А вы вцепились в одну.

Чижик-Пыжик перестал нападать на Андрея и задумался. Затем спросил у приятеля:

— Дерёмся зачем?
— Так интереснее, — ответил Андрей-воробей.
— Понятно, — нахмурилась я. — Драйва вам не хватает.

Потрёпанный и побитый Чижик-Пыжик жалобно согласился:

— Драки нам не хватает.
— А вон и кошка, — пугнула я. — Сейчас съест!

…Забыв о большом куске, из-за которого разгорелся сыр-бор, воробьи похватали куски поменьше. Те, которые смогли унести.

Приятели улепётывали в разные стороны. Чижик-Пыжик летел низко. Андрей-воробей удирал по пыльному асфальту. То ли кусок выбрал тяжёлый, то ли позабыл с перепугу, что надо взлетать. Так и мчал по взлётной полосе на тонюсеньких лапках прямиком в кусты.

Я засмеялась. Храбрецы! Воробьи догадались, что я пошутила, но возвращаться не стали. Опасались: вдруг правда кошка?

Каждый нашёл подходящее укрытие, где отдышался и позавтракал. А через пять минут приятели-воробьи снова принялись выяснять отношения. Только причина уже была другая — мохнатая зелёная гусеница. Она решила погреться на солнышке, поэтому выбралась из-под листа на ветку куста.

— Спасайся, гусеница, — предупредила я. — Уползай. Торопись! А то бабочкой так и не станешь…

Гусеница услышала и совету последовала. Не успели воробьи напасть, гусеница упала в густую траву. Просто ветка, на которой она сидела, была низко. Трава внизу была мягкой. Вот гусеница и решила спастись таким образом.

Воробьи прыгали на дорожке, вглядывались в кусты и траву, недоуменно чирикали.

— Где, чирик, где она? — возмущался Чижик-Пыжик.
— Там, чик-чик, — махал крыльями Андрей-воробей. — В траве. Лезь скорей!
— Сам лезь! — упёрся приятель. — А вдруг там кошка?

И они опять стали драться…

Я пожала плечами. Вот неугомонные! И направилась по своим делам.

У каждого своё утро

Майское солнце шутило, рассылая золотых зайчат с письмами и посылками. Повод? Его не было. Подарки в это утро приходили просто так. Сюрпризом!

Мышатам достались скакалки-прыгалки. Птицам—флейты, кларнеты, гобои, фаготы. Кузнечики получили скрипки, альты, виолончели, арфы. Хомяков обрадовали маракасы. Пчёл—лёгкие плетёные корзинки для сбора пыльцы.

Луг шумел, радовался, пел! Здорово, что на свете кто-то подумал обо всех. Подумал и сделал хоть и небольшой, но ценный подарок каждому.

Утро обещало сюрпризы и приключения. Ветер раскачивался в изумрудном гамаке и напевал:

—Где только я не побывал, чего я там не повидал.
Видал моря, и океаны, и удивительные страны.
Бывал в горах и на морях, на облаках, на кораблях.

Жители луга подпевали ветру. Каждый по-своему:
—Чив-чив, лив-лив, пи-пиу-пив,—щебетали птицы.
—Тр-р-р-р-р-р-р,—стрекотали кузнечики.—Тц-ц-ц-ц-ц-ц.
—Жу-жу, жу-ж-ж-жу,—жужжали пчёлы.
—Ш-ш-шу-шу,—шумели деревья.

Вдруг посредине концерта ветер умолк. Прислушался. Концерт прервался так неожиданно, что его участники тоже притихли, насторожились.
—Чу,—прошелестел ветер.—Слышите?

Все прислушались.

Среди густой травы кто-то прятался. Это были невесёлые прятки. С горькими всхлипываниями.
—Вот те раз, —заинтересовался ветер и подлетел поближе.

В траве сидел маленький вихрастый мальчуган. Он тёр кулачками глаза, из которых лили слёзы.
—Что я им сделал?—плакал мальчуган.—Я хотел играть с ними. Хотел подружиться. А они дразнят. Я сказал: «Сами такие!» Так они побили.
—Ну-у-у?—изумился ветер.

Мальчик вздрогнул. Оглянулся.

Из кустов дикого шиповника выглянули обидчики. Чумазые. Наглые. Нападать они не торопились. Выжидали. Торжествовали. Наблюдали. Перемигивались.

Вскоре им надоело. Хулиганы взвыли, замахали руками, запрыгали. Стали окружать вихрастого. Он сжался.

Первым толкнул беднягу худой белобрысый подросток. Он был старше остальных, потому верховодил. Толкнул с силой на толстого розовощёкого приятеля:
—Держи!
—Га-га-га,—прохрипел тот и пихнул страдальца на рыжего, веснушчатого.
—Так его!—завопил тот, наподдав бедняге с силой ногой. Со всего маху!
—Мне давай,—гигикнул темноволосый, со злыми глазами, кривой ухмылкой и маленькими острыми кулаками.—Хо-хо! Мальчик-мячик!

Ветер с ужасом наблюдал, как летает в траве вихрастый. Ему даже подняться не давали. Били с силой. Били наотмашь. Били всласть.
—Пусти-и-ите,—бормотал парнишка.—Вы! Дряни-и-и-и.
—Мы дряни,—подтвердил белобрысый.—Это наш луг. Здесь наши правила. Катись отсюда!
—Если сможешь,—захихикал щекастый.—И не лезь больше со своей дружбой!
—Не по Сеньке шапка!—высокомерно произнёс веснушчатый.—Кто ты, а кто мы! Сиротинка.
—Приехал, а тебя не звали,—скривился темноволосый.—И лезет. Тут всё наше.

И банда свирепо набросилась на маленького и слабого. Тот не сдавался. Крутился. Выворачивался. Пытался дать сдачи.
—Убьют,—испуганно прошептала божья коровка.
—Или покалечат!—с горечью подтвердил кузнечик.

Ветер не выдержал. Задул. Закачал траву.
—Вот я вам, у-у-у,—грозил ветер.

Нападавшие отвлеклись. Стали оглядываться. С чего это ветер разбушевался? Не пора ли дать дёру?

Пока они раздумывали, дёру дал вихрастый. Он улепётывал через луг, бормоча:
—Вырасту—отомщу! Узнаете тогда, как это. Все на одного? Поглядим. Один на всех тоже может, если не силой, так хитростью.
—Гони его к лесу!—завопил белобрысый.—Там получит сполна. За всё!

И злодеи припустили следом за беднягой, выкрикивая угрозы.
—Куда уж полнее,—вздохнула ромашка.
—И так получил ни за что,—прострекотал кузнечик.
—За что они на него?—уточнила пчела и прибавила:—Уж-ж-жас.
—За дружбу,—пояснила с синей выси ласточка.—Городской он. Родители сгинули. Бабушка сюда забрала. Теперь живёт в деревне. В крайнем домишке.
—В обветшалом таком?—уточнил ветер.—Там ещё в трубе хороший звук. Гулкий. Протя-я-яжный. У-у-у-у-у.
—Этот дом,—подтвердила ласточка.—Мальчонке одиноко. Грустно. Плачет часто. Прячется от бабушки и ревёт. Скучает. Фото рассматривает. Матери с отцом. Дружно жили, пока… Вечером родители возвращались с работы на машине. А тут КАМАЗ выскочил. Пьяный водитель оказался.
—Ой-ёй-ёй,—посочувствовала бабочка-капустница.
—А этот как же?—поинтересовалась улитка дрожащим голосом.

— Мальчонку бабушка забрала. Но ему неуютно здесь. Вот он с теми подружить пытался. Мяч принёс. Поиграть предложил. Так они мяч отобрали. Мальчонку отлупили. Он сюда удрал. Они за ним.

На лугу молчали.

— Непонятно всё это,— прошептала улитка.— Он к ним с добром. Они ему злом отвечают?

— Ага,— кивнул кузнечик.— Погодите, вот он вырастет…

— И отомстит,— пробурчал ветер.— Если выберется из леса, куда те гонят его.

— Если выберется из леса да не побежит к болоту,— задумался суслик.— Если не сломается от постоянных унижений. Не станет слабым и покорным. А станет дерзким и сильным. И даст сдачи тем, кому следует.

— А какие ещё варианты?— поинтересовалась ласточка.

— Если выдержит и не захочет других унижать и обижать,— ответил ветер.— Много таких «если». Вдруг страдания его закалят? Он будет помогать нуждающимся. Защищать слабых.

— Надеюсь, парнишка вырастет хорошим,— сказал один из солнечных зайчиков.

— А плохими будут вон те,— предположил второй солнечный зайчик.— Которые обижали его.

— Может, и они,— согласился ветер.— Вырастут и много зла натворят. Повидал я таких злодеев. Бездельничают. Лгут. Обманывают. Предают. Крадут. Нападают. Убивают. Мусорят в лесу и на лугу, у речки, даже у себя дома.

— Он один,— вздохнул махаон.— Их много. Таких разве победишь?

— Такие войны развязывают, вирусы выпускают, экологические катастрофы устраивают,— перечислил паук.— А отвечать всем.

— Ни о ком они не думают,— грустно сообщил колокольчик.— Ни до кого им дела нет.

— А нам как быть?— испугалась бабочка-лимонница.— Нашему лугу?

— Выхода из этого не наблюдается,— пискнул мышонок.— И выбирать нам не приходится. Разве что в нору забиться?

Ветер дунул ласково:

— Поживём. Увидим. Узнаем.

— Не те,— проворчал кузнечик,— так другие.

— А мы ничего не решаем?— возмутилась пчела.— Сейчас полечу за ними. Уж-ж-ж-жалю!

— Зря,— прошептала улитка.— Живи. Наслаждайся. Пока позволяют.

Жители луга переглянулись. Вздохнули.

Через час всё было как прежде. Солнце светило, даря всем радость. Солнечные зайчата играли в догонялки. Птицы соревновались в пении. Кузнечики дружно играли на скрипках. Семейство хомяков отплясывало среди травы, отбивая маракасами в такт. Пчёлы собирали в плетёные корзинки нектар. Луг шумел, радовался, пел!

Утро обещало сюрпризы и приключения. Ветер раскачивался в изумрудном гамаке и напевал:

— Где только я не побывал, чего я там не повидал.
Видал моря, и океаны, и удивительные страны.
Бывал в горах и на морях, на облаках, на кораблях.

Жители луга подпевали ветру. Каждый по-своему:

— Чив-чив, лив-лив, пи-пиу-пив,— щебетали птицы.

— Тр-р-р-р-р-р-р,— стрекотали кузнечики.— Тц-ц-ц-ц-ц-ц-ц.

— Жу-жу, жу-ж-ж-жу,— жужжали пчёлы.

— Ш-ш-шу-шу,— шумели деревья.

Пичуга

Это была маленькая отважная пичуга. Она прилетела из соседнего леса. Во время страшной грозы в дерево, где был домик птички, попала молния.

Родной лес горел. Домик был разрушен. Дерево погибло. Птичке было грустно, поэтому долгое время она не могла петь. А петь для птички так же необходимо, как летать.

Мудрая сова предложила птичке начать всё сначала. Птичка послушалась и улетела. В соседний лес. Там она нашла похожее дерево. И стала устраиваться…

Но не тут-то было. Птицы, живущие в этом лесу, окружили её.

— Кто ты такая? Мы тебя не знаем,— застрекотали сороки.

— Докажи, что достойна жить в нашем лесу,— застучал морзянкой дятел.

— Хорошо,— вежливо сказала птица.— Как вам доказать это?

— Пой!— потребовала сойка.

И пичуга запела. Очень звонко, нежно, красиво. Замерли облака над лесом. Заслушались. Затихли деревца. Улыбнулись лесные цветы.

А птицы? Думаете, кто-то похвалил пение? Позавидовали. Зашептались. Стали думать и гадать: как бы незваную гостью из леса прогнать? И надумали!

— Теперь лети,— приказала ворона.— Проверим тебя на скорость и ловкость!

Птичка послушалась и взлетела.

Ворона и другие птицы загалдели, бросились за ней гуртом.

Пичуга сразу всё поняла. Не проверка это. Потеха! Она улетала. Остальные гнали. Клевали. Пёрышки выдирали. Птаха не сдавалась. Страдания давно закалили птаху. Но обида! Жгла сердце. Плакали от унижения глазки-бусинки. Продолжалось это долго. До опушки леса.

— Надо же!— удивилась синица.— Справилась.

— А кто бы не справился?— хмуро спросил дрозд.— Легко!

Пичуга перевела дух. Всхлипнула. Но сдержалась. Не показала, как ей плохо. Гордая она птичка! Хоть и невеличка.

…Как думаете, всё закончилось хорошо? Птичке разрешили остаться в лесу?

Как бы не так. Она проходила одно за другим испытания. Каждый день. С утра до вечера доказывала, что достойна.

Местные придумывали всё новые.

В конце концов они признали маленькую пичугу.

Только ей больше не хотелось жить в таком странном лесу.

И она улетела. Куда? Искать счастья в других местах.

Надеюсь, что нашла…

ДиН СИММЕТРИЯ

Елизавета Полонская

Баллада о беглеце

У власти тысячи рук
И два лица.
У власти тысячи верных слуг
И разведчикам нет конца.
Дверь тюрьмы,
Крепкий засов…
Но тайное слово знаем мы…
Тот, кому надо бежать, — бежит,

Всякий засов для него открыт.

У власти тысячи рук
И два лица.
У власти тысячи верных слуг,
Но больше друзей у беглеца.
Ветер за ним
Закрывает дверь,
Вьюга за ним
Заметает след,
Эхо ему
Говорит, где враг,

Дерзость даёт ему лёгкий шаг.

У власти тысячи рук,
Как Божье око, она зорка.
У власти тысячи верных слуг,
Но город — не шахматная доска.
Не одна тысяча улиц в нём,
Не один на каждой улице дом.
В каждом доме не один вход —

Кто выйдет, а кто войдёт!

На красного зверя назначен лов,
Охотников много, и много псов,
Охотнику способ любой хорош —
Капкан или пуля, облава иль нож,
Но зверь благородный, его не возьмёшь.
И рыщут собаки, а люди ждут —
Догонят, поймают, возьмут, не возьмут…
Дурная охота! Плохая игра.
Сегодня всё то же, что было вчера, —

Холодное место, пустая нора…

У власти тысячи рук,
И ей покорна страна,
У власти тысячи верных слуг,
И страхом и карой владеет она.
А в городе шёпот, за вестью весть —
Убежище верное в городе есть…
Шныряет разведчик, патруль стоит,
Но тот, кому надо скрываться, скрыт.
Затем, что из дома в соседний дом,
Из сердца в сердце мы молча ведём
Весёлого дружества тайную сеть,

Её не нащупать и не подсмотреть!

У власти тысяча рук
И не один пулемёт,
У власти тысяча верных слуг,
Но тот, кому надо уйти, — уйдёт.
На Север,
На Запад,
На Юг,
На Восток

Дорога свободна, и мир широк.

1922

Увидеть Землю целиком

Сочинения учеников Жеблахтинской средней школы, 2022 год

Если бы я была космонавтом, то тогда я бы летала по разным планетам, но больше всего я хотела бы побывать на Луне или Венере. Хоть я и не была в космосе, но я очень много раз видела его на картинках, фотографиях, в передачах по телевизору.

Я очень хочу увидеть настоящую звезду, ведь с Земли она такая красивая и яркая!

В. Струкова, 2 класс

Моя мечта—быть космонавтом. Это очень интересно, ведь ты сможешь увидеть Землю целиком. Я обязательно бы старалась выполнять все поручения, чтобы чаще там быть. Может, и скучала бы по дому, но это подождёт.

Надеюсь, многие космонавты гордятся своей профессией! Ведь главное что? То, что люди должны любить свою профессию. Если я, простая девчонка, стала бы космонавтом, я бы благодарила того, кто меня взял. И конечно, я люблю эту профессию.

Я уверена, она тебе тоже нравится. Не так ли?

Д. Кайкова, 2 класс

Я хочу полететь на Юпитер и побывать на Луне. Ещё хочется увидеть нашу планету из космоса. Какая она? Мне интересно!

Я очень бы удивился, если бы увидел комету, звёзды, а потом подлетел к Солнцу, хотя это, наверное, невозможно. Но я мечтаю, а мечты сбываются!

М. Шумков, 2 класс

Я бы полетела на все планеты и открыла новые звёзды. Я бы точно облетела всю Галактику! Сначала я побывала бы на Марсе, потом на Сатурне, а затем полетела бы на все остальные планеты. Мне интересно найти марсианские вещи, открывать и искать что-то новое. Ещё мне бы хотелось попрыгать по планете в скафандре! Я знаю, как тяжело космонавтам при взлёте и когда они приземляются, и поэтому благодарна им за то, что они с бесстрашием совершают полёты!

А. Потылицына, 2 класс

Если бы я был космонавтом, я полетел бы на Марс. Я отправлял бы фотографии своим родным и друзьям. Мне хочется открыть первый марсоход. С собой я бы взял свою младшую сестру, чтобы показать ей космос.

На планетах я собирал бы грунты и кусочки метеорита. Мне очень хочется почувствовать под ногами поверхность Марса и Урана. Ещё бы я хотел увидеть пояс Ориона, середину которого освещает Бетельгейзе—это звезда среднего размера. Когда она перерождается, происходит вспышка, у которой скорость достигает скорости света.

Г. Лукин, 2 класс

Я мечтаю попасть в космос. Очень хочется увидеть нашу большую планету Земля. Я бы могла увидеть горы, океаны, моря. Я с интересом побывала бы на Марсе, посмотрела там всё, что есть. Я люблю наш мир и всё то, что нас окружает. Конечно же, космос—это не изученная до конца атмосфера, но мне хотелось бы её ощутить, какая она.

Интересно, в космосе так же красиво, как на Земле?

А. Бебешева, 2 класс

Кошка Муся

У меня есть кошка Муська. Ей больше десяти лет. Она очень добрая, но иногда она может злиться и царапаться. Иногда она играет с верёвочкой, которую я привязываю к ниточке. У Муси есть маленький котёнок—девочка по кличке Сима, она её кормит. А ещё она кормит кота Рыжика. Она добрая кошка. Я люблю Мусю!

Анжелика Потылицына, 2 класс

Рыба-Кит

Жил в Ледовитом океане то ли Рыба, то ли Кит. В общем, добрый Рыба-Кит. Жил хорошо: плавал на просторе, отдыхал на льдинах, смотрел представления морских котиков. На льдинах котикам было скучно и холодно, и они стали устраивать цирковые представления.

Рыбе-Киту нравилось смотреть выступления, и он подружился с морскими котиками. Их дружба продолжалась долгие годы.

Дарья Кайкова, 2 класс

Когда я был маленький, я думал, что собаки живут вечно. У меня была собака Кнопа. Она жила у нас, когда мне было шесть лет. Эта собака была очень хорошей. Однажды мама рассказала мне такую

историю. Меня ещё не было на свете, а моего брата Егора мама оставляла в ограде в коляске, а сама уходила в огород. Когда Егор начинал кричать, Кнопа ногой качала коляску с братом, и он успокаивался. Когда брат начинал просыпаться и шевелиться, плакать, собака снова звала маму, поскуливая или тихонько лая. Эта собака была просто незаменимой помощницей моей маме. Я буду помнить её всегда и надеяться, что найду собаку, похожую на мою Кнопу. Она умерла из-за какой-то болезни, но она оставила нам щенят. Один растёт у нас дома. Он уже большой, сильный, красивый. Я иногда останавливаюсь и смотрю на него, походит ли он на свою маму Кнопу. Сейчас этот пёс—мой близкий друг, но Кнопу я не забуду никогда.

Клим Варик, 6 класс

Я жительница маленького села Жеблахты. Здесь очень красивые закаты. Я часто вижу их с крыльца Дома культуры, когда вечером мы гуляем по улице. Один закат был похож на апельсин, а другой—кроваво-красный с оранжевым оттенком. Когда я смотрю на закат, мне становится очень грустно. Однажды я так заскучала по папе, что сфотографировала закат и отправила фотографию своему отцу. Ему тоже очень захотелось домой, в родную деревню, к нам с сестрёнкой.

Кристина Тарасенко, 6 класс

Со мной сегодня приключилась история. Вместе с подружкой мы гуляли по улице и увидели маленького котёнка. Мама и папа разрешили взять кошку в дом. В этот день был праздник—Восьмое марта. Это был подарок для меня и моей сестры. Кошку назвали Маруся. К дому она привыкла сразу и к папе тоже, потому что хозяин дома именно он. И, скорее всего, кошка это почувствовала и так полюбила меня и моего папу. Меня, наверное, за то, что я дала ей тёплую, уютную жизнь.

Кристина Тарасенко, 6 класс

У каждого человека бывают приключения, весёлые и забавные, страшные и опасные. Я хочу рассказать вам интересную историю.

Однажды я гуляла по улице, и вдруг ко мне подбежала небольшая собака. Я сначала испугалась, но по её глазам было видно, что собака меня куда-то зовёт. Она схватила меня за рукав и стала тащить. Я шла за ней и вдруг увидела около куста пять щенков. У одного была повреждена лапка. Я вернулась домой и рассказала всё родителям. Щенка мы забрали и увезли в ветлечебницу, где малышу оказали помощь. Когда щеночка мы привезли обратно, собака была несказанно рада. Эту собаку и её щенков мы долго подкармливали. Эта затесь будет на всю жизнь. Относись к животным как к самому себе.

Алёна Кайкова, 6 класс

Из моей короткой жизни я помню такой случай. Вышли мы под вечер с мамой на улицу, сходили в магазин и купили продукты. Начинало темнеть. И вдруг я увидела закат. Он был такой необычный, из разных цветов. Он полыхал на полнеба. Тогда я не знала, что это закат. Я думала, что это такое необычное небо, красно-оранжевое, жёлто-розовое. Когда подошли к дому, я остановилась и любовалась этой красотой. Потом мы зашли домой, и мне захотелось снова смотреть на эту красоту. Я расплакалась из-за того, что не увижу больше закат. Когда снова выбежала на улицу, увидела, что красивое небо потихонечку исчезает. Тогда я взяла маленькую табуретку, вынесла её на улицу и взобралась на неё, чтобы увидеть весь закат. Но каково было моё разочарование, когда мама объяснила, что закат угасает. А я думала, что он прячется на ночь за горы. Я не забуду эту красоту никогда.

Алёна Кайкова, 6 класс

На нашей реке Ое весной много воды. Привычный летний пляж полностью топит водой, а иногда топит огороды возле реки. В прошлом году было столько много воды, что речка пошла даже через дорогу в другие огороды.

Мы с семьёй живём как раз через дорогу от реки, и у нас затопило огород так, что при желании там можно было купаться. Эта вода стояла в огороде всё лето. Когда вода немного отступила, мы с Максимом взяли тюль и зашли в речку, растянули его и пошли навстречу рыбкам. У нас получилось поймать не только рыбёшек, но и маленькую щучку. Это была настоящая затесь. Я буду помнить об этом всегда. Рыбы мы поймали много и всю её отдали коту.

Кирилл Черемных, 6 класс

стр. 26 **Алейников Владимир Дмитриевич**
Москва/Коктебель, 1946 г. р.

Родился в Перми, детство провёл в городе Кривой Рог на Украине. Поэт, писатель, переводчик, художник. В 1963 году окончил музыкальную школу по классу фортепьяно. Учился на отделении истории и теории искусства истфака МГУ. Основатель и лидер легендарного содружества СМОГ. С 1965 года публиковался на Западе. Более четверти века тексты широко распространялись в самиздате. В восьмидесятых был известен как переводчик поэзии народов СССР. Автор многих книг стихов и прозы — воспоминаний о былой эпохе и своих современниках. Лауреат премии Андрея Белого. Член ПЕН-клуба. С 1991 года живёт в Москве и Коктебеле.

стр. 115 **Ахунзянов Радик Галимзянович**
Менделеевск (Республика Татарстан)

Окончил Казанский государственный институт культуры в 1991 году. Работает в сфере культуры. Состоит в Татарстанском отделении Союза российских писателей. Выпустил сборники стихов: «У Тихих гор» (2006), «Ключ к сердцу» (2007), «Камертон любви» (2010), «Веснушки маленькой реки» (2017). Редактор-составитель нескольких коллективных сборников стихов (альманахов) поэтов Менделеевского района Республики Татарстан.

стр. 3 **Большаков Павел**
Челябинск, 1955 г. р.

Родился в селе Барсуки Чебаркульского района Челябинской области. Окончил Московский государственный университет по специальности «Журналистика» (1983), Российскую академию государственной службы (1999). Выпускник Литературных курсов ЧГИК 2017 года. Член Союза журналистов РФ. Является председателем Ассоциации литературных объединений Челябинской области. Автор книги очерков и публицистики «Предисловие к прошлому» (2019). Как редактор и составитель выпустил три книги: «Виктор Сидой. История торговли Челябинска» (2011), «Юрий Теуш. Возвращение имени» (2016), «Герман Вяткин: 80 лет» (2016). За заслуги в социокультурной деятельности на благо Челябинской области награждён памятной медалью Александра Невского (2017), почётными грамотами ректора ЮУРГУ, министерства образования Челябинской области, главы города Челябинска, губернатора Челябинской области.

стр. 13 **Валеев Марат Хасанович**
Красноярск, 1951 г. р.

Родился в Краснотурьинске Свердловской области. Рос и учился в селе Пятерыжск в Казахстане. Служил в стройбате в 1969–1971 годах, строил военные объекты. После армии работал сварщиком в тракторной бригаде. Окончил факультет журналистики КазГУ имени Аль-Фараби (Алма-Ата). Работал в газетах Павлодарской области «Ленинское знамя» (Железинка), «Вперёд» (Экибастуз), «Звезда Прииртышья» (Павлодар). В 1989 году был приглашён в газету «Советская Эвенкия» (с 1993 года — «Эвенкийская жизнь») на севере Красноярского края, в которой прошёл путь от рядового корреспондента до главного редактора. Написал и опубликовал несколько сотен иронических, юмористических рассказов и миниатюр, фельетонов. Автор и соавтор нескольких сборников юмористических рассказов и фельетонов, прозы и публицистики, изданных в Красноярске, Павлодаре, Кишинёве, Москве. Член Союза российских писателей. С 2011 года живёт в Красноярске.

стр. 102 **Вельвич Максим**
1999 г. р.

Родился в селе Парканы. В 8 лет переехал в село Бычок и там окончил среднюю школу. В 2016 году поступил в промышленно-строительный техникум на факультет «Электрогазосварка». В 18 лет попробовал себя в бизнесе, работал в компании «Орифлейм». Чуть позже, увлёкшись романами современного российского писателя-фантаста Евгения Гаглоева, решил тоже попробовать себя в писательстве. В 19 лет присоединился к ЛИТО «Студия Автор». Окончив в 2019 году техникум, был призван на срочную службу. После армии устроился на работу на завод ЖБИ-6. В начале 2021 года удалось опубликоваться в газете «Приднестровье» с рассказом «Незнакомец». Сотрудничество с газетой продолжается по сей день. В 2021 году принял участие в школе молодого журналиста и опубликовался в российском журнале «Качели».

стр. 84
Дадаев Камиль
Махачкала

Родился в селе Дылым. Увлекаться поэзией стал в детстве, публикуется с 17 лет. Работает в Институте истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН в должности младшего научного сотрудника.

стр. 129
Деревянский Вадим Юрьевич
Макеевка (ДНР), 1969 г. р.

Родился в городе Макеевка (Донецкая область, УССР). По образованию — горный инженер-электромеханик. Работает старшим научным сотрудником в Макеевском НИИ по безопасности работ в горной промышленности. В России публиковался в журналах «Смена» и «День и ночь».

стр. 118
Жарикова Елена Владимировна
Красноярск

В 1993 году окончила Абаканский государственный педагогический институт. Преподаватель литературы. Руководитель «Литературной гостиной». В 1998 году удостоилась звания «Учитель года» (Шарыпово). Участница и финалист многих литературных конкурсов. Стихи и проза публиковались в литературной периодике. Живёт в Красноярске.

стр. 59
Закиров Рашит Назипович
Красноярск, 1956 г. р.

Родился в Норильске. После окончания школы уехал строить Камский автозавод. В 1977 году вернулся в Красноярск, окончил юридический факультет Красноярского госуниверситета. С детства увлекался фокусами, работал на сцене, гастролировал в составе Красноярского театра маленьких чудес. Более 20 лет публиковал кроссворды в краевых газетах, печатал стихи, рассказы, очерки, в «Красноярской неделе» вёл рубрику «Строкой закона», работал на Красноярском БХЗ, ЦБК, «Сибтяжмаше», «КрасТЭКе». В настоящее время на пенсии. Публиковался в журналах и сборниках «Литература Сибири», «Поэзия на Енисее», «Проза Сибири и Дальнего Востока», «Провинциальная проза. XXI век», «День и ночь». Издал книгу стихов и рассказов «Кора и лист».

стр. 173
Замышляев Владимир Иванович
Красноярск, 1938 г. р.

Родился в Петрозаводске. Детство провёл в Сусанинском районе Костромской области. По окончании средней школы работал на заводе, служил в армии. Окончил Ленинградский институт культуры. По окончании института приехал в Красноярск. Работал директором краевого Дома народного творчества, в краевом управлении культуры, в краевом Совете профсоюзов. В 1978–1983 годах работал директором Красноярского книжного издательства и зам. главного редактора журнала «Енисей». Окончил Академию общественных наук (Москва). Кандидат философских наук. После академии находился на партийной работе, преподавал в Красноярском институте искусств. С 1991 года — в Сибирском аэрокосмическом университете имени М. Ф. Решетнёва. Автор четырёх поэтических сборников, публицистических книг «Философия выбора» и «Енисей — река свободы», соавтор более 20 коллективных сборников, альманахов поэзии и книг публицистики. Печатался в журналах «Енисей», «Звезда», «День и ночь», «Книжное обозрение» и др. Профессор СибГАУ, заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей и Союза журналистов России, член-корреспондент Академии гуманитарных наук (СПб).

стр. 23
Заславская Елена Александровна
Луганск, 1977 г. р.

Поэт, публицист, детская писательница. Родилась в Лисичанске. Пишет на русском и украинском языках. Автор книг «Эпоха моей любви», «Мамині сльози», «Инстинкт свободы», «Бдыщь-мен и Ко», «Год войны», «Необыкновенные приключения Чемоданте, Чи-Беретты и Пончика». Публиковалась в интернет-изданиях и периодике, в том числе в антологии-энциклопедии «15 веков русской поэзии», сборниках «Час мужества», «Ожог», «Русская весна», «Строки мужества и боли», «Время Донбасса», «Выбор Донбасса», «Воля Донбасса», «Работайте, братья», альманахе «Крылья» (Луганск) и др. Лауреат II Корнейчуковского фестиваля детской литературы (гран-при, 2014), Международной литературной премии имени С. Есенина «О Русь, взмахни крылами…» (2015) в номинации «Слово Победы», Международной литературной премии имени Павла Беспощадного «Донбасс никто не ставил на колени» (2016), Всероссийского литературного фестиваля фестивалей «ЛиФФт» (2017). На отдельные стихотворения были созданы песни. Стихотворения переведены на немецкий, французский, испанский, английский, литовский и болгарский языки.

стр. 33
Ивонин Андрей
Москва, 1959 г. р.

Родился в Москве. С 1984 года работает в театральной сфере, в настоящее время — в московском театре «Эрмитаж» заведующим художественно-постановочной частью. Член Союза писателей XXI века, ЮРСП и Московского союза литераторов, член Союза театральных деятелей РФ. Почётный работник культуры города Москвы. Публикации в литературных журналах и альманахах: «Эрфольг», «Новая литература», «Зарубежные задворки», «Зинзивер», «Южное сияние» и др. Автор сборников стихов «Слово» (2008), «Начало»

(2015), «Повторенье пройденного» (2018), «Говори со мной» (2019), «Только стихи» (2021). Лауреат Большой международной литературной премии «Серебряный стрелец» (2011), национальной литературной премии «Поэт года» (2016), VII Международной поэтической премии «Образ» (2019).

стр. 186

Игнатова Наталья Юльевна

Донецк

Журналист, писатель, литератор-пейзажист, поэт-песенник, член МСП. Публикации в литературных журналах и альманахах «Нева», «Камертон», «Берега», «9 Муз», «Артбухта», «Белая скала», «Крым» и других. Лауреат нескольких международных литературных премий.

стр. 183

Ищенко Нина Сергеевна

Луганск

Кандидат философских наук, культуролог, литературный критик. Редактор сайта луганской культуры «Одуванчик». Член Союза писателей ЛНР с 2018 года. Член Философского монтеневского общества Луганска. Автор книги литературно-критических статей «Локусы и фокусы современной литературы» (2020), а также книг «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой. Луганск-2014» (2020).

стр. 50

Кузичкин Сергей Николаевич

Красноярск, 1958 г. р.

Родился в Тайшете Иркутской области. Первый рассказ «Совсем простая история» был напечатан в местной газете «Заря коммунизма» 2 января 1980 года. В 1979–1983 годах входил в состав литературного клуба «Бирюса». Печатался в центральных газетах, в городских, районных и многотиражных газетах Иркутской области, Красноярского и Алтайского краёв, в коллективных сборниках столичных издательств, в журналах «Енисей», «День и ночь», «Новое и Старое» (Красноярск), «Луч» (Ижевск), «Мир Севера» (Москва), «Соотечественник» (Берген, Норвегия), в еженедельниках «Литературная Россия» (Москва), «Обзор» (Чикаго). Автор трилогий «Избранники Ангела» и «Времена и Бремена», а также сборника стихов и нескольких книг повестей и рассказов. В 2005 году окончил Высшие литературные курсы в Литературном институте имени А. М. Горького в Москве. В 2006 году в московском издательстве «Амадеус» отдельной книгой вышел роман «Андрей + Наташа». Лауреат «Московского Парнаса» за 2006 год в номинации «Проза». Лауреат Всероссийского конкурса литературного творчества «Золотой листопад — 2008» (Иркутск), дипломант международного литературного конкурса по детской литературе имени А. Н. Толстого (2009). С 2006 года — автор проекта и редактор альманаха прозы, поэзии и публицистики «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), детского альманаха «Енисейка» и ряда приложений. Член Союза писателей России.

стр. 81

Кулатаев Марат

Тараз (Казахстан), 1960 г. р.

Окончил санитарно-гигиенический факультет Карагандинского государственного медицинского института. По специальности — санитарный врач. Живёт и работает в городе Тараз. Публиковался в журналах «Кольцо „А“», «Нева», «Нива», «Книголюб», интернет-журналах. Автор семи сборников рассказов.

стр. 5

Ломтев Александр Алексеевич

Саров, 1956 г. р.

Родился в селе Пузо (ныне Суворово) Нижегородской области. После окончания школы работал инструктором служебного собаководства, киномехаником, мастером по сложной бытовой технике, электромонтёром. Окончил Арзамасский педагогический институт (факультет русского языка и литературы). Основал несколько газет: «Саров», «Саровская пустынь», «Знай наших». Являясь их учредителем и главным редактором, как журналист, специализирующийся на «горячих точках», побывал в Чечне, Приднестровье, Абхазии, Косове, Боснийской Сербии, Южной Осетии; во время кризиса был у стен Белого дома, позже освещал происшествие в «Норд-осте». Публиковался во многих федеральных СМИ России, в том числе в литературных журналах «Роман-журнал XXI век», «Сибирские огни», «Север», «Южная звезда», «Дальний Восток» и др. Автор книг «Путешествие с ангелом», «Ундервуд». Повесть «Ичкериада» стала победителем конкурса «Имперская культура» Союза писателей России. Лауреат нескольких журналистских и литературных премий. Председатель общероссийской медийной организации «Клуб главных редакторов региональных СМИ России». Член правления Нижегородского отделения Союза писателей России.

стр. 123

Лузин Олег Алексеевич

Назарово, 1972 г. р.

Родился в городе Джезказган Карагандинской области (Казахстан). Семья переехала жить в Сибирь, в город Назарово Красноярского края. Здесь окончил школу. Учился в Кемерово в институте культуры, получил высшее образование по специальности «Культурно-просветительная работа». Работал в клубе, на телевидении, сейчас работает в системе образования города Назарово. Участник литературного конкурса имени И. Рождественского.

стр. 92

Лютый Вячеслав Дмитриевич

Воронеж, 1954 г. р.

Родился в городе Легница Польской Народной Республики, в семье советского офицера. Окончил

Воронежский политехнический институт и Литературный институт имени А. М. Горького (1993, семинар критики), учился в аспирантуре. Служил в армии, работал радиоинженером, звукооператором театра драмы, заведующим московской редакцией журнала «Континент», инкассатором, менеджером коммерческого банка. В настоящее время — заместитель главного редактора журнала «Подъём». Литературный и театральный критик, публицист. Ведущий рубрики «Литературная критика» журнала «Гостиный Дворъ». Публиковался в журналах «Детская литература», «Подъём», «Сура», «Дон», «Донской временник», «Русское эхо», «Коростель», «Наш современник», «Москва», «Дом Ростовых», в альманахах «Тёплый стан», «Академия поэзии», а также в газетах «Завтра», «Литературная Россия», «Литературная газета», «День литературы», «Российский писатель». Автор ряда статей о постмодернизме и его российской литературной практике, цикла работ о современной русской поэзии. Автор нескольких книг о современной литературе: «Русский песнопевец» (2008), «Терпение земли и воды», «Сны о любви и верности». Лауреат премии Общественной палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры», премий журнала «Подъём» «Русская речь» (2004), альманаха «Ковчег» (2008), Всероссийского конкурса литературной критики «Русское эхо» (2009), премии Союза писателей России «Слово-17» и ряда региональных литературных премий. Председатель совета по критике Союза писателей России. Живёт в Воронеже.

стр. 105
Мамаева Альбина Романовна
Красноярск

Родилась на Ангаре, в деревне Дворец Кежемского района Красноярского края. Долгое время работала в Туруханске. Публикации в журнале «День и ночь».

стр. 111
Минин Евгений Аронович
Иерусалим (Израиль), 1949 г. р.

Поэт, пародист, издатель. Ответственный секретарь «Иерусалимского журнала». Родился в городе Невель Псковской области. Окончил Витебский станко-инструментальный техникум (1968). Служил в войсках ПВО (1968–1970). После службы в армии окончил Ленинградский политехнический институт (1976) и работал мастером, начальником цеха на Витебском заводе часовых деталей, преподавателем в средней школе. Живёт в Иерусалиме с 1990 года. Стихи, пародии и проза печатаются в израильских, американских, европейских, российских журналах и газетах. Ведущий пародийной рубрики в «Литературной газете». Лауреат Третьего поэтического фестиваля памяти Поэта (Израиль), победитель конкурса поэзии издательства «Олма-медиагрупп». Главный редактор журнала «Литературный Иерусалим». Член редколлегии журнала «День и ночь».

стр. 96
Муханов Игорь Леонидович
Уймонская долина (Алтай)

Поэт, прозаик, собиратель волжского, бурятского и алтайского фольклора. Окончил Самарский государственный университет по специальности «Физика» и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького. Член Союза писателей России, член правления Союза писателей Республики Алтай. Автор 12 книг стихов и прозы. Лауреат национальной премии в области литературы, учреждённой Традиционной буддийской Сангхой России (2012), литературной премии имени Сергея Есенина «Русь моя» (2016), обладатель гран-при Петровской Академии наук и искусства (2019). Печатался в «Литературной газете», журналах «Дружба народов», «Нева», «Урал», «Сибирские огни», «Дальний Восток» и ряде других.

стр. 20
Орлов Александр Владимирович
Москва, 1975 г. р.

Окончил Московское медицинское училище №1 имени И. П. Павлова, Литературный институт имени А. М. Горького и Московский институт открытого образования. Работал ортопедом в челюстно-лицевом госпитале для ветеранов Великой Отечественной войны, разнорабочим, начальником отдела и заместителем генерального директора в частной компании, последние годы работает учителем истории в столичной школе. Автор нескольких книг стихов и прозы. Лауреат нескольких всероссийских литературных премий. Публиковался в широком круге изданий: «День и ночь», «Дети Ра», «Зинзивер», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Литературная учёба», «Сибирские огни», «Южное сияние», «Юность», в сборниках и антологиях.

стр. 85
Погасий Олег Леонидович
Санкт-Петербург, 1955 г. р.

Родился в Ленинграде. Окончил политехнический институт. Несколько его рассказов были опубликованы в коллективных сборниках издательства «Бёркхаус». Многие очерки, статьи, переводы публиковались в журналах и газетах России, Украины, Литвы, Израиля.

стр. 112
Пономарёв Владимир Валентинович
Красноярск, 1960 г. р.

Родился в Красноярске. Учился в средней школе, параллельно занимаясь музыкой. Готовился к поступлению на литфак, но после конфликта с учителями (срывал политизированные классные часы, не был принят в комсомол) вынужден был уйти из школы после восьмого класса и поступить

в Красноярское училище искусств на теоретическое отделение. Окончив училище, поступил в Новосибирскую консерваторию имени Глинки на теоретико-композиторский факультет. По окончании консерватории вернулся в Красноярск и с того момента по сей день работает в Институте искусств на кафедре теории музыки и композиции. Композитор, член СК РФ, лауреат Всероссийского конкурса композиторов, кавалер ордена Святого Даниила Московского за заслуги перед Отечеством и церковью (орден получил за деятельность в качестве церковного музыканта (регента), композитора и редактора церковно-певческих сборников). Параллельно писал и публиковал стихи. Первая публикация была в газете «Красноярский комсомолец» в рубрике «МоноЛит» в начале 90-х. Впоследствии стихи автора периодически печатались в различных альманахах и сборниках стихов сибирских поэтов. В 2015–2016 годах выпустил три сборника стихов, написанных в разные годы.

стр. 126
Попов Артём Васильевич
Северодвинск, 1980 г. р.

Родился в Северодвинске. В 1997 году поступил на филологический факультет Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Ещё студентом в 2000 году начал сотрудничать с Северодвинской городской общественно-политической газетой «Северный рабочий» как внештатный корреспондент, завершил работу в редакции в 2008 году заведующим отделом информации. В 2004 году принят в Союз журналистов России. С 2008 по 2018 год работал в администрации Северодвинска консультантом, заместителем начальника отдела по связям со СМИ, пресс-секретарём мэра Северодвинска. В настоящее время — пресс-секретарь совета депутатов Северодвинска. Прозу начал писать с 2016 года. В 2018 году в Северодвинске выпустил книгу рассказов и зарисовок «Счастье прошедшего времени». В 2020 году в издательстве «Лоция» (Архангельск) вышла книга рассказов и зарисовок «Избачиха». В феврале 2020 года принят в Союз писателей России. Лауреат ряда всероссийских литературных конкурсов. Лауреат литературной премии Главы Северодвинска и Совета депутатов Северодвинска «Никольское устье» (за книгу «Счастье прошедшего времени», 2020).

стр. 141
Саввиных Марина Олеговна
Красноярск, 1956 г. р.

Поэт. Публицист. Педагог. Автор более десятка книг стихов, прозы, художественной публицистики. Лауреат премии Фонда имени В. П. Астафьева (1994), Всероссийского конкурса поэзии и малой прозы имени С. С. Бехтеева (2014), X Всероссийского поэтического конкурса «Мечети — Божьи храмы» (2016). Награждена орденом Достоевского I степени и медалью «Василий Шукшин». Обладатель высшей награды Всеславянского литературного форума «Золотой Витязь» (2020). Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Красноярского края. Председатель издательского совета РИЦ «День и ночь».

стр. 35
Соловьёва Виктория Гелиевна
Красноярск, 1965 г. р.

Родилась в Красноярске. Окончила Красноярский институт цветных металлов по специальности «Металловедение и термическая обработка металлов» и Московский государственный технологический университет «СТАНКИН» по специальности «Системотехника». Стихи впервые появились в литературном альманахе «Нижегородский литератор» (№7/2012), позднее — в различных литературных альманахах и коллективных сборниках. Лауреат конкурса имени И. Д. Рождественского (2019), номинация «Поэзия». Лауреат международного конкурса «Поэзия ангелов мира» (2020).

стр. 133
Смирнов Михаил Михайлович
Москва, 1953 г. р.

Родился в селе Есаулово Красноярского края. В 1975 году окончил Ленинградский финансово-экономический институт. Сорокалетнюю трудовую и служебную деятельность проходил в Иркутской области, Липецке, Нижегородской, Московской и Мурманской областях и Москве. Участник боевых действий в Республике Афганистан в 1981–1983 годах. Работал в промышленной, финансовой и банковской сферах, являлся государственным военным и государственным гражданским служащим. С 2004 года живёт в Москве, в настоящее время пенсионер. Полковник в отставке. Имеет государственные и общественные награды. Прозаик, член Союза писателей России с 2014 года, состоит на учёте в Московской городской организации СП России. Автор 24 романов в 34 томах, изданных в Москве, Уфе, Южно-Сахалинске и Екатеринбурге. Наиболее известные из них: «Сокровища Белого моря», «Жертва», «Набат тишины», «Венский узел», «Конечный бенефициар», «Тайны Сахалина».

стр. 20
Сухов Валерий Алексеевич
Пенза, 1959 г. р.

Родился в селе Архангельском Пензенской области. Окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института имени В. Г. Белинского и аспирантуру при Московском педагогическом университете (1997, тема диссертации: «Сергей Есенин и имажинизм»). Работал учителем в сельской школе, преподавателем в педагогическом училище, с 1988 года — на кафедре литературы и методики Пензенского государственного педагогического

университета, доцент. В сфере научных интересов—история русской литературы XX века, русский имажинизм, творчество С. Есенина и А. Мариенгофа, автобиографическая и мемуарная русская проза XX века. Автор монографии «Очерки о жизни и творчестве Анатолия Мариенгофа» (2007), шести поэтических книг: «Вербное воскресенье», «Благословение», «Неопалимая полынь», «Родное Архангельское» и др. Стихи публиковались в журналах «Сура», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Подъём», «Русское эхо», «Странник», «Простор», «Нижегородская провинция», в «Литературной газете». Лауреат Всероссийской премии имени М. Ю. Лермонтова (2009), Международной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами…» (2010). В 2015 году награждён памятной медалью «Сергей Есенин». Член Союза писателей России.

стр. 73 **Тимченко Николай Николаевич**
п. Имбинский (Красноярский край), 1950 г. р.

Родился в предгорье Саян в Красноярском крае. Окончил Красноярский педагогический институт. Автор трёх поэтических сборников. Проза печаталась в альманахах «Истоки» (Москва, «Перо»), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск). Лауреат премии Игнатия Рождественского в номинации «Я себя не мыслю без Сибири» за 2014 год.

стр. 38 **Толстиков Николай Александрович**
Вологда, 1958 г. р.

Родился в городе Кадникове Вологодской области. После службы в армии работал в районной газете. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького в 1999 году (семинар Владимира Орлова) и Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Священник храма Святителя Николая во Владычной слободе Вологды. Публиковался в российских и зарубежных периодических изданиях, сборниках. Автор книг «Пожинатели плодов», «Без креста», «Лазарева суббота», «Приходские повести». Награждён медалью Василия Шукшина, учреждённой Союзом писателей России. Член Союза писателей России.

стр. 29 **Филиппов Сергей Владимирович**
Москва, 1953 г. р.

Окончил Московский институт химического машиностроения (МИХМ). Инженер-механик. Печатался в журналах «Южная звезда», «Дальний Восток», «Берега», «Балтика», «45-я параллель», «Фабрика Литературы», «Вторник», «Дарьял», «Приокские зори», «Ковчег», «Зарубежные задворки», «Чайка», «Новый день», «Истоки», «Литкультпривет», «Иван-да-Марья», «Великороссъ», «Камертон», «Нижний Новгород», «Земляки», «Арина», «МОЛОКО», «Нёман», «Подъём» и др.

стр. 18 **Янжула Анатолий Андреевич**
Красноярск, 1947 г. р.

Родился в Красноярске. Окончил железнодорожный техникум. Начал писать во время службы в армии, будучи внештатным корреспондентом газеты Тихоокеанского флота «Боевая вахта». С 1995 года—постоянный автор журнала «День и ночь». В альманахе «Енисей» напечатана повесть «Миг войны». Отдельными книжками выходили повесть «Дядька Фёдор» и сборник рассказов «Обстоятельства жизни». В 1999 году принят в Союз писателей России. Работал в Управлении Федеральной почтовой связи по Красноярскому краю. Член правления КРО СП России.

ДиН ГАЛЕРЕЯ

Художники Урала, Сибири и Дальнего Востока—красноярцам и гостям столицы края

С 13 сентября по 3 октября 2022 года в Красноярском МДВЦ «Сибирь» проходила Юбилейная художественная выставка Регионального отделения Урала, Сибири и Дальнего Востока Российской академии художеств. На выставке, объединившей творческие поиски совершенно разных художников, школ, течений, и направлений, большую часть экспозиции заняли произведения академиков и членов-корреспондентов РАХ, ведущих в настоящее время активную творческую деятельность. Здесь же были представлены работы ушедших из жизни членов академии, произведения которых уже считаются классикой. Выставка вызвала большой интерес у красноярцев и гостей столицы края. Сотрудники журнала «День и ночь» подготовили небольшой фоторепортаж с выставки, который размещён на обложке. Фотографии картин публикуются с любезного разрешения организаторов.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. Н. Наговицын

РЕДАКТОРЫ

Марина Наумова-Саввиных

Дмитрий Косяков

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК

Олег Наумов

КОРРЕКТОР

Андрей Леонтьев

Журнал издаётся с 1993 года.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Учредитель:

Агентство печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

Адрес: 660009, г. Красноярск, ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издатель:

Краевое государственное автономное учреждение «Организационно-методический Медиацентр»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Александр Астраханцев
Красноярск

Наталья Ахпашева
Абакан

Юрий Беликов
Пермь

Михаил Бондарев
Калуга

Елена Буевич
Черкассы

Лидия Довыденко
Калиниград

Вера Зубарева
Филадельфия

Александр Кердан
Екатеринбург

Сергей Кузнечихин
Красноярск

Андрей Лазарчук
Санкт-Петербург

Евгений Минин
Иерусалим

Миясат Муслимова
Махачкала

Александр Орлов
Москва

Олеся Рудягина
Кишинёв

Анна Сафонова
Южно-Сахалинск

Лидия Сычёва
Москва

Андрей Тимофеев
Москва

Владимир Шемшученко
Санкт-Петербург

Нина Ягодинцева
Челябинск

В оформлении обложки использованы картины Константина Кузьминых.

Рукописи принимаются по электронной почте: dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя:
660049, г. Красноярск,
ул. Красной Армии, 22;
Медиацентр
т. +7 950 991 4349

Наш сайт: krasdin.org

Подписано к печати: 10.11.2022
Дата выхода в свет: 30.11.2022
Тираж: 1200 экз.

Цена свободная

Журнал выходит 6 раз в год

Отпечатано ИП Азарова Н. Н.
в типографии «Литера-принт»
г. Красноярск, ул. Гладкова,
д. 6, офис 0-10, т. +7 904 895 0340
эл. почта: 2007rex@mail.ru

16+

Владимир Листровой (Приморский край) | Северный порт. Спят корабли | 2019

Владимир Листровой (Приморский край) | Бурятия. Баргузинская долина в ожидании света | 2022